

BALETS RUSSES

Матильда
Кшесинская

ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АРТ»

Матильда
Кшесинская

ВОСПОМИНАНИЯ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АРТИСТ. РЕЖИССЕР. ТЕАТР»
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС
«КУЛЬТУРА»
1992

ББК 85.335.42
К97

Серия основана в 1992 году

Подготовка текста,
комментарии и подбор иллюстраций
И. Клягиной

Предисловие В. Гаевского

Художник серии В. Андреев

К 490700000—729 без объявл.
174(03)—92

ISBN 5—87334—066—8

© Подготовка текста, комментарии.
И. Клягина. 1992 г.

К читателю

Воспоминания Матильды Кшесинской впервые вышли в Париже на французском языке в 1960 году, затем на английском языке в Лондоне в том же году. Перевод с французского на английский выполнил известный балетный критик Арнольд Хаскелл, и он же, вероятно, озаглавил воспоминания прима-балерины Императорского Мариинского театра «Танцюя в Петербурге». Французский текст назывался скромнее: «Воспоминания Кшесинской». Автором и французских, и английских воспоминаний — так написано на обложках книг — является Светлейшая княгиня Мария Красинская-Романовская, что послужило поводом к различным недоразумениям при библиографических описаниях этих книг на каталожных карточках.

Если судить по библиотечному штампу, то в 1973 году (через два года после кончины М. Кшесинской в Париже) в Отделе № 13 Государственной библиотеки им. В. И. Ленина появился машинописный экземпляр воспоминаний балерины на русском языке, с поправками, сделанными, по всей видимости, ее рукой, с многочисленными вставками и дополнениями, отпечатанный в старой орфографии, с сохранением заглавных букв в написании всех титулов, существовавших в императорской России. Эту последнюю особенность в тексте мы сохраняем, чтобы не нарушать общего духа книги, не заменять отношения М. Кшесинской к атрибутам власти своим собственным. Машинописный экземпляр воспоминаний озаглавлен очень просто: «Матильда Кшесинская. Воспоминания». Этот вариант мы и предпочитаем всем остальным. Титул Светлейшей княгини Матильда Феликсовна Кшесинская получила в поздние годы, уже в эмиграции, и у читателя есть возможность узнать об этом от нее самой.

В текстах трех версий воспоминаний М. Кшесинской расхождений немного. При переводе были сделаны небольшие сокращения и некоторые перестановки, но практически сохранена последовательность глав, изменилась лишь их нумерация. Не вошли в текст несколько отрывков, самый интересный из которых — воспоминания Г. Марра — помещен в настоящем издании, в конце, как приложение.

В книге использованы материалы театральных музеев Москвы и Петербурга.

Приносим благодарность Отделу № 13 Государственной библиотеки им. В. И. Ленина за предоставление возможности подготовить русский текст к публикации.

МАДАМ СЕМНАДЦАТЬ

Мемуары М. Кшесинской, впервые печатающиеся на русском языке, представляют интерес уже потому, что мы мало что знаем о личности этой полулегендарной, но и ославленной балерины. Все слышали о ее петербургском особняке и о том, что она была «наложницей» (уместнее сказать: подругой) наследника престола. Меньше известно, что, побывав еще в одной сомнительной ситуации, интимными узами соединявшей театр и двор, Кшесинская вышла замуж за великого князя, кузена царя, и из героини скандальной хроники 90-х годов стала вполне легитимной героиней хроники великосветской. И лишь просвещенные любители балета имеют представление о том, что при всех фантастических перипетиях ее судьбы и в 90-х, и в 900-х, и в 10-х годах Кшесинская была выдающейся, может быть великой, балериной. О ней с восторгом отзывались лучшие русские балетные критики — Аким Вольтский и Андрей Левинсон. О ней с восхищением вспоминали танцовщицы следующего поколения — Тамара Карсавина и Елизавета Гердт. Ее любили петербургские зрители, и не только титулованные балетоманы. Секрет ее очарования ушел вместе с ней, хотя многое можно понять, читая посвященную ей главу книги В. Красовской «Русский балетный театр начала XX века». В. Красовская впервые нарушила табу, впервые за пятьдесят лет рассказала о Кшесинской и увлекательно, и научно. Мы отсылаем читателя и к этой книге, и к этой главе. От своего имени добавим лишь минимум необходимых суждений.

Коротко скажем так: Кшесинская — это императорский балет, это ослепительно яркое олицетворение императорского балета. Уходя с исторической сцены, петербургский императорский балет нашел в Кшесинской свою сторонницу, свою заступницу, пришедшую, чтобы отстоять и спасти то, что можно отстоять и спасти, чтобы влить свежую кровь в увядающее и обреченное искусство. В широком смысле, имея в виду художественное сознание прежде всего, Матильду Кшесинскую можно назвать балериной-монархисткой. Не только потому, что балет Петербурга был тесно связан с монархией и петербургским двором, а потому, что в ее — Кшесинской — представлении сам был монархией, и она царствовала в нем самодержавно. Это длилось недолго, всего несколько лет, Кшесинская ушла на пенсию (иными словами: отреклась от престола) полная сил, как только взошла звезда Анны Павловой, а с ней утвердился новый исполнительский канон, свободный от идео-

логии императорского балета. Кшесинская, впрочем, не теряла формы еще не один сезон, выступала в спектаклях, устраивала турне и даже в 1936 году, в возрасте шестидесяти четырех лет, приняла участие в лондонском благотворительном концерте. Она любила сенсации, умела поражать мир и уступать сцену кому бы то ни было совсем без борьбы не мыслила, не считала возможным.

Что же такое ее стиль и какую традицию она олицетворяла? Если пользоваться бытовым словарем, то первые слова, приходящие на ум, это: царственность, аристократичность, порода, а стало быть, холодная строгость манер, которая делала Кшесинскую столь убедительной в старинном балете «Дочь фараона». Это был ее любимый балет, а роль Аспиччии — ее коронная роль, как, впрочем, и Лиза в «Тщетной предосторожности», и Эсмеральда, что не должно удивлять, потому что императорский канон включал в себя умение играть не только надменных принцесс в бриллиантовых диадемах, но и кокетливых барышень в пейзажных чепцах и простодушных простолюдинок. Такова была дань, которую петербургский классицистский балет платил неизжитому сентименталистскому прошлому своему, а также тем нормам придворной эстетики, которые сложились в далекие времена, когда королева Франции Мария-Антуанетта доила в Версале коров своими белоснежными, увитыми жемчугом руками.

Можно высказать и более резкую мысль: петербургский императорский балет смыкался с тем, что когда-то составляло патетический смысл парижского театра бульваров. Жанр, который Кшесинская предпочитала всем другим, — старый жанр мелодрамы. Мелодрама чуждалась артистической изощренности и психологической глубины, а требовала грубоватой эмоциональной силы. Кшесинская была создана для такого рода ролей, что и объясняет неизменный успех ее выступлений и самой классической мелодраме балетного театра всех времен — в «Эсмеральде».

Если добавить к этому врожденную жизнерадостность, яркий темперамент и скрытый в академическом танце мощный эротический подтекст, то станет понятным, почему так тянулись к ней вялые великие князья и почему именно Кшесинская вытеснила с петербургской сцены итальянских гастролерш, блестящих, но и бесстрастных миланских виртуозок.

Но чтобы это произошло, Кшесинская должна была научиться делать то, что умели делать только они. И она научилась, а в парижской своей жизни научила этому своих учениц, знаменитых европейских балерин с русскими эмигрантскими именами.

Манера танца Кшесинской и ее актерская игра были архаичными, как те балеты, в которых она танцевала. Но ее техника — техника наших дней, и именно ее технический гений приводил в восторг всех без исключения зрителей Мариинского театра.

Виртуозная техника — техника жизни — вообще отличала ее и за кулисами театра, и при дворе, и в отношениях с сослуживцами, и в отношениях с царствующим домом. В ней ничего не было от вульгарной выскочки, от мадам Сен-Жен, но многими чертами своими она напоминала Марину Мнишек.

Полька по крови, Матильда Феликсовна Кшесинская прожила в буквальном смысле мафусаилов век (даты жизни: 1872—1971), до конца своих дней сохранив твердую память, ясность ума и даже, о чем свидетельствуют все знавшие ее, царственную повадку. Удары судьбы не согнули ее. В небольшом домике в парижском предместье она принимала нечестных гостей со спокойным радушием, не разрешая себе ни жалоб, ни слез, ни горестных сожалений. «Мадам Семнадцать» — так звали ее в европейских казино, где она играла в рулетку и всегда ставила на число семнадцать. Она была убеждена, что это число должно принести ей удачу. Игроком она была расчетливым, любила выигрывать, умела проигрывать и, вставая из-за стола после проигрыша, улыбалась как ни в чем не бывало. Конечно же, она совершила ошибку, поставив на Романовых и на власть. Даже ее материнская судьба оказалась незавидной. Но в одном она не ошиблась: число семнадцать сыграло в ее жизни роковую роль. Весной семнадцатого года она лишилась особняка, а осенью — театра, города и России.

Несколько десятилетий спустя Кшесинская — вместе со своим мужем — взялась за перо. Была написана весьма интересная книга воспоминаний. И если не следует принимать на веру все, что Кшесинская считает нужным сказать о своей театральной карьере и о способах быстро продвинуться из кордебалета вверх, заняв положение могущественной прима-балерины, то бытовым зарисовкам Кшесинской не верить нельзя, она точна в подробностях, как умели быть точными многие литераторы-эмигранты. Описывает Кшесинская то, что знает, то, к чему лежала ее душа с ранних девичьих лет, а именно образ жизни и, косвенно, образ мысли августейших особ — недаром так много великих князей мелькает на страницах ее воспоминаний. Даже к старости Кшесинская сохранила весь свой пиетет по отношению к титулам и представителям царствующего дома. В результате мы имеем возможность проникнуть в замкнутый мир, для которого хорошо продуманный ужин у Кюба, а тем более вещичка от Фаберже, значили бесконечно больше, нежели томик стихов Блока. Впрочем, о поэзии Блока мало кто слышал в этом кругу. Как, впрочем, о прозе Бунина, симфониях Скрябина, портретах Сомова или даже близкого к балетному театру Бакста. Зимний дворец при Николае II отделил себя от русской культуры непреодолимой стеной. И это одна из причин, почему в конце концов в Зимнем дворце появились опоясанные пулетными лентами матросы.

В. Гаевский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои воспоминания я написала уже несколько лет тому назад, но печальные обстоятельства не позволили мне издать их раньше.

Когда я их закончила, Великая Княгиня Мария Павловна, сестра Великого Князя Дмитрия Павловича, которой я о них поведала, взяла их на прочтение. Она ими заинтересовалась и предложила заняться их изданием и переводом на английский язык, которым она владела в совершенстве. Она также выразила желание написать предисловие, в доказательство своей дружбы ко мне и чтобы подчеркнуть, как она говорила, что в семье меня не считают чужой.

В течение года мы совместно работали над окончательным редактированием воспоминаний, и она уже приступила к переводу. Но состояние здоровья не позволило ей довести работу до конца, и она вынуждена была от нее отказаться. Теперь ее нет в живых. Она скончалась в декабре 1958 года и покоится рядом со своим братом, Дмитрием, в склепе в имении сына, графа Бернадотта, в Майнау, в Германии.

За последние годы жизни силы моего мужа, Великого Князя Андрея Владимировича, начали сдавать, и мы не могли как следует заниматься изданием. К тому же в 1956 году я вторично сломала себе ногу и более шести месяцев пролежала прикованной к постели. Осенью того же года Господу Богу угодно было призвать к себе Андрея, и, потрясенная горем, я была не в состоянии что-либо делать.

Мои воспоминания я написала в тесном сотрудничестве с Великим Князем, и те, кто ознакомились с русским текстом, отдали должное его работе. Без него я вряд ли бы смогла написать их.

Глава первая

СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Мы в детстве часто слышали от отца рассказ о происхождении нашего рода от графов Красинских. Семейное предание передавалось изустно от отца к сыну с XVIII века и сохранило живые краски. Но никому не пришлось в голову записать его на свежую память со всеми яркими подробностями, и только теперь, с помощью брата и сестры, мне удалось отчасти восстановить

рассказ отца так, как мы его слышали и как он сам, вероятно, слышал от нашего деда.

Героем событий был наш прадед, а дед лишь нес на себе тяжесть их последствий. Мы же все слушали историю наших предков с особым интересом, так как она определила нашу судьбу: благодаря тому, что произошло за полтора века до нашего рождения, создалась театральная династия Кшесинских, последними представителями которой являемся я и семья моего брата.

И дед, и отец пытались восстановить утерянные права, но это удалось лишь мне после смерти отца.

События, о которых рассказывал отец, произошли в первой половине XVIII века в Польше. Мой прапрадед, как старший в роде, унаследовал от своего отца, графа Красинского, крупное состояние, а его единственный младший брат получил лишь небольшую долю. Прапрадед вскоре после получения наследства овдовел и от тоски по любимой жене умер, оставив моего деда, Войцеха, на попечение преданного французского воспитателя. К осиротевшему двенадцатилетнему мальчику перешли обширные владения и крупное состояние графов Красинких.

Его дядя, считавший себя обездоленным и стремившийся захватить наследство Красинских, решил избавиться от Войцеха с помощью наемных убийц. Один из них, мучимый совестью, рассказал об этом воспитателю Войцеха, и тот решил, что единственным средством уберечь мальчика было немедленное бегство из Польши, где ему грозила опасность, во Францию. Собрав наспех кое-какие документы и то, что можно было захватить с собою, не привлекая внимания, француз бежал со своим воспитанником в 1748 году на родину и поместил мальчика в своей семье, имевшей дом под Парижем, в Нейи. Из предосторожности он записал Войцеха под именем Кшесинского, принадлежавшем ему, по-видимому, по женской линии.

После смерти воспитателя Войцех остался в Париже и там женился в 1763 году на польской эмигрантке, Анне Зиомковской. В 1770 году у них родился сын Ян. Когда он счел, что опасность миновала, мой прадед вернулся с сыном в Варшаву. На родине выяснилось, что за время его полувекового безвестного отсутствия дядя выдал его за умершего и таким путем получил в наследство все имущество графов Красинских. Попытки прадеда вернуть себе состояние своего отца остались тщетными, так как в поспешности бегства воспитатель не захватил с собою все необходимые документы. Между тем в Польше из-за войн и внутренних беспорядков погибло в огне и было утеряно много архивов, особенно церковных. Восстановить права прадеда в этих условиях оказалось невозможным. Прадед все же имел некоторые документы, которые хранил в отдельной шкатулке, придавая им особую цену; шкатулку эту он завещал моему деду Яну. «Береги ее как зеницу ока, после моей смерти она откроет тебе иной путь», — часто говорил дед моему отцу. Но мой отец, по своей доверчивости, не мог ее уберечь: один

из родственников уговорил его передать ее ему для хранения в безопасном месте, и шкатулки потом не вернул. Куда она исчезла и что с ней случилось, установить оказалось невозможно. Единственное, что сохранилось у моего отца в доказательство его происхождения, было кольцо с гербом графов Красинских, так называемый геральдический «слеповронок». Описание его имеется в польском гербовнике: «На лазуревом поле серебряная подкова, увенчанная золотым крестом. На нем черный ворон с золотым перстнем в клюве. На щите графская корона, шлем, дворянская корона, на которой сидит тот же ворон. Намет лазуревый, подложенный серебром».

Мой отец хорошо помнил, как он, еще ребенком, ездил с дедом во дворец Красинских, и каждый месяц дед получал известную сумму денег. Это являлось косвенным доказательством его происхождения.

В 1798 году, вскоре после своего возвращения в Варшаву, мой дед женился на Фелиците Петронелли-Деренговской. У него было от нее трое детей: мой дядя Станислав, родившийся в 1800 году, моя тетя Матильда и мой отец Феликс, родившийся в 1821 году.

Мой дед с детства занимался музыкой и был виртуозом на скрипке. Говорили, что он выступал на концертах с Николо Паганини. Он обладал в юности прекрасным голосом и стал первым тенором Варшавской оперы. Его прозвали «словик» — соловей, а польский король называл его «мой словик». Но потом он потерял свой голос и тогда перешел на драматическую сцену и стал замечательным актером. Умер он ста шести лет, случайно, от угара. В некрологе о нем писали, что Ян Кшесинский обладал поразительным голосом, необычайной мягкости и замечательного тембра и был великим артистом польского театра на трагических и комических ролях.

Мой отец с восьмилетнего возраста обучался хореографии под руководством балетмейстера Мориса Пиона. Сначала он выступал в классических танцах, но потом всецело посвятил себя характерным танцам и мимическим ролям.

В 1835 году, когда моему отцу было четырнадцать лет, он в городе Калише впервые танцевал в присутствии Императора Николая Павловича. Около Калиша были устроены грандиозные военные смотры в честь Прусского короля Фридриха-Вильгельма III, и по случаю этих торжеств был построен театр и откомандированы из Варшавы лучшие артисты, в том числе и мой отец.

Свидание двух монархов в Калише было крупным политическим событием, и Император Николай Павлович хотел придать особый блеск торжествам по этому случаю. Кроме маневров и военных смотров войскам, собранным вокруг города, в самом городе давались балы, спектакли и пышные приемы. Мой отец любил нам рассказывать об этих калишских празднествах, которые отразились на его театральной карьере.

Император Николай Павлович посещал Варшаву несколько раз, и ему нравились польские национальные танцы, в особенности мазурка. В Петербурге эти танцы тогда еще не были известны, и в 1851 году Император Николай Павлович решил выписать из Варшавы пять танцовщиков и танцовщиц для исполнения мазурки. В их числе был и мой отец. Мазурка имела огромный успех и с этого времени стала любимым танцем не только на сцене, но и на балах.

Мой отец должен был приехать в Петербург вместе со всеми, но во время представления в Варшаве балета «Катарина» нечаянно пыжом прострелил себе руку. Рана оказалась настолько серьезной, что опасались потери кисти руки, но ампутации делать не пришлось, рану вылечили, и он только лишился первого совместного с товарищами выступления в мазурке. Приехал он позже других и выступил 30 января 1853 года на сцене Императорского Александринского театра в «Крестьянской свадьбе».

Он танцевал краковяк, мазурку и па-де-труа со Снетковой 1-й и Паркачевой. С этого времени мой отец окончательно поселился в Петербурге и жил там до самой своей смерти.

Он имел на сцене Мариинского театра неизменный успех у публики, а его исполнение мазурки считалось образцовым, так что его ставили выше знаменитого варшавского танцовщика Попеля. А. Плещеев, видевший его в расцвете его славы, писал о нем: «Более удалое, гордое, полное огня и энергии исполнение этого национального танца трудно себе представить. Кшесинский умел придать ему оттенок величественности и благородства. С легкой руки Кшесинского или, как выразился один из театральных летописцев, с легкой его ноги, положено было начало процветанию мазурки в нашем обществе. У Феликса Ивановича Кшесинского брали уроки мазурки, которая с этой даты сделалась одним из основных бальных танцев в России».

Император Николай Павлович, который вообще очень интересовался балетом, так полюбил мазурку, что, когда 11 июля 1851 года, в день тезоименитства Великой Княгини Ольги Николаевны, в Петергофе был дан парадный спектакль на открытом воздухе, на генеральной репетиции Государь прошел на сцену и пожелал, чтобы протанцевали мазурку. Когда оказалось, что артисты не взяли с собою польских костюмов, он приказал танцевать свой любимый танец — мазурку — в костюме неаполитанских рыбаков. По счастью, капельмейстер А. Н. Лядов захватил с собою ноты. Этот случай был рассказан современником, генералом М. Гейротом, в его книге «Описание Петергофа».

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Настоящая родословная составлена на основании Гербовника Польского Дворянства «Родина», том 8-й, с. 119, Варшава, 1911 год.

Род Кшесинских

Мой прадед — Войцех, род. в 1736 г.; в 1748 г. бежал во Францию. В 1768 г. женился в Париже на польской эмигрантке Анне Зиомковской.

Мой дед — Иван-Феликс (сын предыдущего), род. в 1770 г., скончался 106-ти лет, т. е. в 1876 г. Знаменитый скрипач, певец и драматический артист. В 1798 г. женился на Фелицате Петронелли-Деренговской. Она скончалась в 1870 г. в Петербурге у нас на квартире и была похоронена на католическом кладбище на Выборгской стороне.

Мой отец — Адам-Феликс, род. 9 ноября 1823 г., так значилось в бумагах, а отец утверждал, что он родился в 1821 г. В начале 60-х годов он женился на Юлии Доминской, вдове Ледё, балетного артиста. От первого брака у моей матери было пять человек детей, не считая четверых умерших в младенчестве. От второго брака нас было четверо.

Мой брат — Станислав, род. в 1864 г., скончался, кажется, в 1868 г.

Моя сестра — Юлия, род. 22 апр. 1865 г., 11/24 дек. 1902 г. вышла замуж за барона Александра Логгиновича Зедделера, офицера Л.-Гв. Преображенского полка. Он род. 23 мая 1868 г., скончался 18 ноября 1924 г. в Кап д'Ай.

Мой брат — Иосиф-Михаил (Юзя), род. в 1868 г. В 1896 г. женился на Серафиме Александровне Астафьевой, и в 1898 г. у него родился сын Вячеслав (или Славушка).

Я сама — Матильда-Мария, род. 19 авг./1 сент. 1872 года. 17/30 янв. 1921 г. я вышла замуж за Великого Князя Андрея Владимировича.

Глава вторая

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Детство мое было очень счастливое и радостное. Мои родители очень любили своих детей и жили для них. Своею любовью и заботою о нас они создали ту чарующую обстановку, которая останется навсегда самым дорогим воспоминанием моего детства.

Моя мать окончила Императорское Театральное училище и несколько лет была артисткой балетной труппы, но вскоре покинула сцену, выйдя замуж за артиста балетной труппы Леде, француза по происхождению.

Овдовев, она вышла замуж вторым браком за моего отца. От этих двух браков у моей матери было всего тринадцать человек детей, из коих я была самая младшая, тринадцатая.

Я родилась 19 августа по старому стилю, или 1 сентября — по новому, 1872 года, в местечке Лигово, на 13-й версте по Петергофскому шоссе, где мои родители нанимали дачу, чтобы проводить лето вдали от пыльного города и дать детям простор и чистый воздух.

Туда мы несколько лет подряд уезжали на летние месяцы. Недалеко от дома, где я родилась, находился знаменитый Красный кабачок, где в июне 1762 года переночевала Императрица Екатерина Вторая, когда во главе гвардейских полков шла походом, в форме Лейб-Гвардии Преображенского полка — она была провозглашена Императрицей 23 июня.

Я была любимицей отца. Он угадывал во мне влечение к театру, природное дарование и надеялся, что я поддержу славу его семьи на сцене, где блистали его отец и он сам. С трехлетнего возраста я любила танцевать, и отец, чтобы доставить мне удовольствие, возил меня в Большой театр, где давали оперу и балет. Я это просто обожала. Во время одной из таких поездок в театр произошел случай, который так глубоко врезался в мою память, что я вижу его до сих пор во всех подробностях, как будто это случилось вчера.

Однажды отец повез меня в Большой театр на дневное представление балета «Конек-Горбунок» и поместил меня в одной из закулисных лож третьего яруса, которые предоставлялись артистам.

«Конек-Горбунок», поставленный Сен-Леоном впервые 3 декабря 1864 года для бенефиса Муравьевой, был чудным балетом, вполне понятным для маленькой девочки, которая только начала любить театр. Отец исполнял мимическую роль Хана, одну из лучших в его репертуаре, и создавал незабываемый художественный образ. Посадив меня на стул, он поспешил в свою уборную, чтобы загримироваться и переодеться к предстоящему спектаклю.

Я осталась одна в ложе. Прелесть этих лож заключалась в том, что они были на сцене и из них можно было видеть не только весь спектакль, но и перемену декораций во время антрактов, что, конечно, меня очень занимало. Никогда не забуду, с каким восхищением я смотрела спектакль, с каким вниманием следила за танцами, за игрою отца, как любовалась декорациями и световыми эффектами — то день на сцене, то ночь и луна, то ветер и гроза с громом и молнией, — все это представлялось мне сказочно прекрасным, таинственным и необыкновенно увлекательным.

Когда спектакль кончился, я стала терпеливо ожидать отца, зная, что ему нужно время, чтобы переодеться и прийти за мною для совместного возвращения домой. Но видя, что никто за мною не приходит, я тихонько слезла с кресла и спряталась

за ним, чтобы меня не заметили, в расчете, что мне удастся остаться в ложе до вечернего спектакля, который должен был начаться через несколько часов. Пока же я могла из своей засады наблюдать, как к вечернему представлению ставились новые декорации, и это было для меня очень занимательно.

Тем временем мой отец, разгримировавшись и переодевшись, спокойно отправился домой, довольный спектаклем и совершенно забыв все остальное, в том числе и меня. Увидев его одного, моя мать воскликнула в ужасе: «Где же Маля? Где ты ее оставил?»

«Боже! — вскрикнул отец. — Я позабыл ее в театре». — И бросился обратно за мной.

Я между тем отлично устроилась в ложе за креслом, наблюдая за тем, что происходило на сцене. Заслышав шаги отца, я быстро залезла под кресло в надежде, что он меня не найдет и что я все-таки смогу увидеть вечерний спектакль. Но, увы, это мне не удалось, и мой отец, к полному удовольствию моей матери, привел меня домой.

Большого театра более не существует. Его уничтожили в прошлом веке, и на его месте была построена Консерватория и при ней театр. С Большим театром связаны мои первые театральные впечатления, там проявилась моя любовь к театру, и там же я впервые выступила на сцене. И на том же месте, но уже в театре Консерватории, я в последний раз выступила в России, в 1917 году.

От брака с моим отцом у моей матери было четверо детей, из которых один умер младенцем. Мы все трое поступили на сцену. Моя старшая сестра, Юлия, была очень красива и лучше всего исполняла характерные танцы; она выступала под именем Кшесинской 1-й, считалась украшением сцены, и ей всегда давали лучшие места. Мой брат Юзя был очень талантливым первым танцовщиком и походил на отца — такой же красивый, высокий, стройный и так же любил свое искусство, как мой отец, который ставил его выше всего в жизни.

Теперь, поживав за долгую жизнь немало замечательных артистов, я вспоминаю моего отца и Вирджинию Цукки и думаю, что при всей перемене взглядов, техники, требований балетного искусства они и теперь имели бы такой же успех и считались бы такими же первоклассными артистами, которые могли быть примером для тех, кто на сцене переигрывает и не переживают своей роли всем сердцем и душой.

По случаю шестидесятилетнего юбилея артистической деятельности моего отца 8 февраля 1898 года газеты отмечали невозможность даже упомянуть все те роли, которые ему пришлось исполнить, и перечислить балеты, в которых он выступал. «Менялись балетмейстеры и балерины, менялись начальники, менялись режиссеры и капельмейстеры, но он неизменно оставался на своем посту и был не только несменяемым, но и незаменимым».

Действительно, было бесчисленное множество балетов, в которых выступал мой отец за время своей долгой артистической карьеры, но мне ближе всего были те балеты, в которых я выступала с ним вместе, — «Пахита», «Дочь фараона», «Эсмеральда». Он вдохновлял меня своей игрой, и я ощущала себя вместе с ним не артисткой на сцене, а тою, которую я должна была воплощать.

Никто не танцевал так мазурку, как мой отец, который вкладывал в нее весь свой темперамент. Этот танец он передал мне, и я его восприняла глубоко. Балетоманы долго вспоминали его исключительный успех в поставленной им мазурке в балете «Которая из трех», которую он исполнял с Марией Сергеевной Петипа, Лядовой 2-й и Кошевой. Рецензисты отмечали, что не было равного ему исполнителя мазурки за все время его пребывания на сцене. Именно он ввел мазурку в Петербурге и Москве, где до того ее никогда не исполняли ни в театре, ни на балах, ни при дворе. Благодаря исполнению моего отца и под влиянием особой любви к ней Императора Николая Павловича, она была введена на сцену, а затем, в более доступной для непрофессиональных исполнителей форме, стала вводиться всюду. Все стали брать уроки мазурки у моего отца, он был всюду принят дружески. Часто я сопровождала отца на его уроки детям, и мне доставляло большое удовольствие танцевать с детьми и увлекать их в вихрь бешеной мазурки.

Глава третья

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ

Мой отец не был богат, но сценой и уроками зарабатывал достаточно, чтобы в доме был полный достаток и мы могли бы жить с комфортом. Мы всегда занимали большие квартиры в лучшей части города и непременно с большой залой, в которой отец давал уроки. Время его уроков я очень любила. Из зала раздавались звуки вальса и мазурки, а я в соседней комнате, еще совсем маленькая, танцевала, как могла, под доносившуюся музыку.

В часы свободные от театра и уроков мой отец любил заниматься ручными работами и был в этом «маленьком искусстве», как и в большом, настоящим мастером. Помню, он построил аквариум — очень сложный, с подводными украшениями из камней. Но настоящим чудом техники была сделанная им модель Большого петербургского театра со всеми мельчайшими подробностями: декорации поднимались и опускались как в настоящем театре, было устроено настоящее театральное освещение масляными маленькими лампами, и можно было, крутя рукоятку, приводить в действие полную смену декораций, как в подлинном театре. Отец сам написал для одного балета все декорации. Эту

модель мы после его смерти подарили Театральному музею А. А. Бахрушина в Москве.

Туда же я отдала мой первый детский польский костюм, который мне сшили, когда мне было года четыре. Он был такой маленький, что годился бы для куклы. Я отдала в Бахрушинский музей и мои детские танцевальные туфли, в которых я выступала на сцене Большого театра в балете «Конек-Горбунок». Я появлялась в картине подводного царства, и роль моя заключалась в том, что я должна была вынуть кольцо из пасти кита. Кольцо я получала до начала спектакля, сама клала его заранее в пасть кита, а потом уже вынимала его во время действия. Хотя это было в конце балета, я все-таки приходила за час до начала представления, боясь опоздать, чтобы получить кольцо и парик.

Мой отец был большим хлебосолом, и для него самым большим удовольствием было принимать гостей у себя и угощать — в этом он был великий мастер. В особенности он отличался своим кулинарным искусством на Пасху и на Рождество. На столе появлялись тогда разнообразные и многочисленные блюда сообразно старой традиции, которая строго соблюдалась в нашей семье. Я думаю, что хлебосольство перешло от отца ко мне: я тоже всю жизнь любила принимать и угощать, и говорят, что я, как мой отец, умела располагать гостей к общему веселью.

К Пасхе отец сам готовил куличи. Он надевал белый передник и сам месил тесто, непременно в новом, деревянном корыте. Куличей по традиции пекли двенадцать — по числу апостолов. На пасхальный стол ставили сделанного из масла агнца с хоругвью. В Страстную Субботу приглашали ксендза благословить пасхальный стол.

Сочельник справлялся очень торжественно в тесном семейном кругу, и из посторонних звали только самых близких старых друзей; помню, что бывал Раш, воспитатель моего брата Юзи.

Мои родители принадлежали к польской римско-католической церкви, и Сочельник справлялся согласно старинным обычаям. До шести часов вечера, до первой звезды, ничего нельзя было взять в рот. За ужином, который был главным событием этого дня, все кулинарные способности отца проявлялись вполне. По традиции полагалось подавать тринадцать рыбных постных блюд, из которых каждое имело свое особое символическое значение, но потом это число было сокращено до семи блюд. Из рыбных блюд считались обязательными судак по-польски и жареная рыба. Потом подавали два сорта ухи в двух отдельных мисках, которые ставились у прибора матери, и она нам разливала. В одной миске подавалась русская уха, а в другой — польская, со сметаной. Эту польскую уху я очень любила и до сих пор вспоминаю ее с наслаждением, но после родительского дома я нигде ее больше не видала. Очевидно, ее изготовление было кулинарным секретом моего отца. После ужина зажигали

елку, под которой были разложены подарки для гостей. Я сохранила этот обычай на всю жизнь, и до сих пор нет у меня больше удовольствия, как зажигать елку и раздавать подарки.

Глава четвертая ЛЕТО В ИМЕНИИ

Я очень любила проводить лето в имении Красницы около станции Сиверской, в шестидесяти трех верстах от Петербурга по Варшавской железной дороге. Отец купил его у генерала Гаусмана. На возвышенном берегу реки Орлинка был расположен прекрасный двухэтажный деревянный дом, откуда был вид на долины и поля далеко вокруг. Отец устроил дом по-своему, обшил вагонкой и заново окрасил стены, но главной переделкой была постройка обширной столовой, так как старая была мала для нашей семьи и постоянно наезжающих гостей. Старая столовая была снесена, а на ее месте отец построил новую, просторную, светлую, где помещался огромный стол, за которым можно было свободно разместиться.

На протекавшей внизу речке Орлинке была построена против нашего дома купальня. Недалеко от дома был большой фруктовый сад с огородом, за садом шел дремучий лес, куда я ходила за грибами. При имении была своя ферма с полным молочным хозяйством, птичий двор и курятник. Прекрасные луга давали чудное сено для скота. Сенокос был для детей лучшей порой лета. Перед началом сенокоса косцам выставлялось угощение, как полагалось по обычаю. Отношения с окрестными крестьянами были прекрасные, и они любили и уважали моего отца за его сердечность и справедливость, а с отца переносилась любовь и на меня. В имении стараниями отца все было в хозяйственном отношении отлично устроено, содержалось в большом порядке и чистоте, и хотя соблюдалась экономия, но всего было вдоволь. В этом имении я проводила лето в течение всего моего детства и прожила в нем много, много счастливых дней.

В поле и на ферме все было заведено отцом, а в доме хозяйством ведала мать, и вела его она прекрасно, экономно и с любовью. Роскоши не было, но изобилие было полное. Кухарку, готовившую очень вкусно, и горничную Машу мы привозили с собою из города, а черную работу в буфете и на кухне исполняли нанимавшиеся на лето крестьянки.

В соседних деревнях были прекрасные лавки, где все можно было покупать, а чего нельзя было там достать, отец привозил из города в большом кожаном мешке. Мы, детьми, всегда толпились вокруг отца, когда он возвращался из города, чтобы проведать, какие вкусные вещи привез он с собою завернутыми в таинственные пакеты.

Жизнь в имени начиналась очень рано. Отец вставал в пять часов утра, чтобы успеть присмотреть за хозяйством и проверить, все ли делается по его желанию. Мы же вставали позже, прямо к утреннему кофе. В грибное время я вставала с зарею, чтобы до кофе пойти в лес за грибами, это было летом моим любимым занятием. Я очень боялась пауков и брала с собою палку, чтобы прочищать дорогу от паутины. Однажды, завидя под деревом большой, чудный гриб, я бросилась к нему, забыв о мерах предосторожности, и попала лицом прямо в паутину, а паук сел мне на нос. В перепуге я бросила корзину с грибами и со страшным ревом и криком бросилась сломя голову бежать домой, не решившись даже смахнуть противного паука с носа.

Любимой нашей игрой была «палочка-воровка». Один из нас бросал палочку как можно дальше, а другой, который избирался «хранителем» ее, должен был медленными шагами подойти, положить палочку на определенное место, обычно на скамейку, и постучать ею в знак начала игры. Пока он шел, другие прятались, кто куда мог, от него и затем пытались незаметно подкрасться и постучать ею о скамейку, что означало конец игры. «Хранитель», не отходя от палочки, старался этому помешать, оглядываясь кругом, и если кого замечал, то называл его по имени, и тот должен был выйти из игры. Если же «хранитель» ошибался в имени, то можно было опять спрятаться и снова подкрадываться за палочкой. Мы любили играть в сумерках, когда разглядеть крадущегося было трудно, «хранитель» ошибался в имени, и игра длилась дольше. В игре мы часто прятались в кустах и в ветвях деревьев, и, чтобы удобнее было лазить по деревьям, я надевала мужской серый костюм.

Утренний кофе был в восемь часов утра, и чего только к нему не подавалось: домашние молочные продукты, домашние булочки, печенья, варенья. Мы очень любили покушать. В час подавался обед со множеством разных блюд. Днем мы бегали во фруктовый сад объедаться фруктами и ягодами, а в пять часов подавался дневной кофе, и снова стол был уставлен: простокваша, варенец, густые сливки, печенья, все это поглощалось с аппетитом после дневных игр и беготни. Ужин в девять часов вечера состоял из нескольких горячих блюд и всего, что можно было вообразить из холодных блюд: домашние маринады, холодная ветчина, копченый сиг и яства, которые отец привозил из города,— всего не перечить.

Спать мы ложились по-деревенски рано. Трудно было не полнеть при таком режиме, и раз меня за это пристыдил при всем классе балетмейстер Лев Иванов. На первой репетиции осенью он указал на меня и громко сказал: «Жаль, что столь талантливая артистка так располнела».

Самым веселым праздником за лето был день моего рождения 19 августа. Отец старался придать этому дню исключительную торжественность. Не только во всех окрестных деревнях,

но и в дачных поселках и в имениях день этот был известен благодаря тому, как обставлял отец это празднование.

С утра крестьяне соседних деревень приходили с семьями поздравлять меня и приносили гостинцы: корзинку с яйцами свежими или с ягодами, с творогом, грибами, сметаной или вышитые крестиками полотенца — эти подарки меня очень трогали. Крестьянские дети были нашими товарищами по играм, и каждое воскресенье у нас устраивалось для них угощение.

Гости постоянно наезжали к нам, особенно по субботам и воскресеньям, но в день моего рождения приезжали и из города, и из соседних имений.

Размещали гостей по всем комнатам, а если места не хватало, то и на сеновале. Помню, раз мы нарочно убрали приставную лестницу на сеновал, куда один из гостей пошел днем отдохнуть — и он потом не знал, как ему оттуда слезть.

Вечером вокруг дома зажигалась иллюминация, которую отец приготавливал из простых сальных плашек. А затем был великолепный фейерверк, заранее приготовленный моим отцом. Полобоваться фейерверком приходили отовсюду, так как отец, как и во всем другом, оказывался замечательным «фейерверкмейстером». Особенно удачные номера фейерверка приветствовались криками толпы.

Раз в день моего рождения под вечер прискакала из соседнего имения целая кавалькада с факелами, и это внесло много оживления.

Конечно, подавался вкусный обильный ужин с обязательным шведским горячим пуншем, который тоже готовился отцом по ему одному известному рецепту. Он придумывал разные сюрпризы, чтобы меня потешить в этот день. Так, раз он подвесил к потолку столовой венок из живых цветов, который за ужином сам опустил мне на голову. Другой раз, когда он хотел повторить этот номер, венок по оплошности спустился на голову моего придурковатого соседа, что вызвало общий смех.

Четырнадцатилетней девочкой, я кокетничала с молодым англичанином Макферсоном. Я им не увлекалась, но мне нравилось кокетничать с молодым и элегантным юношей. В день моего рождения он приехал со своей невестой, это меня задело, и я решила отомстить. Пропустить этот афронт даром я не могла. Выбрав время, когда мы все были вместе и его невеста сидела рядом с ним, я ненароком сказала, что люблю по утрам до кофе ходить за грибами. Он любезно спросил меня, не может ли пойти со мной. Этого мне только и нужно было — значит, клянуло. Я ответила в присутствии невесты, что если она даст ему разрешение, то я ничего не имею против. Так как это было сказано в присутствии всех гостей, то ей ничего не оставалось, как дать требуемое согласие. На следующее утро мы отправились с Макферсоном в лес за грибами. Он мне тут подарил прелестное портмоне из слоновой кости, с незабудками — подарок вполне подходящий для барышни моего возраста. Грибы мы собирали

плохо, и к концу прогулки мне казалось, что он совсем позабыл про свою невесту. После этой лесной прогулки он стал писать мне любовные письма, присылал цветы, но мне это скоро надое-ло, так как я им не увлекалась. Кончилось это тем, что свадьба его не состоялась. Это был первый грех на моей совести.

Глава пятая

ИМПЕРАТОРСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

За Императорским Александринским театром, со стороны входа для артистов, шла широкая, короткая Театральная улица, ведущая к Чернышеву мосту. Этот ансамбль петербургского стиля Империи, желто-белого цвета, был одним из красивейших в Петербурге. Театральная улица была целиком занята казенными зданиями. С правой стороны от Александринского театра было министерство, где помещалась театральная цензура, а вся левая сторона была занята великолепным зданием Императорского Театрального училища с лепными барельефами на стенах.

Александринский театр со своими знаменитыми конями на крыше был повернут фасадом к Невскому проспекту. Театральная улица была всегда тиха, и только изредка из широких ворот здания училища выезжала закрытая карета, в которой вывозили будущих балерин на репетиции и на спектакли. Даже на самое маленькое расстояние и во все времена года воспитанницы училища выезжали в этих огромных, старомодных, наглухо закрытых каретах, которые, конечно, вызывали любопытство и желание разглядеть тех, кто прятался за окнами.

Оба театральные училища, петербургское и московское, были подчинены Министерству Императорского Двора и состояли в ведении Дирекции Императорских театров.

Каждую осень в балетное училище принимались дети от девяти до одиннадцати лет, после медицинского осмотра и признания их годными к изучению хореографического искусства. Жюри было строгое, и лишь часть записавшихся на экзамен попадала в школу, в которой училось около шестидесяти-семидесяти девочек и сорока-пятидесяти мальчиков. Ученики и ученицы были на полном казенном иждивении и отпускались домой только на летние каникулы. Во время своего пребывания в школе они иногда выступали на сцене.

По окончании балетной школы в семнадцать-восемнадцать лет ученики и ученицы зачислялись в труппу Императорских театров, где оставались на службе двадцать лет, после чего увольнялись на пенсию или оставались на службе по контрактам. В балетной школе преподавали не только танцы, но и

общие предметы наравне с нормальными школами — было пять классов с семилетним курсом.

Хотя в Москве и в Петербурге были отдельные две труппы и два отдельных училища, но они входили в общий состав Министерства Императорского Двора, управлялись Директором Императорских театров и составляли как бы одно целое. Артисты петербургского и московского Императорских театров выступали в обеих столицах.

По правилам все воспитанники и воспитанницы должны были жить в школе на казенном иждивении, но иногда разрешалось некоторым из них обучаться в школе, продолжая жить дома. Таким исключением были мы трое. Обычно стремились попасть в школу интернами, на полном казенном содержании, так как тогда не надо было ничего платить, но мои родители были против этого и не хотели отдавать нас в закрытое заведение, желая иметь нас дома возле себя и давать нам общее образование сами. Они не хотели, чтобы мы теряли связь с домом, считая семейную обстановку главным условием воспитания детей. Конечно, это требовало от нас дополнительной работы. Кроме уроков в училище еще каждый день уроки дома, но мы были счастливы, что живем в семье, видим родителей и не лишены общения с ними, как «пепиньерки» — воспитанницы училища.

Первой в училище поступила моя сестра Юлия, которая была старше меня на шесть лет, а потом мой брат Юзя, который был старше меня на четыре года. Меня определили в Императорское Театральное училище осенью 1880 года, когда мне минуло восемь лет.

Императорское Театральное училище помещалось в огромном казенном здании в Санкт-Петербурге на Театральной улице, которая шла от Александринского театра к Чернышеву мосту. Училище занимало два верхних этажа этого трехэтажного здания. Во втором этаже, или бельэтаже, помещались воспитанницы, а в третьем — воспитанники. В каждом были свои обширные репетиционные залы, классы и дортуары, с высокими потолками и огромными окнами. Во втором этаже помещался маленький школьный театр, отлично оборудованный, с всего несколькими рядами кресел. Там происходили школьные выпускные спектакли, которые позже были перенесены в Михайловский театр.

В этом театре в день выпускного спектакля решила судьба всей моей жизни.

Когда я поступила в Театральное училище, первым моим учителем был Лев Иванович Иванов, замечательный балетмейстер, из постановок которого остались непревзойденными второй акт «Лебединого озера» и «Щелкунчик» Чайковского. Из отдельных поставленных им танцев особенно остался у всех в памяти его «Чардаш» на музыку Листа.

Лев Иванович сам аккомпанировал на скрипке и, как мне иногда казалось, любил ее больше, чем нас. Его дарованию не

дано было полностью развиться, и он не создал всего того, что мог бы дать при иных условиях. Мешала отчасти его природная леность, а отчасти его положение, при котором главный балетмейстер Петипа правил все и мог всегда взять его балет и по своему слегка изменить, так что он оставался потом балетом Петипа. Он преподавал начальные упражнения, своего рода азбуку балетного искусства, и меня это не могло увлекать, так как я все это прошла уже дома. Мне иногда казалось, что он диктует нам движения и делает замечания почти по инерции. Ленивым голосом он говорил нам: «плие», «коленки надо вывернуть», но не останавливал, не исправлял, не задерживал класс из-за неправильного движения какой-либо ученицы. Мне тогда казалось, что он не творил в классе, не вдохновлялся и не вдохновлял нас, а только исполнял машинально свою обязанность.

Впоследствии, когда я уже была балериной и он бывал у меня, я открыла у него страсть не только к скрипке: он, как и многие артисты, любил покушать и, с особым чувством разворачивая салфетку, говорил: «Покушаем».

У Льва Ивановича Иванова я оставалась в классе с восьми до одиннадцати лет. В одиннадцать лет я перешла в класс балерины Императорских театров Екатерины Вазем, где исполнялись уже более сложные движения. Проходили не только упражнения и следили не только за правильностью исполнения, но требовали грации в танце. Ее урок начинался с экзерсисов у палки, потом на середине адажио и аллегро. Па были не очень сложные — аттитюд, арабески, прыжки, заноски, движение на пальцах, па-де-бурре, перекидные со-де-баск — все те основные па, которые остались и теперь при всей изощренности новой техники. Вазем обращала внимание на правильную постановку ноги на пальцах, что имеет очень большое значение, и на выворотность. Ее класс был переходным к старшему, уже виртуозному танцу класса Иогансона. Вазем следила внимательно за ученицами и останавливала, если находила исполнение недостаточно правильным или лишенным грации. Меня она одобряла и иногда только ласково замечала: «Кшесинская, не морщите лоб, рано состаритесь». Все же мне казалось, что и в ее классе не было вдохновения, так как все эти движения были мне уже знакомы раньше и я не могла ими увлекаться по-настоящему.

Я была у нее с одиннадцатилетнего возраста до тех пор, когда мне исполнилось пятнадцать лет и я перешла в класс Христиана Петровича Иогансона, уроки которого очень любила и потом занималась с ним, уже будучи артисткой. По происхождению он был швед, но в Петербурге успел обрусеть. Он был не просто преподавателем, а поэтом своего искусства, вдохновенным артистом и творцом. Он был мыслителем и наблюдателем и делал очень меткие замечания, которые помогали нашему художественному развитию. Его искусство было благо-

родно, потому что было просто, да и сам он был прост, потому что был искренен. Каждое движение было у него полно смысла, выражало определенную мысль и настроение, и он старался то же передать нам. Это он дал мне основы для моего будущего развития, и я ему многим обязана в моей карьере.

Помещения воспитанников и воспитанниц были строго отделены. В бельэтаже помещались дортуары и классы воспитанниц и репетиционные залы, два больших и один маленький, откуда широкий коридор вел в школьный театр, помещавшийся в том же этаже. Оттуда небольшая лестница вела в верхний этаж, где помещались дортуары и классы воспитанников, кабинет инспектора, репетиционные залы, соответствовавшие залам воспитанниц по расположению и размерам. Из репетиционных зал воспитанников, мимо кабинета инспектора и классов, широкий коридор, соответствовавший коридору воспитанниц, вел в небольшую нарядную церковь, залитую солнцем и сверкавшую драгоценностями икон, поднесенных своей школе артистами. Воспитанницы поднимались из своего этажа по широкой парадной лестнице и, в своих длинных форменных платьях, с белыми короткими пелеринками, с туго заплетенными косами и строго приглаженными волосами, шли по коридору в церковь в сопровождении классных дам. Церковь помещалась в этаже воспитанников в самом конце коридора и была расположена как раз над театром этажа воспитанниц. Службы бывали по субботам всенощные и обедни по воскресеньям и в праздничные дни.

Между воспитанниками и воспитанницами строго запрещалось всякое общение, и нужно было много хитростей и уловок, чтобы обменяться записочкой или улыбкой. Во время урока танцев и репетиций со всех сторон следили классные дамы, чтобы не допустить взгляда или движения, и все же, так как это было единственное время встреч, удавалось перекинуться словом и пококотничать. Это входило в традиции школьного быта, и каждая воспитанница непременно имела кого-либо из воспитанников, с которым вела кокетливую игру. Эти мимолетные встречи, мимолетное кокетство были наивными и почти детскими. Несмотря на все преграды, все же происходили легкие флирты, вспыхивали легкие увлечения, которые иногда принимали характер настоящей любви, несмотря на строгий, почти монастырский режим школы.

Учебные классы у нас делились на две стороны: с левой сидели воспитанницы, «пепиньерки», а с правой приходящие — экстерны. Хотя я была приходящей, но с особого разрешения Дирекции я была в виде исключения приравнена к воспитанницам и сидела с ними на левой стороне. Мне было легко учиться, так как я занималась одновременно дома и урок всегда был у меня приготовлен. В классе я была тихоней, несмотря на мой живой и бодовый характер, и держалась я сдержанно, так что начальница и классные дамы меня любили и ставили в пример.

Но от природы я была кокеткой и по этому поводу помню один случай. У нас был молодой и довольно красивый учитель географии, Павловский. К его уроку я старалась кокетливо одеться на случай, если меня вызовут к доске. Павловский имел обыкновение вызывать учениц по очереди, так что те, которые были на предыдущем уроке у доски, были спокойны, что их на этот раз не вызовут, и даже зачистую урока вовсе не готовили. Я же всегда урок свой знала даже тогда, когда могла быть уверенной, что к доске меня не вызовут. Однажды я пришла в класс в зимних зашнурованных ботинках и в теплых клетчатых чулках и не переобулась, так как меня вызывали на предыдущем уроке и я знала, что меня не вызовут к карте. Павловский вызвал ученицу Степанову, которая как на грех урока совершенно не знала и не могла ответить ни на один вопрос. Учитель был очень недоволен и сказал классу: «Я уверен, что Кшесинская, хоть и не ее очередь сегодня отвечать, наверное знает урок прекрасно и ответит без ошибки» — и потом, обращаясь ко мне, попросил меня выйти к карте и отвечать. Я встала, как это полагалось, когда обращается учитель, и ответила, смутясь, что урок я знаю, но прошу разрешения ответить с места, не подходя к карте. Он удивленно на меня посмотрел, не понимая, в чем дело, но, считая меня примерной ученицей, разрешение дал, что было против правил. Я ответила свой урок безошибочно и, довольная, села на место. После класса Павловский подошел ко мне и спросил, почему я не хотела выйти к доске. Я сначала замямлась, мне было неловко сознаваться, но потом я все-таки сказала, что мне не хотелось выходить в теплых чулках и ботинках к доске, где все могли это видеть. Он выслушал внимательно и мило улыбнулся, видимо, поняв значение для меня такой причины.

Глава шестая

ПЕРВЫЕ ВЛИЯНИЯ

Через год после того как я поступила в училище, я впервые танцевала на сцене Большого театра 30 августа 1881 г. в балете «Дон Кихот». Я танцевала со старшей воспитанницей Андерсон, которая, несмотря на разницу в возрасте, была одного роста со мной. Мы изображали двух марионеток, которых вел за нити огромный великан, как будто управляя ими. Мы исполняли свой танец на пальцах (пуантах). Я никакого страха не испытывала, а только счастье выступать на сцене.

С малых лет мы приучались к сцене, выступали в балетах и видели, как танцуют наши балерины. Чем старше и опытнее мы становились, тем легче мы могли о них судить, видеть их достоинства и недостатки и составлять свое мнение о том, кто танцует лучше, кто хуже и какой общий уровень нашего балета.

В то время, когда я была в училище, балет на сцене Петербургского театра начал увядать. Балерины старшего поколения, как Соколова, Вазем, Горшенкова, уже не могли служить нам примером, и мой пыл к танцам начал проходить. В то время я уже получала отдельные маленькие роли, и это должно было бы меня подбодрить, но я не видела, что может в будущем меня ожидать и к чему надо стремиться.

Мне шел четырнадцатый год, когда к нам приехала знаменитая балерина Вирджиния Цукки.

В то время мне уже поручали небольшие партии, которые я старалась исполнить как можно лучше, и даже заслуживала за них одобрение. Но я не имела веры в значение того, что у нас делалось, и не получала настоящего внутреннего удовлетворения от своего танца. У меня было даже сомнение в правильности выбранной мной карьеры. Не знаю, к чему это привело бы, если бы появление на нашей сцене Цукки сразу не изменило бы моего настроения, открыв мне смысл и значение нашего искусства. Вирджиния Цукки была уже тогда немолода, но ее необычайное дарование было еще в полной силе. Она произвела на меня впечатление потрясающее, незабываемое. Мне казалось, что я впервые начала понимать, как надо танцевать, чтобы иметь право называться артисткой, балериной. Цукки обладала изумительной мимикой. Всем движениям классического танца она придавала необычайное очарование, удивительную прелесть выражения и захватывала зал.

Для меня исполнение Цукки было и осталось подлинным искусством, и я поняла, что суть не только в виртуозной технике, которая должна служить средством, но не целью.

У Цукки были необыкновенно выразительные движения рук и изгиб спины, которые я хотела запомнить, жадно следя еще детскими глазами за ее исполнением. Говорили потом, что у меня были движения рук и спины, как у Цукки. Когда, уже балериной, мне пришлось исполнять Эсмеральду, я вдохновлялась воспоминанием об ее изумительном по драматизму танце в этой роли. Цукки была моим гением танца, вдохновившим и направившим меня на верный путь в мои ранние, еще полудетские годы подготовки к сцене. И ей за это я осталась навеки верна и благодарна.

Я сразу ожила и поняла, к чему надо стремиться, какой артисткой надо быть. Цукки видела мое обожание, и у меня долго хранился в банке со спиртом подаренный ею цветок, который потом пришлось оставить в России. Пример Цукки так живо врезался в мою память, что потом, разучивая новые балеты, я помнила, как она танцевала некоторые роли, которые пришлось мне исполнять.

Со времени появления Цукки на нашей сцене я стала усиленно работать, с увлечением и энергией, мечтая стать такою же настоящей артисткой.

Ко времени моего выпуска из училища я вполне владела

собой на сцене и могла блеснуть на выпускном экзамене, на котором в этом году должна была, кажется впервые, присутствовать вся Царская семья с Государем Александром Третьим во главе.

Этот экзамен решил мою судьбу.

Глава седьмая

ВЫПУСКНОЙ ЭКЗАМЕН.

ПЯТНИЦА 23 МАРТА 1890 ГОДА

Выпускной экзамен служил как бы венцом нашей школьной работы и незабываемым днем всей жизни. Вся наша карьера была впереди. Для выпускного экзамена первые ученицы имели право сами выбирать себе танец. Я выбрала па-де-де из «Тщетной предосторожности» на музыку итальянской песни «Стелла конфидента», которое незадолго перед тем Цукки танцевала с Павлом Андреевичем Гердтом с огромным успехом. Цукки даже поцеловала на сцене Гердта, что было отмечено как небывалый случай во всех рецензиях. Это был прелестный, выразительный танец, исполненный лукавого кокетства. Костюм у меня был голубой, с букетиками ландышей. Я танцевала с выпускным воспитанником, который тоже кончил училище, — Рахмановым.

В школе администрация относилась ко мне всегда хорошо и даже выделяла меня, но на выпускном экзамене в Высочайшем присутствии надо было выдвинуть не приходящую ученицу, какой была я, а воспитанниц, «пепиньерок». Первыми ученицами были Рыхлякова, классическая танцовщица с виртуозной техникой, и Скорсюк, характерная танцовщица, у которой было много своеобразия и темперамента.

Кроме балетного отделения в спектакле участвовало и драматическое отделение училища.

Сколько волнений было сопряжено с этим спектаклем, сколько радости танцевать в присутствии всей Царской семьи, как бились наши молодые сердца!

Наконец настал желанный день. Стоя на сцене за опущенной занавесью, мы сознавали, мы чувствовали, что в маленьком нашем театре собирается Царская семья на нас посмотреть.

Спектакль прошел прекрасно. Каждая из нас старалась поддержать честь нашей школы. По аплодисментам нельзя было определить, кто больше понравился, так как всем аплодировали одинаково, чтобы никого не обидеть.

После спектакля всех участников собрали в большом репетиционном зале вместе со всем начальством, с классными дамами, учителями и высшим персоналом Дирекции Императорских театров во главе с И. А. Всеволожским. Ученики и ученицы балетного и драматического отделений остались в тех костюмах, в которых выступали. Зал, в котором всех собрали, соединялся

со школьным театром длинным, широким коридором, вдоль которого были расположены классы.

Из зала было видно, как из театра вышла Царская семья и медленно двигалась в нашем направлении. Во главе шествия выделялась маститая фигура Императора Александра Третьего, который шел под руку с улыбавшейся Императрицей Марией Федоровной. За ним шел еще совершенно молодой наследник Цесаревич Николай Александрович и четыре брата Государя: Великий Князь Владимир Александрович с супругой, Великой Княгиней Марией Павловной, Великий Князь Алексей Александрович, генерал-адмирал, Великий Князь Сергей Александрович со своей красивой супругой Елизаветой Федоровной и недавно женившийся Великий Князь Павел Александрович со своей молодой супругой Великой Княгиней Александрой Георгиевной (которая ожидала своего первого ребенка, Марию Павловну, родившуюся 6 апреля 1890 года) и генерал-фельдмаршал Великий Князь Михаил Николаевич со своими четырьмя сыновьями.

По традиции представляли сначала воспитанниц, а потом приходящих. Но Государь, войдя в зал, где мы собрались, спросил зычным голосом: «А где же Кшесинская?»

Я стояла в стороне, не ожидая такого нарушения правил. Начальница и классные дамы засуетились. Они собирались подвести двух первых учениц, Рыхлякову и Скорсюк, но тотчас подвели меня, и я сделала Государю глубокий поклон, как полагалось. Государь протянул мне руку со словами:

— Будьте украшением и славою нашего балета.

Я снова сделала глубокий реверанс и в своем сердце дала обещание постараться оправдать милостивые слова Государя. Потом я поцеловала руку Государыни, как требовалось.

Я так была ошеломлена тем, что произошло, что почти не сознавала происходящего вокруг меня. Слова Государя звучали для меня как приказ. Быть славой и украшением русского балета — вот то, что теперь волновало мое воображение. Оправдать доверие Государя — было для меня новой задачей, которой я решила посвятить мои силы.

Когда все по очереди были представлены Государю и Государыне и были обласканы ими, все перешли в столовую воспитанниц, где был сервирован ужин на трех столах — двух длинных и одном поперечном.

Войдя в столовую, Государь спросил меня:

— А где ваше место за столом?

— Ваше Величество, у меня нет своего места за столом, я приходящая ученица, — ответила я.

Государь сел во главе одного из длинных столов, направо от него сидела воспитанница, которая должна была читать молитву перед ужином, а слева должна была сидеть другая, но он ее отодвинул и обратился ко мне:

— А вы садитесь рядом со мною.

Наследнику он указал место рядом и, улыбаясь, сказал нам: — Смотрите только, не флиртуйте слишком.

Перед каждым прибором стояла простая белая кружка. Наследник посмотрел на нее и, повернувшись ко мне, спросил: — Вы, наверное, из таких кружек дома не пьете?

Этот простой вопрос, такой пустячный, остался у меня в памяти. Так завязался мой разговор с Наследником. Я не помню, о чем мы говорили, но я сразу влюбилась в Наследника. Как сейчас вижу его голубые глаза с таким добрым выражением. Я перестала смотреть на него только как на Наследника, я забывала об этом, все было как сон.

По поводу этого вечера в дневнике Государя Императора Николая Второго под датой 23 марта 1890 года было записано:

«Поехали на спектакль в Театральное училище. Была небольшая пьеса и балет. Очень хорошо. Ужинали с воспитанниками». Так я узнала через много лет об его впечатлении от нашей первой встречи.

Посидев немного с нами, Государь пересел за другой стол, а на его место сел старый Великий Князь Михаил Николаевич. Потом по очереди сядились все старшие члены Императорской семьи, чтобы всем одинаково оказать внимание.

Когда я прощалась с Наследником, который просидел весь ужин рядом со мною, мы смотрели друг на друга уже не так, как при встрече, в его душу, как и в мою, уже вкралось чувство влечения, хоть мы и не отдавали себе в этом отчета.

Какая я была счастливая, когда в тот вечер вернулась домой! Какая была радость увидеть счастье родителей, которые гордились моим успехом! Я всю ночь не могла спать от радостного волнения и все думала о событиях этого вечера.

На другое утро я должна была рано ехать в училище. У нас был маленький шарабан, запряженный пони, которых шутя называли крысами феи Карабос из «Спящей красавицы». Когда я ехала по улицам, мне казалось, что все на меня смотрят, что я уже знаменитость и все уже знают о моем счастье.

Дня через два я шла с сестрой по Большой Морской, и мы подходили к Дворцовой площади под арку, как вдруг проехал Наследник. Он узнал меня, обернулся и долго смотрел мне вслед.

Какая это была неожиданная и счастливая встреча!

В другой раз я шла по Невскому проспекту мимо Аничкова дворца, где в то время жил Император Александр Третий, и увидела Наследника, стоявшего со своей сестрой, Ксенией Александровной, в саду, на горке, откуда они через высокий каменный забор, окружавший дворцовый сад, любовались улицей и смотрели на проезжавших мимо. Опять неожиданная радостная встреча.

Шестого мая, в день рождения Наследника, я убрала всю свою комнату маленькими флажками. Это было по-ребячески, но в этот день весь город был разубран флагами.

Случайные встречи с Наследником на улицах были еще несколько раз.

Вскоре после училищного спектакля, до официального выпуска, я получила первый дебют на сцене в бенефисном спектакле Папкова 22 апреля 1890 г. Я танцевала уже не с воспитанником, а с опытным артистом, Николаем Легатом, и это придавало мне уверенности.

Известный критик А. Плещеев неоднократно отмечал мои первые выступления. По поводу моего дебюта он писал:

«Гвоздем бенефиса г. Папкова были дебюты трех юных дочерей многочисленного семейства Терпсихоры — г-жи Кшесинской, Скорсюк и Рыхляковой.

Г-жа Кшесинская в па-де-де из «Тщетной предосторожности» произвела самое приятное впечатление. Грациозная, хорошенькая, с веселою детскою улыбкою, она обнаружила серьезные хореографические способности в довольно обработанной форме: у г-жи Кшесинской твердый носок, на котором она со смелостью, достойной опытной балерины, делала модные двойные круги. Наконец, что опять поразило меня в молодой дебютантке, это безупречная верность движения и красота стиля. Очень удачным партнером г-жи Кшесинской 2-й оказался г. Легат. Па-де-де имело огромный успех, несмотря на то, что недавно еще его исполнили г-жа Цукки и г. Гердт».

Через неделю после этого спектакля я выступила в дивертисменте, и А. Плещеев опять меня похвалил:

«Через неделю в дивертисменте снова отличилась г-жа Кшесинская 2-я. За несколько лет до своих дебютов г-жа Кшесинская, будучи еще девочкой, танцевала в «Пахите» в известной мазурке, и тогда уже синклит балетоманов предсказал ей блестящую будущность. На нее особенно указывал А. А. Гринев, и был, как видите, прав».

Гринев был мужем Екатерины Вазем и большим любителем балета. Он увлекал публику своим энтузиазмом и громкими возгласами, когда танцевала его жена: «Браво, Катька!»

Известный критик Скальковский по поводу моих дебютов сравнивал меня с Вирджинией Цукки. Он очень меня ценил и постоянно отмечал в своих рецензиях.

После всех волнений и радостей надо было готовиться к выпускным экзаменам. В танцах я упражнялась днем, в училище, а по наукам готовилась ночью, у себя дома, когда весь дом спал. Была весна, петербургские белые ночи. Чашка крепкого кофе — и так чудно, так легко было заниматься.

Я окончила училище с первой наградой и получила Полное собрание сочинений Лермонтова. После выпуска мне казалось, что счастливее меня никого не может быть. Мне было семнадцать с половиной лет.

После окончания училища я уехала с родителями в Красницы, в наше именье. Впереди предстояли красносельские спектакли, во время лагерного сбора, на которых я должна была вы-

ступать. В Красное Село меня влекло больше всего то, что там я, наверное, снова встречу Наследника, который в этом году служил в Гусарском полку и потому должен был быть все лето в лагере, а значит, на всех спектаклях.

Глава восьмая

МОЙ ПЕРВЫЙ КРАСНОСЕЛЬСКИЙ СЕЗОН

В Красном Селе, расположенном в 24-х верстах от Санкт-Петербурга по Балтийской железной дороге, издавна бывал в летнее время лагерный сбор для практической стрельбы и маневров.

В шестидесятых годах прошлого века, в бытность Великого Князя Николая Николаевича Старшего Главнокомандующим Санкт-Петербургского Военного Округа, а во время турецкой войны 1877—1878 годов Главнокомандующим войсками на Дунайском фронте, в Красном Селе был построен деревянный театр для развлечения офицеров во время лагерного сбора. В течение июля и первой половины августа, когда Великий Князь жил в лагере, в Красносельском театре давали спектакли два раза в неделю. Ставилась какая-нибудь веселая пьеса и балетный дивертисмент.

После окончания Театрального училища я была зачислена 1 июня 1890 года в балетную труппу Императорских театров и должа была принимать участие в красносельских спектаклях.

По старой традиции последний спектакль летнего красносельского сезона заканчивался общим галопом *Galop Infernal*, в котором участвовали все выступавшие в тот вечер артисты. Мы только что начали репетицию, как совершенно неожиданно в театр приехал Великий Князь Николай Николаевич Старший, давно живший на покое. В молодости он очень увлекался балетной артисткой Числовой и имел от нее двух сыновей, получивших фамилию Николаевых и служивших впоследствии в Лейб-Гвардии Конно-Гренадерском полку, и двух дочерей, из которых одна, настоящая красавица, вышла замуж за князя Кантакузена.

Много лет спустя, когда стали ремонтировать театр и поставили леса, было установлено, что одна из женских головок, нарисованных в медальонах, была Числовой, и можно было даже прочесть под ней надпись, которую раньше издали разглядеть было нельзя. Великий Князь очень любил моего отца и балетмейстера Льва Ивановича Иванова, был с ними на ты, и они часто запросто бывали у него.

Когда началась репетиция галопа, Великий Князь сидел в царской ложе, как вдруг он остановил танец и стал горячо доказывать Иванову, что галоп поставлен им неправильно. Лев

Иванов стал возражать, но Великий Князь выскочил на сцену и сам стал показывать, как надо исполнять галоп.

Первый красносельский спектакль в том сезоне, когда я поступила в труппу, был в день объезда лагеря Главкомандующим, Великим Князем Владимиром Александровичем, любимым братом Императора Александра Третьего.

Я ждала этого дня с замиранием сердца. Моей главной мечтой было увидеть Наследника и, может быть, встретиться с ним во время спектакля. По старому обычаю Государь и Великие Князья приходили на сцену во время антракта перед балетным дивертисментом и разговаривали с артистами.

Мои мечты сбылись. Не только в первый день, но и на всех представлениях Наследник приходил на сцену и разговаривал со мной. Со времени училищного спектакля я мечтала снова увидеть его хоть издали, и теперь, когда могла даже говорить с ним, я была бесконечно счастлива.

В первом красносельском сезоне мне не давали отдельных выступлений, а только вместе с другими, и уборная моя была во втором этаже. Только раз, когда мне дали отдельный танец, мне отвели лучшую уборную внизу, окна которой выходили на царский подъезд, и я могла, стоя у окна, свободно разговаривать с молодыми Великими Князьями и с Наследником.

В один из таких вечеров, перед балетным дивертисментом, я выбежала веселая на сцену и чуть не столкнулась с Государем, но вовремя успела остановиться и поклониться ему. Государь сказал с улыбкой: «Наверное, кокетничали».

Государь и Царская семья сидели в левой ложе, если смотреть в зал со сцены. А когда в ложе места не хватало, то садились в первом ряду. Государь же всегда сидел в ложе, у самой сцены, между двумя колоннами.

Быстро прошли счастливые летние дни красносельского сезона, так памятные мне своей беспечной радостью и надеждами.

Государь после лагерного сбора вернулся в Петергоф, где обычно проводил конец лета. У меня больше не было надежды увидеть Наследника. Он должен был уехать на девять месяцев в кругосветное путешествие. Мне было очень грустно.

Я влюбилась в Наследника с первой нашей встречи. После летнего сезона, когда я могла встретиться и говорить с ним, мое чувство заполнило всю мою душу, и я только о нем могла думать. Мне казалось, что хоть он и не влюблен, но все же чувствует ко мне влечение, и я невольно отдавалась мечтам. Нам ни разу не удавалось поговорить наедине, и я не знала, какое чувство он питает ко мне. Узнала я это уже потом, когда мы стали близки.

Теперь, шестьдесят лет после тех счастливых дней, я могла прочесть в дневнике Государя, изданном после переворота, его записи, относящиеся к тому лету в Красном Селе, когда он был еще Наследником и мы еще могли только встречаться при

людях. Сердце тогда подсказывало мне правду о чувстве Наследника ко мне.

Заметки в дневнике написаны в 1890 году, во время лагерного сбора:

«10 июля, вторник: Был в театре, ходил на сцену.

17 июля, вторник: Кшесинская 2-я мне положительно очень нравится.

30 июля, понедельник: Разговаривал с маленькой Кшесинской через окно.

31 июля, вторник: После закуски в последний раз заехал в милый Красносельский театр. Простился с Кшесинской.

1 августа, среда. В 12 часов было освящение штандартов. Стояние у театра дразнило воспоминания».

Вот что он писал тогда, в те чудные летние дни.

В это лето я раз была в Петергофе у Маруси Пуаре и весь день надеялась встретить Наследника на прогулке, но этого не случилось.

Товарищем по полку Наследника был гусар Евгений Волков, которого я хорошо знала. Он должен был сопровождать Наследника в кругосветном путешествии. Волков жил тогда с одной из балетных артисток, Татьяной Николаевой, я узнала от нее, что Наследник говорил Волкову о своем желании встретиться со мною до своего отъезда. Он хотел, чтобы Волков это свидание устроил. Но я жила с родителями, а за ним, конечно, строго следили, и устроить нашу встречу было, очевидно, невозможно. Тогда Наследник попросил меня прислать ему фотографию, но я так ужасно выглядела на моей последней карточке, что не хотела ее дать, а другой у меня не было. Так он и не получил моей фотографии.

Настал печальный день отъезда Наследника в кругосветное путешествие.

23 октября (5 ноября) 1890 года он выехал из Гатчины со своим братом Великим Князем Георгием Александровичем в Афины. Осмотрев город, они пересели на крейсер «Память Азова». С ними поехал королевич Георгий Греческий.

Я по газетам следила за его путешествием и всегда знала, где он находится в данный момент. Хотя я никогда не рисовала раньше, я занялась рисованием, и мне удалось снять копию карандашом с гравюры Наследника, а потом срисовать его портрет с фотографии в морской форме, но этот портрет я не успела закончить.

Главными пунктами остановок были Каир, Бомбей, Калькутта, Цейлон, Сингапур, Сайгон, Нагасаки и Киото. 29 апреля (11 мая) 1891 года Наследник прибыл в Оцу, и там произошло на него покушение. Японский фанатик ударил его саблей по голове, и только благодаря присутствию духа королевича Георгия, успевшего палкой отвести удар и тем самым уменьшить его силу, рана не оказалась смертельной. Но след от нее остался у Наследника на всю жизнь, и он говорил, что у него бывают го-

ловные боли на этом месте. О покушении мы узнали тотчас, но без подробностей. Первое время никто даже не знал, в каком состоянии было здоровье Наследника. Можно себе представить мой ужас при этом известии и как я была счастлива, когда наконец дошли более успокоительные вести.

Государь приказал прервать путешествие по Японии и тотчас вернуться домой. Обратный путь Наследник совершил через Владивосток и всю Сибирь проехал на лошадях.

Наследник вернулся 4 (16 августа) 1891 года прямо в Красное Село, где находились Государь и Императрица. В тот же вечер он был в театре, и я его увидела впервые после путешествия. Я была счастлива, но это счастье длилось недолго. Вскоре он уехал с родителями в Данию и вернулся в Петербург лишь к концу года.

Глава девятая

ПЕРВЫЙ СЕЗОН НА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЦЕНЕ

В первом моем сезоне на Императорской сцене мне еще не давали целых балетов, но все же давали ответственные места, в которых я могла показать свои способности. В балете «Спящая красавица» я исполняла различные роли — в первом акте фею Кандид, во втором маркизу, а в последнем Красную Шапочку, и этот мой танец с Волком особенно любил Наследник. Кроме того, я, как все балетные молодые артистки, принимала участие в оперных спектаклях, когда были танцы. Я участвовала в двадцати двух балетах и двадцати одной опере, как отмечает Ежегодник Императорских театров за 1890—1891 годы.

Мы с сестрой продолжали жить у родителей после окончания школы, и нам разрешалось выходить только к близким знакомым, да и то с провожатыми. Мы находили все же разные уловки, чтобы обмануть бдительность родных. Если хотелось пойти куда-нибудь повеселиться, куда нас могли и не пустить, то мы выдумывали, что нас пригласили куда-нибудь, куда нам наверно разрешали ходить. А если надо было ехать в вечерних платьях, то мы поверх них надевали пальто, шли прощаться к родителям в таком виде, а по возвращении домой быстро скидывали свой вечерний туалет и отправлялись пожелать родителям покойной ночи уже в ночных рубашках. Одним словом, мы на деле разыгрывали «тщетную предосторожность». Все это было так занято, так полно волнений и страхов, что наши выезды приобретали для нас еще больше прелести. Но по существу это были совершенно невинные проделки.

Я хотела добиться виртуозности итальянской школы, которая пленяла публику, и стала брать уроки у маэстро Энрико Чекетти, продолжая бывать в классах для артисток у Христиана

Петровича Иогансона, которого очень любила и ценила. Но его очень обидело мое хождение к итальянскому учителю. Когда я раз пришла с урока Чекетти с опозданием в класс Иогансона, старик подошел ко мне и спокойно при всех сказал: «Если вам не нравится мое преподавание, то я могу с вами не заниматься совсем». Мне стало так стыдно и больно, что я перестала ходить заниматься к Чекетти, а итальянскую технику разучивала одна.

Когда я получила отпуск после окончания сезона 1890/91 года, мой крестный отец Стракач в награду за окончание училища пригласил меня поехать с ним за границу. Он был владельцем большого бельевого магазина в Санкт-Петербурге, известного под фирмой Артюр. Он меня очень любил и с большим умением устроил это путешествие.

Мы начали с Биаррица, а оттуда проехали в Лурд помолиться перед Чудотворной Мадонной. Я всегда потом, когда бывала поблизости от Лурда, ездила туда. В Лурде мы купили образки и сувениры. Затем мы побывали в Риме, в Милане, где пошли в театр «Ла Скала», объездили много красивых мест в Италии и закончили наше путешествие в Париже, где у крестного были дела. Получив много радостей и удовольствия, я вернулась с крестным в Санкт-Петербург к предстоящему зимнему сезону.

Глава десятая СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ

Когда Наследник вернулся из Дании осенью 1891 года, я встретила его только случайно на улице. Только раз удалось мне с ним встретиться на репетиции оперы «Эсklarмонды», в которой выступала красавица шведка Сандерсон. На спектакле присутствовал Государь и вся Царская семья. Это было 4 января 1892 года.

Государь и Наследник сидели в первом ряду, а Императрица и Великая Княгиня — в Царской ложе. Я была в одной из лож бельэтажа, в том же ярусе, что и Царская ложа. Во время одного из антрактов я вышла в коридор и, спускаясь вниз, встретила на лестнице с Наследником, который поднимался вверх, направляясь в Царскую ложу. Задержаться было нельзя, так как кругом была публика. Но мне все же было радостно увидеть его так близко.

Я любила каждый день кататься в одиночке с русским кучером и на набережной часто встречала Наследника, который тоже выезжал в это время. Но это были встречи на расстоянии. У меня как-то на глазу вскочил фурункул, а затем и на ноге. Я все же продолжала выезжать на катанье с повязкой на глазу,

пока глаз от ветра так не разболелся, что пришлось несколько дней оставаться дома. Наследник, вероятно, заметил и повязку на глазу, и потом мое отсутствие.

Мы жили с родителями, и у меня с сестрой была своя половина — небольшая спальня для нас обеих и кокетливо убранная гостиная. Наша спальня была рядом с комнатой отца и отделилась большим туалетным столом, который закрывал дверь в отцовский кабинет.

Я сидела дома вечером с повязкой на больном глазу, а сестра куда-то ушла, никого не было дома. В передней вдруг раздался звонок, и я слышала, как горничная пошла отворять дверь. Она доложила, что пришел гусар Волков, и я велела провести его в гостиную. Одна дверь из гостиной вела в переднюю, а другая в зал — и через эту дверь вошел не гусар Волков, а... Наследник.

Я не верила своим глазам, вернее, одному своему глазу, так как другой был повязан. Эта неожиданная встреча была такая чудесная, такая счастливая. Остался он в тот первый раз недолго, но мы были одни и могли свободно поговорить. Я так мечтала с ним встретиться, и это случилось так внезапно. Я никогда не забывала этого вечернего часа нашего первого свидания.

На другой день я получила от него записку на карточке: «Надеюсь, что глазок и ножка поправляются... до сих пор хожу как в чаду. Постараюсь возможно скорее приехать. Ники».

Это была первая записка от него. Она произвела на меня очень сильное впечатление. Я тоже была как в чаду.

Потом он часто писал мне. В одном из писем он привел слова из арии Германа в «Пиковой даме»: «Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой». Он очень любил мое выступление в этой опере, я танцевала в костюме пастушки и в белом парике в пасторали, в сцене бала первого акта. Мы изображали саксонского фарфора статуэтки стиля Людовика XV. Нас выкатывали на сцену попарно на подставках, мы прыгивали с подставок и танцевали, в то время как хор пел «мой миленький дружок, прелестный пастушок». Исполнив пастораль, мы вскакивали обратно на подставку, и нас увозили за кулисы. Наследник очень любил эту сцену.

В другом письме он вспоминал любовь Андрия к польской панночке в «Тарасе Бульбе» Гоголя, ради которой он забыл все: и отца, и даже родину. Я не сразу поняла смысл его письма: «Вспомни Тараса Бульбу и что сделал Андрий, полюбивший польку».

Его первую записку я перечитывала много, много раз и запомнила ее наизусть. Все его письма я хранила свято.

После своего первого посещения Наследник стал часто бывать у меня по вечерам. Вслед за ним стали приходить Михайловичи, как мы называли сыновей Великого Князя Михаила Николаевича: Великие Князья Георгий, Александр и Сергей

Михайловичи. Мы очень уютно проводили вечера. Михайловичи пели грузинские песни, которым они выучились, живя на Кавказе, где отец их был Наместником почти двадцать лет. Сестра тоже часто проводила вечера с нами. Живя у родителей, я ничем не могла угостить своих гостей, но иногда мне удавалось все же подать им шампанское.

В один из вечеров Наследник вздумал исполнить мой танец Красной Шапочки в «Спящей красавице». Он вооружился какой-то корзинкой, нацепил себе на голову платочек и в полутемном нашем зале изображал и Красную Шапочку и Волка.

Наследник стал часто привозить мне подарки, которые я сначала отказывалась принимать, но видя, как это огорчает его, я принимала их. Подарки были хорошие, но не крупные. Первым его подарком был золотой браслет с крупным сапфиром и двумя большими бриллиантами. Я выгравировала на нем две, мне особенно дорогие и памятные даты — нашей первой встречи в училище и его первого приезда ко мне: 1890—1892.

Раз, когда Наследник был у меня, у парадной двери раздался звонок. Горничная доложила, что приехал градоначальник и что ему непременно нужно видеть Наследника. Наследник вышел в переднюю и, вернувшись потом, сказал, что Государь его спрашивал и ему доложили, что он из дворца выехал. Градоначальник счел долгом об этом ему сообщить, и Наследник тотчас поехал к отцу в Аничков дворец.

По воскресеньям я бывала в Михайловском манеже на конских состязаниях. Моя ложа была как раз напротив Царской, и Наследник всегда присылал мне в ложу цветы с двумя гусарами, его однополчанами — князем Петром Павловичем Голицыным, которого мы называли Пикой Голицыным, и Пепой Котляревским. Их называли моими адъютантами, а они меня — ангелом. По окончании состязаний я возвращалась на своей одиночке шагом по Караванной улице по направлению к Аничковому дворцу с тем расчетом, что Наследник меня по дороге обгонит и я смогу на него еще раз взглянуть.

Двадцать пятого марта, в день Благовещения, я присутствовала на параде Конного полка по случаю его полкового праздника. Я была в одной из лож для публики в конце манежа, и, когда Государь со свитой обходил фронт полка, Наследник, идя за ним, в упор смотрел на меня, а я на него влюбленными глазами.

В один из вечеров, когда Наследник засиделся у меня почти что до утра, он мне сказал, что уезжает за границу для свидания с принцессой Алисой Гессенской, с которой его хотят сватать. Впоследствии мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто Наследник привозил с собой свои дневники, которые он вел изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, о тех, которые он питает к принцессе Алисе. Мною он был очень увлечен, ему нравилась обстановка наших встреч, и меня он безусловно горячо любил. Вначале он относился к

принцессе как-то безразлично, к помолвке и к браку — как к неизбежной необходимости. Но он от меня не скрыл затем, что из всех тех, кого ему прочили в невесты, он ее считал наиболее подходящей и что к ней его влекло все больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение.

Мнения могут расходиться на счет роли, сыгранной Императрицей во время царствования, но я должна сказать, что в ней Наследник нашел себе жену, целиком воспринявшую русскую веру, принципы и устои царской власти, женщину больших душевных качеств и долга. В тяжелые дни испытаний и заключения она была его верной спутницей и опорой и вместе с ним со смирением и редким достоинством встретила смерть.

Известие о его сватовстве было для меня первым настоящим горем. После его ухода я долго сидела убитая и не могла потом сомкнуть глаз до утра. Следующие дни были ужасны. Я не знала, что дальше будет, а неведение ужасно.

Я мучилась безумно.

Поездка оказалась неудачной, и Наследник вернулся довольным скоро. Принцесса Алиса отказалась переменить веру, а это было основным условием брака, и помолвка не состоялась.

После своего возвращения Наследник снова стал бывать у меня, веселый и жизнерадостный. Я чувствовала, что он стремился ко мне, и я видела, что он был рад тому, что помолвка не совершилась. А я была бесконечно счастлива, что он вернулся ко мне.

Кончился зимний сезон, наступало лето, и я собиралась с родителями в имение, а Наследник — в Красное Село. Мы оба мечтали о предстоящих встречах в Красносельском театре. Сезон сулил быть особенно веселым, и действительно, это было счастливое для меня лето.

Глава одиннадцатая

КРАНОСЕЛЬСКИЙ СЕЗОН 1892 ГОДА

Репетиции для летнего сезона в Красном Селе происходили в Театральном училище, и мы с сестрой приезжали из нашего имения Красницы в город, останавливаясь иногда на несколько дней в нашей квартире. Как только я входила в квартиру, я первым делом бросалась к роялю, на котором складывалась наша корреспонденция, и всегда находила письмо от Наследника.

Прислуга оставалась летом на квартире, и мы дома отлично ели, даже могли приглашать гостей: будущего мужа моей сестры барона Зедделера, обоих гусаров, князя Пикю Голицына и Пепу

Котляровского, и Володю Свечина, которого я еще помнила правоведем. Он служил теперь в Преображенском полку, одно время вместе с Наследником, и обожал его, стараясь во всем ему подражать. Он носил такую же бороду, как Наследник, катался, как он, в одиночке с толстым кучером, носил закинутый назад башлык и даже руки старался держать скрестив у пояса, как Наследник. Он был на него похож и приходил в восторг, когда ему отдавали честь как Наследнику, становясь во фронт. Летом Володя Свечин жил в Сергиеве около Стрельны, где у него была своя дача. Иногда он устраивал приятные и милые обеды для меня и сестры, за которой немного ухаживал.

В дни спектаклей артисты выезжали в Красное Село по Балтийской железной дороге и приезжали обычно ко времени завтрака в ресторане напротив театра.

Я окончательно получила в этом сезоне нижнюю лучшую уборную, которая выходила двумя окнами на Царский подъезд. Я постаралась устроить ее как можно уютнее и наряднее: заказала мебель из светлого дерева, стены обтянула красивым кремоном и повсюду расставила цветы. В уборной была кушетка, туалетный стол и стулья.

Великий Князь Владимир Александрович любил присутствовать на репетициях, которые начинались в три часа. Он заходил в мою уборную посидеть и поболтать. Я ему нравилась, и он шутил говорил, что жалеет о том, что недостаточно молод. Он подарил мне свою карточку с надписью — «Здравствуй, душка». До конца своей жизни он оставался моим верным другом.

В это лето Наследник стал часто бывать на репетициях. Я знала о часе его приезда и стояла у окна, поджидая его. Из своих окон я могла видеть его издали, когда он появлялся на прямой дороге, ведущей от дворца через театральный парк к театру.

Соскочив молодецки с лошади, он прямо шел ко мне в уборную, где оставался до начала репетиции и чувствовал себя уютно, как дома. Мы могли свободно болтать вдвоем.

Во время репетиции Наследник садился в Царской ложе между колоннами у самой сцены, которая была почти на том же уровне. Он требовал, чтобы я садилась на край ложи, упираясь ногами в пол сцены. Пока другие репетировали, мы могли свободно продолжать болтать. Наследник оставался до конца репетиции и уезжал потом во дворец к обеду.

Вечером, ко времени приезда Государя и Императрицы, все артисты стояли у окон, выходящих в сторону Царского подъезда, и когда показывалась открытая коляска Их Величества, запряженная великолепной тройкой, с казаком на козлах, все кланялись им, и Государь улыбался в ответ, прикладывая руку к козырьку, а Императрица дарила нас своей очаровательной улыбкой. Сзади на своей тройке ехал Наследник. Во всех трех этажах театра были раскрыты окна, и все стояли в них, пока Их Величества не входили в театр.

В антрактах ко мне в уборную приходили не только молодые Великие Князья, но и старшие: Владимир Александрович, Алексей Александрович, принц Христиан Датский, племянник Императрицы, будущий Король и Великий Герцог Мекленбург-Шверинский, муж Великой Княгини Анастасии Михайловны, на редкость обаятельный человек, с которым я очень подружилась. Приходил герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский и другие. Приходило ко мне в уборную много посетителей особенно в последнем антракте, перед балетом, и потом все шли на сцену, где артисты собирались в своих костюмах перед началом дивертисмента.

В это лето мы раз условились с Наследником, что после спектакля он поедет сперва во дворец поужинать у Государя, а потом вернется на своей тройке в театр за мной, чтобы вместе ехать к барону Зедделеру в Преображенский полк в его барак, куда должна была поехать и моя сестра. Было условлено, что я буду ожидать Наследника в парке, недалеко от театра. В пустынной аллее было темно, в театре огни были потушены, кругом был полный мрак, и мне было страшно одной. Для храбрости я взяла с собою театрального капельдинера. Вскоре я слышала издали бубенцы его лихой тройки, увидела огни его фонарей, и Наследник подкатил к театру. Была чудная ночь, и мы решили до ужина прокатиться по всему Красному Селу. Мы вихрем носились по пустынным дворам, а потом отправились ужинать. Барон Зедделер жил в одном бараке с товарищем по полку, Шлиттером, который один остался без дамы за ужином. Сестра увлекалась Зедделером, я Наследником, а ему не за кем было ухаживать, и он шутя говорил о себе: «Ни Богу свечка, ни черту кочерга». Ужин был очень веселый. Наследник сидел до утра, и ему не хотелось возвращаться домой. Какой это был чудесный, незабываемый вечер!

Последний спектакль закончился, как всегда, грандиозным галопом, и к горлу подступали слезы при мысли, что кончился летний сезон, когда я могла свободно встречаться с Наследником.

Наследник после лагеря уехал с Государем в Данию, откуда я получала от него прелестные письма, трогательные и сердечные.

Нас все более влекло друг к другу, и я все чаще стала подумывать о том, чтобы обзавестись собственным уголком. Встречаться у родителей становилось просто невыносимым. Хотя Наследник, с присущей ему деликатностью, никогда об этом открыто не заговаривал, я чувствовала, что наши желания совпадают.

Но как сказать об этом родителям? Я знала, что причину им огромное горе, когда скажу, что покидаю родительский дом, и это меня бесконечно мучило, ибо родителей своих, от которых я видала лишь заботу, ласку и любовь, я обожала. Мать, говорила я себе, еще поймет меня как женщина, я даже была в этом

уверена, и не ошиблась, но как сказать отцу? Он был воспитан в строгих принципах, и я знала, что наносу ему страшнейший удар, принимая во внимание те обстоятельства, при которых я покидала семью. Я сознавала, что совершаю что-то, чего я не имею права делать из-за родителей. Но... я обожала Ники, я думала лишь о нем, о моем счастье, хотя бы кратком...

До сих пор, вспоминая тот вечер, когда я пошла сказать отцу, я переживаю каждую минуту. Он сидел в своем кабинете за письменным столом. Подойдя к двери, я не решалась войти. Решилась бы я или нет... но меня выручила сестра. Она вошла в кабинет и обо всем рассказала отцу. Хотя он умел владеть собой, я не могла не заметить, что в нем творится, и сразу же почувствовала, как он страдает. Он выслушал меня внимательно и лишь спросил, отдаю ли я себе отчет в том, что никогда не смогу выйти замуж за Наследника и что в скором времени должна буду с ним расстаться.

Я ответила, что отлично все сознаю, но что я всей душой люблю Ники, что не хочу задумываться о том, что меня ожидает, я хочу лишь воспользоваться счастьем, хотя бы и временным, которое выпало на мою долю.

Отец дал свое согласие, но поставил условием, чтобы со мною поселилась моя сестра. Тяжело ему было пойти на этот шаг. Я мучилась при мысли, что причиняю ему незаслуженное горе, и было все же как-то грустно уходить из-под родительского крова. Но камень с плеч упал, тяжелые моменты были пережиты и остались позади. На душе стало легче. Я начала мечтать о моей предстоящей самостоятельной жизни.

Я нашла маленький, прелестный особняк на Английском проспекте, № 18, принадлежавший Римскому-Корсакову. Построен он был Великим Князем Константином Николаевичем для балерины Кузнецовой, с которой он жил. Говорили, что Великий Князь боялся покушений и потому в его кабинете первого этажа были железные ставни, а в стену был вделан несгораемый шкаф для драгоценностей и бумаг.

Дом был двухэтажный, хорошо обставленный, и был у него хороший большой подвал. За домом был небольшой сад, обнесенный высоким каменным забором. В глубине были хозяйственные постройки, конюшня, сарай. А позади построек снова был сад, который упирался в стену парка Великого Князя Алексея Александровича.

При переезде в дом я переделала только спальню на первом этаже, при которой была прелестная уборная. В остальном я оставила дом без изменения. Электричества тогда еще не было, и дом освещался керосиновыми лампами всех видов и размеров.

Я ждала возвращения Наследника теперь у себя дома.

Глава двенадцатая
НАЧАЛО
МОЕЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ
ЖИЗНИ

Предстоящий сезон обещал быть исключительным. Я ожидала Наследника у себя в доме, могла свободно и когда хотела его принимать, а в то же время в театре я должна была получить первые роли в лучших балетах и выступать уже как настоящая балерина в целом балете, а не в отдельных небольших ролях.

Дом весь был готов к приезду Наследника, и только не было у меня еще кухарки. Обеды и ужины приходилось брать из ближайших ресторанов, но это нисколько не портило нашего радостного настроения.

Я устроила новоселье, чтобы отпраздновать мой переезд и начало самостоятельной жизни. Все гости принесли мне подарки к новоселью, а Наследник подарил восемь золотых, украшенных драгоценными камнями чарок для водки.

Много счастливых дней я прожила в этом доме. Наследник обыкновенно приезжал вечером, к ужину, весь день он был очень занят. Приезжали с ним иногда и его молодые дяди, Великие Князья Георгий, Александр и Сергей Михайловичи. Бывали у меня граф Андрей Шувалов с Верой Легат, балетной артисткой, на которой он потом женился, и Николай Николаевич Фигнер, тенор Мариинской оперы, которого Наследник очень любил.

После ужина Михайловичи по обыкновению пели грузинские песни, а мы играли в маленький скромный баккара, что выходило очень уютно.

После переезда Наследник подарил мне свою фотографию с надписью: «Моей дорогой пани», как он меня всегда называл.

Я знала приблизительно время, когда Наследник ко мне приезжал, и садилась у окна. Я издали прислушивалась к мерному топоту копыт его великолепного коня о каменную мостовую, затем звук резко обрывался — значит, рысак остановился как вкопанный у моего подъезда.

Мне очень хотелось получить балет — «Эсмеральду», в котором так изумительно танцевала Цукки. Я попросила об этом нашего знаменитого, всевластного балетмейстера Мариуса Ивановича Петипа.

Он говорил всегда по-русски, хотя очень плохо его знал и так и не выучился за долгие годы пребывания в России. Ко всем он обращался на ты. Приходил обыкновенно завернувшись в свой клетчатый плед и посвистывая. Он приходил с уже готовым планом и ничего не придумывал во время репетиции. Не глядя на нас, он просто показывал, приговаривая на своем особенном русском языке: «Ты на я, я на ты, ты на мой, я на твой», что

означало переход с одной стороны на его сторону — «ты на я», причем он для ясности тыкал себе пальцем в грудь при слове «я». Или с дальней стороны сцены — «твой» на ближнюю к нему — «мой». Мы его язык знали и понимали, чего он от нас хочет.

Выслушав мою просьбу о балете «Эсмеральда», он спросил:
— А ты любил?

Я ему восторженно ответила, что влюблена и люблю. Тогда он задал второй вопрос:

— А ты страдал?

Этот вопрос мне показался странным, и я тотчас ответила:

— Конечно, нет.

Тогда он мне сказал то, что потом я вспоминала часто. Он объяснил, что, только испытав страдания любви, можно по-настоящему понять и исполнить роль Эсмеральды. Как горько я потом вспоминала его слова, когда выстрадала право танцевать Эсмеральду и она стала моей лучшей ролью.

Я получила в этом сезоне 1892/93 года мой первый балет, «Калькабрино» в трех действиях, поставленный Мариусом Петипа по либретто Модеста Чайковского на музыку Минкуса, присяжного поставщика балетных партитур в то время.

Перед таким ответственным выступлением я много работала с Чекетти, стараясь овладеть виртуозной техникой, которой блистали на нашей сцене итальянские балерины. В итальянской технике есть резкость чеканных, точных движений, тогда как в русской и французской технике больше мягкости, лиризма, выразительности даже в наиболее бравурных, чисто виртуозных па.

Я танцевала «Калькабрино» 1 ноября 1892 года, заменив неожиданно покинувшую нашу сцену Карлотту Брианцу, я исполнила ее роль именно в итальянской чеканной манере, лишь позже вернувшись к нашей технике, поняв ее грацию и красоту. Успех я имела большой, и это было отмечено и критикой, и балетоманами, которые говорили мне много комплиментов. Со мною танцевал мой учитель, Энрико Чекетти, и по примеру Цукки и Гердта я расцеловала в радости на сцене моего партнера.

А. Плещеев описал мое первое самостоятельное выступление в главной роли балета:

«Вместо Карлотты Брианца,— писал он,— в «Калькабрино» 1 ноября 1892 года выступила М. Ф. Кшесинская, исполнившая роли Мариетты и Драгиниакцы. Это было молодое, даровитое исполнение, носившее печать энергичного труда и упорной настойчивости. В самом деле, давно ли подвизается на сцене г-жа Кшесинская 2-я, давно ли мы говорили об ее первом дебюте, и теперь она решается заменить г-жу Брианцу. За такую храбрость, за такую уверенность в себе можно было уже одобрить милую танцовщицу. Она без ошибки делала тогда двойные туры и удивила балетоманов своими жете-ан-турнан в вариации

второго действия. Да вообще все танцы, в которых прекрасно танцевала итальянская балерина, несмотря на технические пороги, г-жа Кшесинская повторяла весьма успешно. Влияние ее учителя Чекетти, несомненно, способствовало в сильной степени победе молодой танцовщицы. Г-жа Кшесинская сознавала это и расцеловала Чекетти при публике».

В другом месте критик пишет по поводу этого выступления:

«Благодаря своим блестящим способностям и неутомимой работе Матильда Феликсовна все больше и больше выдвигалась среди молодых танцовщиц, и ей стали поручать более ответственные роли. Через два года мы уже видим г-жу Кшесинскую с успехом достигнувшей своей цели, видим ее заменяющей часто балерину. В первый раз целый балет Матильда Феликсовна танцевала 1 ноября 1892 года. Она выступила тогда в «Калькабрино» вместо Карлотты Брианца, в ролях Мариетты и Драгинианцы. Успех в этом спектакле г-жа Кшесинская имела громадный».

Другой балетный критик писал:

«Давно ожидавшийся всеми лицами, заинтересованными в судьбах русской хореографии, дебют г-жи Кшесинской 2-й состоялся в воскресенье 1 ноября 1892 года в балете «Калькабрино» и был полным триумфом нашей молодой и талантливой балерины. Несмотря на то, что танцы, поставленные в этом балете для Карлотты Брианца, изобилуют такими трудностями, которые следует признать последним словом современной техники, юная балерина справилась блестящим образом со своей задачей и произвела на зрителей самое лучшее впечатление. Многочисленная публика, совершенно наполнившая залу Мариинского театра, горячо приветствовала г-жу Кшесинскую 2-ю, которая завоевала всеобщие симпатии с момента своего первого выхода. Большая сцена первого акта, трудное адажио во втором акте, наконец, все многочисленные танцы, которыми наполнен этот балет, были исполнены нашей балериной с редким апломбом, настоящим артистическим брио и тою законченностью, которой трудно было даже ожидать от артистки, так недавно покинувшей театральную школу. Этими блестящими результатами г-жа Кшесинская обязана как пройденной ею у нас образцовой школе, так и своему теперешнему учителю Чекетти. Повторим еще раз, что дебют ее можно рассматривать как событие в истории нашего балета».

Оба эти отзыва были помещены в «Критико-биографическом очерке», изданном в 1900 году по поводу празднования десятилетия моего служения в Балете.

О моем дебюте появился хвалебный отзыв и за границей, в парижском журнале «Le Monde Artiste»:

«Новая «звезда», мадемуазель Кшесинская, дебютировавшая в качестве прима-балерины, выступила блистательно. Этот успех так обрадовал русских, поскольку он был одержан воспитанницей русской национальной школы, взявшей от итальянск-

кой лишь необходимые элементы для модернизации классического танца. Молодая прима-балерина имеет все: физическое обаяние, безупречную технику, законченность исполнения и идеальную легкость. Если к этому ей удастся прибавить усовершенствованную мимику, это будет готовая актриса».

Я очень была рада в особенности тому, что критики отмечали мой успех при одолении всех технических трудностей, которые считались раньше доступными только итальянкам.

Восемнадцатого ноября 1892 года по случаю пятидесятого представления балета «Спящая красавица» должно было состояться при опущенном занавесе чествование Чайковского и поднесение ему венка.

Я танцевала тогда одну из фей.

Когда в театр приехал Чайковский, я провела его на сцену и, пока ему делали овации, воспользовалась моментом, чтобы выбежать за кулисы поболтать с пришедшими ко мне Великими Князьями и Наследником. Я задержалась за кулисами, и когда делегации говорили речи и Чайковскому подносили венок, меня на сцене не оказалось. Этот случай рассказывает в своей статье Юрий Бахрушин, ссылаясь на запись в моем дневнике, оставшемся в России. Его статья помещена в книге «Чайковский и театр».

О Чайковском я много слышала от отца. При первой постановке «Спящей красавицы» Чайковский часто приходил на репетиции и сам садился за рояль аккомпанировать.

Четвертого января 1893 года я исполняла в «Щелкунчике» роль феи Драже вместо итальянской балерины Дель Эра. У меня было красивое и выгодное па-де-де.

Но самым большим для меня событием было выступление в роли Авроры в «Спящей красавице» 17 января 1893 года. Я выслушала много похвал, но самой ценной была похвала Чайковского, который пришел ко мне в уборную и после лестных слов выразил желание написать для меня балет.

Этому желанию не суждено было осуществиться, так как Чайковский умер в том же, 1893 году от холеры, 25 октября.

Зимой этого года со мною произошел несчастный случай, когда я каталась по городу. Однажды Великий Князь Александр Михайлович, который служил тогда в Гвардейском Экипаже, предупредил меня, что в такой-то день и час он будет проходить по набережной со своей ротой и хором музыки. В условленный день и час я выехала на своей одиночке в санях с Ольгой Преображенской, с которой тогда очень дружила, на набережную. Мы стали обгонять роту, которую вел Великий Князь, как вдруг грянула музыка, моя лошадь испугалась и понесла. Кучер не мог ее удержать, сани опрокинулись, но, на наше счастье, не в сторону панели, где был ряд гранитных тумб, о которые мы могли разбить себе головы, а в сторону улицы. Ольга, Оляша, как мы ее называли, первая вылетела из саней, а я с трудом

освободилась из-под меховой полости и тоже в конце концов вылетела из саней в снег, сильно расшибла себе руку, да и вся вообще здорово расшиблась.

Наступило лето, и я начала замечать, что Наследник все менее и менее свободен в своих поступках. И я стала подумывать, не должен ли он снова ехать за границу в связи с постоянно поднимавшимся вопросом о его женитбе и о возможной помолвке с принцессой Алисой Гессенской, которую все более считали наиболее подходящей для него невестой.

В особенности я стала волноваться, когда Наследник был послан в Лондон на свадьбу своего двоюродного брата принца Георга Йоркского, будущего короля Георга V, с принцессой Марией Тэк, которая состоялась 24 июня (6 июля) 1893 года. Я была уверена, что Наследник снова встретится с принцессой Алисой, которая жила в то время у королевы Виктории. Но и на этот раз вопрос о помолвке Наследника с принцессой Алисой остался открытым и не получил никакого разрешения.

Летом мне хотелось жить в Красном Селе или поблизости от него, чтобы иметь возможность чаще видеть Наследника, который не мог выезжать из лагеря для встреч со мною. Я даже подыскала себе премиленькую дачку на берегу Дудергофского озера, очень удобную во всех отношениях. Наследник не возражал против этого плана, но мне дали понять, что это может вызвать излишние и нежелательные толки, если я так близко поселюсь от Наследника. Тогда я решила нанять дачу в Коерове, это был большой дом, построенный в эпоху Императрицы Екатерины II и имевший довольно оригинальную форму треугольника. Рассказывали, что, проезжая через Коеровский лес, Императрица Екатерина облюбовала это место для постройки дома. На вопрос, как она прикажет строить, Императрица будто бы взяла у одного из близстоящих придворных его треугольную шляпу и сказала: «Вот план дома». Архитектор, которому было поручено строить, в точности выполнил Высочайшее указание и придал дому треугольную форму. При въезде в имение был обширный двор, в глубине которого был расположен дом с колоннадой и высокой лестницей, ведшей к подъезду. С правой стороны двора было расположено несколько дач, более поздней эпохи. Исходящий угол дома выходил в сильно запущенный парк, простиравшийся почти до Волконского шоссе, которое шло от Царского Села до Петергофа.

Днем было чудно и уютно, но по вечерам, и в особенности ночью, становилось страшновато. Дом и небольшие дачи были расположены в глухом лесу, далеко от Лигова, ближайшего населенного места. Хотя у меня и моей сестры были отдельные спальни, но сестра стала приходить ночевать со мною, так как одной было слишком жутко спать. В одну из первых ночей, что мы поселились в этом доме, когда мы только начали засыпать, мы обе одновременно услышали подозрительный шорох у окон нашей спальни, как будто кто-то старался их открыть.

Мы молчали, боясь друг друга напугать. Наконец сестра первая спросила меня, слышу ли я шорох у окна. Я ответила, что слышу, мы обе дрожали от страха, шорох все продолжался, и мы боялись, что вот-вот окно откроется и в нашу спальню ворвется грабитель... но в конце концов мы обе крепко заснули и проснулись утром, когда солнце весело светило в нашу комнату.

Потру, осмотрев окна, мы убедились, что шорох был вызван просто колебанием от ветра веток, слишком близко растущих около дома деревьев. Тем не менее после этого ночного испуга было решено, что наш лакей и его жена будут впредь ночевать в соседней с нами комнате, так как их комната была расположена в другом конце дома, и в случае необходимости они не могли бы услышать наш зов. Кроме них у нас была еще кухарка, которая сама себе выбрала комнату в верхнем, совершенно заброшенном, нежилом этаже.

Это лето было для меня очень грустным. Наследник всего-навсего два раза заехал ко мне на дачу верхом из Красного Села. Один раз он предупредил меня, и я его ждала, но во второй раз он заехал без предупреждения и не застал меня дома, я была в это время в городе на репетиции красносельского спектакля. По-видимому, Наследнику было трудно покидать лагерь.

Затем начались красносельские спектакли, но уже не было того веселья и той радости, как в прошлом году. Тяжелое предчувствие наполняло мое сердце: что-то должно было случиться...

Потом опять отъезд Наследника с Государем 10 августа 1893 года сперва в Либаву, а потом в Данию. Наследник вернулся обратно лишь поздно осенью, 8 октября 1893 года.

Глава тринадцатая

1893—1894

Зимний сезон начался, по обыкновению, в первых числах октября: у меня в репертуаре было уже три балета, а 20 февраля 1894 года я получила еще новый балет, «Пахиту», балет в трех действиях Мазилье и Фуше, музыка Дельдевеза и Минкуса, постановка Фредерика и М. Петипа. Если я могла сказать, что на сцене была очень счастлива, то про свою личную жизнь я этого сказать не могла. Сердце ныло, предчувствуя наступающее большое горе.

Двенадцатого января 1894 года была объявлена давно ожидавшаяся помолвка Великой Княжны Ксении Александровны с Великим Князем Александром Михайловичем. Государь и Императрица очень покровительствовали этому браку. Мы отпраздновали это событие в моем доме. Приехал Наследник, была моя сестра и барон Зедделер, и мы все пили шампанское, сидя на полу, почему-то в спальне сестры.

Потом состоялась другая помолвка, которую я не праздновала, так как, кроме горя и отчаяния, она мне ничего не принесла...

Седьмого апреля 1894 года была объявлена помолвка Наследника Цесаревича с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской. Хотя я знала уже давно, что это неизбежно, что рано или поздно Наследник должен будет жениться на какой-либо иностранной принцессе, тем не менее моему горю не было границ.

В начале этого года тревожные слухи стали ходить о состоянии здоровья Государя. Знаменитый профессор Захарьин был вызван из Москвы на консультацию. Никто в точности не знал, насколько серьезно был болен Государь, но все чувствовали, что он в опасности. Я понимала, что тревожное состояние здоровья Государя ускорит решение вопроса о помолвке Наследника с принцессой Алисой, хотя Государь и Императрица были оба против этого брака по причинам, которые остались до сих пор неизвестными. Но другой подходящей невесты не было, а времени терять было нельзя, и Государь и Императрица были вынуждены дать свое согласие, хотя чрезвычайно неохотно.

Он получил это согласие, когда 2 (14 апреля) 1894 года выехал в Кобург на свадьбу герцога Эрнеста Гессенского с принцессой Викторией-Мелитой Саксен-Кобург-Готской, впоследствии Великой Княгиней Викторией Федоровной, в 1905 году вышедшей вторым браком за Великого Князя Кирилла Владимировича.

Свадьба состоялась 7 (19 апреля) в Кобурге при большом семейном съезде: была Королева Виктория со своими двумя внучками, принцессой Викторией и Мод, Император Германский Вильгельм II, Великая Княгиня Мария Александровна, Великий Князь Владимир Александрович с Великою Княгиней Марией Павловной и много других.

По приезде в Кобург Наследник сделал снова предложение, но в течение трех дней принцесса Алиса отказывалась дать свое согласие и дала его только на третий день под давлением всех членов семьи.

После своего возвращения из Кобурга Наследник больше ко мне не ездил, но мы продолжали писать друг другу. Последняя моя просьба к нему была позволить писать ему по-прежнему на «ты» и обращаться к нему в случае необходимости.

На это письмо Наследник мне ответил замечательно трогательными строками, которые я так хорошо запомнила:

«Что бы со мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости».

Далее он писал, что я могу всегда к нему обращаться непосредственно и по-прежнему на «ты», когда я захочу. Действительно, когда бы мне ни приходилось к нему обращаться, он всегда выполнял мои просьбы без отказа.

После возвращения Наследника из Кобурга, после его по-

молвки он просил назначить ему последнее свидание, и мы условились встретиться на Волконском шоссе, у сенного сарая, который стоял несколько в стороне.

Я приехала из города в своей карете, а он верхом из лагеря. Как это всегда бывает, когда хочется многое сказать, а слезы душат горло, говоришь не то, что собиралась говорить, и много осталось недоговоренного. Да и что сказать друг другу на прощание, когда к тому еще знаешь, что изменить уже ничего нельзя, не в наших силах...

Когда Наследник поехал обратно в лагерь, я осталась стоять у сарая и глядела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся вдали. До последней минуты он ехал все оглядываясь назад. Я не плакала, но я чувствовала себя глубоко несчастной, и, пока он медленно удалялся, мне становилось все тяжелее и тяжелее.

Я вернулась домой, в пустой, осиротевший дом. Мне казалось, что жизнь моя кончена и что радостей больше не будет, а впереди много, много горя.

Я знала, что найдутся люди, которые будут меня жалеть, но найдутся и такие, которые будут радоваться моему горю. Я не хотела, чтобы меня жалели, а для встречи с теми, кто будет злорадствовать, надо было подготовиться и быть очень сильной. Все эти соображения пришли позже, а пока главное было горе, беспредельное горе, что я потеряла своего Ники. Что я потом переживала, когда знала, что он был уже со своей невестой, трудно выразить. Кончилась весна моей счастливой юности, наступала новая, трудная жизнь с разбитым так рано сердцем...

На лето я наняла в Стрельне второй этаж в одной даче, где я поселилась с сестрой, совершенно уединившись от внешнего мира, не имея ни желаний, ни сил кого-либо видеть. Я хотела лишь одного: чтобы меня оставили в покое.

Но я взяла себя в руки, чтобы быть в состоянии выступить летом в Красном Селе. Я чувствовала, что я должна была выступить и хотя бы издалека, но все же увидеть моего дорогого Ники. Я танцевала маленький балет «Наяда и рыбак» Перро на музыку Пуни и, вероятно, другие вещи, которые сейчас не помню. Главное для меня было увидеть моего дорогого Ники, и я его видела... но какой это был для меня грустный, тяжелый сезон. Летом в Петербурге, 28 июля, по случаю свадьбы Великой Княжны Ксении Александровны с Великим Князем Александром Михайловичем был назначен парадный спектакль в Петергофском дворцовом театре. Для этого случая был поставлен Мариусом Петипа одноактный балет «Пробуждение Флоры», в котором главную роль, Флоры, танцевала я.

Петергофский дворцовый театр был построен в царствование Императрицы Елизаветы Петровны в 1745 году из старого манежа и вновь перестроен в 1857 году. Для парадного спектакля театр был отремонтирован совершенно заново, к нему были приделаны снаружи пристройки и установлено электрическое освещение. Театр был великолепно разукрашен.

Из иностранных гостей на свадьбу приехали: Королева Ольга Греческая, принцесса Александра Валлийская (будущая Королева Английская) со своими дочерьми Викторией и Мод, друзьями детства Наследника, и принц Христиан Датский, брат Императрицы.

Кроме балета «Пробуждение Флоры» на этом спектакле давали второй акт оперы «Ромео и Джульетта» с Н. Н. Фигнером и его женой Медеей Фигнер.

Те, кто никогда не видел парадного спектакля в России, не могут себе представить роскоши и великолепия, с которыми Придворное Ведомство умело организовать подобные торжества.

После свадьбы молодые уехали в Ропшу, в загородный дворец, где местные жители встретили их такими громкими приветствиями, что лошади испугались, рванули в сторону, и молодых выбросило в канаву. К счастью, они отделались лишь испугом. Этим празднеством закончился летний сезон, и я уединилась у себя на даче в Стрельне.

В моем горе и отчаянии я не осталась одинокой. Великий Князь Сергей Михайлович, с которым я подружилась с того дня, когда Наследник его впервые привез ко мне, остался при мне и поддержал меня. Никогда я не испытывала к нему чувства, которое можно было бы сравнить с моим чувством к Ники, но всем своим отношением он завоевал мое сердце, и я искренне его полюбила. Тем верным другом, каким он показал себя в эти дни, он остался на всю жизнь, и в счастливые годы, и в дни революции и испытаний. Много спустя я узнала, что Ники просил Сергея следить за мной, оберегать меня и всегда обращаться к нему, когда мне будет нужна его помощь и поддержка.

Ники отлично сознавал, что мне придется пережить тяжелые времена и пройти через множество испытаний и что без его поддержки я могу стать жертвой всевозможных интриг. А он не хотел, чтобы из-за него я пострадала. Всю свою жизнь я чувствовала его покровительство, и не раз он поддержал и защитил меня, когда меня стремились унижить или оскорбить.

Трогательным вниманием со стороны Наследника было выраженное им желание, чтобы я осталась жить в том доме, который я нанимала, где он у меня так часто бывал, где мы оба были так счастливы. Он купил и подарил мне этот дом.

Этим летом я часто гуляла по тенистым аллеям парка, окружавшего великолепный дворец Великого Князя Константина Николаевича в Стрельне, который тянулся от дворца до самого моря. Широкие каналы отделяли дворец и парк от частных владений. Однажды во время прогулки я увидела преледную дачу, расположенную посреди обширного сада, простиравшегося до самого моря. Дача была большая, но запущенная, но общее расположение участка мне понравилось. На углу висела вывеска «Дача продается», и я пошла внимательно все осматривать. Видя, что дача мне очень понравилась, Великий Князь

Сергей Михайлович ее купил на мое имя, и в следующем году я уже в нее переехала на все лето.

Мне это доставило большое удовольствие, так как с раннего детства я привыкла летом жить на даче. Дача была хотя по-старинному, но хорошо обставленная. Я сразу стала приводить ее в порядок. Впоследствии я все лучше и лучше устроивала и самую дачу, и сад вокруг нее и построила даже собственную электрическую станцию для ее освещения, что было большим новшеством в те времена. Многие мне завидовали, так как даже во дворце не было электричества.

На зиму я вернулась в город, в свой маленький осиротевший дом, но он был уже моим собственным.

Глава четырнадцатая

1894—1895

Состояние здоровья Государя хотя и внушало некоторое опасение, но не было тревожным, по крайней мере так думали все. Лагерь, маневры — все это Государь проделал по обыкновению, а потом поехал со всей семьей в Скерневицы на охоту, куда был вызван знаменитый немецкий профессор Лейден, на консультацию. Он определил, что Государь страдает воспалением почек, и тогда было решено ехать прямо в Крым, в надежде, что тамошний климат и более спокойный образ жизни дадут благоприятный результат. Но никакого улучшения не наступило, напротив, здоровье Государя заметно ухудшилось, и настолько, что в Крым были вызваны ближайшие его родственники. В последнюю почти минуту в Крым была вызвана невеста Наследника, принцесса Алиса, которая приехала лишь за несколько дней до кончины Императора. Он скончался 20 октября, на пятидесятом году своей жизни и четырнадцатом своего великого царствования, оплакиваемый всей Россией. За короткий срок своего царствования он сумел поднять и укрепить мощь и величие России до небывалой высоты и обеспечить ей мирное существование, за что и был справедливо прозван «миротворцем». Я была в очень большом горе, так как я его прямо обожала, а те несколько слов, которые он мне сказал на школьном спектакле, произвели на меня столь глубокое впечатление, что остались на всю жизнь мне путеводной звездой.

На следующий день после кончины Императора Александра III, в день восшествия на Престол Императора Николая II, его невеста, принцесса Алиса, приняла Православную веру и была объявлена Великой Княжной Александрой Федоровной. Потом состоялось перенесение останков покойного Императора из Ливадии в Санкт-Петербург, в Петропавловскую крепость, где открытый гроб был выставлен несколько дней и народ был допущен проститься.

Через неделю после похорон в Зимнем Дворце состоялась свадьба Государя, для чего траур, наложенный при Дворе на один год, был снят.

Все эти события: приезд в Россию невесты и самый брак, которые должны были быть радостными и веселыми, протеками в дни всеобщей скорби, и это было сочтено многими за дурное предзнаменование.

Что я испытывала в день свадьбы Государя, могут понять лишь те, кто способен действительно любить всю душою и всем своим сердцем и кто искренне верит, что настоящая, чистая любовь существует. Я пережила невероятные душевные муки, следя час за часом мысленно, как протекает этот день. Я сознавала, что после разлуки мне надо готовиться быть сильной, и я старалась заглушить в себе гнетущее чувство ревности и смотреть на ту, которая отняла у меня моего дорогого Ники, раз она стала его женой, уже как на Императрицу. Я старалась взять себя в руки и не падать духом под гнетом горя и идти смело и храбро навстречу той жизни, которая меня ожидала впереди... Я заперлась дома. Единственным моим развлечением было кататься по городу в моих санях и встречать знакомых, которые катались, как и я.

В феврале 1895 года я уехала в Монте-Карло по приглашению Рауля Гюнсбурга на несколько представлений. Со мною поехали: мой брат Юзя, Ольга Преображенская, Бекефи и Кякшт. В одном журнале я нашла рецензию по поводу этих представлений: «Европа в первый раз познакомилась с г-жой Кшесинской 2-й весной 1895 года, когда импресарио Рауль Гюнсбург пригласил ее в Монте-Карло на четыре спектакля в театр Казино. Восторгам публики не было конца: особенный энтузиазм вызвало исполнение Кшесинской характерных танцев. Заграничные газеты и журналы были полны самых сочувственных отзывов о нашей симпатичной артистке. Очарованный ее талантом, знаменитый французский критик Франсис Сарсэ посвятил ей статью в «Ган».

По возвращении из Монте-Карло я выступила в 1-м акте балета «Калькабрино», в «Спящей красавице», в «Пробуждении Флоры», но сезон был не из блестящих, скорее, бледный, так как Двор был еще в трауре.

Весною этого года я познакомилась с пресимпатичнейшим Стасей Поклевским, в то время первым секретарем нашего посольства в Лондоне и большим другом Принца Валийского, будущего Короля Эдуарда IV, а потом нашим послом в Румынии. Он мне постоянно присылал цветы и подарил чучело убитого им медведя, которое украшало мою переднюю. Кроме того, он подарил механическое пианино: в него вкладывались бумажные валики с музыкой, и оно приводилось в движение рукояткою, которую надо было вертеть. Мне этот инструмент так понравился, что в первый день я так много на нем играла, что потом всю ночь не могла спать от боли в руке.

В июне я поехала в Варшаву танцевать с моим отцом, Бекефи и Легатом. А. Плещеев пишет в книге «Наш балет»:

«Появление в мазурке Феликса Ивановича Кшесинского с дочерью было приветствовано бурей рукоплесканий и цветочным дождем. Варшавские газеты посвятили им самые сочувственные статьи. Наши артисты танцевали в Варшаве четыре раза и всегда при совершенно полных сборах, несмотря на летнюю погоду. Г-жа Кшесинская решительно удивила варшавян классическими танцами, таких там давно не видывали. Феликс Иванович рассказывал мне, что он застал в Варшаве многих танцовщиц, с которыми он танцевал в молодости, сгорбленными старушками, не верившими, что перед ними был тот же самый Кшесинский, и доныне бравый и выступающий на сцене».

Я имела такой прием, какого я даже в Петербурге не видела. Да и в последующие годы, когда мне приходилось выступать в Варшаве, эти выступления были всегда для меня триумфами.

Балетные критики варшавских газет не скупились на самые лестные отзывы о моем выступлении. В воскресном номере от 4 июня 1895 года «Газета Польска» писала про меня:

«На сцене Большого театра выступила в «Пане Твардовском» прима-балерина петербургского театра г-жа Кшесинская. Она вполне оправдала свою славу знаменитой танцовщицы. Ее танец разнообразен, как блеск бриллианта: то он отличается легкостью и мягкостью, то дышит огнем и страстью; в то же время он всегда грациозен и восхищает зрителя замечательной гармонией всех движений. Мы еще не видели чардаша в таком чудном исполнении, какое дает нам г-жа Кшесинская. Публика была в восторге от г-жи Кшесинской, что выразилось самыми шумными овациями в честь балерины».

Лето 1895 года я провела уже и своей новой даче в Стрельне, которую я наскоро обставила, а свою спальню отделала совершенно заново: стены обтянула кретоном, а мебель заказала у Мельцера, лучшего фабриканта мебели в Петербурге. Я успела также заново устроить и обставить маленький круглый будуар прелестной мебелью от Бюхнера из светлого дерева.

Лето прошло более нежели спокойно и тихо. Красносельских спектаклей из-за траура не было, кроме того, я была нездорова и воспользовалась этим, чтобы оттянуть свое выступление до конца ноября.

В это время, чтобы меня хоть немного утешить и развлечь, Великий Князь Сергей Михайлович баловал меня как мог, ни в чем мне не отказывал и старался предупредить все мои желания. Но ни Великий Князь Сергей Михайлович, ни вся та обстановка, в которой я жила, не могли заменить мне то, что я потеряла в жизни,— Ники. При всех я старалась казаться беззаботной и веселой, но, оставаясь одна с собой, я глубоко и тяжело переживала столь дорогое мне прошлое, свою первую любовь.

Мои разговоры с Наследником, доверие, которое он мне

оказывал, делясь со мною своими мыслями и переживаниями, остаются для меня драгоценным воспоминанием.

Наследник был очень образован, великолепно владел языками и обладал исключительной памятью, в особенности на лица и на все, что он читал.

Чувство долга и достоинства было в нем развито чрезвычайно высоко, и он никогда не допускал, чтобы кто-либо переступал грань, отделявшую его от других. По натуре он был добрый, простой в обращении. Все и всегда были им очарованы, а его исключительные глаза и улыбка покоряли сердца.

Одной из поразительных черт его характера было умение владеть собою и скрывать свои внутренние переживания. В самые драматические моменты жизни внешнее спокойствие не покидало его.

Он был мистиком и до какой-то степени фаталистом по натуре. Он верил в свою миссию даже после отречения и потому не хотел покидать пределов России.

Для меня было ясно, что у Наследника не было чего-то, что нужно, чтобы царствовать. Нельзя сказать, что он был бесхарактерен. Нет, у него был характер, но не было чего-то, чтобы заставить других подчиниться своей воле. Первый его импульс был почти что всегда правильным, но он не умел настаивать на своем и очень часто уступал. Я не раз ему говорила, что он не сделан ни для царствования, ни для той роли, которую волею судеб он должен будет играть. Но никогда, конечно, я не убеждала его отказаться от Престола. Такая мысль мне и в голову никогда не приходила.

Глава пятнадцатая

1895—1896

На сцену меня не тянуло, я мало работала и танцевала без всякого настроения. Я выступала в прежних ролях: в «Пахите», в «Коппелии» и в «Спящей красавице» и начала свой сезон 5 ноября «Пахитой». В это время выступала прославившаяся своей виртуозностью итальянская танцовщица Леньяни. Ей давали лучшие балеты и оказывали большое предпочтение перед нами. Она выступила в Санкт-Петербурге в «Золушке» и сделала впервые в России 32 фуэте, которые потом перенесли в «Лебединое озеро», и имела большой успех. Невесело и тоскливо прошел для меня сезон 1895/96 года. Душевные раны заживали плохо и очень медленно. Мысли стремились к прежним, дорогим моему сердцу воспоминаниям, и я терзалась думами о Ники и об его новой жизни.

Приближались коронационные торжества, назначенные на май 1896 года. Повсюду шла лихорадочная подготовка. В Импе-

раторском театре распределялись роли для предстоящего парадного спектакля в Москве. Обе труппы должны были быть объединены для этого исключительного случая. Хотя Москва располагала своей балетной труппой, но туда командировались в дополнение артисты Петербургской труппы, и я была в их числе. Я должна была там танцевать в обыкновенных спектаклях балет «Пробуждение Флоры».

Однако мне не дали роли в парадном спектакле, для которого ставили новый балет, «Жемчужина», на музыку Дриго. Репетиции к этому балету уже начались, главная роль была дана Леньяни, а остальные роли распределены между другими артистками. Таким образом, оказалось, что я не должна была участвовать в парадном спектакле, хотя я уже имела звание балерины и несла ответственный репертуар. Я сочла это оскорблением для себя перед всей труппой, которого я перенести, само собою разумеется, не могла. В полном отчаянии я бросилась к Великому Князю Владимиру Александровичу за помощью, так как я не видела никого вокруг себя, к кому могла бы обратиться, а он всегда сердечно ко мне относился. Я чувствовала, что только он один сможет заступиться за меня и поймет, как я незаслуженно и глубоко была оскорблена этим исключением из парадного спектакля. Как и что, собственно, сделал Великий Князь, я не знаю, но результат получился быстрый. Дирекция Императорских театров получила приказ свыше, чтобы я участвовала в парадном спектакле на коронации в Москве.

Моя честь была восстановлена, и я была счастлива, так как я знала, что это Ники лично для меня сделал, без его ведома и согласия Дирекция своего прежнего решения не переменяла бы.

Я увидела, что после своей женитьбы и двух лет разлуки Ники исполнил мое желание и защитил меня, отдав соответствующее распоряжение. Я убедилась, что наша встреча с ним не была для него мимолетным увлечением, и он в своем благородном сердце сохранил уголок для меня на всю свою жизнь. Это он мне доказывал самым трогательным и сердечным образом.

Ко времени получения приказа от Двора балет «Жемчужина» был полностью срепетирован и все роли были распределены. Для того чтобы включить меня в этот балет, Дриго пришлось написать добавочную музыку, а М. И. Петипа поставить для меня специальное па-де-де, в котором я была названа «желтая жемчужина»: так как были уже белые, черные и розовые жемчужины.

При общем веселье во время коронационных торжеств я старалась отгонять от себя свое горе и свою грусть, принимать у себя в гостинице много друзей, казаться беспечной, но все это было только наружное, напускное, на душе же было по-прежнему тяжело. Как трудно было мне видеть коронационную процессию, когда мимо трибуны, где я сидела, проходили в ко-

ронах и порфирах, под пышными балдахинами, Ники со своей женой.

Я жила во время коронации в гостинице «Дрезден». Раз, когда кто-то обедал у меня, я опоздала в театр на репетицию балета «Пробуждение Флоры». Вся труппа во главе с Петипа была в сборе и только ожидали меня, чтобы начать репетицию. Я, конечно, извинилась перед Петипа за свое опоздание, но не сказала настоящей причины. Петипа ответил, что «для него это ничего, но для них...» — тут он широким жестом указал на артистов, и мне стало совестно перед товарищами. С тех пор я никогда уже больше не опаздывала на репетиции, всегда была вовремя на службе и старалась быть всегда корректной.

Коронационные торжества начались торжественным въездом в Москву Государя Императора.

Государь прибыл в Москву 6 (18) мая, и, по старинному обычаю, поселился до коронации не в Москве, а в Загородном Петровском Дворце, расположенном в 6-ти с половиною верстах от Кремля.

Самый въезд в Москву состоялся 9 (21) мая.

Из окон своей гостиницы я могла очень хорошо видеть этот торжественный въезд. Вдоль всего пути были выстроены войска. Въезд начался в 2 часа дня и длился до 4-х часов.

В самой процессии участвовало много народу. Кроме отдельных гвардейских кавалерийских частей тут были представители азиатских народов, подвластных России, в своих национальных костюмах, депутации казачьих войск, Родовитого Дворянства, впереди которых ехал Московский уездный предводитель дворянства, все верхом; придворный оркестр и Императорская охота в своих богатых ливреях с Государевым Стремянным и Ловчим Его Величества следовали позади.

За ними ехали разные чины Двора верхом. Другая часть ехала в открытых каретах.

Наконец появился Государь верхом на белом коне, подкованном серебряными подковами с серебряными гвоздями. За Государем ехали лица Императорской фамилии и иностранные принцы, прибывшие в Москву на коронацию. Подковы и гвозди Государева коня потом сохранялись в Оружейной палате.

Затем следовала Императрица Мария Федоровна с Великой Княжной Ольгой Александровной в парадной, золоченой карете под короною. Карета была запряжена восемью белыми лошадьми. На ремнях сидели два маленьких пажа.

В следующей золотой карете ехала Императрица Александра Федоровна одна. Великие Княгини следовали позади в золотых каретах. Погода была дивная, и торжественный въезд прошел при самых благоприятных условиях.

В день коронации вся Москва была иллюминирована. В 9 часов вечера, когда Государь с Императрицей вышли на балкон дворца, обращенный на Замоскворечье, Императрице был подан букет цветов на золотом блюде, в котором был скрыт электри-

ческий контакт, и, как только Императрица взяла в руку букет, тем самым замкнулся контакт, и был подан сигнал на центральную электрическую станцию в Кремле. Первым запылала тысячами электрических лампочек колокольня Ивана Великого, и за ним заблестала повсюду в Москве иллюминация. Я попробовала поехать посмотреть иллюминацию, но пришлось скоро вернуться из-за толпы, наполнявшей все улицы, но самую красивую часть иллюминации — Кремлевский Дворец — я все-таки видела.

После коронации Государь с Императрицей поехали к Великому Князю Сергею Александровичу в его подмосковное имение Ильинское, которое к нему перешло по наследству от его матери, Императрицы Марии Александровны. Приглашены были пять офицеров Преображенского полка, которые служили с Государем, когда он был Наследником, а Великий Князь был командиром полка. Среди них был барон Александр Логгинович Зедделер, впоследствии женившийся на моей сестре Юлии, Александр Севастьянович Эттер, Шлиттер, а остальных я не помню.

Кроме парадного спектакля я выступала в Москве еще и в обыкновенных, очередных спектаклях, имела большой успех, получила много цветочных подношений и даже серебряную корзину с цветами.

После окончания Московского, коронационного сезона я вернулась к себе домой в Петербург и стала понемногу оживать. Я приняла участие в Красносельском сезоне, который прошел более весело и оживленно, нежели предыдущие. В это лето в красносельских спектаклях принимала участие москвичка Джура, очень милая и симпатичная. Когда спектакли шли несколько дней подряд, мы оставались ночевать в театре в своих уборных, чтобы не возвращаться к себе — кому на дачу, кому в город. В таких случаях после спектакля все шли ужинать в ресторан против театра. После одного из спектаклей с нами остались ужинать Великие Князья Кирилл и Борис Владимировичи, которые часто бывали у меня в Москве во время коронации. После ужина мы все перешли в театр и танцевали на сцене, а Великий Князь Борис Владимирович забрался в оркестр и оттуда дирижировал воображаемыми, невидимыми и неслышными музыкантами. Великий Князь Кирилл Владимирович был тогда только что произведен в офицеры и назначен флигель-адъютантом. Он был замечательно красив, я должна сознаться.

Все лето я прожила в Стрельне и наслаждалась в своем имении, которое делалось все красивее и красивее.

Сезон 1896/97 года я начала 4 сентября в Михайловском театре, когда я в первый раз выступила в балете «Тщетная предосторожность», в трех действиях и четырех картинах, Доберваля на музыку П. Гертеля. Постановка была М. Петипа и Л. Иванова. Раньше я танцевала лишь первое действие этого балета в Красном Селе. Роль Лизы мне пришлось по душе, и я танцевала с увлечением. А. Плещеев писал:

«Г-жа Кшесинская 2-я основательно подготовилась к этой роли и сыграла ее вполне обдуманно. Переходы от слез к радости, шалости, хитрости Лизы Колен, трепет провинившейся перед матерью Лизы — все это передано с выразительностью и произвело самое выгодное впечатление. По части танцев в «Тщетной предосторожности» г-жа Кшесинская 2-я одинаково отличилась как в полухарактерных, так и в классическом па-де-де, которое она исполнила с г. Кякштом. Адажио этого танца особенно удалось, и заключительная группа его вызвала шумное одобрение публики».

Этот балет потом стал одним из моих любимых.

Двадцать пятого сентября я выступила в первый раз в балете «Млада», заново переделанном М. Петипа. А. Плещеев писал:

«Г-жа Кшесинская 2-я в роли Млады имела огромный успех. Появление в 3-м действии в адажио теней, вариация на пуантах, испещренная двойными турами, были исполнены безукоризненно: то же надо сказать и про танец балерины в 3-й картине, в которой вариация под аккомпанемент арфы вызвала восторг».

Восьмого декабря 1896 года состоялся бенефис балетмейстера Мариуса Ивановича Петипа, назначенный ему за пятидесятилетнюю его службу на Императорской сцене. Шел новый балет-феерия, в 3-х действиях и 7 картинах, «Синяя борода» на музыку П. П. Шенка, поставленный самим бенефициантом. Я исполняла роль Венеры в последнем действии, которое Петипа назвал «Астрономическим балетом», и изображала собою, по словам А. Плещеева, «хореографический десерт». Любоваться подобными танцами доставляет положительное наслаждение для любителей балета и ценителей его. Г-жа Кшесинская танцует артистически, с изумительной правильностью, красиво и всегда с огнем, который составляет качество исключительное. В ее танцах, если можно так выразиться, есть игра, как в шампанском, она живет на сцене и оживляет зрителя».

После первой картины третьего действия поднялся занавес, и мы с Ленъяни вывели М. И. Петипа на сцену, где ему поднесли венки и произнесли в его честь речи различные депутации.

В предыдущем сезоне сцена меня не увлекала, я почти не работала и танцевала не так хорошо, как следовало бы, но те-

перь я решила взять себя в руки и начала усиленно заниматься, чтобы быть в состоянии, если Государь приедет в театр, доставить ему удовольствие своими танцами.

В этот сезон, 1896/97 года, Государь и Императрица посещали балет почти каждое воскресенье, но дирекция устраивала всегда так, чтобы я танцевала по средам, когда Государь не бывал в театре. Сперва я думала, что это происходит случайно, но потом я заметила, что это делается намеренно. Мне это показалось несправедливым и крайне обидным. Так прошло несколько воскресений. Наконец дирекция дала мне вокресный спектакль; я должна была танцевать «Спящую красавицу». Я была вполне уверена, что Государь будет на моем спектакле, но узнала — а в театре все узнается очень быстро, — что директор театров уговорил Государя поехать в это воскресенье в Михайловский театр посмотреть французскую пьесу, которую он не видел в предыдущую субботу. Совершенно ясно было для меня, что директор нарочно сделал все возможное, чтобы помешать Государю видеть меня, и с этой целью уговорил его ехать в другой театр. Тогда я не стерпела и впервые воспользовалась данным мне разрешением Государя непосредственно обращаться к нему. Я написала ему о том, что делается в театре, и добавила, что мне становится совершенно невозможно при таких условиях продолжать служить на Императорской сцене. Письмо было передано лично в руки Государя Великим Князем Сергеем Михайловичем. Ответа я не получила и не знала, что решит Государь, то есть отправится ли он в Михайловский театр, как его уговаривал директор, или приедет в балет. Наступило воскресенье, в театре среди артистов было полное уныние и даже ропот: говорили, что вот, когда танцует Кшесинская, то Государь в театре не бывает и что из-за меня они лишены радости видеть сегодня Государя в театре. Царская ложа была пуста. Директор и все начальство были в Михайловском театре, ожидая там его приезда, и даже в публике было какое-то унылое, не праздничное настроение, как обычно бывало по воскресеньям. По всему было видно, что Государь решил все же ехать в Михайловский театр, и тяжело мне было при этих условиях начинать балет. Оркестр был в полном сборе, музыканты настраивали инструменты. Все только ждали последнего сигнала, чтобы начать спектакль и поднять занавес, как вдруг в театре произошел неимоверный переполох: забегали, засуетились, кричали: «Государь приехал! Государь приехал!» Никто решительно его не ожидал, все были вполне убеждены, что он поедет в Михайловский театр, и его неожиданный приезд вызвал суматоху. Надо было предупредить директора и все начальство по телефону. Трудно себе представить ту радость, которая охватила меня, когда я поняла, что Государь внял моей просьбе. Да и вся труппа сразу оживилась, узнав о присутствии Государя. Спектакль прошел с небывалым подъемом и одушевлением. После представления я сказала артистам, что знала, что Госу-

дарь придет, но нарочно молчала... Враги мои, которые все это подстроили, сначала радовались, что Государь не попадет в театр, но были потом горько разочарованы.

В чинившихся мне затруднениях я не могу винить Директора Императорских театров И. А. Всеволожского, который всегда относился ко мне очень внимательно и ценил меня, но на него имели влияние разные круги, которые думали ему этим угодить.

До получения больших балетов я танцевала много маленьких, как «Сильфиды» в старой постановке, «Шалости Амура», «Ацис и Галатей», «Привал Кавалерии», с моего согласия они были потом переданы другим танцовщицам. Еще до получения звания балерины мне почти во всех больших балетах давали ответственные места. В балете «Царь Кандавл» я исполняла танец «трех граций», и моя вариация имела огромный успех. Однажды, танцуя ее, я поскользнулась и упала, но успела вскочить в такт и закончить вариацию — прием был на ура. Позже в этом балете выступила приглашенная из Москвы танцовщица Нелидова, а я танцевала в последнем действии «Па Дианы». А. Плещеев тогда писал:

«Грандиозный успех выпал на долю нашей балерины г-жи Кшесинской 2-й. После идеально исполненного «Па Дианы», в котором ее достойными партнерами явились г. Какшт и Легат 2-й, г-же Кшесинской 2-й была сделана оvation. Она танцевала действительно очень хорошо: особенно понравилась вставная вариация из балета «Прекрасная жемчужина».

Потом я получила в «Царе Кандавле» главную роль, в которой требуется много драматизма, особенно в сцене сумасшествия. Тут я имела возможность проявить свое мимическое дарование.

В этом сезоне четыре Великих Князя: Михаил Николаевич, Владимир Александрович, Алексей и Павел Александровичи, оказали мне трогательное внимание и поднесли брошь в форме кольца, усыпанного бриллиантами, с четырьмя крупными сапфирами, а на футляре была прикреплена дощечка с их выгравированными на ней именами.

Мне дали танцевать первые два акта из балета «Спящая красавица» на парадном спектакле по случаю приезда Императора Австрийского Франца-Иосифа 16 апреля 1897 года в Мариинском театре.

Летом того же года, когда я жила у себя на даче в Стрельне, Ники через Великого Князя Сергея Михайловича передал мне, что в такой-то день и час он проедет верхом с Императрицею мимо моей дачи и просил, чтобы я непременно была к этому времени у себя в саду. Я выбрала такое место в саду на скамейке, где меня Ники мог хорошо видеть с дороги, по которой он должен был проезжать. Точно в назначенный день и час Ники проехал с Императрицею мимо моей дачи и, конечно, меня отлично видел. Они проезжали медленно мимо дома, я встала и

сделала глубокий поклон и получила ласковый ответ. Этот случай доказал, что Ники вовсе не скрывал своего прошлого отношения ко мне, но, напротив, открыто оказал мне милое внимание в деликатной форме. Я не переставала его любить, и то, что он меня не забывал, было для меня громадным утешением.

В то лето я стала увлекаться ездой на велосипеде и больше всего любила кататься по нижней парковой дороге, которая шла от Стрельны до Петергофа, мимо Михайловки, имения Великого Князя Михаила Николаевича, и далее мимо Знаменки Великого Князя Николая Николаевича. В Михайловке я обыкновенно встречала Великого Князя Михаила Николаевича, который гулял по своему парку. Он всегда меня останавливал, очень мило со мною беседовал и заставлял делать на велосипеде восьмерки, которые не всегда хорошо у меня удавались. Также нередко я встречалась в Михайловке с Великим Князем Георгием Михайловичем, с которым я была в большой дружбе. Он меня поджидал в беседке, где мы могли спокойно говорить.

Я участвовала летом в трех парадных спектаклях, которые были даны в честь: Короля Сиамского, Императора Германского и Президента Французской Республики Феликса Фора.

В первом петербургском спектакле в честь Сиамского Короля Самдеч-Фра-Параминдер-Мага-Чула-Лонгкорн, 23 июня 1897 года я танцевала два первых действия из балета «Коппелия», для которых были сделаны по этому случаю новые костюмы и декорации.

Второй спектакль, самый блестящий из трех, был дан 28 июля в честь Императора Германского Вильгельма II, но не в театре, а на Ольгином острове, на верхнем пруде. Места для зрителей были расположены амфитеатром на самом острове, сцена же была построена на воде, на сваях, а оркестр помещался в огромном железном кессоне, ниже уровня воды. На сцене были только боковые декорации, кулисы, а вместо задней декорации открывался вид вдаль, на холмы Бабигона. Недалеко от сцены был построен небольшой островок, украшенный скалами и гротом, где я находилась уже до начала спектакля. Давали одноактный балет «Приключения Пелея», поставленный Петипа на музыку Делиба и Минкуса. Гости переправлялись на остров на шлюпках. Все было залито электрическим светом, и картина действительно была волшебная. Балет начинался с того, что грот, где я была скрыта, открывался, и я ступала на зеркало, которое начинало двигаться по направлению к сцене. Получалось впечатление, что я иду по воде.

Когда кончился спектакль, зажглась иллюминация на дальних возвышенностях и павильонах. Вечер удался благодаря совершенно исключительной погоде. Опасались дождя, так как с утра накрапывало, и на всякий случай все было подготовлено так, чтобы в последнюю минуту можно было перенести спектакль с острова в театр, где наготове были плотники, машинисты и электротехники. Все отдало справедливость Дирекции Импе-

раторских театров, что спектакль был организован блестяще, с большим вкусом и роскошью. Организация этого спектакля потребовала двух месяцев усиленной и сложной работы. Одна установка электрического освещения чего стоила.

После спектакля мы все были в чудном настроении и долго еще оставались в Петергофе, где весело провели остаток вечера с массой знакомых, приехавших в этот день в Петергоф.

Через день или два после этого спектакля я была вызвана к директору И. А. Всеволожскому, который передал мне от имени Германского Императора приглашение выступить в предстоящем сезоне в Берлине. Я была очень польщена столь лестным для меня вниманием Императора, но отклонила его, предпочитая оставаться в Петербурге. По правде сказать, я никогда не любила танцевать за границей и в особенности уезжать надолго; я любила жить у себя дома. Иногда я танцевала за границей, но, в общем, не очень часто.

Третий, и последний спектакль был дан 11 августа в честь Президента Французской Республики Феликса Фора, но уже в театре. Сперва я выступила в полонезе и мазурке из 2-го действия оперы «Жизнь за Царя» под аккомпанемент оперного хора и двух оркестров музыки. Потом я танцевала балет «Сон в летнюю ночь» на музыку Мендельсона-Бартольди и Минкуса.

Все лето по обыкновению я провела у себя на даче, занимаясь цветами и сборанием грибов.

Глава семнадцатая

1897—1898

Я начала этот сезон 10 сентября, выступив в «Спящей красавице», и вследствие довольно серьезной болезни Ленъяни я несла почти до конца года весь репертуар. А. Плещеев по этому поводу писал:

«Г-жа Кшесинская 2-я, вследствие серьезной болезни г-жи Ленъяни, почти до конца года несла на своих плечах или, точнее, на своих ногах, весь репертуар. Успех молодой балерины, сделавшей в короткое время замечательный прогресс, был огромный. Танцы ее в строго классическом благородном стиле носят художественный отпечаток. Особенно хороша балерина в «Пахите», «Младе» и «Тщетной предосторожности».

Двадцать первого сентября я танцевала «Младу» при полном театре.

В своей рецензии А. Плещеев посвящает мне следующие строки:

«Только в первой картине 3-го действия балета «Млада» повлается балерина г-жа Кшесинская 2-я, которая всегда отлично исполняет здесь вариацию с двойными турами. В третьей

картине того же акта г-жа Кшесинская 2-я бесподобно танцевала грациозную вариацию на пуантах под звуки арфы. По желанию публики она повторила эту вариацию».

9 ноября я танцевала новый балет, «Дочь микадо», Лангаммера на музыку барона В. Г. Врангеля. Лангаммер был в Михайловском театре режиссером немецкой труппы, но в балете был несведущ. Его балет никакого успеха не имел и скоро был снят с репертуара.

Восьмого февраля 1898 года состоялся бенефис моего отца по случаю шестидесятилетия его артистической деятельности в Варшаве и в Санкт-Петербурге. Это был чудесный спектакль, и публика при его появлении на сцене оказала ему необычайно горячий и сердечный прием.

В этот вечер я танцевала возобновленное 2-е действие «Фиаметты» Сен-Леона. Я страшно любила этот балет, и Ники тоже, он даже в своем дневнике говорит про один спектакль, в котором я танцевала этот балет. Потом я участвовала в 3-м действии балета «Синяя борода», где я танцевала мазурку Конского с моим отцом. Ее пришлось повторить, такой она имела успех. А. Плещеев по поводу этого пишет:

«Эта мазурка, слегка приправленная пантомимой, когда старик бодрится, крутит ус, но показывает, что ему нелегко быть кавалером молодой красавицы, а потом несетя вихрем, воодушевляя весь зал. Красиво, гордо, благородно и вместе с тем просто исполняет Кшесинский свой национальный танец. Г-жа Кшесинская 2-я танцевала с огнем, грациозно и была привлекательна в роскошном costume».

Чествование Ф. И. Кшесинского началось после «Привала кавалерии», по традиции при открытой занавеси. Балетмейстер М. И. Петипа приветствовал отца от имени балетной труппы, а Иванов, Гердт и Облаков вручили ему адрес и жетон — бриллиантовую лиру. Баритоны Яковлев и Чернов явились депутатами от оперы, причем первый сказал несколько слов и передал г. Кшесинскому венок. Драматическую труппу представляли г-жа Глинская и г. Медведев и Корвин-Крюковский, выразивший юбиляру сердечные пожелания. От французской труппы выступил г. Бальбель, вручивший венок от своих товарищей, и напомнил об успехах юбиляра в трех городах — Варшаве, Париже и Петербурге. Из оркестра передавали ящик за ящиком с подарками, причем один сундук, наполненный серебром, оказался таким внушительным, что под тяжестью его мог погибнуть капельмейстер г. Дриго, если бы ему не помогли другие. Сундук своей величиной вызвал даже улыбку бенефицианта, хотя и не страдальческую.

Через неделю, 15 февраля, для закрытия балетных спектаклей повторили с незначительными изменениями бенефисный спектакль отца: из «Синей бороды» выбросили мазурку, заменив ее «ла-шакон» — старинным танцем, в котором так поэтична, по словам А. Плещеева, была г-жа Кшесинская.

«Симпатичной балерине,— продолжает он,— которая участвовала во всех трех актах, поднесли столько корзин цветов, что можно было бы устроить целый сад».

Относительно моего исполнения «Фиаметты» в этот вечер А. Плещеев пишет:

«Второе действие «Фиаметты» прошло гораздо лучше, нежели в первый раз. Г-жа Кшесинская 2-я танцевала блестяще, в особенности берсез. Несравненно удачнее вышло у талантливой балерины «Chanson à boire», вызвавший продолжительные рукоплескания. Прощание закончилось овацией на театральном подъезде, где карету г-жи Кшесинской 2-й засыпали цветами».

Девятнадцатого апреля в сборном спектакле я танцевала снова 2-е действие «Фиаметты», и А. Плещеев пишет:

«Г-жа Кшесинская 2-я с присущим ей задором и смелостью исполнила «Charmeuse» и «Chanson à boire». Талантливая балерина взволновала весь зал, требовали повторения и аплодировали без конца. Свидетелям такого единодушного приема приходили на ум слова Некрасова, который верно сказал, что в балете мирный гражданин, восторгаясь танцами,

«Позабывает лета,
Позабывает чин».

Летом в Красном Селе я не участвовала и отдыхала у себя на даче. Я выступила в это лето только в парадном спектакле, данном 18 июля 1898 года в Петергофе по случаю приезда Румынского Короля. Был поставлен балет «Жемчужина», который был дан 17 мая 1896 года в Москве по случаю коронации. Но вместо Леньяни главную роль, Белой жемчужины, исполняла я. Балет был дан не в театре, а на Ольгином острове, как это было на спектакле в честь приезда Германского Императора в прошлом году. Зрительный зал и сцена были устроены на самом Ольгином острове, и вместо задней занавеси открывался вдаль вид озера и леса. На самом озере был устроен островок, на котором красовалась большая раковина, и в ней помещалась Белая жемчужина — я сама. Спектакль прошел с большим успехом при чудной погоде.

Еще камер-пажами бывали летом у меня в Стрельне, на даче, и остались друзьями на долгие годы князь Никита Сергеевич Трубецкой, князь Дмитрий Иванович Джамбакуриани-Орбелиани и Борис Георгиевич Гартман.

Восьмого августа этого года (1898) они все трое были произведены в офицеры. Двое из них, князь Никита Трубецкой и князь Орбелиани, вместо того чтобы ехать ужинать с товарищами в город, оба приехали ко мне в Стрельну, на дачу, где я их угостила ужином. Они провели весь вечер и остались ночевать. Я послала в их комнату бутылку шампанского, чтобы дать им возможность продолжать ночью праздновать свое производство.

Прошло с тех пор полвека, и 8 августа 1948 года я полу-

чила от князя Никиты Трубецкого следующее трогательное письмо, в котором он вспоминает, как он провел этот день у меня. Вот что он мне писал:

«Малый Кламар, 8(21) августа 1948 г.

Дорогая Малечка,

Сейчас девятый час вечера, и мы с Любочкой сидим и переживаем воспоминания. Рассказываю ей, как пятьдесят лет тому назад я с покойным Митей Орбелиани (Джамбой) в этот час сидели за роскошным твоим столом в милой Стрельне и как мы душевно чувствовали наше с ним производство. Поздно легли спать, а на другой день вместо чая мы с ним пили уже теплое розовое шампанское. Да, все это далеко по времени, но близко в памяти. Благодарю искренне за полувековое дружеское ко мне отношение. Целую ручки, а Люба крепко тебя обнимает. Всегда тебе преданный — Никита».

Князь Н. С. Трубецкой, или — как мы его все называли — просто Никита, вышел в Нижегородский драгунский полк, а потом состоял адъютантом у Великого Князя Николая Михайловича. Впоследствии он женился на нашей балетной артистке Любви Ивановне Егоровой. Теперь они оба живут в Париже, где жена имеет свою студию и прекрасно преподает танцы. Никиту я вижу довольно часто, так как он приходит к нам завтракать.

Князь Д. И. Орбелиани вышел сперва в Псковский полк, так как у него не хватило гвардейских баллов, с прикомандированием к Кавалергардскому полку, куда он и был переведен через год. Так как у Псковского полка был розовый околышек на фуражке, то Митя Орбелиани был прозван «розовой обезьяной». Потом он состоял адъютантом у Великого Князя Михаила Николаевича, а после его кончины состоял адъютантом у Великого Князя Александра Михайловича. Сестра его, княжна София Ивановна, состояла фрейлиной при Императрице Александре Федоровне и даже после того, как у нее сделался паралич ноги, осталась жить в Александровском дворце до последнего дня своей жизни. Она умерла незадолго до революции.

Третий из моих друзей, Борис Георгиевич (или Егорович) Гартман, вышел в Лейб-Гвардии Конный полк, сделал блестящую карьеру, командовал Конным полком на войне, а после революции прожил в Бельгии. Я его почти не видала из-за этого, но незадолго до своей кончины он был проездом в Париже. Вот в этот его приезд я в последний раз его видела. Он был женат на младшей дочери князя Белосельского, Марии Константиновне, которая проживала вместе с мужем в Кисловодске во время переворота. У нее был в последние годы ее жизни паралич ног. Когда мы все бежали из Кисловодска, она, лежа на телеге, спасалась вместе с нами и никогда не теряла духа в опасные моменты: ни под проливным дождем, ни под выстрелами артиллерии. Она скончалась в Бельгии в 1931 году.

После продолжительного и вполне заслуженного отдыха я выступила в этом сезоне 20 сентября в «Спящей красавице». А. Плещеев отметил этот вечер в своей рецензии:

«Г-жа Кшесинская 2-я, как всегда, танцевала в «Спящей красавице» с выдающимся успехом, и артистка с легкостью, присущим ей блеском и законченностью исполняла свои вариации, которые, несмотря на требования публики, как, например, в последнем действии, не повторила. У г-жи Кшесинской 2-й много таких индивидуальных качеств, которые выделяют ее из ряда остальных танцовщиц; у нее много жизни, огня, веселости в исполнении; она оживляет сцену своим появлением и своей улыбкой, не исчезающей даже тогда, когда ногами приходится выводить узоры, граничащие если не с опасностью для жизни, то с возможностью вывернуть ногу. Таких хореографических трудностей, которые обязательны ныне для балерины, во дни Дидло танцовщицы и во сне не видали. «Спящая красавица» опять собрала полный театр публики. Г-же Кшесинской 2-й поднесли корзины цветов».

Наконец я получила чудный, большой, возобновленный для меня балет — «Дочь фараона», где я могла показать мимические и танцевальные свои дарования. Этот балет был после «Тщетной предосторожности» вторым моим любимым балетом.

Первый раз я выступила в этом балете 21 октября 1898 года, в день прощального бенефиса г-жи А. Х. Иогансон.

«Дочь фараона», балет в 4-х действиях и 9-ти картинах, с прологом и эпилогом, сочинения Сен-Жоржа и Петипа на музыку Пуни.

«В прологе,— пишет А. Плещеев,— молодой англичанин со своим слугой Джоном путешествуют по Египту и, застигнутые в Сахаре сильнейшим «симумом», прячутся в ближайшей пирамиде со своим проводником и носильщиками их багажа. Проводник объясняет молодому англичанину, что в этой пирамиде находится мумия дочери фараона, которая установлена в углублении, которая и видна в глубине сцены. Потом носильщики раскладывают пледы и подушки, засыпают, и под влиянием опиума англичанин видит чудный сон. Он молодой египтянин, мумия оживает в красавицу, дочь фараона, и начинаются неизбежные и бесконечные хореографические видения: мумия превращается в г-жу Кшесинскую 2-ю, которая в прелестном костюме, освещенная сверху электрическим лучом, быстро привлекает общее внимание. В течение всего огромного, растянутого балета балерина не сходит со сцены, мимические рассказы Аспичии чередуются с танцами, которые талантливый балетмейстер кое-где добавил, применившись к условиям нынешней техники, более требовательной и сложной, нежели во времена

Розети. Мимические рассказы, исключительно драматического содержания, очень трогательны в передаче г-жи Кшесинской 2-й, которая не переигрывает, не подчеркивает их, обнаруживая, так сказать, инстинктивную меру во всем. У г-жи Кшесинской много нежной, выражаясь словами известного писателя, простодушной грации. Она ведет сцены с увлечением, как, например, в рыбацкой хижине, рельефно передает рассказ о преследовании, так что получается весьма правдивое впечатление. В последней картине мольба о пощаде дорогого ей человека и потом восторженный порыв сердца, когда отец исполняет ее желание и соглашается выдать Аспиччию за Таора, удаются г-же Кшесинской 2-й еще лучше. В этом исполнении нет реализма и мощи Вирджинии Цукки, скорее драматической актрисы, чем танцовщицы, но оно носит отпечаток увлечения и обаятельности.

Все танцы талантливой балерины, начиная с вариации, бисированной в первом действии в *grand pas des chasseresses* и *grand pas d'action* и кончая *variation orientale* и вариацией на пуантах в *pas de la vision*, красивы, она справляется с ними безукоризненно. Удастся вполне балерине оригинальная *variation orientale*, она танцует ее гордо, заносчиво, посматривая на окружающих с соблазнительной восточной негой. Вариация на пуантах во 2-й картине 3-го действия, идеальная по композиции, исполнена артистически. Остается упомянуть о роскошных, полных разнообразия и вкуса костюмах балерины, которые к ней чрезвычайно идут. Успех г-жи Кшесинской в такой тяжелой, ответственной роли безусловно заслуженный и единодушный, примиривший ценителей и судей. Этот успех окончательно убедил меня в том, что М. Ф. Кшесинская лучшая русская современная балерина, успевшая в течение трех лет со времени выхода в свет первого издания моей книги широко, всесторонне развернуть свой симпатичный талант. Теперь это такая выдающаяся артистка, с которой придется считаться иностранным танцовщикам. Ей поднесли много цветов».

Мой отец, которому исполнилось почти семьдесят семь лет, играл, несмотря на свой почтенный возраст, Царя Нубийского. Под звуки торжественного марша он выходил во главе процессии, и его движения не просто следовали обычному такту, но передавали мелодию ритмично, «синкопами»: его походка, такая по виду простая, на самом деле была чрезвычайно трудна. Много лет спустя в Париже князь С. М. Волконский, когда посетил мою студию и говорил о Далькрозе, мне об этом выходе моего отца напоминал как о примере сложных ритмических движений.

Летом этого года (1898) я ездила в Варшаву с Кякштом и Бекефи и была встречена публикой и прессой с таким же восторгом, как и в первый мой приезд. Я очень любила ездить в Варшаву, так как, кроме артистического успеха, я имела там большой успех в обществе и весело проводила время. У меня

было много знакомых и поклонников, которые старались друг перед другом оказать мне наибольшее внимание, и когда я просыпалась, то находила мою комнату украшенную цветами, присланными рано утром поклонниками. После репетиции я устраивала ежедневно завтраки в Брюловской гостинице, где чудесно кормили.

В Великом Посту, когда не было спектаклей, я пользовалась двухнедельным отпуском и ездила в свою любимую Италию с моей крестной матерью мадам Поль-Мари, которая много путешествовала на своем веку и была чудной спутницей. Мы старались переезжать из города в город по ночам, чтобы не терять времени и иметь целый день для осмотра всех достопримечательностей. В этих случаях я всегда проезжала через мою любимую Варшаву, где проводила вечер, а с ночным поездом выезжала в Ченстохов, чтобы попасть в 4 часа утра, к тому моменту, когда ежедневно, особенно торжественно, при звуках органа, подымалась завеса, прикрывавшая чудотворную икону, чтимую всей Польшей, Ченстоховской Божьей Матери. Я была глубоко верующей с самого детства и осталась такой же верующей и до сих пор. Один раз, возвращаясь из собора в гостиницу, где вперед была заказана для меня комната, я нашла ее уже всю украшенную цветами, присланными из Варшавы моими поклонниками, и каково было мое удивление, когда, приехав на станцию, чтобы ехать за границу, я увидела на вокзале Божевского, красивого молодого поляка, который был в меня влюблен и даже мечтал на мне жениться. Он проводил меня до границы. На обратном пути я всегда опять проезжала через Варшаву, где ненадолго, но все же останавливалась, чтобы от души повеселиться.

После окончания сезона 1898/99 года покинул свою должность Директора Императорских театров Иван Александрович Всеволожский. Почти двадцать лет, с 1881 года, он занимал эту ответственную должность с большим знанием дела, любовью и большим талантом. При нем Императорский театр в смысле искусства достиг высокого развития, он поднял русский балет и оперу на небывалую до тех пор высоту. Либретто почти всех опер и балетов были написаны им самим или по его указаниям, он сам рисовал и очень талантливо делал эскизы всех костюмов, будучи тонким знатоком стилей. Декорации также исполнялись под его руководством. В архиве Императорских театров сохранились тысячи его рисунков. Его имя в истории искусства тесно связано с историей русского театра, для которого он столько сделал.

При И. А. Всеволожском я поступила в балетную школу, при нем я вышла из нее и начала свою артистическую карьеру, и я считаю своим долгом отдать ему справедливость: лучшего директора желать было нельзя.

Из всех постановок, которые были осуществлены при нем, постановка балета «Спящая красавица» несомненно является

его шедевром. Либретто было им написано лично и по нему Чайковский писал музыку, а М. И. Петипа сочинял танцы. Все костюмы были нарисованы им лично, и чрезвычайно художественно, так как он прекрасно рисовал. И. А. Всеволожский, готовя постановку «Спящей красавицы», твердо решил удивить всех музыкой и небывалой роскошью костюмов и декораций балета-феерии.

Вместо И. А. Всеволожского Директором Императорских театров 22 июля 1899 года был назначен князь Сергей Михайлович Волконский, человек всесторонне образованный, хороший музыкант. Он прекрасно играл на рояле, был отличным актером и часто выступал на любительских спектаклях. Его назначение приветствовалось всеми любителями и знатоками искусства, и лично мне он был, хотя я его еще мало знала в то время, симпатичен, что вполне подтвердилось много лет спустя, в эмиграции, когда я его ближе узнала и могла его лучше оценить. Он всегда был очень элегантным, безукоризненно воспитанным человеком с изысканными, но не аффектированными манерами.

Глава девятнадцатая

1899—1900

Осенью этого года, когда я жила еще на даче в Стрельне, я однажды поехала в город посмотреть на первое выступление в роли Сванильды в балете «Коппелия» Генриетты Гримальди, итальянской танцовщицы, приглашенной Дирекцией Императорских театров на несколько спектаклей. Этот балет я уже перепела О. Преображенской, и он больше не входил в мой репертуар.

В конце первого акта, во время вариации на пуантах, видно было, что что-то случилось с Гримальди, которая со слезами на глазах принуждена была оставить сцену. Как только спустили занавес, режиссер балета г. Аистов прибежал ко мне в ложу умолять закончить спектакль ввиду того, что Гримальди повредила себе ногу и не в состоянии больше танцевать. Я, конечно, отказалась экспромтом выступить на сцене: у меня ничего не было с собою, ни костюма, ни грима, да кроме того, я давно не выступала в этой роли, а главное, я все лето не работала и не была подготовлена. Но, видя беспомощное состояние режиссера и желая выручить дирекцию и не срывать спектакля, я наконец не без страха согласилась заменить Гримальди. В отчете относительно этого спектакля было сказано следующее:

«Несмотря на то, что г-жа Кшесинская давно не исполняла эту роль и ей пришлось танцевать совершенно без подготовки, она только сначала выказала некоторую неуверенность, но вскоре вполне овладела собой и прекрасно провела всю сцену

куклы, как в техническом, так и в мимическом отношении, танцуя без всяких ошибок и пропусков. Все это, конечно, красноречиво говорит о силе и яркости дарования г-жи Кшесинской. Нечего и говорить про то, что публика наградила артистку самыми шумными овациями. Дирекция Императорских театров в изданном на следующий день приказе выразила свою искреннюю благодарность Матильде Феликсовне за ее любезность, которая дала возможность закончить спектакль».

Директором Императорских театров в это время был князь С. М. Волконский.

В начале этого сезона я начала репетировать балет «Эсмеральда», который я наконец получила. Его возобновляли для меня, и князь Волконский часто приходил на репетиции и внимательно следил за всеми приготовлениями к этому балету. Князь был чрезвычайно ко мне внимателен и любезен, и я была убеждена, что наши отношения будут всегда самыми лучшими. Но, по-видимому, при его вступлении в должность директора его сразу предупредили, что ему будет нелегко со мною, на что он будто бы ответил, что справится и не будет обращать никакого внимания на мои желанья. К сожалению, он не понимал положения и ответственности первых артистов, которые несут на своих плечах огромный репертур. Это вскоре привело к первому столкновению, которого легко было бы избежать.

Несмотря на то, что я только что выручила дирекцию, заменив Гримальди во время спектакля, и за это получила благодарность от князя Волконского, он решил передать Гримальди, только что приглашенной к нам на гастроли, мой любимый балет «Тщетную предосторожность». Узнав об этом, я поехала к нему и просила его этого не делать. Я хотела в этом балете появиться осенью, а балеты, включенные в репертуар балерины, не передаются другим без ее ведома и согласия. Но несмотря на мою просьбу, выраженную в почтительной и вежливой форме, он мне ответил отказом. Конечно, я так этого не оставила и приняла свои меры. Через несколько дней директор получил от Министра Двора приказ оставить балет за мною. Это сделал опять для меня Ники, несмотря на то, что он находился в это время в Дармштадте. Князь Волконский оставался очень любезен и предупредителен со мною, как будто ничего не произошло между нами.

Почти одновременно с князем Волконским в Дирекцию Императорских театров поступил на должность чиновника особых поручений редко талантливый и даровитый человек — Сергей Павлович Дягилев, мой однолесток. Он мне сразу очень понравился своим умом и образованностью. Я любила с ним поговорить и пользовалась большим его вниманием. У него были пышные волосы с седую прядью на лбу, за что он был прозван «шиншилла». Когда он входил в директорскую ложу, в то время как я танцевала мою вариацию, вальс в «Эсмеральде», мои подруги по сцене подпевали:

«Сейчас узнала я,
Что в ложе «шиншилла»,
И страшно я боюсь,
Что в танцах я собьюсь».

С. П. Дягилев меня почти всегда провожал после спектакля домой, и наши беседы были очень интересны. Странно, но я всегда имела успех у тех мужчин, от которых я этого всего менее могла ожидать, а между тем я, кажется, на мальчика не была похожа. Я помню случай, когда я была в Александринском театре на бенефисе М. А. Потоцкой и сидела в первом ряду, но не досидела до конца представления и поехала в Мариинский театр, где давали в этот вечер оперу «Фауст» и где я знала, что должен был быть Дягилев во втором ряду на своем казенном кресле. Рядом с его креслом было кресло управляющего контрой барона В. А. Кусова, и я попросила его уступить мне свое место. Я поспела к концу спектакля и незаметно пробралась к креслу и села рядом с Дягилевым. Каково же было его удивление, когда он, повернув случайно голову, увидел меня рядом с ним вместо барона Кусова.

В первую зиму своего директорства князь Волконский устроил в феврале 1900 года в своей роскошной казенной квартире блестящий прием в честь знаменитого итальянского драматического актера Томмазо Сальвини, который приехал в Петербург и давал по особому разрешению несколько представлений «Отелло» в Александринском театре с нашей драматической труппой. Несмотря на то, что Сальвини говорил по-итальянски, а реплики ему подавали по-русски, он своей поразительной игрой так увлек всю залу, что никто не обращал внимания на разницу двух языков.

На свой прием в честь Сальвини князь Волконский пригласил высшее общество и некоторых первых артистов драмы, оперы и балета Императорских театров, в том числе и меня. Вечер посетили некоторые члены Императорской фамилии. Прошел он очень удачно, и о нем много говорили.

Когда я выступала на сцене, я любила знать, что в зале среди публики находится человек, которому я нравлюсь. Это меня вдохновляло. Выходя на сцену, надо было уметь сделать вызов публике и дать ей понять, что я ради нее на сцене. Надо было жестом призвать ее к себе, приковать ее внимание и увлечь за собою. Я считала очень важным захватить публику с первого момента своего появления на сцене; и публика отвечала на мой призыв громом аплодисментов, от этого момента зависел успех спектакля. Про меня говорили, что никто так не умеет, как я, выходить на сцену и сразу овладеть публикой.

Это отметил и А. Волынский, известный балетный критик, в своей книге «Мариинский театр», о чем недавно упомянул г. Адамович на своей лекции в Париже (17 января 1952 года) на тему: «Балеты до Дягилева», цитируя мнение Волынского следующего содержания:

«По всей справедливости, нельзя не упомянуть в первую очередь имя М. Ф. Кшесинской, которая в течение четверти века была воплощением, олицетворением действительно большой артистки — «прима-балерина-ассолюта» — Императорского балета: артистка с блестящей техникой и которая обладала к тому в совершенстве особым даром захватывать публику, как только она появлялась на сцене». Волынский утверждал, что настоящая артистка познается по тому, как она появляется, «она своим блеском затемняет всех кругом», и он утверждал далее, что в этом отношении никого нельзя сравнить с Кшесинской, с ее блеском и торжествующим видом, «как будто вдруг засиял свет», восклицал Волынский.

Я вспоминаю, говорил Адамович, что Айседора Дункан в своих воспоминаниях говорит то же о том впечатлении, которое на нее производила своим волшебным появлением Кшесинская на сцене. Волшебна она действительно была, и до такой степени, что всегда чувствовалось, как публику охватывало лихорадочное состояние в ожидании ее появления на сцене, и лихорадка проходила, только когда опускался занавес. Балет «Эсмеральда», в котором блистала Цукки, кажется, был любимым балетом Кшесинской, и, по свидетельству одного советского критика из наиболее знающих, ни одна из многочисленных артисток, которые выступали в этой труднейшей роли, не могла заставить ее забыть.

В этот сезон, когда я часто танцевала «Дочь фараона», мне очень нравился гусар Николай Николаевич Скалон, очень милый и симпатичный малый, которого все просто звали Баба Скалон. У него была связь с графиней Х., о которой все в городе знали. Я пустила в ход все свое кокетство, чтобы заставить Скалона увлечься мною, и этого достигла. У гусар была, как у многих гвардейских полков, своя абонементная ложа на балет, и Скалон стал бывать на всех моих представлениях. Он приезжал в театр до начала представления, чтобы не пропустить момента моего выхода на сцену. Он часто стал бывать у меня на даче в Стрельне, и все его очень полюбили. Когда я ездила летом на Сиверскую, к родителям в их имение Красницы, и мне приходилось тратить часа два на дорогу туда, Скалон провозжал меня до Сиверской, а потом снова приезжал на станцию за мною, чтобы проводить обратно в город. Он был веселый, милый, и все его любили. Никто не предвидел, что ему суждено было погибнуть от таившейся в нем уже тогда болезни. Он умер сравнительно молодым от прогрессивного паралича и последнее время лежал в клинике, где и скончался. Я была на его похоронах и положила маленький букетик фиалок на его гроб. Потом я получила от его брата трогательное письмо с выражением благодарности за это. На память о нем у меня остался его подарок, прелестные маленькие часы для ношения в петлице: снаружи был виден только миниатюрный циферблат, окруженный бриллиантами, а механизм был спрятан позади.

После «Дочери фараона» я получила балет «Эсмеральда», о котором так давно мечтала. Теперь я могла смело взяться за него, я не только любила, но и страдала. Тут я вспомнила, как М. И. Петипа, когда я была еще очень молода и просила у него этот балет, ответил мне, что я тогда только смогу сыграть роль Эсмеральды, когда узнаю не только любовь, но и ее страдания.

Я изучала роль Эсмеральды еще с тех пор, как Вирджиния Цукки танцевала ее на сцене Мариинского театра и имела такой успех, я запомнила все ее жесты, мимику и позы. В то время, когда танцевала Цукки, я была еще очень молода и многого не понимала. Воспоминания о Цукки, когда я получила этот балет, возбуждали мое воображение, я годами носила их в душе, я была вполне подготовлена, понимая на собственном опыте чувства бедной Эсмеральды. Во время репетиции ценные указания Петипа многое добавили для исполнения этой трудной роли.

Первое представление «Эсмеральды» состоялось 21 ноября 1899 года. Я имела очень большой успех и сознавала, что справилась с этой трудной ролью и дала тот облик Эсмеральды, который представлялся мне в мечтах. Я была сама удовлетворена своим исполнением. Пока я была на сцене, никто, кроме меня, не исполнял этого балета. В моем юбилейном сборнике был приведен отчет о спектакле:

«Для полноты обрисовки дарования г-жи Кшесинской нельзя обойти молчанием ее появление в «Эсмеральде» 21 ноября 1899 года, в бенефис Н. С. Аистова. Во всех предшествовавших балетах, в которых нам приходилось видеть балерину, г-жа Кшесинская-танцовщица подавляла г-жу Кшесинскую — мимическую актрису; в «Эсмеральде», где драматические сцены чередуются с танцами и мимический элемент является преобладающим, Матильда Феликсовна отлично справляется со своей ролью. Она с замечательным реализмом и силою передает самые тонкие душевные порывы, поражая зрителя выразительностью своей игры. Неподражаемо хороша она в сильной сцене ревности, когда Эсмеральда танцует перед своей соперницей, и в сцене, когда Эсмеральду ведут на место казни, — местах, отличающихся потрясающим драматизмом: здесь видна была самая серьезная и обдуманная подготовка артистки к этой роли. Техническое исполнение танцев в этом балете, как и во всех других, отличается безукоризненностью, увлечением и темпераментом. Наш балет должен гордиться, что к началу XX века он может процветать благодаря отечественным талантам, для которых иностранные танцовщицы не являются уже идеалом».

В сцене ревности, когда я вижу Феба со своей невестою и должна танцевать перед своей соперницей па-де-де, я в заключительной коде, как подстреленная птица, передаю свое отчаяние. Артистка, изображавшая невесту Феба, в этот момент довольно громко сказала: «Она не выворачивает колени» — это было даже не обидно, а просто — глупо...

Такое замечание только говорит об отношении некоторых артистов к технике танца. Я не была из тех, которые работают до одурения и только думают о технических деталях, о вывернутых коленях, отдавая больше внимания технике, нежели игре. Там, где нет мимики, там, конечно, техника должна быть соблюдена, но в таких сильных драматических сценах, где все построено на чувстве, можно позабыть и о коленях, но нельзя забывать об игре. Та, которая сделала это замечание, конечно, никакого понятия не имела о драматическом исполнении.

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ МОЕЙ СЛУЖБЫ НА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЦЕНЕ 13 ФЕВРАЛЯ 1900 ГОДА

Приближалось десятилетие моей службы на Императорской сцене. Обыкновенно артистам давали бенефис за двадцать лет службы или прощальный, когда артист покидал сцену. Я решила просить дать мне бенефис за десять лет службы, но это требовало особого разрешения, и обратилась я с этой просьбой не к Директору Императорских театров, а лично к Министру Императорского Двора барону Фредериксу, милому и симпатичному человеку, который всегда относился ласково и благоволил ко мне.

Когда мне был назначен прием у министра, я особенно тщательно обдумала свой туалет, чтобы произвести на министра наивыгоднейшее впечатление. Я была молодая и, как в то время писали в газетах, стройная и грациозная. Я выбрала платье шерстяное, светло-серого цвета, которое облегалo мою фигуру, и того же цвета треугольную шляпу. Хотя это может показаться дерзким с моей стороны, но я себе понравилась, когда взглянула в зеркало, — довольная собою, я поехала к министру. Он меня очень мило встретил и наговорил комплиментов по поводу моего туалета, который ему очень понравился. Мне доставило огромное удовольствие, что он оценил мое платье, и тогда я уже смелее обратилась к нему со своей просьбой. Он сразу любезно согласился доложить о ней Государю, так как вопрос о назначении бенефиса вне общих правил зависел исключительно от Государя. Видя, что министр не торопится меня отпустить, я сказала ему, что только благодаря ему я делаю хорошо 32 фуэте. Он посмотрел на меня удивленно и вопросительно, недоумевая, чем он может мне в этом помочь. Я ему объяснила, что, для того чтобы делать фуэте не сходя с места, необходимо иметь перед собой ясно видимую точку при каждом повороте, а так как он сидит в самом центре партера, в первом ряду, то даже в полутемном зале на его груди ярко выделяются своим блеском ордена. Мое объяснение очень понравилось министру, и с очаровательной улыбкой он проводил меня до дверей, еще раз обещав доложить мою просьбу Государю и давая мне понять,

что, конечно, отказа не будет. Ушла я от министра обласканная и очень счастливая. Бенефис я, конечно, получила, и опять это сделал для меня мой незабываемый Ники. Для своего бенефиса я выбрала воскресенье, 13 февраля 1900 года. Мне это число всегда приносило счастье.

До бенефиса я участвовала в двух спектаклях, которые происходили в небольшом Эрмитажном театре, примыкавшем через перекидной проход к музею Эрмитажа и затем к Зимнему Дворцу. Этот театр был построен при Императрице Екатерине II в 1783 году на том месте, где ранее находился дворец, в котором скончался Петр Великий, вместо прежнего театра, который был уничтожен при перестройке Зимнего Дворца. Постройка Эрмитажного театра была поручена архитектору Кваренги. Во время зимнего сезона там давались придворные представления исключительно для лиц, приглашенных Высочайшим Двором. Молодая Императрица хотела придать блеск дворцу, и были приделаны парадные комнаты для гостей и перекидной мост.

Седьмого февраля я танцевала в Эрмитаже балет «Времена года» на музыку Глазунова в постановке Петипа, а 10 февраля в его же постановке балет «Арлекинад» на музыку Дриго. Последний балет был полон прекрасных мелодий и прекрасно поставлен, но в смысле танцев не представлял для меня большого интереса, я его взяла только как новинку и потом передала другим балеринам.

Наконец, в воскресенье, 13 февраля 1900 года, состоялся мой бенефисный спектакль по случаю десятилетнего юбилея моей службы на Императорской сцене.

Артисты обыкновенно в день своих бенефисов получали из Кабинета Его Величества так называемый «Царский подарок», большею частью шаблонную золотую или серебряную вещь, иногда разукрашенную цветными камнями, смотря по разряду подарка, но непременно с Императорским орлом или короною. Мужчины обыкновенно получали золотые часы. Особым изяществом эти подарки не отличались. Я очень опасалась, что получу такое украшение, которое неприятно будет носить, и просила через Великого Князя Сергея Михайловича сделать все возможное, лишь бы меня не наградили подобным подарком. И действительно, в день бенефиса Директор Императорских театров князь Волконский пришел ко мне в уборную и передал мне Царский подарок: прелестную брошь в виде бриллиантовой змеи, свернутой кольцом, и посередине большой сапфир-кабошон. Потом Государь просил Великого Князя Сергея Михайловича мне передать, что эту брошь он выбирал вместе с Императрицей и что змея есть символ мудрости...

Бенефис прошел блестяще, с большим подъемом, и публика наградила меня восторженной овацией.

Для своего бенефиса я выбрала два балета, которые я танцевала только что на Эрмитажных спектаклях, а именно: «Арлекинаду» Дриго и «Времена года» Глазунова. В заключение

я выступала в дивертисменте. В балете «Времена года» я танцевала роль Кóлоса с Фавном — Обуховым и двумя Сатирами — Ширяевым и Горским. Этот номер имел большой успех.

Я получила массу подарков и 83 цветочных подношения. Было много цветов от Великих Князей и чудный подарок от Великого Князя Сергея Михайловича. Среди подарков был альбом, изданный двумя поклонниками, скромно скрывшими свои имена под буквами А. К. и В. О., по случаю моего юбилея под заглавием «Критико-биографический очерк» с массой фотографий и 16 фотогравюрами, статьями и рецензиями обо мне. Я его снова получила уже за границей и пользовалась им для моих воспоминаний.

Среди подношений были цветы от Санкт-Петербургского Градоначальника. Все карточки от цветов были бережно собраны по моему поручению в театре, чтобы они не потерялись при перевозке ко мне в дом. Забавно было видеть, как перевозили на открытых подводах все эти цветы. Мой дом буквально утопал в цветах.

Из 83 лиц, приславших мне цветы, я смогла поблагодарить лишь 82, так как на 83-й карточке была написана только фамилия г-на Ауэрбаха, но без указания его адреса. У меня был один знакомый с этой фамилией, но при проверке это оказался не он, и я не могла поблагодарить приславшего.

В юбилейном альбоме была описана сцена разъезда после спектакля.

«Балетный спектакль только что окончился.

Зрительный зал опустел, публика выбралась на улицу, но расходиться не думала. Балетоманы остались у театра, толкаясь и теснясь у маленького подъезда «для артистов», из которого должны были выходить участвовавшие в этом спектакле артистки. Большинство этой ожидавшей публики состояло из посетителей «галерки», главным образом из учащейся молодежи. У подъезда «для артистов» мелькали формы всевозможных учебных заведений: тут можно было увидеть и серое пальто гимназиста, и франтоватую шинель студента.

Был тут и франтоватый гимназист, покручивающий несуществующие усики, прыщавый студент, с презрением смотревший на серые гимназические пальто, новоиспеченный интеллигент из купцов, то и дело повторявший: «а и долго же одне-с разоблачаются», какой-то усач в бобровом воротнике, куривший одну папиросу за другой, и то и дело посматривавший на часы мальчик лет пятнадцати-шестнадцати. Все собрались проститься достойным образом с любимцами и, главным образом, с любимицами.

Двери подъезда щелкали все время и все чаще и чаще, пропуская уже переодевшихся артистов, но эти первые «ласточки», возвестившие, что переодевание близится к концу, не произвели почти никакого впечатления.

Толпа ожидала не этих «ласточек» и танцовщиц «от воды», они ожидали выхода знаменитостей.

Через две-три минуты в коридоре появилась сама М. Ф. Кшесинская. Не успела балерина выйти на улицу, как откуда-то появился стул, на который балетоманы посадили танцовщицу и с гиком, криками «браво» и «ура» донесли до экипажа. Проводы экипажа были восторженные.

Проводив артистку, балетоманы начали расходиться. Так окончился «театральный вечер».

Этот бенифис произвел переворот в моей жизни. Через несколько дней после юбилейного спектакля я устроила у себя в доме обед. Столовая была слишком мала, чтобы поместить всех гостей. Стол был накрыт в зале, где было больше места, и он весь был убран зеленью и цветами. На этот обед я пригласила Великих Князей Кирилла и Бориса Владимировичей, которые и ранее бывали у меня, и в первый раз Великого Князя Андрея Владимировича. Против себя, в центре стола, я посадила Великого Князя Кирилла Владимировича как старшего, направо от себя Великого Князя Бориса Владимировича, а налево от себя Великого Князя Андрея Владимировича, а Великий Князь Сергей Михайлович сел в конце стола, за хозяина. Остальные места были заняты нашими балетными артистками, с которыми я была наиболее дружна, и моими знакомыми.

Великий Князь Андрей Владимирович произвел на меня сразу в этот первый вечер, что я с ним познакомилась, громадное впечатление: он был удивительно красив и очень застенчив, что его вовсе не портило, напротив. Во время обеда нечаянно он задел своим рукавом стакан с красным вином, который опрокинулся в мою сторону и облил мое платье. Я не огорчилась тем, что чудное платье погубило, я сразу увидела в этом предзнаменование, что это принесет мне много счастья в жизни. Я побежала наверх к себе и быстро переоделась в новое платье. Весь вечер прошел удивительно удачно, и мы много танцевали. С этого дня в мое сердце закралось сразу чувство, которого я давно не испытывала; это был уже не пустой флирт...

В этом сезоне я принимала еще участие в бенифисном спектакле артиста французской труппы Делорма (27 февраля) в Михайловском театре. Давали в первый раз пантомиму в 2-х актах «С луны в Японию», сочинение г. Лопухина на музыку Кислинского в постановке Чекетти. В этом балете-пантомиме участвовали артисты французской труппы вместе с балетными артистками и мною в том числе. Руководил всем спектаклем Чекетти. Особенного интереса этот спектакль не представлял.

Со дня моей первой встречи с Великим Князем Андреем Владимировичем мы все чаще и чаще стали встречаться, и наши чувства друг к другу скоро перешли в сильное взаимное влечение.

С этого времени я начала опять вести свой дневник, который после разлуки с Ники я совершенно забросила, — и снова стала

заносить в него все свои душевные переживания. Точно не помню, что писала я тогда в своем дневнике, но в нем я сознавалась, что мною овладело чувство, какое овладело мною при встрече с Ники. Но я уже не была, как тогда, наивной барышней, я была теперь женщиной, испытавшей и горе, и радости в жизни. Я влюблялась все больше и больше.

В течение лета Великий Князь Андрей Владимирович стал все чаще и чаще приезжать на репетиции в Красносельский театр. Наша прекрасная драматическая артистка Мария Александровна Потоцкая, которая была моим большим другом, дразнила меня, говоря: «С каких это пор ты стала увлекаться мальчишками?» Он, правда, был моложе меня на шесть лет. А потом начал все время приезжать ко мне в Стрельну, где мы так чудно и мило проводили время. Вспоминаю те незабываемые вечера, которые я проводила в ожидании его приезда, гуляя по парку при лунном свете. Но иногда он запаздывал и приезжал, когда уже солнце начинало всходить и поля благоухали запахом срезанного сена, что я так любила. Памятен мне день 22 июля, день ангела Великой Княгини Марии Павловны, его матери. На ее именины всегда устраивался в Ропше пикник с музыкой и цыганами. Он не мог рано приехать ко мне в Стрельну, но обещал все же непременно приехать, если только там не засидятся чересчур поздно, возвращаясь к себе обратно в Красное Село. С волнением я ждала его, и, когда он появился, моему счастью не было предела, тем более что у меня не было уверенности, что он сможет ко мне заехать. Ночь была чудесная. Мы долгие часы сидели на балконе, то говоря о чем-то, то слушая пение просыпающихся птиц, то шелест листьев. Мы чувствовали себя как в раю. Эту ночь, этот день мы никогда не забывали, и каждый год мы праздновали нашу годовщину.

Летом в Петергофе был еще один парадный спектакль для Персидского Шаха, 7 июля. Давали 3-й акт балета «Синяя борода» и 3-й акт балета «Пахита», в котором я принимала участие. Ничего особенного этот спектакль из себя не представлял.

После лагеря, осенью, Андрей получил двухмесячный отпуск, и мы решили с ним встретиться в Биаррице и вместе провести несколько недель на полной свободе. Сперва Андрей должен был ехать в Севастополь для осмотра исторических мест, потом был приглашен Великой Княгиней Ксенией Александровной в их имение Ай-Тодор. Из Севастополя на пароходе он должен был ехать в Константинополь, откуда, через Париж, в Биарриц.

Накануне своего отъезда в Крым Андрей приехал ко мне, в мой дом в городе, куда я на этот день вернулась из Стрельны, чтобы провести с ним последний вечер, и я помню как сейчас, как чудно мы его провели... Я осталась ночевать в городе и на другой день ждала его проезда на Невском проспекте на своей одиночке и ехала тихо, чтобы он меня обогнал и мы могли бы еще раз проститься, хотя бы издали.

Вскоре я уехала за границу вместе со своей подругой Маней Рутковской, которая была переведена из Варшавы в Петербург по моей просьбе и была принята в нашу балетную труппу.

Наше пребывание в Биаррице оставило хорошее и грустное воспоминание: Андрея приглашали его друзья и знакомые, которым ему было трудно отказывать, при всех нам вместе показываться было невозможно. Андрей был еще очень молод и не мог действовать, как он хотел бы. Да и я должна была соблюдать некоторую осторожность и не хотела ни его подвергать каким-либо семейным неприятностям, ни сама давать повод к разным сплетням. На обратном пути мы остановились в Париже, где еще провели вместе несколько дней. Но я должна была скоро уехать обратно домой, чтобы успеть вовремя к моим выступлениям.

Я ревновала Андрея ко всем и ко всему, и оставлять его одного в Париже мне было очень неприятно. Андрей приехал проводить меня на Северный вокзал ко времени отхода поезда «Норд-Экспресс». В последнюю минуту я его уговорила проводить меня до первой остановки в «Сент-Кантэн», более двух часов ходу, что он и сделал, поехав без билета. Он был, как мне кажется, не особенно доволен этой неожиданной поездкой, но я была рада хоть несколько часов провести с ним. Я помню, как мне становилось все грустнее и грустнее, чем больше поезд удалялся от Парижа, где оставался Андрей. Вернувшись домой, я считала дни до его возвращения.

Глава двадцатая

1900—1901

В этом сезоне, 1900/901 года, я танцевала впервые возобновленный с новыми декорациями и костюмами балет «Баядерка», в 4-х актах и 7 картинах, с апофеозом, на музыку Минкуса, либретто Худекова, в постановке М. И. Петипа. Первое представление было дано 3 декабря 1900 года в бенефис П. А. Гердта. Балет был очень красивый, и рецензии были очень лестные для меня.

Балет «Баядерка» я любила, в нем не только были интересные танцы, но и много мимических сцен, что давало мне возможность не только блистать танцами, но и мимикой.

Действие балета происходит в Индии, во время праздника огня. Старик брамин собирается посвятить в главные баядерки красавицу Никию, роль которой я исполняла, и обещает ей все земные блага, если она разделит его чувства. Но Никия отвергает это предложение, потому что влюблена в молодого воина Солора, который обещал вырвать ее из рук брамина. Брамин подслушал этот разговор и донес радже, на дочери которого Солор должен был жениться. Узнав об измене своего жениха,

дочь раджи призывает Никию к себе, и между ними происходит сцена ревности.

Во время праздника огня Никия должна танцевать. Ей подносят корзину с цветами, где была спрятана змея, и Никия умирает от ее укуса. Тень ее появляется в следующих сценах. Во время брачного пира дочери раджи с Солором вдруг раздается удар грома, происходит землетрясение и дворец рушится, погребая всех под его развалинами. Так сбывается предсказание Никии, что если Солор ее разлюбит, то понесет за это кару.

Двадцать восьмого января 1901 года состоялся прощальный бенефис Пьерины Леньяни. Она покидала совершенно нашу сцену. Она была последней итальянской балериной, приглашенной в труппу Императорских театров.

После ее ухода я получила два балета: «Конек-Горбунок» и «Камарго».

Балет «Конек-Горбунок, или Царь-Девица», в 4-х актах и 8 картинах, на сюжет, заимствованный из сказки Ершова, был поставлен Сен-Леоном на музыку Лео Делиба. Балет был очень красивый, с массою прелестных и выгодных танцев. Думаю, что и теперь он имел бы громадный успех, если бы был возобновлен. Я давно мечтала его получить. Пресса отметила мое выступление в этом балете хвалебными рецензиями. Мужские роли исполняли Ширяев и Стуколкин.

В этом сезоне Великий Князь Владимир Александрович стал оказывать мне особое внимание. Он всегда хорошо ко мне относился, но в этом сезоне как-то особенно. После первого представления «Конька-Горбунка» он пригласил меня с сестрой, мою подругу Маню Рутковскую, которая ему очень нравилась и забавляла его своим разговором с сильным польским акцентом, Великого Князя Сергея Михайловича и барона Зедделера ужинать в одном из ресторанов, который он любил. Это ужин был очень веселый, все себя чувствовали непринужденно, так милый хозяин умел всех расположить к себе. Потом эти ужины стали довольно часто повторяться: иногда, если задумывал это Великий Князь в последнюю минуту, он присылал мне в уборную записку с приглашением, а иногда ужины устраивались заблаговременно, тогда я получала приглашение на дому. Великий Князь стал бывать и у меня в доме. На Пасху он прислал мне огромное яйцо из ландышей с привязанным к нему драгоценным яичком от Фаберже.

Пятнадцатого апреля я выступила во втором балете, который перешел ко мне после Леньяни, «Камарго», в 3-х действиях и 5 картинах, сочинение Сен-Жоржа и Петипа, выдержанный в стиле эпохи Людовика XV. Из-за этого балета у меня произошло столкновение с Директором Императорских театров князем С. М. Волконским. В одном из актов этого балета Леньяни танцевала «Русскую» в costume времен Людовика XV, с пышными юбками, поддержанными у бедер «фижмами», которые

стесняли движения балерины и лишали танец всей его прелести. Этот костюм был воспроизведен с того, который Императрица Екатерина II носила на костюмированном балу, данном в честь Императора Иосифа II. Ленъяни была прекрасной танцовщицей, но она меньше обращала внимания на свой костюм, нежели я. Я видела Ленъяни в этом балете и заметила, как она была стеснена костюмом в своих движениях. Я отлично сознавала, что с моим маленьким ростом в этом костюме с фижмами я буду не только выглядеть уродливо, но мне будет совершенно невозможно передать русский танец, как следует и как мне того хотелось. Русский танец полон неуловимых тонкостей, которые составляют всю его прелесть, так что без них весь его смысл пропадает. Поэтому я и заявила костюмеру, что костюм, который мне полагается, я, конечно, надену, но только без фижм. Это будет совершенно незаметно для публики благодаря очень пышным юбкам. Я добавила, что несу ответственность за балет как первая артистка и по опыту хорошо знаю, что мне подходит, нельзя от меня требовать, чтоб я выходила на сцену в уродливом виде, проваливала бы свой танец и портила свою репутацию балерины из-за фижм, отсутствие которых никто даже не заметит. Все эти мои справедливые заявления передавались директору, вероятно, в совершенно искаженном виде, как неосновательные капризы, или же вовсе не передавались, и директор о них ничего не знал. Вместо того чтобы внимательно отнестись к моим объяснениям, мне посылали повторные требования надеть во что бы то ни стало фижмы. Это стало походить на придирку, на желание во что бы то ни стало задеть мое самолюбие.

Перед самым началом спектакля ко мне в уборную зашел Управляющий конторкою Императорских театров барон Кусов и от имени директора в последний раз настаивал, чтобы я надела фижмы. Так как этот спор о фижмах начался до дня представления и стал достоянием публики, то все ожидали с нетерпением, чем все это кончится. А кончилось тем, что я наотрез отказалась надеть фижмы и танцевала без них. Не будь этот спор известен, никто из публики не заметил бы, были ли на мне фижмы или нет. «Фижмы» не следует путать с «кринолинами», которые представляли из себя обручи, поддерживавшие кругом юбку, расширяясь книзу. «Фижмы» — это маленькие плетеные корзиночки, которые прикреплялись с двух боков, чтобы немного приподнять юбку на боках. Танцевать в них спокойно танцы времен Людовика XV, как павану и менуэт, можно, но подвижный русский танец совершенно невозможно. Князь Волконский как человек со вкусом и знакомый со сценой должен был бы легко понять это. Что было к лицу Императрице Екатерине II, чтобы ходить по залам Зимнего Дворца, не подходило для артистки, которая должна была танцевать и быть свободной в своих движениях.

На следующий день, когда я приехала на репетицию в театр,

то увидела, что на доске, где вывешиваются распоряжения Директора, было вывешено: «Директор Императорских театров налагает на балерину Кшесинскую штраф в размере (столько-то рублей) за самовольное изменение положенного ей в балете «Камарго» костюма». Штраф был настолько незначительным и так не соответствовал моему жалованию и положению, что явно имел целью не наказать, а оскорбить меня. Вполне понятно, что я не могла стерпеть такого оскорбления и мне ничего не оставалось больше сделать, как снова обратиться к Государю, прося, чтобы таким же образом, то есть распоряжением директора, штраф был бы снят. На следующий день, на том же месте, где накануне было распоряжение директора о наложении на меня штрафа, было вывешено новое распоряжение, которое гласило: «Директор Императорских театров приказывает отменить наложенный им штраф на балерину Кшесинскую за самовольное изменение положенного ей в балете «Камарго» костюма». После этого князь С. М. Волконский не счел для себя возможным оставаться на своем посту и подал в отставку. Независимое положение князя Волконского и его престиж не пострадали от этого. Он ушел в июле 1901 года, и его заметил В. А. Теляковский.

Об этом случае, как тогда, так и теперь, когда прошло столько лет, я искренне сожалею. Я не виню во всем этом самого князя С. М. Волконского, которого я и тогда уважала и ценила. А теперь, в эмиграции, я искренне его полюбила, когда ближе его узнала и оценила его дружбу ко мне. Но в то время он, несомненно, находился под влиянием разных доходивших до него со всех сторон слухов обо мне, распространяемых недругами и врагами, а их было немало. Не будучи со мною лично знакомым, он, конечно, мог составить обо мне совершенно превратное и ошибочное мнение, что я самовластная, заносчивая, капризная и непокорная артистка, которую следует проучить, и нарочно хоч идти против его воли.

Если бы он тогда ближе и лучше меня знал, то легко бы было ему убедиться в противном и много неприятного нам обоим легко можно было бы избежать. Он, несомненно, понял бы меня, как понял потом, когда мы по душе с ним объяснились. Я всегда служила, как и все артисты Императорских театров, с полным уважением ко всем правилам и распоряжениям нашего начальства и выполняла их точно и аккуратно, никогда не опаздывала на репетиции и являлась на них одна из первых. Но когда задевали мое самолюбие, то, вполне естественно, я защищалась всеми теми средствами, которыми располагала.

В эмиграции, в Париже, князь С. М. Волконский часто бывал в моей студии, любил следить, как я работаю с моими ученицами и как преподаю.

Осенью мы решили с Андреем прокатиться по Италии, которую он еще совсем не знал, а меня туда тянуло, как всегда. Мы решили встретиться в Венеции.

Я выехала за границу с женой моего брата, Симою, рожденной Астафьевой, нашей балетной артисткой, она была очаровательным и веселым существом, незаменимым в путешествии. Все ей нравилось, всем она увлекалась, всем была довольна. Сперва мы остановились с ней в Париже, где в том году была Всемирная выставка. Кроме того, мне надо было заказать себе несколько платьев.

В этом году в Париже был поставлен на сцене знаменитый роман Сенкевича «Quo vadis?» или «Камю грядеши?», который мы все читали и которым все увлекались. Мы, конечно, с Симой поехали посмотреть это представление. Главную роль, Петрония, играл знаменитый в то время актер Де-Макс, красивый и замечательно эlegantный. И вот моя Сима влюбилась в образ Петрония и без устали только и повторяла имя Петрония: «Петроний, мой Петроний».

В Венецию мы приехали с Симой поздно ночью, около 12 часов. Наши комнаты были в первом этаже и выходили окнами на Большой Канал (Канале Гранде), по которому бесшумно сновали черные гондолы и раздавались звуки пения. Я была ранее в Венеции, но всегда этот город производил на меня чарующее впечатление, а на Симу, конечно, просто потрясающее, в особенности когда она увидела Большой Канал и силуэты соборов вдаль, залитые лунным светом,— действительно, картина поразительная. Пока мы устраивались на ночь, в комнате все время долетали звуки пения какого-то, по-видимому нового, романса, так как пели его почти на всех проплывавших мимо гондолах. Романс нам очень понравился, но мы никак не могли запомнить его мотив.

Здесь мы встретились с Андреем, как было условлено. Он приехал со своим адъютантом А. А. Беляевым, очень милым и симпатичным человеком, и мы очень дружно все зажили.

Мы любили ходить обедать в маленький ресторан «Иль Вapore», есть итальянские блюда и пить кианти. Осмотрев основательно Венецию, мы поехали в Падую поклониться могиле Святого Антония Падуанского, которому я всегда молилась, в особенности когда я что-либо теряла. Я всегда находила потерянное после того, как помолюсь ему. У могилы святого продавались его образки, которые для освящения надо было потерять о саркофаг. Мы все, конечно, купили себе образки. Из Падуи мы проехали прямо в Рим, где провели около двух недель, чтобы успеть спокойно и внимательно осмотреть этот город. Нам очень повезло с гидом, которого нам рекомендовала гостиница. Это был француз, учитель истории, который на время каникул становился гидом. Он основательно знал историю Рима и все достопримечательности. Утро было посвящено осмотру музеев, а днем совершали прогулки по городу и за городом для осмотра исторических мест.

На Via Appia — Виа Аппиа — мы видели часовню, по преданию, построенную на том месте, где Апостолу Петру, покидав-

шему Рим, явился Христос Спаситель и спросил его: «Quo vadis?» (Камо грядеши?), то есть «Куда идешь?». Это и послужило Сенкевичу темой для его романа. В часовне нам показали на каменном полу глубокий след ступни, оставленный Спасителем, когда Он остановился, чтобы спросить Апостола Петра.

Моя Сима, по уши влюбленная в Петрония, все добивалась, чтобы ей показали статую Петрония в музеях, убежденная, что это историческое лицо, на самом деле существовавшее, и была крайне разочарована, когда гид ей объяснил, что тот образ Петрония, который был создан Сенкевичем как тип римлянина эпохи Нерона, не отразился в скульптуре и что в музеях его статуи не существует. Сима помириться на этом не хотела и была уверена, что среди статуй той эпохи можно найти подходящую по типу, с той же прической и тогой. Проходя по музеям, она постоянно указывала на какую-нибудь статую и говорила, что эта, наверное, похожа на Петрония.

По вечерам у себя в гостинице мы все под впечатлением римской старины забавлялись тем, что переодевались римлянами, тут, конечно, был Нерон и кумир Симы — Петроний. Мы от души забавлялись и веселились, устраивая такие импровизированные маскарады.

Однажды в каком-то музее мы застали маляров, работавших на высокой лестнице, почти что под самым потолком. Один из них распевал во всю глотку именно тот самый романс, который мы слышали в Венеции и который нам так понравился. Но как Сима ни старалась добиться от него, как называется романс, ничего не вышло, он не мог понять, что она ему говорила, и продолжал петь и красить. Мы ушли, не добившись толку.

На обратном пути из Рима мы решили посетить: Ассизи, Перуджу, Флоренцию, Пизу и Геную.

Ассизи и Перуджа расположены почти рядом, надо было проехать прямо в Перуджу, где были хорошие гостиницы, а оттуда уже съездить в Ассизи. По какому-то недоразумению, вероятно по ошибке нашей римской гостиницы, нам указали слезть в Ассизи, где для нас были заказаны комнаты и экипажи.

Мы выехали из Рима с вечерним поездом и прибыли на станцию «Ассизи» в полной темноте. Сперва мы думали, что это полустанок какой-нибудь, а вовсе не Ассизи, наш вагон был в хвосте поезда, и станции не было видно, лишь мерцали какие-то далекие фонарики. Сима обрадовалась, когда заметила свет, так как одно время мы думали, что поезд остановился в поле, и крикнула кондуктору: «Люмина». Она хотела сказать, что виден свет, на что кондуктор ответил: «Петроль», и Сима вообразила, что он сказал: «Петроний». Кондуктор хотел, вероятно, сказать, что станция освещена керосином. На вокзале нас ждало два экипажа для нас и для вещей с моим человеком. Мы думали, что станция в самом городе и мы поедем по освещенным улицам, но не тут-то было. Кругом вокзала была полная темно-

та, мы двинулись в путь по пустынному шоссе, не только никакого города не было видно, но даже ни одной постройки по сторонам. Мы не видели, куда мы ехали, и нам всем стало просто жутко, а Сима все время пугала, что на нас, наверное, нападут бандиты, как вдруг из темноты действительно показались какие-то всадники в длинных плащах с ружьями через плечо. Они остановили наши экипажи и подъехали ближе. Ну вот, подумали мы, и конец нам настал, ограбят начисто. Но когда всадники подъехали совсем близко, мы, к нашей радости, увидели, что это были конные карабинеры, высланные из Ассизи нам навстречу, чтобы провожать до города и охранять нас. Дело было в том, что в Риме за Андреем постоянно следил агент полиции, очень секретно, и делал вид, что он просто для собственного удовольствия шляется по городу. Но на вокзале, перед самым отходом поезда, он подошел к Андрею, отрекомендовался как агент полиции и пожелал счастливого пути. Конечно, он знал, куда мы ехали, и предупредил местных карабинеров, чтобы нас встретили и проводили до города по пустынному шоссе. Проехав с полпути, мы наконец завидели вдаль огоньки города, куда благополучно и прибыли, пережив немало волнений. Но тут нас ожидало страшное разочарование: гостиница оказалась ужасной, маленькой и грязной до того, что кровати были постланы грязным бельем с клопами, которые мирно разгуливали повсюду. Усталые, разочарованные и обозленные тем, что попали буквально в клоповник, мы разостлали свои пледы и, не раздеваясь, кое-как проспали до утра. Когда мы выглянули утром из окна на городскую площадь, чтобы полюбоваться видом собора, то, к великому нашему изумлению, увидели человек пятьдесят конных карабинеров, выстроенных перед гостиницей во главе с бравым командиром. Вскоре пришли доложить Андрею, что начальник карабинеров желает ему представиться. Андрей его принял, и он доложил, что выслан его охранять, помочь осмотреть город и проводить до Перуджи. Мы охотно воспользовались любезным предложением, и он помог осмотреть сперва базилику св. Франциска Ассизского, основателя ордена Францисканцев и его могилу. Рядом мы видели часть женского монастыря, основанного св. Кларой, сподвижницей св. Франциска. Из Ассизи мы переехали в Перуджу и были рады поместиться в хорошей, чистой и удобной гостинице. Далее мы посетили Флоренцию, Пизу с ее наклонной башней и наконец доехали до Генуи, где немного задержались для осмотра города. В саду нашей гостиницы жила обезьянка, привязанная к своей подставке. Она была очень маленькой и ласковой, мы все ее гладили и кормили орехами. Однажды, неизвестно почему, обезьянка укусила меня за палец.

Гуляя по Генуе, мы увидели нотный магазин и решили с Симой попытаться найти тот романс, который мы слышали в Венеции. Мы обратились к молодому человеку, который продавал ноты, и стали ему объяснять, что мы хотим, но он по-фран-

цузски не понимал. Мы старались ему напеть романс, но из этого ничего не выходило. Тогда Сима села за рояль и одним пальцем стала подбирать мотив. Молодой человек слушал, слушал и вдруг узнал мотив и крикнул: «Да это «O sole mio», быстро нашел ноты, и мы торжественно вернулись в гостиницу. Наконец нам удалось почти что через месяц узнать, какой это романс пели в Венеции.

По приезде в Париж я почувствовала себя нехорошо, пригласила врача, который, осмотрев меня, заявил, что я в самом первом периоде беременности, около месяца всего, по его определению. С одной стороны, это известие было для меня большой радостью, а с другой стороны, я была в недоумении, как мне следует поступить при моем возвращении в Петербург. Тут я вспомнила про укус обезьянки в Генуе, не отразится ли этот укус на наружности моего ребенка, так как говорили, что сильное впечатление отражается на ребенке. Пробыв несколько дней в Париже, я вернулась домой, предстояло пережить много радостного, но и много тяжелого...

Мне, кроме того, предстоял трудный сезон впереди, и я не знала, как я его выдержу в таком состоянии.

Глава двадцать первая

1901—1902

Предстоящий сезон обещал быть очень интересным, в моем репертуаре было много моих любимых балетов, и еще предвиделись новые.

Первую часть сезона я танцевала: «Эсмеральду», «Дочь фараона», «Спящую красавицу», «Конька-Горбунка» и «Пахиту». Я рассчитала, что смогу танцевать до середины февраля, то есть до конца сезона, когда я буду уже на пятом месяце.

Я стала очень много принимать у себя, устраивала обеды, ужины. Мой дом был недостаточно большим, в особенности столовая, чтоб иметь возможность сразу пригласить много гостей, приходилось приглашать небольшими партиями. На Рождество я устраивала елку для более близких моих друзей и любимых артистов. По традиции начиналось Рождественским обедом, после которого зажигалась в зале елка и всем приглашенным я раздавала подарки, обыкновенно вещи от Фаберже.

Двадцатого января 1902 года я выступила в балете «Дон Кихот Ламанчский», поставленном впервые московским нашим балетмейстером Горским, который ставил этот же балет в Москве. Это представление было дано для прощального бенефиса Христиана Петровича Иогансона, моего дорогого учителя, после его более нежели шестидесятилетней службы на Императорской сцене. Балет был очень эффектный. В новой постановке Горского он много выиграл. Я танцевала классическую

вариацию на пуантах с кастаньетами, которыми лишь слегка подыгрывала — танцевала с темпераментом в невероятно быстром темпе. Делала много пируэтов и имела очень большой успех.

Я продолжала танцевать в этом сезоне, как и предполагала, до февраля месяца, будучи на пятом месяце беременности. По моим танцам и даже фигуре это совершенно не было заметно. В последний раз я выступила перед публикой 10 февраля в «Дон Кихоте», имела большой успех и была в ударе.

Мне пришлось еще раз после этого выступить, но в Эрмитажном спектакле 15 февраля. Эти спектакли давались во время зимнего сезона, от Крещения до Поста, иногда раза два в неделю, исключительно для членов Императорской фамилии и лиц, приглашенных от Двора. Ставились маленькие балеты и пьески. Костюмы и декорации делались новые. Программы были артистически исполнены. Одно время ими ведал С. П. Дягилев.

Перед Великим Постом давали премиленький балет «Ученики г-на Дюпрэ», в двух картинах, в постановке Петипа на музыку Лео Делиба.

Я танцевала роль Камарго, и в первом действии у меня был очаровательный костюм субретки, а во втором — тюники. Сцена была близка от кресел первого ряда, где сидели Государь с Императрицей и членами Императорской фамилии, и мне пришлось очень тщательно обдумать все мои повороты, чтобы не бросалась в глаза моя изменившаяся фигура, что можно было бы заметить лишь в профиль.

Этим спектаклем я закончила сезон. Я не могла уже больше танцевать, шел шестой месяц. Тогда я решила передать Анне Павловой мой балет «Баядерка». Я была с ней в самых лучших отношениях, она постоянно бывала у меня в доме, очень веселилась и увлекалась Великим Князем Борисом Владимировичем, который называл ее «ангелом». Со дня ее выхода из училища (1899) публика и балетные критики сразу обратили на нее внимание и оценили ее. Я видела в ней зачатки крупного таланта и предвидела ее блестящее будущее. Но Петипа не желал давать Павловой этот балет, который он при возобновлении поставил для меня, и мне пришлось долго его уговаривать передать ей «Баядерку», на что он в конце концов и согласился. Чтобы помочь Павловой изучить этот балет, я, несмотря на состояние моего здоровья, репетировала с ней его целиком, показывая все движения. Павлова одновременно проходила «Баядерку» с Е. П. Соколовой, которая много раньше меня танцевала этот балет.

После спектакля Павлова в интервью с журналистом упомянула только имя Е. П. Соколовой, как будто она одна показывала ей балет, меня же позабыла вовсе. Я хорошо знала Анну Павлову и была уверена, что она это сделала не по своей воле, а по совету людей, желавших искусственно создать между нами недружелюбные отношения. Меня огорчила такая несправедли-

вость со стороны Павловой по отношению ко мне после всех моих стараний ей помочь.

Мне пришлось испытать и другие неприятности от товарок по сцене. Одна из танцовщиц, впоследствии занявшая видное место в труппе, ничего из себя не представляла при выпуске из училища и добилась результатов только трудом и невероятной настойчивостью.

С первых шагов ее на сцене я всячески старалась ей помочь и много раз за нее хлопотала у того же всеильного Петипа. Но за это она мне заплатила неблагодарностью и интригами против меня. В этом она, несомненно, пользовалась советами одного очень влиятельного в то время журналиста, который был с виду милым и симпатичным человеком, но на самом деле был способен на самые невероятные поступки.

Была еще одна танцовщица, муж которой не скупился вместе с ней ни на какие действия против меня.

Весной 1902 года вышла из Театрального училища очаровательная Тамара Карсавина, красивая, талантливая, простая и бесконечно милая. На училищном спектакле перед выпуском не было ни Государя с Императрицей, ни всей Царской семьи, как это было в 1890 году, когда я выходила из училища. Был только один Великий Князь Владимир Александрович. По окончании представления он подошел ко мне и сказал, что я должна взять Карсавину под свое покровительство. Она ему очень понравилась. Я так любила Великого Князя, что его желание было для меня равносильно приказу, но Карсавина была так хороша и талантлива, что ни в каком моем покровительстве не нуждалась. Осенью этого года, когда Тамара Карсавина уже вышла из училища и должна была выступить на сцене в ответственном па-де-де, я подарила ей один из своих собственных костюмов, чтобы она могла танцевать в наиболее выгодных для нее условиях. Я всегда имела собственные костюмы для вставных номеров и дивертисментов, и они выполнялись из дорогих материалов. В балетах я надевала казенные костюмы, сделанные по эскизам художников, иногда они исполнялись по моим рисункам. Тогда в большой моде были голубой и темно-лиловый цвета в различных сочетаниях, и костюм, подаренный мною Карсавиной, был выдержан именно в этих тонах. У нас на сцене была переведенная после коронации из Москвы танцовщица Бакеркина. Она сразу сошлась с одним старым генералом, занимавшим довольно высокое положение, но не симпатичным и ужасным циником. Только теперь, в эмиграции, почти полвека спустя, читая воспоминания Карсавиной, я узнала впервые, как Бакеркина, с которой я была в хороших отношениях, истолковала ей мой подарок. Бакеркина старалась объяснить ей, что театр — это гнездо интриг и не надо верить в добрые намерения людей. «Почему ты думаешь, — сказала Бакеркина Карсавиной, — Кшесинская подарила тебе этот костюм?», намекая своим вопросом, что в моем жесте надо искать скрытую мысль.

Но Карсавиной мой костюм очень нравился, она была немного смущена щедростью подарка и моим к ней вниманием. Бакеркина добавила не без ехидства: «Посмотри на себя в темно-лиловом цвете — этот цвет годится лишь для обивки гробов, а не для костюма молодой барышни».

Бакеркина была известна в Петербурге еще и тем, что ее постоянно приглашали продавать шампанское на благотворительных вечерах, и она никого не пропускала мимо своего стола, чтобы не заставить выпить бокал вина, она даже хватала за рукав тех, кто намеревался пройти мимо, и, невзирая на денежное положение своей жертвы, часто отбирала последнее в пользу благотворительной кассы, сдачи никогда она не давала. Она не была элегантно и красиво не одевалась, но была всегда аккуратно прибранной. На эти благотворительные вечера она нацепляла на себя всевозможные брошки, и одна брошка непременно свешивалась на лоб.

Среди моих товаров по сцене выделялась Вера Трефилова. Она была прелестной артисткой, настойчиво работала над техникой и даже ездила в Италию совершенствоваться. Вернулась она из Италии похудевшей, и говорили, будто она стала походить на Павлову, которая была худенькой.

После одного спектакля мы все поехали ужинать: Вера Трефилова, Петрокино, который ею увлекался, Гарфельдт, мой маленький флирт, и Виктор Абаза, который чудесно играл на балалайке. После ужина Вера Трефилова пригласила нас всех к себе на чашку кофе, обещая угостить вкусным и ароматным кофе, который она сама нам приготовит в новом и совершенно замечательном кофейнике, только что полученном ею в подарок. Она поставила на стол этот замечательный кофейник, сделала все необходимые приготовления, насыпала кофе, налила воды и зажгла под ним спиртовую лампочку. Кофе был заварен, и надо было только следить за тем, когда он будет готов, и потушить спиртовую лампочку. Но мы все так увлеклись разговорами, Абаза подыгрывал на своей балалайке, и никто не обращал внимания на замечательный новый кофейник, менее всего сама хозяйка, кофейник тем временем перекипел и вдруг выбросил весь кофе с гущей и обрызгал нас с головы до ног. Никто не был в претензии — напротив, это вызвало всеобщий взрыв хохота и веселья: в особенности был забавен печальный вид забрызганных пластронов мужских смокингов.

РОЖДЕНИЕ СЫНА 18 ИЮНЯ 1902 ГОДА

Приближался день, когда я должна была родить. Все было приготовлено к этому у меня на даче в Стрельне. Мой личный доктор, который должен был принимать, был в отсутствии, при-

шлось вызвать из Петергофа ассистента профессора Отта, доктора Драницына, который вместе с личным доктором Великого Князя Михаила Николаевича, Зандером, принимали ребенка. Меня едва спасли, роды были очень трудные, и врачи волновались, кто из нас выживет: я или ребенок. Но спасли обоих: ребенка и меня.

У меня родился сын, это было рано утром 18 июня, во втором часу. Я еще долго проболела с высокой температурой, но так как я была сильная и здоровая по натуре, то сравнительно скоро стала поправляться.

Когда я несколько окрепла после родов и силы мои немного восстановились, у меня был тяжелый разговор с Великим Князем Сергеем Михайловичем. Он отлично знал, что не он отец моего ребенка, но он настолько меня любил и так был привязан ко мне, что простил меня и решился, несмотря на все, остаться при мне и ограждать меня как добрый друг. Он боялся за мое будущее, за то, что может меня ожидать. Я чувствовала себя виноватой перед ним, так как предыдущей зимой, когда он ухаживал за одной молоденькой и красивой Великой Княжной и пошла слухи о возможной свадьбе, я, узнав об этом, просила его прекратить ухаживание и тем положить конец неприятным для меня разговорам. Я так обожала Андрея, что не отдавала себе отчета, как я виновата была перед Великим Князем Сергеем Михайловичем.

Трудный вопрос стал передо мною, какое имя дать моему сыну. Сперва я хотела назвать его Николаем, но этого я и не могла, да и не имела права сделать, по многим причинам. Тогда я решила назвать его Владимиром, в честь отца Андрея, который всегда ко мне так сердечно относился. Я была уверена, что он ничего против этого иметь не будет. Он дал свое согласие.

Крестины состоялись в Стрельне, в тесном семейном кругу, 23 июля того же года. Крестными были моя сестра и наш большой друг, полковник Сергей Андреевич Марков, служивший в Лейб-Гвардии Уланском Ее Величества полку. Согласно обычаю, я как мать не присутствовала на крестинах. В этот день Великий Князь Владимир Александрович подарил Вове чудный крест из уральского темно-зеленого камня с платиновой цепочкой. Увы, этот драгоценный подарок остался в моем доме в Петербурге.

Летом, когда я уже встала, меня посетил Великий Князь Владимир Александрович. Я была еще очень слаба и приняла его лежа на кушетке и держа своего младенца на руках в пеленках. Великий Князь стал передо мною на колени, трогательно утешал меня, гладил по голове и ласкал меня... Он знал, он чувствовал и понимал, что у меня творится на душе и как мне нелегко. Для меня его посещение было громадной моральной поддержкой, оно дало мне много сил и душевное спокойствие.

Силы мои стали быстро восстанавливаться, так что через два месяца я уже могла танцевать в Петергофе на парадном

спектакле по случаю свадьбы Великой Княгини Елены Владимировны с Королевичем Николаем Греческим, которая состоялась 16 августа 1902 года в Царском Селе. Парадный спектакль был в Петергофском театре 19 августа. Я выступила в одном акте из балета «Дон Кихот». Я очень пополнила после родов и долго не решалась участвовать на этом спектакле, но Директор Императорских театров В. А. Теляковский меня в конце концов убедил.

В этом году я, конечно, никуда за границу не поехала. Андрей осенью должен был поступить в Александровскую Военно-Юридическую Академию и все лето к этому готовился и тоже, конечно, никуда не поехал.

В этом году моя сестра Юлия окончила свою двадцатилетнюю службу на Императорской сцене и ушла в отставку, как полагалось. Она собиралась скоро выйти замуж за барона Зедделера и переехала к нему, и я стала устраивать ее освободившуюся комнату для сына.

Эта комната была рядом с моей спальней, я ее переделала в детскую.

Свадьба сестры состоялась 11 (24) декабря 1902 года. После свадьбы ее муж, барон Александр Логгинович Зедделер, ушел из Преображенского полка и перешел на службу в Министерство путей сообщений, состоящим при министре. Он скончался в Кап д'Ай 5(18) ноября 1924 года, 56-ти лет. Он родился 23 мая 1868 года.

Глава двадцать вторая 1902—1903

Зимой этого сезона я танцевала новый одноактный балет «Фея кукол», поставленный братьями Легат, Николаем и Сергеем, на музыку Байера, по либретто Хасрайтера и Гауль. Сцена представляла внутренний вид игрушечного магазина в Гостином Дворе, в 30-х годах XIX века. За окном был виден Невский проспект, по которому гуляла публика в костюмах той эпохи. Этот спектакль состоялся 16 февраля 1903 года и был последним перед Великим Постом.

Зимой как-то приехал из Москвы наш знаменитый и очаровательный тенор Собинов. Он заехал навестить меня, и я оставила его обедать. До обеда он попросил показать ему моего сына, и мы пошли наверх с ним в детскую. Няня готовилась укладывать его спать и держала на руках. Вова смотрел на нас своими сонными глазами, ему пора было спать, и Собинов решил пропеть ему колыбельную песню Лермонтова на музыку А. Г. Гречанинова:

«Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказку,
Песенку спою:
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю...» —

своим дивным, мягким и таким теплым голосом, которым он так гениально владел, что у меня даже слезы навернулись на глаза.

«Скажите Вове, когда он подрастет, что Собинов спел ему колыбельную песню», — сказал он.

Я часто рассказывала Вове про этот вечер, когда ему пел Собинов, чтобы он запомнил хорошо.

В начале этого года я получила очень лестное для меня приглашение выступить в Вене, в Королевском театре, в течение шести недель нашего Великого Поста, когда у нас театры закрывались. Я должна была там танцевать «Коппелию» и новый для меня балет, «Эксцельсиор», в постановке венского балетмейстера, технически очень трудный.

В середине февраля, как только начался Великий Пост, я выехала в Вену и взяла с собою мою горничную и костюмершу. Со мною поехали мой обычный партнер Николай Легат, моя подруга Ольга Боркенгаген и наша танцовщица Люба Егорова, которая в поездке продолжала заниматься с Легатом. В это время я сама брала уроки у Легата. Я считала, что итальянская школа Чекетти отнимала грацию и легкость в танцах, которую мне хотелось сохранить.

Мы все остановились в гостинице «Империаль», переделанной из дворца, все комнаты поэтому были большие, высокие и неудобные, обставленные старинной, полудворцовой мебелью. Мое помещение в гостинице состояло из огромного салона и спальни, откуда двери вели в комнату Ольги Боркенгаген и Любы Егоровой. В том же этаже помещались горничная и портниха.

В один из первых вечеров мы все ужасно перепугались. Мы сидели в моей спальне, которая была отделена от салона раздвижной дверью, затянутой со стороны салона шелковыми занавесками. Вдруг нам показалось, будто кто-то шевелит занавесками, стараясь заглянуть в спальную. В страхе мы прижались друг к другу, пока не убедились, что это был просто обман зрения и никого в салоне нет. Все свои драгоценности я возила с собою и хранила у себя в комнате, в особом чемоданчике, так что, конечно, могла опасаться воров.

В день первой репетиции, когда я приехала в театр, вся труппа встретила меня аплодисментами. Я была глубоко тронута этим приемом, и с этого момента между мною и артистами установились дружеские отношения, которые в многом помогли мне в моем успехе в Вене.

Для первого своего выступления я танцевала в балете «Коппелия». Публика меня встретила так же хорошо, как и артисты.

Второй балет, в котором я выступала в Вене, был «Эксцельсиор». Я вставила вальс-каприз Рубинштейна, который я танцевала с Н. Легатом.

Прошло уже несколько спектаклей, успех у меня был большой, и артисты часто выражали сожаление, что престарелый Император Франц-Иосиф не увидит меня на сцене, так как после трагической гибели его сына Рудольфа, а потом Императрицы Елисаветы он уже более пятнадцати лет перестал бывать в театре.

Можно себе представить всеобщее удивление и радость артистов, когда перед самым началом спектакля, в котором я должна была исполнить «Эксцельсиор», разнесся слух, будто Император собирается приехать, после столь долгого перерыва, когда все давно потеряли надежду когда-либо видеть его в театре. И действительно, за несколько минут до поднятия занавеса в ложу вошел Император. Это было целым событием, о котором говорила вся Вена.

Император мне много аплодировал, и публика также оказала мне самый теплый прием. Артисты были вне себя от радости и после спектакля благодарили меня, считая, что только из-за меня в театре был Император, которого многие из них никогда не видали. Мне устроили чествование.

Перед самым моим отъездом труппа поднесла мне медаль в память моего выступления в Вене в Королевском театре.

Среди массы цветов, которые я получила, один мне был особенно дорог. Это был маленький горшок с трилистником о четырех листьях — на счастье, который был мне поднесен на счастье молодым студентом из его скромных средств. Я была очень тронута и увезла этот горшок с собою в Россию. Все лето он оставался у меня в салоне на даче. На зиму все растения из комнаты переносились в оранжерею, и туда же отнесли мой четырехлистник. На следующий год, когда я приехала летом на дачу, я спросила моего садовника, где же мой четырехлистник, и он в ответ показал мне дорожку, ведущую от дачи к морю. К моему удивлению, по обеим сторонам дорожки были посажены ростки от моего венского четырехлистника.

В Вене я получила телеграмму от Великого Князя Владимира Александровича о том, что он будет проездом и приглашает меня к своему утреннему кофе. Он остановился в той же гостинице, в которой жила я. Я была безгранично тронута и рада его увидеть. В назначенный день он приехал, и его камердинер пришел мне доложить, что Великий Князь меня ждет к своему кофе. Он меня очень ласково принял, и мы поговорили с ним по душе. Он оставался в Вене всего лишь один день и на моем представлении быть не мог.

Я устроила у себя в гостинице прием для представителей

прессы, так горячо отметивших мое выступление в Вене, пригласила также некоторых артистов Венского балета.

Одновременно со мною в Вене находился Юрий Беляев, сотрудник «Нового времени», театральная критик и фельетонист. Он был очень умен и талантлив, отлично рассказывал анекдоты и народные сценки и был приятным собеседником. Я его очень любила, и он был моим большим другом. Мы почти все время проводили вместе, но он уехал из Вены раньше меня.

Меня пригласили в Вене на большой бал, мы много танцевали, и мне было оказано много внимания. Мне очень хотелось танцевать венский вальс, но я не решалась. Венки так изумительно его танцевали, что я боялась быть хуже их.

В Вене я впервые увидела на сцене Айседору Дункан. Ее танец привел меня в восторг. Она танцевала босиком, очень много работала над своим искусством и вполне им владела. В своих танцах и особенно в своих позах она выглядела совершенно как античная статуя. Ее венский вальс в красном костюме так меня увлек, что я даже встала на стул и начала кричать во весь голос, вызывая ее.

Уезжая из Вены, я отправила свою горничную вперед на вокзал с вещами. Она была чудная, моя миленькая и преданная мне эстонка Соня. Она меня прямо обожала и непременно хотела взять с собою мой чемоданчик с драгоценностями, так как боялась, что в суматохе на вокзале при прощании я забуду его. Так это на самом деле и случилось. Я все же взяла чемоданчик с собою, вопреки настойчивому желанию Сони, и поместила его под ногами кучера. Когда я приехала на вокзал, меня встретила целая толпа провожающих, и я забыла про свой чемоданчик, а вещи стали носить носильщики. Когда я спохватилась, чемоданчик куда-то исчез, бросились его искать и в конце концов, после большой беготни и суеты, нашли его в моем отделении, в вагоне, на руках сияющей и торжествующей моей Сони, которая, как оказалось, не доверяя мне, поджидала моего приезда на вокзале у подъезда и, как только я приехала, незаметно схватила чемоданчик и побежала с ним в вагон. Курьезно, но этот чемоданчик и поныне у меня, но он опустел, и нет больше в нем драгоценностей...

Пока я еще находилась в Вене, я получила из Америки приглашение там выступить на очень выгодных условиях. Я была первой из балетных артистов, получившей такое предложение. Высокий гонорар меня не соблазнял, и я отказалась, так как у меня не было никакого желания расставаться надолго с сыном и с Андреем. Это пригласительное письмо, ангажемент, я хранила бережно, но он остался в России и, может быть, находится в Театральном музее имени А. А. Бахрушина в Москве.

Скоро после моего возвращения из Вены, после Пасхи, Директор Императорских театров Теляковский уговорил меня поехать в Москву и заменить там в «Дон Кихоте» заболевшую

балерину Рославлеву. Меня очень волновала эта поездка, я боялась, что не понравлюсь москвичам, хотя балет «Дон Кихот» я уже танцевала в Петербурге в той же постановке московского балетмейстера Горского, и только вариацию первого действия я танцевала в более быстром темпе. Артисты меня встретили замечательно хорошо. Они меня сразу предупредили, что капельмейстер страшно упрям и делает все по-своему и что мне трудно будет наладить с ним вопрос о темпе моей вариации. Я пустила в ход все свое умение и подошла к нему так, что он сразу согласился на мою просьбу изменить темп моей вариации. В Петербурге меня всегда встречали аплодисментами, и я к этому привыкла.

Когда я вышла на сцену в Москве, я была смущена полной тишиной всего зала, ни одного хлопка. Но зато после адажио раздались дружные рукоплескания всего зала, а когда я станцевала свою вариацию в быстром темпе, весь зал буквально задрожал от аплодисментов. Я так была счастлива в этот момент, я почувствовала, что завладела московской публикой. Весь спектакль для меня был большим праздником.

В моей домашней жизни я была очень счастлива: у меня был сын, которого я обожала, я любила Андрея, и он меня любил, в них двух была вся моя жизнь. Сергей вел себя бесконечно трогательно, к ребенку относился как к своему и продолжал меня очень баловать. Он всегда был готов меня защитить, так как у него было больше возможностей, нежели у кого бы то ни было, и через него я всегда могла обратиться к Ники.

Великий Князь Владимир Александрович стал очень часто бывать у меня в доме и любил по вечерам играть в модную в то время игру, «тетку». Он мне дарил прелестные вещи: то красивую вещицу для украшения комнат, то пару великолепных ваз из вещей князя Воронцова, а на Пасху всегда присылал огромное яйцо из ландышей с привязанным к нему драгоценным яичком от Фаберже. Раз он мне прислал браслет с привешенным к нему сапфиром.

В день своего рождения, 10 апреля, Великий Князь Владимир Александрович был у меня на ужине вместе с Великими Князьями Борисом и Андреем Владимировичами. Мне казалось, что он стал бывать у меня, чтобы предотвратить возможное недоразумение между Андреем и Сергеем Михайловичем. Но не это было причиной его приездов ко мне, как я сперва думала, а то, что он очень ко мне привязался и любил бывать у меня... Он мне раз сказал, что ценит мое отношение к нему и верит в мою искренность. Ему всегда казалось, что к нему относятся не просто как к человеку, а только как к Великому Князю.

Летом 1903 года он иногда приходил ко мне пешком из Петергофа в сопровождении своего адъютанта барона В. Р. Кнорринга. Вове был тогда уже год, но он еще не ходил, и его приносили показывать Великому Князю. Ходить Вова начал очень поздно. У него было немного волос на голове, но я ухитрялась

сбирать пучок волос и завязывать их голубым бантиком. Великий Князь всегда клал руку на голову Вовы и говорил: «Со всем моя голова».

Великий Князь любил присылать мне какую-нибудь новую музыку для танцев и раз прислал «ла-шакон», которая по его желанию была поставлена на сцене, а потом, в упрощенном виде, стала модным танцем.

В этом году я просила Ники подарить мне свою фотографию, и какова была моя радость, когда я увидела на присланной им мне карточке подпись не «Николай», как он обычно всем подписывал, а «Ники» и год «1903».

Глава двадцать третья

1903—1904

В театре я имела все, что хотела, на сцене я продолжала пользоваться громадным успехом, и публика всегда оказывала мне горячий прием. Но появились отдельные лица, которые стремились омрачить мои выступления. Наравне с чудными приемами со стороны публики раздавались по временам кое-где из зала шиканье и даже иногда свистки. Надо было обладать огромною силою воли, чтобы сохранить свою улыбку и доводить спектакль до конца. Мне это было особенно тяжело, потому что я отлично знала, от кого и откуда это исходит.

Как раз в это время я выхлопотала увеличение жалования балеринам с 5.000 рублей на 8.000 рублей в год, что составляло по тем временам очень существенную прибавку. Для меня жалование не играло роли, но я хлопотала об увеличении жалования для моих товарок, для которых прибавка имела значение, и за это я даже не получила от них простого спасибо.

Все это недоброжелательство мне так надоело, так опротивело, что у меня все более и более крепло желание покинуть вовсе сцену и уйти подальше от всех неприятностей.

Мой отец, любивший всей душой свое искусство, был очень опечален моим решением покинуть сцену и старался уговорить меня этого не делать, но в конце концов он согласился с моими доводами. После этого я попросила дать мне прощальный бенефис. Бенефис мне был дан, и я его заранее назначила на 4 февраля 1904 года. Оставалось закончить сезон.

Осенью юнкера Артиллерийского училища приехали приглашать меня на их традиционный бал. Я согласилась, но предупредила, что смогу приехать только после окончания балета «Спящая красавица», в котором я танцевала в этот вечер. Когда я приехала в училище, юнкера сперва меня повели показывать помещение, а затем попросили принять участие в бале. Но на балу танцевали новые танцы, которых в салонной переделке я не знала, хотя и танцевала их в балетной форме, как «шаконн»

и «венгерский». Под предлогом желания сначала отдохнуть я присматривалась к тому, как другие танцуют, после чего согласилась танцевать с юнкерами. После бала были восторженные проводы со стороны юнкеров и любезных хозяев.

Седьмого декабря я выступила в Москве на бенефисе Гримальди в «Тщетной предосторожности» с Н. Легатом, и я воспользовалась этим, чтобы пригласить старика Гельцера приехать на мой бенефис и выступить в том же балете в роли Марцеллины, матери Лизы. Он любезно согласился и великолепно сыграл эту женскую роль.

В изданном теперь Дневнике Государя записано:

«21 января 1904 г., среда: «Обедали вдвоем. Поехал в театр. Шла «Спящая красавица» — отлично — давно не видал. Был дома в 11 3/4».

По смыслу этой записи ясно, что Государь в этот вечер обедал вдвоем с Императрицей, а поехал в театр один, так как сказано: «поехал», а не «поехали». Но к кому относилось замечание «отлично — давно не видал», нельзя было заключить. На мое счастье, в «Ежегоднике Императорских театров», где приведены все репертуары за все сезоны, я нашла, что именно в этот день, 21 января 1904 года, в среду, я танцевала «Спящую красавицу». Сомнений больше не было, Государь приехал меня нарочно посмотреть именно в том балете, в котором он меня так любил видеть и действительно давно не видел, что он и отметил. Это был единственный раз, что я танцевала этот балет в этом сезоне.

Могла ли я думать, что Ники в тот день, вернувшись домой в Зимний Дворец из Мариинского театра, куда он поехал один смотреть меня в «Спящей красавице», и один в своем огромном кабинете перед сном, по обыкновению, заносил в свой дневник впечатления дня, как в те счастливые дни нашей юности, он писал, несомненно, обо мне, хотя меня не называя, так как слова «отлично» и «давно не видал» могли относиться только ко мне.

Мог ли он думать в тот вечер, что эти драгоценные для меня строки его дневника через полвека попадут мне в руки, когда его уже давно не будет на свете?

Эти драгоценные для меня строки еще более меня убедили, что Ники никогда меня не забывал.

Хотя прошло много лет с тех пор, но когда я читала эти строки в дневнике Государя и только теперь узнала, что именно для меня Государь приехал в театр и отметил, что давно меня не видал, — это доставило мне огромное моральное удовлетворение и радость. Несмотря на столько лет, что мы с ним расстались, он меня никогда не забывал и обо мне думал — это очень, очень трогательно. Это еще раз меня убедило в том, что наша встреча не была мимолетным увлечением и что он действительно меня горячо и очень сильно полюбил.

В конце января, как раз перед моим бенефисом, вспыхнула

японская война. Но в первые дни положение было еще неясное и настроение не было подавленным.

Четвертого февраля, как было назначено, состоялся мой прощальный бенефис. Публика оказала мне самый горячий прием, и те, которые мне иногда шикали, в этот день молчали, да и их шиканье было бы заглушено. В приеме публики и в ее единодушных вызовах я ощущала большое и сердечное ко мне сочувствие.

Для моего бенефиса я выбрала два первых акта из «Тщетной предосторожности», куда я вставила па-де-де, то самое, в котором я дебютировала на сцене в 1890 году, будучи еще ученицей. Тут я сделала мои 32 фуэте и с легкостью повторила их на бис. В этот вечер у меня была сверхъестественная сила. В свое время писали, что я первая после Леньяни ими овладела. Старый Гельцер, нарочно приехавший из Москвы для меня, великолепно провел роль Марцелины, и его участие в моем бенефисе глубоко меня тронуло.

Затем я исполнила 2-ю картину 1-го действия «Лебединого озера», картину лебедей, где под конец королева лебедей медленно удаляется на пальцах, спиною к зрителям, подымаясь на горку, как будто прощаясь с публикой.

Итак, я простилась с публикой, мне было очень тяжело, но иначе я поступить не могла.

Я получила массу цветов и много ценных подарков. Среди них был золотой лавровый венок, сделанный по мерке, чтобы я могла его надеть на голову. На каждом из лепестков было выгравировано название балета, в котором я выступала: к этому времени у меня их было большое количество в моем репертуаре, и лепестков на венке оказалось много.

Молодежь, провожавшая меня на подъезде, в порыве энтузиазма выпрягла лошадей и на руках довезла мою карету до дома, который был недалеко от театра. Такой же случай произошел с Фанни Эльслер, у которой тоже выпрягли лошадей.

После моего бенефиса я сейчас же выехала в Москву, чтобы участвовать в бенефисе Кати Гельцер, 6 февраля. Я танцевала адажио с Н. Легатом и вариацию из балета «Баядерка». Москвичи встретили меня горячо, от всей души и сердца, как они умели это делать. Для возвращения в Петербург мне был предоставлен отдельный спальный вагон, который прицепили к ночному курьерскому поезду. В этом же вагоне были балетоманы, одновременно со мною приехавшие в Москву на бенефис Гельцер. Я заказала для всех в вагоне ужин, и Ю. Н. Седова мне помогала хозяйничать. Всю ночь мы веселились, и время пролетело незаметно. По приезде в Петербург меня ожидал обед балетоманов, который они мне давали у Кюба. Я готовила речь и очень волновалась, особенно после проведенной в вагоне бессонной ночи. Я не обладала певучим голосом, чтобы произносить публично речи, но речь мне удалась, я сама была собою довольна, и мы веселились до утра. За этим обедом мне при-

несли поднесенный мне публикою золотой венок и надели его мне на голову.

Тридцатого июля у Государя родился долгожданный сын, Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Радость была большая, и в Царской семье, и в России.

Я в это лето мирно и тихо жила у себя на даче в Стрельне. Уже в эмиграции, читая изданный после переворота дневник Государя, я нашла его запись под датой 24 августа 1904 года: «Совершил большую прогулку верхом с Мишей. Были в Стрельне».

Несомненно, они проехали мимо моей дачи, и я уверена, что Ники еще раз хотел взглянуть на нее, а может быть, надеялся увидеть меня в саду. И я узнала это только теперь...

Он был так близко, и я могла бы выйти, снова его увидеть, и, может быть, даже говорить с ним. Мне и сейчас больно до слез об этом думать.

Когда Государь возвращался в Петергоф из Красного Села, Андрей звонил мне по телефону, и я выходила на горку к мосту, на котором ожидался Высочайший проезд. Полиция, оберегавшая пути, не допускала приблизиться публике, но меня знали и даже спрашивали у меня, выехал ли уже Государь, так как я всегда имела точные сведения от Андрея. Раз видели меня близ моста, значит, Государь выехал. В этом месте был поворот, и нельзя было быстро ехать. Когда Государь приближался, его голова всегда была повернута в мою сторону и рука приложена к козырьку. Как сейчас помню его чудные глаза, устремленные на меня.

Глава двадцать четвертая

1904—1905—1906

После моего прощального бенефиса я почти весь 1904 год не выступала и не собиралась выступать. Но перед началом сезона 1904/05 года Директор Императорских театров Теляковский обратился ко мне с просьбой вернуться на сцену. За то время, что я ушла со сцены, интриги, которые раньше приписывались мне, не только не прекратились, но еще больше усилились. Все тогда убедились, что меня напрасно обвиняли: интриги и без меня прекрасно процветали, значит, кто-то другой был за них ответствен, а не я.

Долго я не соглашалась вернуться на сцену: я уже привыкла к мысли, что театральная жизнь для меня кончена. Если я, в конце концов, и уступила настойчивой просьбе нашего директора, то только потому, что одновременно наш балетный артист Ширяев, которому был дан бенефис, очень просил меня выступить в балете «Брама», который для этого случая возобновили. Я исполняла этот балет по моим воспоминаниям об его

исполнении Вирджинией Цукки. Бенефис Ширяева состоялся 12 декабря 1904 года.

Большинство артистов нашей балетной труппы радовались моему возвращению, за исключением, конечно, небольшой группы, которая почему-то была враждебно против меня настроена. Публика же устроила мне такой сердечный прием, что я все забыла. Это сделало меня бесконечно счастливой, я была рада снова оказаться на сцене и перестала больше думать о том, чтобы ее покинуть. Но я отказалась вернуться на казенную службу, как того хотел директор, и согласилась быть только «гастролершей» без всякого контракта. Я хотела остаться совершенно свободной и танцевать только тогда, когда хотела и сколько хотела. Я объяснила директору, что никакой контракт не сможет меня связать и никакая неустройка меня не запугает. Если бы даже я подписала контракт, я его все равно могла бы нарушить. На условиях гастролерши без контракта я вернулась на сцену и служила до самого конца. Правда, я обещала директору быть всегда готовой оказать услугу, если смогу, и моему слову верили.

Девятого января 1905 года произошло выступление Гапона. В этот день был чей-то бенефис, и я была с родителями в ложе. Настроение было очень тревожное, и до окончания спектакля я поспешила отвезти моих родителей домой. В этот вечер Вера Трефилова устраивала у себя большой ужин, на который я была приглашена. Надо представить себе, как она была бы расстроена, если бы в последнюю минуту никто не приехал к ней. На улицах было беспокойно, повсюду ходили военные патрули, и ездить ночью было жутко, но я на ужин поехала и благополучно вернулась домой. Мы потом видели Гапона в Монте-Карло, где он играл в рулетку со своим телохранителем, как тогда говорили. Великий Князь Николай Михайлович, который был тогда в Монте-Карло и любил играть на номер 29, *chevaux et carrés*, шутки ради, а он любил шутки, подходя к столу, за которым играл Гапон, передавая деньги крупье, громко сказал: «*Pope Garon*», «*Chevaux et Carrés*», а потом, будто бы спохватившись, будто бы смущенно сказал: «*Pardon, le 29, Chevaux et Carrés*».

После моего первого выступления в Москве в 1903 году, а потом на бенефисе Гельцер, в конце 1904 года, меня стали все чаще приглашать в Москву. Я танцевала на бенефисах Кати Гельцер, Гримальди, кордебалета и на спектакле в пользу престарелых артистов. На один из спектаклей я выехала в Москву совершенно больной, с высокой температурой. Доктор боялся меня отпустить, тем более что стоял сильный мороз, а у меня было воспалено горло. Но я не хотела подвести своих московских товарищей и все же поехала. Когда я вышла на сцену, все двоилось в моих глазах, но никто не заметил моего состояния, а к концу представления я совершенно поправилась. Своими поездками в Москву я оказывала услугу товарищам, но

должна сознаться, что московские выступления доставляли мне громадное удовольствие.

Я ездила в Варшаву с моим отцом танцевать балет «Эсмеральда». Отец играл, по обыкновению, роль синдика, Клода Фролло, а все остальные артисты были из местной балетной труппы. Я всегда имела в Варшаве необычайный успех.

Летом этого года, 3 июля 1905 года, скончался мой отец в своем имени Красницы, восьмидесяти трех лет от роду. Несмотря на свой возраст, он прожил бы еще долго, если бы не несчастный случай, который с ним произошел годом раньше. Во время репетиции чистой перемены для балета «Спящая красавица» мой отец ходил по сцене, и его забыли предупредить, что сейчас будут открывать люки для подъема декораций. Он провалился в открывшуюся у него под ногами щель, но удержался локтями за края. Хотя он и не расшибся, но шок, полученный от падения, заставил докторов уложить его на время в постель. Эта перемена условий жизни повлияла на общее состояние его здоровья. Он всю свою долгую жизнь привык к кипучей деятельности, и вдруг его подвергли режиму полного покоя, что было для него совершенно нестерпимо. Правда, он вскоре поправился, но доктора советовали ему продолжать держаться известного режима. Мой отец категорически от этого отказался, говоря, что не желает себя лишать под конец жизни того, к чему он всю жизнь привык. В следующий сезон он настолько поправился, что смог снова выступить на сцене и весной 1905 года, за несколько месяцев до своей кончины, лихо танцевал со мною мазурку, будучи тогда уже восьмидесяти трех лет, что является, вероятно, единственным случаем в истории балета.

Ввиду тревожного состояния повсюду я не могла немедленно выполнить последнюю волю отца и перевезти его останки в Варшаву, в наш семейный склеп. Его забальзамированное тело было перевезено в Санкт-Петербург и временно помещено в костеле св. Станислава. Лишь только наступило затишье, я перевезла его тело в Варшаву. Мой отец выразил желание, чтобы, когда его будут перевозить, то одновременно перевезли бы туда и останки его матери, похороненной на католическом кладбище на Выборгской стороне. После получения надлежащего разрешения от властей я поехала на кладбище и присутствовала при вскрытии ее могилы. Все, что мы нашли, мы уложили в маленький детский гробик.

Перед отправкой гроба отца в Варшаву он был перенесен из склепа в церковь для заупокойной службы. На крышке гроба было устроено окошко, и мы могли в последний раз взглянуть на дорогие черты отца, которые отлично сохранились.

Варшава помнила отца и устроила ему грандиозные похороны. Путь от вокзала до кладбища в Понвонсик пролегал через пригороды. Ничто не нарушило спокойствия печального шествия. Над нашим семейным склепом я построила застекленную

часовню. В этот же склеп мы опустили гроб с останками моей бабушки. Там уже был похоронен мой дед, знаменитый тенор и актер.

Потеря отца была для меня очень тяжелой и чувствительной утратой. С его кончиною порывалась дорогая для меня связь с моим детством, когда, благодаря ему, благодаря его горячей любви к сцене, я полюбила мое искусство. Теперь, с его уходом в лучший мир, и театр как-то отошел на время от меня.

Исполнив последнюю волю отца, похоронив и бабушку в семейном склепе, я уехала за границу, где прожила всю зиму 1905/06 года.

Осенью 1905 года я поехала вместе с сыном на юг Франции, в Канны, где остановилась в гостинице «Дю Парк», за городом. Со мною поехали только няня моего сына и моя горничная. Андрей уехал ранее меня и до моего приезда жил в Ницце. Потом я выписала из Петербурга Мишу Александрова, нашего балетного артиста. Он был сыном балетной артистки Александровой, а его отец был князь Долгоруков, брат княгини Юрьевской. Он был всегда безгранично весел, и даже тогда, когда у него были неприятности. В обществе он был совершенно незаменим, все его знали и любили.

Гостиница была расположена в обширном парке и ко времени моего приезда была совершенно пустой, что было не особенно приятно. По ночам кругом царил мертвая тишина. Была уже глубокая осень, рано темнело, Вове было всего три года, и его рано укладывали спать. Няня и моя горничная уходили вниз обедать в людскую столовую, и я оставалась первые дни совершенно одна во всем нашем длинном коридоре. Моя столовая была узкая комната с высокими панелями из натурального дуба. Я сидела за обедом спиной к балкону. Передо мною была дверь в коридор, налево дверь вела в комнату Вовы, а направо от меня, ближе к балкону, была дверь в мою спальню. Напротив, по другую сторону коридора, была комната моей горничной. Во время обеда я увидела, что на панелях жилки дерева своим рисунком напоминают черты лица моего отца. Мне стало жутко: сперва я подумала, что это только мое воображение, и стала глядеть в другую сторону, но меня все тянуло посмотреть еще раз на дубовую панель, и опять я совершенно ясно увидела то же самое. Я провела ужасную ночь. Несмотря на полное освещение в комнате, мне все казалось, что вот-вот на пороге двери в мою спальню я увижу тень отца. На другой день приехал Миша Александров. Я посадила его налево от меня за обедом, так что он глядел на то же место панели, и просила его сказать мне, видит ли он что-нибудь. Он не задумываясь ответил, что ясно видит лицо моего отца. Потом приехал Андрей, и ему также казалось, что в рисунках дубовых жилок панели видны очертания лица отца. Я проспала еще одну ночь в моей спальне, но моя горничная спала в моей комнате, после чего мы все переехали в другое помещение по тому же коридору. У меня

было предчувствие, что это дурное предзнаменование и что меня ожидает какая-нибудь семейная неприятность. И действительно, вскоре я получила из Петербурга известие, что мой брат имел крупную неприятность в театре и был исключен со службы по настоянию всемогущего управляющего конторою Императорских театров Крупенского, который его недолюбливал. Впоследствии, по моей просьбе, он был вновь принят на Императорскую сцену. Этой же осенью пришло грустное известие из Петербурга, что Сергей Легат покончил с собою. Он был очень красив и был чудным, талантливым артистом. Вместе с братом Николаем он замечательно рисовал художественные карикатуры, из которых составилась целый альбом. С Сергеем Легатом я танцевала много балетов, и он был прекрасным партнером.

Мы прожили недолго в гостинице и решили нанять крошечную виллу, принадлежавшую гостинице и расположенную в том же парке, рядом. Я выписала из Петербурга своего лакея Василия, своего повара француза Дени. Они должны были привезти с собою моего любимого пуделя Таракашку. До прибытия моих людей мы продолжали ходить в гостиницу столоваться, а иногда, забавы ради, готовили сами обед, и каждый стряпал что умел. Смеху и веселью не было конца на кухне, так как с блюдами выходили всякие сюрпризы. Так, один раз Андрей стал хвастаться, что он отлично умеет готовить бефстроганов, но для этого необходимо купить первосортный кусок мяса. Вот мы все и отправились в город, в мясную лавку за мясом. Совершенно ничего не понимая в мясе, мы делали вид, что выбираем как знатоки, и, облюбовав наиболее красивый на вид и менее кровавый кусок, мы его купили и поехали домой готовить обед. Андрей изобразил из себя повара и с видом знатока своего дела стал готовить бефстроганов, как вдруг, к его ужасу, мясо, которое должно было потемнеть при жарении, стало, напротив, белеть. Оказалось, что мы купили телятину, но все же блюдо вышло очень вкусным, и мы его назвали «во-строганов».

С приездом моего повара и лакея мы уже зажили по-настоящему, ели вкусно и наслаждались жизнью, насколько могли.

На Рождество я устроила для Вовы елку и пригласила маленькую внучку Рокфеллера, которая жила в нашей гостинице и часто играла с Вовой, копаясь на берегу моря в песке. Эта маленькая Рокфеллер подарила Вове вязаные туфли. К сожалению, мы ее больше нигде не встретили и потеряли совершенно из виду.

Ввиду моего траура мы мало выезжали и только изредка ездили в Монте-Карло. В то время за отсутствием автокаров это отнимало очень много времени и было утомительно. Зато Миша Александров носился как бешеный повсюду и привозил нам много новостей.

Весной 1906 года, хотя отпуск у Андрея далеко еще не кончился, он был неожиданно вызван в Петербург. Вскоре после его отъезда и я вернулась домой.

Глава двадцать пятая
1906—1907

После моего возвращения из-за границы, весной 1906 года, состоялась закладка моего нового дома. Мысль построить себе более удобный и обширный дом возникла у меня после рождения сына. В старом доме я могла ему уделить только одну комнату, что было вполне для него достаточно, пока он был еще мал. Но мне хотелось его устроить так, чтобы он мог, когда станет взрослым, продолжать жить у меня в доме удобно. Кроме того, старый мой дом требовал уже столь капитального ремонта, что затраты не оправдались бы, а о перестройке и думать было нечего, он был слишком старый и ветхий. По мнению архитектора, было проще и дешевле снести старый дом и на его месте построить новый, согласно последней технике. Я предпочитала строить новый дом в более красивой части города, а не среди дымящихся фабричных труб, как за последние годы стало на Английском проспекте.

Покинуть свой старый дом, подаренный мне Ники, было очень тяжело. Приходилось расставаться с домиком, с которым были связаны самые дорогие для меня воспоминания и где я прожила много, много счастливых дней. Но в то же время оставаться там, где все мне напоминало Ники, было еще грустнее.

Из многих предложенных мне мест для постройки мой окончательный выбор остановился на участке на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы, застроенном целым рядом маленьких деревянных домиков. Место мне понравилось. Оно находилось в лучшей части города, далеко от всяких фабрик и по своему размеру позволяло построить большой светлый дом и иметь при нем хороший сад.

План я заказала очень известному в Петербурге архитектору Александру Ивановичу фон Гогену и ему же поручила постройку. Перед составлением плана мы вместе обсуждали с ним расположение комнат в соответствии с моими желаниями и условиями моей жизни.

Внутреннюю отделку комнат я наметила сама. Зал должен был быть выдержан в стиле русского ампира, маленький угловой салон — в стиле Людовика XVI, а остальные комнаты я предоставила вкусу архитектора и выбрала то, что мне более всего понравилось. Спальню и уборную я заказала в английском стиле, с белой мебелью и кретоном на стенах. Некоторые комнаты, как столовая и соседний с нею салон, были в стиле модерн.

Всю стильную мебель и ту, которая предназначалась для моих личных комнат и комнат моего сына, я заказала Мельцеру, самому крупному и известному в Петербурге фабриканту, а всю остальную обстановку, для комнат прислуги, хозяйственных и других, я поручила крупной фирме Платонова.

Все бронзовые предметы для зала ампира и салона Людовика XVI, как то: люстры, бра, канделябры, дверные и оконные

ручки, запоры и шпингалеты, а также все ковры и материи для обивки мебели я заказала в Париже. Стены салона были обтянуты желтым шелком.

Я очень торопила архитектора фон Гогена с постройкой дома и горела желанием скорее переехать в него.

Под Рождество 1907 года я наконец смогла перебраться в свой новый дом и была очень рада зажить наконец в удобных условиях и с настоящим комфортом. Старый дом я продала Князю Александру Георгиевичу Романовскому, Герцогу Лейхтенбергскому.

Ко времени переезда еще не все комнаты были обставлены, но всякому известно, что, если самой не переехать в строящийся дом, он никогда не будет готов.

Дом вышел очень удачным, архитектор выполнил блестяще все мои желания.

Мои гости хорошо знали приемные комнаты и мои личные, но я гордилась больше всего хозяйственной частью дома, которую обыкновенно никто не видит. Я на нее обратила особое внимание при постройке и любила ею похвастать перед гостями. Я считала, что нельзя требовать от прислуги хорошей службы, если она плохо помещена, как это часто бывает. У моей прислуги были прекрасные, светлые комнаты, скромно, но с комфортом обставленные, и общая для них столовая, где был большой шкаф, в котором каждый имел свое отделение для хранения под ключом своих собственных предметов.

Кухня была моей гордостью, она была, можно сказать, шикарная, и часто после обеда я приглашала гостей полюбоваться ею. Мой французский повар Дени содержал ее в примерной чистоте и опрятности, и сразу после обеда, когда я показывала гостям кухню, она была в таком порядке, что можно было думать, будто никакого обеда там вовсе и не готовили. При доме был свой ледник и специальная холодная кладовая для сухих продуктов. Таким образом, в доме было всегда достаточно запасов, чтобы приготовить экспромтом обед.

Другой моей гордостью были две гардеробные комнаты, одна наверху, для моих платьев, вся обставленная дубовыми шкафами, в другая внизу, для моих костюмов и всего, что к ним полагалось: башмаков, туфель, париков, головных уборов и т. д. В каждом из четырех огромных шкафов имелась полная опись под номером всего того, что в нем находилось, дубликат которой я держала у себя. По этим спискам я могла всегда послать кого-нибудь привезти мне все, что было мне необходимо, это часто приходилось делать, когда я жила на даче, а костюмы были нужны в Красном Селе. Я указывала только номер шкафа и номера требуемых костюмов и относящихся к ним предметов.

По этому поводу однажды произошел довольно забавный случай. Когда я уезжала на дачу, я своей дом оставляла под охраной старшего дворника Денисова, георгиевского кавалера, безгранично преданного и честного. Я ему оставляла все ключи,

и он один охранял дом. Но у него, несмотря на все его чудные качества, был один недостаток — он любил запивать. Чтобы удержаться от этого, он записался в общество трезвости, где при поступлении надо было обещать вина не пить, кроме одного раза в год. Мне понадобилось что-то из костюмов, и я послала в город свою подругу Ольгу Боркенгаген, которая жила у меня и которую мой дворник прекрасно знал. Когда она приехала, Денисов находился в дежурной комнате около подъезда, но на звонок отказался открыть дверь, так как именно в этот день он запил и боялся кого бы то ни было впустить, кроме самой хозяйки. «Мало ли что может случиться», — объяснил он потом. Так и не пустил мою подругу в дом.

У меня был, конечно, винный погреб. Он был наполнен чудными винами, которые Андрей для меня с особой любовью выбирал, и был устроен так, что я могла в нем давать ужины после спектаклей для любителей хороших вин, предоставляя им самим выбирать по каталогу то вино, которое каждый хотел. В погребе был и специальный шкаф, со стаканами для каждого сорта вин. Эти ужины в погребе, среди бутылок вина, были оригинальны по своей обстановке и очень веселы. И вина выпивалось на них немало.

При доме, во втором дворе, были прачечная, сарай для экипажа и автомобилей, был коровник для коровы, которую приводили с дачи в город, чтобы сын имел всегда хорошее и свежее молоко, а при ней служила у меня коровница, Катя. Кроме того, была толстая свинья, любимица Вовы. В самом доме у меня жила козочка, которая выступала со мною в «Эсмеральде». Ее нужно было приручить так, чтобы она за мною ходила по сцене, и потому я ее сама кормила. Я брала ее с собою в театр, чтобы приучить к сцене и музыке. Она стала такой ручной, что даже снята со мною в моей гостиной, на коленях. У меня еще был мой любимый фоксик Джиби, неразлучный друг.

Проходя мимо моего сада, можно было видеть в нем гуляющих вместе: козочку, свинью и фоксика.

Выступления Айседоры Дункан в Петербурге произвели огромное впечатление на молодого танцовщика и будущего знаменитого балетмейстера М. М. Фокина, который стал искать новых путей для классического балета. Он восставал против застывших поз с руками, поднятыми венчиками над головой, искал в пределах классической техники свободного выражения чувств и хотел для своего балета из римской жизни найти новые формы. Он ходил в Эрмитаж изучать изображенные на вазах движения античного танца, исследовал греческие и римские источники. Постановка балета «Евника» на тему, взятую из романа Сенкевича «Камо грядеши?» на музыку А. В. Щербачева, явилась, таким образом, крупным событием, вызвавшим большие волнения и споры. Сторонники незыблемой старины были против него, сторонники постоянного движения вперед были в

восторге. Фокину приходилось выдерживать серьезную борьбу и внутри театра, и вне его с критиками и балетоманами. Это только усиливало его энтузиазм в борьбе за новый балет. Старые балетоманы укоряли его в подражании Дункан, в ненавистном им «дунканизме», а молодежь, напротив, восторженно откликалась на эту новую струю, оживлявшую незыблемые устои классического танца, который Фокин и не думал разрушать. Я очень горжусь тем, что с самого начала была на стороне Фокина, считая его гениальным в своих начинаниях, а гений всегда покоряет и увлекает. Фокина я приветствовала с самого начала и осталась ему верна до конца. Я участвовала в первом представлении «Евники» 10 декабря 1906 года, исполняя главную роль. Состав артистов был первоклассным. П. А. Гердт исполнял главную роль Петрония с присущим ему великолепием стиля и мимики, Анна Павлова танцевала изумительно роль Антои, скульптора Клавдия играл превосходный мим Булгаков, который обладал таким даром драматической передачи роли, что одно время хотел перейти в драматическую труппу. Блестящий танцовщик А. В. Ширяев, оставивший целую школу характерного танца, играл роль греческого раба Петрония, а рано умерший Леонтьев, отличавшийся своей легкостью в прыжке и выразительностью в танце, играл черного раба.

Я с огромным увлечением танцевала Евнику и имела выдающийся успех. Но самым главным была новая идея М. М. Фокина, впервые воплотившаяся в этом памятном спектакле и сразу привлекая к себе публику. Спектакль с тем же успехом был повторен 10 февраля 1907 года. Бурные споры происходили еще долго и в театре, и в театральном кружке редактора «Ежегодника Императорских театров» барона Н. В. Дризеня и в других собраниях, где Фокин развивал свою теорию против сторонников недвижимых устоев. Мариус Петипа, почти безраздельно властвовавший с середины XIX века и подчинявший себе даже такого замечательного балетмейстера, как Лев Иванович Иванов, почувствовал свое могущество колеблющимся и резко восставал против Фокина, объединив вокруг себя старых артистов и некоторых талантливых молодых. Но Фокин увлек за собою и публику, и труппу, и представление «Евники» имело, таким образом, большое значение в жизни классического балета. В 1910 году М. И. Петипа умер, сохранив до конца звание главного балетмейстера.

М. М. Фокин очень любил и ценил меня, и в том же сезоне мы вместе выступили в Москве в бенефис Кати Гельцер 21 января 1907 года в «Тщетной предосторожности». Наша дружба осталась незыблемой и крепкой всю нашу жизнь и в России, и в эмиграции до самой его смерти в 1942 году.

Я всегда поддерживала Фокина, хотя и считала, что в его балетах нет вариаций для танцовщицы, которые могли бы воодушевить публику и вызвать овации. В фокинских балетах публика принимала артистов только в антрактах.

В этом сезоне я впервые танцевала с Вацлавом Нижинским, который весной того же, 1907 года кончил нашу балетную школу. Мы с ним танцевали в Мариинском театре «Ноктюрн» Шопена, а затем исполнили его в Москве на бенефисе кордебалета. Нижинский произвел на меня большое впечатление на выпускном спектакле в училище, и я уже тогда имела его в виду как своего партнера для ближайшего будущего.

Двадцать шестого декабря 1907 года, в бенефис кордебалета, был поставлен Н. Легатом новый балет «Аленький цветочек» на музыку Ф. А. Гартмана, в 5-ти действиях. Сюжет был заимствован из повести С. Т. Аксакова по либретто П. А. Маржецкого. Но балет не имел большого успеха и вскоре был снят с репертуара.

Зимою, в разгар сезона, в Санкт-Петербург приехал из Парижа директор Парижской оперы г-н Бруссан. Теляковский пригласил его в свою директорскую ложу в воскресенье, когда я танцевала «Эсмеральду». Я не любила, чтобы приходили в мою уборную, когда я танцевала «Эсмеральду». Чтобы не нарушить моего настроения, я никого не принимала, но в этот вечер я сделала исключение, когда Теляковский привел ко мне г-на Бруссана. Г-н Бруссан сказал мне, с французским умением красиво выразиться, много лестного и, рассыпавшись в похвалах по поводу моего исполнения роли Эсмеральды, закончил свою речь просьбою от имени Дирекции Парижской оперы не отказать принять приглашение выступить у них в предстоящем весеннем сезоне в балетах «Копселия» и «Корриган», в котором так хороша была Розита Мори. Выбор партнера был предоставлен мне. Я, конечно, приняла это в высшей степени лестное для меня приглашение. Андрей дал в своем дворце большой обед в честь г-на Бруссана, который это очень оценил.

Первоначально я хотела пригласить кавалером Вацлава Нижинского, который поразил меня на выпускном спектакле не только своими замечательными прыжками, но, главным образом, своим большим талантом. Мне хотелось его показать Парижу, но он заболел, и мне пришлось пригласить своего обычного партнера Николая Легата, рассчитывая выступить с Нижинским летом в Красном Селе; не будь этой болезни Нижинского, Париж увидел бы его на два года раньше его выступлений с Дягилевским балетом, еще свободным от обязательств, и многое, может быть, было бы иначе.

Я выехала в Париж в конце апреля, после Пасхи, кажется, в понедельник, 21 апреля (4 мая), с «Норд-Экспрессом». Со мною ехал мой сын Вова со своей няней, моя подруга по сцене Клавдия Куличевская, моя горничная и лакей и, как всегда в этих случаях, моя театральная портниха, чтобы одевать меня в театре и чинить, если надо, костюмы. В этом же вагоне ехал

Великий Князь Павел Александрович и его дочь, Великая Княгиня Мария Павловна, со своим мужем Принцем Вильгельмом Шведским, за которого она накануне только вышла замуж.

Великий Князь, увидав меня, сейчас же подошел ко мне, очень мило со мною поздоровался и зашел в мое отделение посидеть и поболтать. Он очень рад был меня видеть. Поговорив о том о сем, он рассказал мне о состоявшейся накануне свадьбе дочери и тут же заявил, что хочет меня познакомить с нею и сейчас ее приведет ко мне. Я ответила, что буду очень счастлива быть ей представленной и что приличнее мне пойти к ней, но Великий Князь ответил, что это пустяки, и просил, чтобы я не двигалась с места. Он пошел в свое отделение и вскоре привел молодую Великую Княгиню и ее супруга ко мне. Я была счастлива видеть впервые близко Великую Княгиню, с ней познакомиться и разговаривать. И с тех пор между Великой Княгиней и мною установить добрые отношения, перешедшие со временем, когда я стала женой Андрея, в искреннюю, сердечную дружбу, и она постоянно стала бывать с нас дома.

Хотя только что состоялась свадьба, но у Великой Княгини вид был далеко не тот, который бывает у молодоженов, радостный и веселый. Напротив, она была, скорее, грустная, озабоченная и, во всяком случае, не радостная. Муж был некрасивый, высокий, сутуловатый, с огромными, отвисшими ушами, молчаливый и тоже не выглядел счастливым. Я, конечно, не знала, в чем тут дело, но мне стало жалко бедной Великой Княгини, которая отправлялась в брачное путешествие в таком настроении. На следующий день в Берлине молодые покинули наш поезд, направляясь оттуда в Швецию. Великий Князь Павел Александрович доехал с нами до Парижа.

Во время дороги, еще в России, Вова заболел, как это часто с ним бывало в путешествиях. Великий Князь Павел Александрович принял самое горячее участие в моем волнении и приказал протелеграфировать в Вержболово, чтобы на станции к приходу поезда ожидал доктор. Я была бесконечно тронута и благодарна Великому Князю за такое доброе, сердечное отношение ко мне и моему сыну. К счастью, все обошлось благополучно, и мы доехали без дальнейших осложнений.

Так как я должна была прожить в Париже около двух месяцев, я предпочла поселиться в меблированной квартире и иметь свое собственное хозяйство, главным образом из-за Вовы, который очень плохо переносил пищу в гостинице; трудно было проверять, что ему дают. Я поселилась на rue Villaret de Joyeux, в 17-м аррондисмане, квартира была уютная и удобная, в ней было все, что нужно. Со мною поселилась Клавдия Куличевская.

В те времена балет в Парижской опере был отодвинут на задний план и давался только в конце спектакля. Балеты ставились малоинтересные. Я не любила балет «Копшеля», который я должна была танцевать, хотя А. А. Плещеев в своей книге

«Наш балет» меня и хвалит за него. Балет «Корриган» я танцевала впервые и разучивала его под руководством знаменитой в то время Розиты Мори. Но в этом балете, как и в «Коптелии», у меня не было выигранных вариаций, в которых я могла бы блеснуть. Я имела успех, хороший, но не выдающийся, на какой могла рассчитывать, если бы мне дали танцевать балет по моему выбору. Дирекция Парижской оперы никакой рекламы не сделала, что, конечно, отразилось на моих выступлениях. Тем не менее я получила тут же приглашение на следующий год, но не дала сразу окончательного ответа, так как не хотела быть связанной за столько времени вперед. Французское правительство наградило меня за мое первое выступление в Опера серебряными Академическими пальмами.

Во время этого сезона в Париже Николай Дмитриевич Бенардаки, богатый русский грек, женатый на красавице Марии Павловне, урожденной Лейбрюк, устроил великолепный спектакль у себя в особняке, где была сцена и места для публики, как в театре. Я танцевала с Н. Легатом «Ноктюрн» Шопена. На том же вечере выступали Шаляпин и Смирнов. Великий Князь Павел Александрович присутствовал со своей супругой, тогда носившей имя графини Гогенфельзен. После представления был подан роскошный ужин, за которым хозяин произнес замечательно остроумную речь.

В этом же сезоне, когда я танцевала в Опера, С. П. Дягилев давал свой первый оперный сезон, также в Опера, и мне посчастливилось присутствовать на первом представлении «Бориса Годунова» с Ф. И. Шаляпиным в роли Бориса. Я никогда не забуду этого спектакля. Что делалось в зале, трудно даже описать. Публика, восхищенная пением и игрой Шаляпина, просто сходила с ума от восторга. В сцене, когда Годунову ночью мерещится тень Царевича Дмитрия, наши соседи толкали друг друга, говоря: «Видишь, вон там, в углу», как будто и на самом деле там было привидение. Такова была игра Шаляпина, что он загипнотизировал весь зал, и всем стала мерещиться тень, которую будто бы видел Годунов. Нас, русских, больше всего поразило то, что холодная публика Опера, которую вообще очень трудно расшевелить, оказала в этот вечер артистам такой прием, о котором и до сих пор все современники вспоминают как о большом событии.

С. П. Дягилева я видела почти каждый день, и он был счастлив, что его первый сезон оказался таким удачным и что русская музыка имела такой успех. Он уже мечтал на будущий год устроить смешанный сезон оперы и балета.

Известная всему Парижу тех времен княгиня Лобанова-Ростовская, проживавшая там постоянно, пригласила меня и Андрея, а также Федора Ивановича Шаляпина завтракать в Кафе-де-Пари.

После окончания сезона я поехала с Андреем и Вовой в Остенде купаться в океане, немного отдохнуть и доставить,

главным образом Вове, развлечение на берегу моря. Потом мы все вернулись домой, в Россию, в начале июля.

Ко времени моего возвращения домой Вацлав Нижинский совершенно поправился. Я могла начать с ним репетировать балеты для предстоящих летом красносельских спектаклей и осуществить таким образом мое первое пожелание поддержать молодой талант и дать ему сразу положение на сцене. Я уже тогда чувствовала, что его будущее будет блестящим. С этого времени началась его совершенно исключительная карьера.

Во время красносельских спектаклей я могла убедиться, что Нижинский не только отличный танцовщик, но и чудный кавалер, и я решила его приглашать, когда только будет случай. Я была первой артисткой, выступившей с ним на сцене как партнерша, и об этом часто упоминалось в газетах и в книгах по балету. Нижинский был, кроме того, чудным мальчиком, милым, симпатичным, очень скромным, что придавало ему много обаяния. Он очень ко мне привязался.

Мне доставляет огромное удовольствие и моральное удовлетворение отметить, что Вацлав Нижинский глубоко ценил все, что я сделала для него, с самого начала его карьеры, и остался благодарен мне до конца. В знак признательности он мне подарил чудный образ, сделанный из перламутра, с серебряным кругом сияния над ликом. В выборе этого подарка отразилась его благородная душа. Этот образ я поместила в киоте, в моей спальне, и устроила сзади освещение, что еще больше выделяло его замечательную работу. Из многих ценных вещей, которые я потеряла во время революции, о потере этого образа я особенно жалею, так как это было воспоминание о прекрасных днях моей артистической карьеры и о добром, благородном и благодарном артисте, который так рано покинул сцену, когда он мог столько еще дать для искусства.

После этого сезона мне пришлось часто потом выступать с Нижинским в Петербурге и в Москве, куда я ездила участвовать в разных бенефисах.

Глава двадцать седьмая

1908—1909

Пока Анна Павлова была еще в Петербурге, у меня возникла мысль пригласить всех балерин и лучших солисток принять участие в гран-па в балете «Пахита». Обыкновенно это па танцевали балерина и лучшие солистки, но, чтобы придать ему особый блеск, я пригласила: А. Павлову, Т. Карсавину, О. Преображенскую, В. Трефилову и других лучших танцовщиц.

Это было совершенно исключительное представление, выход

каждой артистки сопровождался громом аплодисментов. В обыкновенных представлениях вариацию танцует только балерина, но для этого раза я просила каждую станцевать вариацию по своему выбору. Конечно, это придало еще больше блеску, так как у каждой артистки была своя выиграшная вариация, в которой она могла пленить. Однако и тут дело не прошло гладко. Одна из приглашенных мною артисток, желая выделиться перед остальными, подстроила себе через друзей исключительный прием, хотя и не была лучше других. Все это поняли, и вышло неудобно для нее.

В этот вечер после спектакля я устроила ужин у Кюба для первых артисток, которые любезно согласились принять участие в спектакле и танцевать со мною. Приглашены были на ужин исключительно только дамы, мужчины не имели права подходить к столу до окончания ужина. Я заказала круглый стол, чтобы удобнее было рассадить всех. Ужин был накрыт посреди зала и, конечно, обратил на себя всеобщее внимание. Когда подали кофе, было разрешено кавалерам подсесть к столу, и я всех угостила шампанским. Один из присутствующих балетоманов взял тарелку и стал собирать мелкую серебряную и медную монету, не говоря, зачем он это делает, но вскоре загадка разъяснилась: я получила от него серебряную тарелку работы Фаберже, к которой были припаяны все собранные в тот вечер монеты с соответствующей надписью в память моего ужина.

Между тем С. П. Дягилев, триумфально закончив свой сезон Русской оперы в Париже, задумал организовать на следующий год наравне с оперным сезоном и балетный. По этому поводу он обратился ко мне за советом и помощью, пригласив меня участвовать. Больше всего интересовал Дягилева вопрос о покровительстве и о казенной субсидии. Сергей Павлович хотел просить Великого Князя Владимира Александровича взять этот предстоящий сезон под свое высокое покровительство и, зная мои добрые отношения с Великим Князем, надеялся, что я окажу ему в этом свое содействие. Второй вопрос касался казенной субсидии в размере 25.000 рублей, и в получении ее он тоже просил моего содействия.

Во время предварительных переговоров с Дягилевым 4 (17) февраля внезапно скончался Великий Князь Владимир Александрович, еще сравнительно молодым, ему не было шестидесяти двух лет. Его кончина тем более поразила меня, что я знала от Андрея, что за два дня до того, 2 февраля, в день Сретения, он был в Зимнем Дворце на храмовом празднике Малой церкви вместе с Андреем, и ровно ничего не предвещало его ранней кончины. Я лично потеряла в нем близкого друга, которого я прямо обожала. Он столько раз мне оказывал сердечное внимание в тяжелые дни моей жизни и нравственно поддерживал, когда мне бывало особенно тяжело. Последней музыкой, которую он мне прислал, как будто предчувствуя что-то грустное, был «Valse triste» Сибелиуса, который я так и не успела по-

ставить для танца. Много слез я пролила в эти горестные для меня и для моего бедного Андрея дни.

При разборке бумаг покойного Великого Князя в письменном столе были найдены мои письма к нему, которые Великая Княгиня Мария Павловна любезно мне вернула — на память.

С кончиной Великого Князя вопрос о его покровительстве, конечно, отпал. Дягилев старался заручиться другим, но ему это не удалось. Вопрос о субсидии остался открытым, так как до кончины Великого Князя, хотя я об этом хлопотала, он не был решен, и Дягилев ответа не получил.

Во время дальнейших разговоров с Дягилевым относительно предстоящего сезона и разработки программы я заметила, что он стал сильно менять свое отношение ко мне, несмотря на нашу давнюю дружбу. При распределении балетов он предполагал дать Павловой «Жизель», в котором она была несравненна и имела всегда заслуженный большой успех. Мне же Дягилев предлагал танцевать незначительную роль в балете «Павильон Армиды», где я не могла проявить свои дарования и обеспечить себе успех перед парижской публикой. Несмотря на наши горячие споры по этому поводу, Дягилев не хотел мне уступить. В таких невыгодных для меня условиях я не могла принять его предложения выступить у него в Париже и отказалась от всякого участия в его сезоне.

Вполне понятно, что после моего отказа я не хотела больше хлопотать о деле, в котором не участвую, и просила, чтобы моему ходатайству о субсидии ходу не давали. Субсидии Дягилев так и не получил, сколько он ни старался другими путями. Сергей Лифарь в своей книге «Дягилев», описывая эту эпоху его деятельности, вполне оправдывает меня, считая, что Дягилев обидел меня и поступил крайне неблагодарно.

Тут я воспользовалась полученным в прошлом году приглашением выступить в Опера в Париже. Тогда я окончательного ответа не дала, а теперь послала в Париж свое согласие.

Мой второй парижский сезон протек при совершенно иных условиях; Париж меня уже знал, реклама была лучше организована, с директорами Опера и труппой я была знакома — одним словом, я возвращалась в родную мне сферу и чувствовала себя там как дома. Поэтому я решила во что бы то ни стало вставить в балет «Корриган», который я снова должна была танцевать, свою вариацию, чтобы иметь успех, на который я рассчитывала, и утвердить свою репутацию на сцене Парижской оперы в бесспорной уже форме. Но это устроить было делом непростым. По принятому в Опера правилу нельзя вставлять в балет одного композитора музыку другого автора, а мне именно хотелось вставить в этот балет мою вариацию из «Дочери фараона» на музыку Цезаря Пуни. Чтобы это устроить, надо было ждать подходящего момента, который, к счастью, скоро и нашелся.

Не помню сейчас, кто устраивал у себя под Парижем «гарден-парти» для артистов Парижской оперы. Были приглашены

оба директора Опера — Мессаже и Бруссан — и я, как числившаяся в составе труппы. Я была в очень хороших отношениях со всеми артистами балета, но особенно дружила с артисткой Аидой Бони. На этот «гарден-парти» я ехала вместе с Аидой Бони в автомобиле Мессаже. Бони, зная о моем желании танцевать свою вариацию, посоветовала мне на обратном пути, когда настроение у Мессаже будет, по ее мнению, более подходящим, обратиться к нему прямо с этой просьбой. Она меня уверяла, что, хотя правило, о котором я говорила, и существует, но с разрешения директора исключения делались. На обратном пути Мессаже был в чудном расположении духа. Он сел между мною и Бони, которая за спиной Мессаже щипала меня за руку, давая этим понять, что пора начинать разговор. Я начала с того, что стала ему рассказывать, как мне скучно завтра опять репетировать все то же самое и мне не в чем блеснуть и показать себя. Мессаже спросил меня, почему я не вставлю в балет что-либо, на что я ответила, что я не могу этого сделать без его разрешения, и после маленькой паузы прибавила, что если он мне позволит, то я завтра же начну репетировать свою вариацию. Мессаже сразу дал свое согласие и разрешение, и на следующий день я, радостная, принесла на репетицию свою музыку, и потом в балете «Корриган» я уже танцевала свою вариацию. Я имела громадный успех, и мне пришлось даже бисировать свою вариацию, что было исключительным случаем.

После последнего представления в Опера я раздала всем артисткам конфеты и маленькие подарки, вазочки от Галле, и получила от труппы медаль с изображением Опера на память, как и в Вене.

Я наняла на время своего пребывания в Париже небольшой автомобиль с очень симпатичным молодым шофером. Чтобы отблагодарить его за службу, я однажды дала ему билет в Опера, когда я танцевала. Когда после спектакля я садилась в автомобиль, то он оказался весь убранным цветами, — милое внимание моего шофера. У меня была фотография, на которой я снята в своем автомобиле в Булонском лесу на фоне прелестного Багатель.

В течение этого сезона в Опера был дан благотворительный спектакль в пользу пострадавших от землетрясения в южных департаментах Франции, устраивавшийся синдикатом Парижской прессы, программу которого мне подарили теперь.

Программа вечера состояла из нескольких музыкальных отделений и одного, посвященного русскому балету и состоявшего из трех номеров: первым было па-де-де Павловой с Мордкиным, вторым — мазурка Васильевой с М. Александровым и третьим номером — па-де-де мое с Н. Легатом. Это распределение вполне соответствовало моему положению как артистки, находившейся в это время в составе балетной труппы Опера и имевшей поэтому право выступать последней. Перед самым началом балетного отделения кто-то заявил, что Пав-

лова еще не готова, и мне предложили выступить вместо нее первым номером, якобы для того, чтобы не задерживать спектакля. Конечно, эта просьба исходила не от Дирекции Опера и не от самой Павловой. Но при Павловой состояли тогда: Дандре, ее будущий муж, и Безобразов, а от них я видела столько зла в Петербурге, что для меня было ясно, кто это придумал. Я слишком хорошо на опыте знала все эти закулисные уловки, чтобы попасться на удочку. Конечно, я отказалась изменять установленный порядок номеров. Павлова сейчас же оказалась готовой, и спектакль прошел по программе. Этот маленький случай лишний раз доказывает, что даже вдали от Петербурга велись против меня мелкие подкопы.

Из афиши этого вечера видно, что в самом начале этого спектакля я выступила вместе со всей труппой Опера в «Арлезианке» Бизе с Аидой Бони и Лобстейн. В фарандоле оперы принимала участие вся балетная труппа, а оркестром дирижировал сам Мессаже.

В этот раз я уже была как своя в Опера. Директор и артисты были в большой дружбе со мною. Публика принимала меня также как свою; я танцевала уже второй сезон в Опера.

С. П. Дягилев все же организовал свой Парижский сезон из оперы и балета в Шатле, где Вацлав Нижинский имел потрясающий успех. До него классический танцор был поставлен много ниже балерины, его роль ограничивалась главным образом поддержкой и исполнением какого-нибудь ничтожного па, чтобы дать балерине передохнуть перед следующим номером. Благодаря же Нижинскому классический танцор был выдвинут на первое место наравне с балериной. Нижинский дал совершенно новое направление и новый стиль мужскому классическому танцу. Он танцевал не второстепенные па, а очень ответственные и мог иметь независимый от балерины успех. Это было настоящим переворотом в балете и началом новой эры мужского танца.

Тамара Карсавина очаровала весь Париж своей красотой, грацией и танцами и имела успех у парижской публики даже больше, нежели гениальная Павлова. Надо отдать справедливость, Карсавина была замечательно хороша во всех балетах этого сезона.

Мадам Жюлиетт Адам, известная писательница, занимавшая в Париже исключительное положение в артистическом и литературном мире, устроила у себя под Парижем завтрак, на который она меня пригласила. У меня была фотография, где я была снята вместе с нею в ее саду в «Abbaye de Gef».

Всю жизнь я любила строить. Конечно, мой дом в Петербурге был самой большой и интересной постройкой в моей жизни, но были и менее значительные. Так, в Стрельне, при даче, я построила прелестный домик для своей электической станции с квартирой для электротехника и его семьи. В это

время в Стрельне нигде не было электричества, даже во дворце, и моя дача была первая, и единственная, с электрическим освещением. Все кругом мне завидовали, некоторые просили уступить им часть тока, но у меня станции едва хватало для себя. Электричество было тогда новинкой и придало много прелести и уюта моей даче.

Затем я построила в Стрельне еще один домик в 1911 году, о котором стоит сказать несколько слов. Мой сын, когда ему было лет двенадцать, часто жаловался, что он меня мало видит дома из-за моих продолжительных репетиций. В утешение я ему обещала, что все вырученные за этот сезон деньги пойдут на постройку ему маленького домика на даче, в саду. Так и было сделано; на заработанные мною деньги я ему построила детский домик с двумя комнатами, салоном и столовой, с посудой, серебром и бельем. Вова был в диком восторге, когда осматривал домик, окруженный деревянным забором с калиткой. Но я заметила, что, обойдя комнаты и весь дом кругом, он был чем-то озабочен, чего-то как будто искал. Потом он спросил меня, где же уборная. Я ему сказала, что дача так близко, что он сможет сбежать туда, но, если ему очень хочется, то я потанцую еще немного, чтоб хватило на постройку уборной. Этот план не осуществился — нагрянула война.

Кроме того, мне пришлось заняться и более печальными постройками в Варшаве; над склепом отца и деда я выстроила небольшую часовню, стеклянную, а потом, в Стрельне, в Сергиевском монастыре, после кончины матери в 1912 году, я построила ей на кладбище каменную часовню с бронзовыми дверями работы Хлебникова, часовня была выложена внутри мрамором и украшена мозаикой.

Глава двадцать восьмая

1909—1910

Сезон 1909/10 года я начала очень поздно, лишь 13 декабря, в бенефис кордебалета артистов и артисток, и выступила в балете «Щелкунчик» в роли феи Драже.

Незадолго пред тем, 29 ноября, в бенефис О. О. Преображенской шел балет «Талисман» на музыку Р. Дриго, возобновленный Николаем Легатом. Новая постановка, по общему мнению, очень удалась Н. Легату, и балет от этого сильно выиграл. В этом сезоне танцевали кроме О. Преображенской Павлова, Карсавина и Трефилова, и, несмотря на это, после первого представления «Талисмана» Н. Легат приехал ко мне просить меня взять этот балет. Он старался объяснить мне, что хотя «Талисман» понравился публике и рецензии были хорошие, но этот успех далеко не такой, как он рассчитывал. Он находил, что О. Преображенская недостаточно передала свою роль,

не выдвинула ее на первый план, и это, конечно, ослабило впечатление. Он был уверен, что я спасу балет, буду иметь большой успех, и «Талисман» тогда останется в репертуаре. Одним словом, он поставил вопрос так, что, если я не соглашусь, «Талисман» погибнет и его репутация как балетмейстера пострадает.

Я сначала отказывалась взять балет, который только что был дан другой балерине, но, выслушав внимательно доводы Н. Легата, наконец согласилась.

Второе представление «Талисмана», назначенное на 20 декабря, с Преображенской и объявленное в репертуаре, было отменено. Балет был в 4-х действиях, с прологом и эпилогом, очень сложный и трудный, и мне пришлось усиленно репетировать его.

Через месяц, 3 января 1910 года, я выступила в «Талисмане», и этот балет был моим триумфом. Коля Легат оказался прав — балет выдержал блестяще репертуар. Он был в диком восторге и не знал, как меня благодарить.

Князь Шервашидзе, которому принадлежали рисунки костюмов для «Талисмана», сделал по моей просьбе и по моим указаниям новые костюмы, которые вышли очень удачными. Тюники обыкновенно начинались из-под лифа. Я просила лиф удлинить, и, таким образом, тюники начинались ниже, что удлиняло талию. С тех пор это вошло в моду, и прежние тюники от талии сохранились только тогда, когда они были длинные, как в «Сильфидах».

На сцене я казалась гораздо выше ростом, чем в жизни, а благодаря этому новому фасону лифа мой рост оказался еще больше. В наше время не носили таких безобразных тюников, как стали носить теперь, когда танцовщица показывает все, что не нужно и не эстетично. С такими куцыми тюниками совершенно нельзя создать красивый костюм. М. М. Фокин даже в последнее время не допускал их в своих балетах.

Мой костюм во 2-м действии «Талисмана» так понравился А.Павловой, что она просила у меня позволения сделать себе такой же для своей заграничной поездки, и я, конечно, с удовольствием ей это разрешила.

Удачные костюмы «Талисмана» дали мне идею попросить князя Шервашидзе нарисовать мне новые костюмы для балета «Дочь фараона» в более выдержанном египетском стиле, нежели старые. Он великолепно это выполнил, и по его эскизам Дирекция заказала новые костюмы. Для второго акта князь Шервашидзе написал мне очень красивый обруч на голову из искусственных камней, что дало идею Андрею заказать мне у Фаберже по этому рисунку настоящий обруч из бриллиантов и сапфиров, который можно видеть на некоторых моих фотографиях.

Я очень любила танцевать «Талисман», хотя в нем не было сильных мимических сцен, зато Николаем Легатом были чуд-

но поставлены танцы, и в каждом действии они вызывали шумные овации. В последнем действии я исполняла коду совершенно своеобразно и повторяла ее каждый раз по четыре раза, а в день моего 25-летнего юбилея я коду повторила пять раз.

По общему правилу артисты имели право на бис повторять два и больше раз, ограничений не было; но когда в Царской ложе находились Государь и Императрица, то после второго раза, если публика требовала еще повторения, артисты смотрели в Царскую ложу, ожидая от Государя или Императрицы знака. Императрица Мария Федоровна любила балет «Талисман», и бывала почти на каждом представлении. Если публика требовала повторить в третий раз, я обращалась в сторону Царской ложи, и если Императрица кивком головы выражала свое согласие, я делала глубокий реверанс и шла повторять свою коду, и тогда публика неистово аплодировала. Великий Князь Сергей Михайлович мне рассказывал, что в этих случаях Императрица с ним советовалась, хватит ли у меня сил, на что он отвечал, что если я ожидаю указаний, то, значит, хватит.

Музыка Р. Дриго в этом балете была очаровательная, и танцевать под нее было одно наслаждение. Дриго всегда говорил, что он как музыкант выше всего ценит во мне мой исключительный слух, почему ему так легко со мною дирижировать, а дирижировать при танцовщицах без слуха одно мучение. Перед каждым балетом Дриго меня спрашивал: «А как мы будем сегодня танцевать?»— и в зависимости от моего настроения мы улавливались с ним, какой темп сегодня держать.

Французское посольство устраивало с Высочайшего соизволения в Мариинском театре 6(19) февраля 1910 года благотворительный спектакль в пользу пострадавших от наводнения во Франции. Спектакль был сборный. Я танцевала третье действие балета «Раймонда». Французское правительство в знак благодарности хотело мне подарить пару севрских ваз, но я просила золотые Академические пальмы. По закону, раз я уже получила в прошлом году серебряные, ранее четырех лет нельзя получить золотые, но все же мне дали золотые пальмы. Бумага подписана 7(20) марта 1910 года Министром Народного Просвещения Гастоном Думергом, который впоследствии стал Президентом Республики.

Вскоре после того, как я переехала в свой новый дом, Лина Кавальери заехала ко мне с визитом. Она была поразительно красивой женщиной и вместе с тем очаровательной. Она непременно хотела посмотреть на Вову, которому в то время было около шести лет. Он очень увлекался мягкими куклами, которыми была наполнена вся его комната; тут главным образом были обезьяны, и он себя называл Царем обезьян. Я вспомнила случай в Генуе, когда я ожидала Вову, меня укусила обезьяна, и я тогда подумала, как бы это не отозвалось на нем. Если это и отозвалось, то, очевидно, в очень мягкой форме.

Мы пошли с Линой Кавальери наверх к Вове, в его комнату. Хотя Вова и был еще маленьким, он был поражен ее красотой. Когда она его спросила, желает ли он, чтобы она подарила ему свою фотографию, то он попросил дать ему такую, где были бы хорошо видны ее чудные глаза. Она и прислала ему именно такую, где она снята, как будто глядя в окно прямо на вас, и ее глаза были ясно видны. Лина Кавальери произвела на Вову такое впечатление, что он ей объявил, что назначает ее шефом своего обезьяньего полка — высшее отличие, которое он мог ей дать в своем обезьяньем царстве.

Князь Паоло Трубецкой, очень известный и талантливый скульптор, сделавший памятник Императору Александру III на площади против Николаевского вокзала в Петербурге, выразил желание лепить с меня статуэтку. При моем живом характере сидеть спокойно на месте и неподвижно позировать художнику было для меня невыносимо. Уже с Константином Маковским, пожелавшим в 1910 году писать с меня портрет, я высидела лишь несколько сеансов и бросила. И теперь я с трудом согласилась, так как боялась, что снова не выдержу. Это было летом, на даче, и князь Паоло Трубецкой начал меня лепить в моей оранжерее, где было много свету, а главное, не опасно было, что он глиной запачкает комнату, так как князь в азарте работы разбрасывал кругом липкую глину. Князь был убежденным вегетарианцем и, несмотря на несколько случаев холеры в городе, продолжал поглощать огромное количество сырых фруктов. Во время сеансов его вдруг схватывало, и он быстро исчезал, уверяя, что это у него начинается холера. Это было забавно, но несносно, так как сеансы обрывались на продолжительное время... Вначале статуэтка, вполновину натуральной величины, была очень похожа. Много сходства было и в лице, и в позе. С моим переездом в город работа продолжалась у меня в доме, в зимнем саду, но когда начался сезон и я целыми днями была занята репетициями, то я позировать больше не могла, и статуэтка была поставлена в каретный сарай, где я ее показывала иногда своим гостям.

Весною следующего года (1910), на Пасху, стояла чудная погода. У меня были гости, и среди них князь Паоло Трубецкой и мой брат Филипп Леде от первого брака моей матери; в нем кипели французская и польская кровь. Я его очень любила, он был сташно живой, восторженный и увлекающийся. Он стал просить князя Трубецкого разрешения взглянуть на статуэтку. Князь был очень рад показать свою работу, и мы все вместе двинулись полюбоваться ею.

Филипп со свойственной ему экспансивностью начал восхвалять работу князя на все лады, восторгался сходством, движением корпуса и т. д. Все это было очень хорошо, князь самодовольно улыбался, но вдруг мой брат, вероятно желая доставить князю еще большее удовольствие, сказал: «Вот это, я понимаю, это настоящая скульптура, тут виден боль-

шой талант, не то что эта ужасная статуя Императора Александра III, работа какого-то бездарного скульптора», и продолжал в этом роде. Тут я увидела, к своему ужасу, что мой брат и не подозревает, что памятник работы того же князя Паоло Трубецкого. Я вылетела из сарая как стрела, чтобы скрыться подальше. Мне стало смешно за невольный промах моего брата, но и крайне неловко перед князем.

Когда статуэтка была закончена, она потеряла всякое сходство со мною. У князя Трубецкого часто случалось, что первоначальная работа была превосходна, а при отделке сходство пропадало. Балетоманы хотели преподнести мне эту статуэтку ко дню моего двадцатипятилетнего юбилея в 1911 году, но я отклонила это предложение. Много лет спустя, после войны, уже в эмиграции, я увидела эту статуэтку у князя Паоло Трубецкого в его ателье в Париже, где также была, но более удачная, маленькая статуэтка Андрея, которого он лепил еще в России в 1910 году.

Я вспоминаю с особой любовью моего брата Филиппа. Он меня очень любил и как сестру, и как артистку и бывал на всех моих спектаклях. Когда во время представления мне аплодировали и кричали «браво», Филипп больше всех кричал и хлопал. Когда я ему говорила, что это неудобно, что я его сестра, он мне отвечал, что раз я хорошо танцую и ему нравлюсь, то он не может не выражать свой восторг иначе. Но потом я бросила с ним спорить, все равно его нельзя было переубедить.

В этом году, весной, у меня начала бывать Нина Нестеровская, которую я очень полюбила за ее жизнерадостность, остроумие и веселость. Я была с ней ласкова и очень баловала. Она вышла из скромной семьи, красивой жизни не знала, но, будучи по натуре очень наблюдательной, присматривалась, как я живу, как принимаю, все запоминала и всему научилась у меня в доме.

Для задуманного им предстоящего сезона в Париже Дягилев, как и в прошлом году, начал хлопоты о получении от казны соответствующей субсидии. Он обратился сначала к графу В. Н. Коковцеву, бывшему в то время Министром Финансов. После приема у него он отправился к П. А. Столыпину, Председателю Совета Министров, и дал ему понять, что граф Коковцев ничего не имеет против выдачи этой субсидии, вводя того и другого в заблуждение, так как оба министра были против участия правительства в дягилевском предприятии. Вскоре это выяснилось, и в субсидии ему было отказано. Тогда он постарался повлиять на Государя через жену Великого Князя Павла Александровича, которая послала лично Государю телеграмму, что очень рассердило его, и он ответил резким отказом. Много дам, рассказывал П. А. Столыпин, звонили ему по телефону, прося за Дягилева, но все эти ходатайства были им отклонены.

На мое счастье, я никакого отношения ко всему этому делу не имела. После нашей прошлогодней ссоры он, конечно, ко мне за помощью не обращался.

Арнольд Хакселл в своей книге «Дягилев», описывая этот случай, дает свое заключение по этому поводу: «Дягилев,— пишет Хакселл,— имел достаточно врагов, и его способы добывать себе средства в прошлые годы вызвали немало неудовольствия в придворных кругах. Этого было достаточно, чтобы повлиять на Государя, вне зависимости от личных мотивов заинтересованных лиц».

Лето этого года Андрей проводил в Луге с офицерской артиллерийской школой, где он жил в прелестной даче в лесу. Он нас пригласил целой компанией провести у него три дня. С нами поехали: моя сестра с мужем, бароном Зедделером, Готц, полковник Эшапар, Клавдия Куличевская, Троян и Леля Боркенгаген. Мы все приехали прямо к ужину, поиграли немного в покер и разошлись спать. На следующее утро, после кофе, немного погуляли, но из-за жары все вернулись домой и засели играть снова в покер. К завтраку нам подали кулебяку и сладкое, а к обеду холодную ботвинью, потом мы играли в саду в покер, а в 12 часов ночи нам подали ужин. Вернулись мы все в понедельник, 31 мая, с дневным поездом. Мы чудно провели время. Местность, где была расположена дача Андрея, замечательно красива: в сосновом бору, на берегу маленькой реки.

В этом году минуло десять лет моего знакомства с Андреем, и он подарил мне 22 июля, в этот памятный нам обоим день, изумительно красивую вещь: два больших сапфира-кабошона в бриллиантовой оправе. Фаберже, у которого эти камни были куплены, мне по секрету говорил, что эти сапфиры происходят из знаменитой сапфировой парюры герцогини Зинаиды Лейхтенбергской, жены герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского.

Я очень любила принимать у себя великих наших артистов драматической труппы Александринского театра Варвару Васильевну Стрельскую и всеобщего друга Костю Варламова. Обедать с ними было одно наслаждение, их юмор был совершенно исключителен, и все время стоял непрерывный смех за столом. За закуской, когда я обращалась к Стрельской с вопросом: «Вы пьете водку?» и, предлагая ей первую рюмку, спрашивала — «одну?», она отвечала: «Одну... две... три... четыре, пять, шесть, семь» и т. д. до бесконечности. Конечно, самое главное заключалось в интонации и выражении лица.

Костя Варламов был известен своим хлебосольством и в особенности своими «капустниками», которые он устраивал у себя. У него был знаменитый карлик, который подавал к столу. Раз мы целой компанией на велосипедах отправились из Стрельны к нему в Павловск обедать. Веселье было бесконечное, налопались мы здорово, но и устали также немало. Но, что было

хуже всего, это что после столь обильного обеда надо было возвращаться домой опять на велосипедах, а это было далеко, верст пятьдесят туда и обратно, не менее. Иногда Варламов и ко мне в Стрельну заглядывал и приезжал всегда на своем извозчике.

Летом этого года до нас дошла печальная весть, что в Гурзуфе 2 (15) июня 1910 года скончался Мариус Иванович Петипа на восемьдесят восьмом году жизни. Родился он в Марселе 11 марта 1822 года.

Вся моя театральная карьера до появления Фокина связана была с Петипа, который был всемогущим балетмейстером в течение более чем полувека. Балеты даже такого замечательного балетмейстера, как Лев Иванов, должны были получить одобрение Петипа, который по желанию Двора сохранил свое звание главного балетмейстера и тогда, когда уже в преклонных годах должен был оставить работу. Его балет «Дочь фараона», который стал моим любимым и в котором выступал мой отец, сразу дал Петипа успех и имя в России, куда он приехал по приглашению Дирекции Императорских театров 24 мая 1847 года после нескольких лет службы в Испании. Мне приходилось встречаться с ним только на сцене. Отлично помню его клетчатый плед и посвистывание, и то, как он давал нам заранее им заготовленные указания на репетициях, совершенно отличаясь этим от фокинской манеры многое придумывать в самом азарте репетиций. Личных отношений у меня с ним не было — он не бывал у меня, и я не бывала у него. Но во все время нашей совместной работы на сцене у нас не было с ним ни одного столкновения, и я не могу вспомнить ни одного неприятного слова или выражения с его стороны. Он очень ценил меня как танцовщицу, и работать с ним мне было всегда легко. Смерть его обозначала уход в перспективу истории одного из самых выдающихся деятелей балета XIX века, чье имя связано со всей жизнью русского балета и чьи создания сохранили свое обаяние до наших дней. Естественно, это было для меня горем, так как с ним уходили воспоминания моей юности.

Глава двадцать девятая

1910—1911

Сезон 1910/11 года был исключительно веселым: много обедов, ужинов и маскарадов. Маскарады я очень любила и забавлялась на них от души, интригуя всех и вся, под маской с густой вуалью и в домино.

В это время моим милым поклонником был Владимир Лазарев, почти что еще мальчик. Его сестра, красавица Ирина, впоследствии графиня Воронцова-Дашкова, сводила всех с ума.

Мое знакомство с Володей Лазаревым, как мы все его называли, было презабавным. Произошло оно на одном маскараде в Малом театре, куда я была приглашена продавать шампанское. У меня в этот вечер был очень красивый туалет: черная атласная обтянутая юбка, лиф — белого шифона, косынкою прикрывавший плечи и талию, большое декольте, а сзади ярко-зеленый громадный бант бабочкой. Это платье было из Парижа, от Берр. На голове — венецианская сетка из искусственных жемчугов, опускавшихся на лоб с прикрепленным сзади пучком белых перьев «паради». Я надела свое изумрудное кольцо, а на корсаж — огромную бриллиантовую брошь со свисавшими, как дождь, бриллиантовыми нитями и прикрепленным в середине крупным изумрудом и бриллиантом яйцевидной формы; я имела шанс понравиться публике.

На вечере я сперва появилась в черном домино, под маской с густым кружевом, чтобы меня не узнали. Единственно, что было видно сквозь вуаль, — это мои зубы и то, как я улыбалась, а улыбаться я умела.

Я выбрала предметом своей интриги именно Володю Лазарева, который меня поразил своим почти детским видом и веселостью. Зная более или менее, кто он такой, я стала возбуждать его любопытство, и, когда увидела, что он действительно заинтригован, я скрылась в толпе и, незаметно выйдя из зала, пошла переодеваться в вечернее платье. Затем я вернулась на бал и прошла прямо к своему столу продавать шампанское, делая вид, что я только что приехала. К моему столу подошел Володя Лазарев, не будучи со мной знаком. Он, конечно, меня не узнал. Но беда была в том, что, когда я была под маскою, он обратил внимание на мои зубы, которые были видны сквозь вуаль, и все повторял: «Какие зубы... какие зубы...» Я, понятно, боялась теперь улыбаться, подавая ему вино, но как я ни старалась сдерживаться и делать серьезное лицо, я все же улыбнулась, и тут он меня моментально узнал: «Какие зубы!» — крикнул он от радости и расхохотался от души. С тех пор мы стали большими друзьями, вместе веселились, вместе пережили революцию, вместе бежали из России и встретились снова в эмиграции старыми друзьями. В это время Володя Лазарев не жил в самом Петербурге и только наезжал в город, и я ему подарила свою фотографию с надписью: «Кого-то нет, кого-то жаль, к кому-то сердце тянет в даль». Странно, но Лазарев меня очень полюбил, хотя он относился к тем мужчинам, от которых этого можно было всего менее ожидать.

Среди моих многочисленных друзей Михаил Александрович Стахович занимает особенное место. Я его очень ценила за его ум, остроумие и за его большой шарм. Он был в то время уже не молод, но полон жизни и уверял, что влюбился в меня как мальчишка. Каждое воскресенье он считал своим долгом бывать в балете, когда я танцевала, и когда его спрашивали знакомые, куда он спешит, от отвечал — ко всеобщей, прибавляя, что

для него воскресный балет как по субботам — всенощная. Меня очень забавляло, когда после ужинов, которые устраивались по окончании спектаклей, он меня провожал в моем автомобиле домой и я его выпускала посреди Троицкого моста, а потом смотрела, как он стоял долго на месте, глядя на удалявшийся экипаж. М. А. Стахович до своего знакомства со мною не был балетоманом, но после — не переставал ходить в балет. Раз он мне поднес цветы на сцену с приколотой карточкой, на которой нарисовал несколько начальных нот из арии Зибеля из оперы «Фауст»: «Расскажите вы ей, цветы мои...»

Двенадцатого декабря 1910 года, в бенефис П. А. Гердта, по случаю пятидесятилетия его службы давали балет «Синяя борода», в котором я принимала участие. В этом балете был сделан для меня новый парик с пробором посредине, и это так всем понравилось, что меня уговорили и в жизни носить такую прическу. С тех пор я всегда так причесывалась.

Бывали очень веселые вечера у меня в доме, и среди частых моих гостей бывали: М. А. Стахович, Василий Алексеевич Маклаков, знаменитый адвокат и общественный деятель, Александр Александрович Мосолов, Начальник Канцелярии Министрства Императорского Двора, и Айседора Дункан, с которой я близко подружилась во время последнего ее пребывания в Петербурге. Она всегда носила греческую тунику, которая удерживалась спереди особым аграфом, античной «фибулой». Я ей подарила на память очень красивый аграф работы Фаберже. Она бывала очень забавна после ужина, когда немного выпьет.

Мы с ней постоянно разговаривали и дружески спорили о достоинстве и преимуществе нашего искусства. Дункан была в то время в зените своей славы и стремилась доказать мне, что классический балет обречен скоро совершенно уступить место ее новой школе, основанной на изучении греческих поз и движений по античным вазам и фрескам.

Я ей возражала, что, несомненно, ее искания внесут в наш балет много нового и красивого, но что ни она, ни ее ученицы, а тем более подражательницы, никогда не смогут воспринять наше искусство, тогда как наши артисты, воспитанные на классической школе, могут исполнять какие угодно движения, так как владеют необходимой для этого техникой. Я возражала ей, что она потому так всех пленяет, что отдала своему искусству всю свою душу и сердце, изучила его и прониклась им всем своим существом, умом, посвятила ему свой большой талант, а ее подражательницы, лишённые этих качеств, скоро сойдут на нет, так как они подготовлены только для узкой и крайне специальной области танца и не имеют твердых технических основ.

Я не могу забыть, говоря об Айседоре Дункан, про знаменитую испанскую танцовщицу Аржентину, которая исполняла только свои испанские танцы, но чтобы достичь в них совершенства, каждое утро проделывала все классические упраж-

нения, так как без этой основы в технике нельзя было, по ее мнению, добиться настоящего искусства.

Это является лучшим подтверждением моей мысли, что классическая школа дает артистам широкую возможность исполнять танец любого характера.

Дункан показывала у меня в доме своих маленьких учениц, все были одеты, как и она сама, в розовые туники, с босыми ножками, для чего мне пришлось затянуть пол в зале сукном. Дети премило танцевали и принимали классические позы.

В последний раз я видела Айседору Дункан уже после революции, в Ницце, незадолго до ее трагической кончины 14 сентября 1927 года, после того что она побывала в России при большевиках. Я с трудом ее узнала. От прежней худенькой и изящной Дункан больше ничего не сохранилось, кроме ее еще большей энергии.

Зимой этого года в Петербург приехала знаменитая Сара Бернар давать несколько представлений. Мне передали, что она повсюду ищет борзую собаку, но нигде не может найти, так как лучшие борзые принадлежали частным лицам, которые не соглашались их продавать. Мне удалось через знакомых раздобыть чудную породистую борзую, которую в последнюю минуту, перед ее отъездом, я успела ей доставить на вокзал. Я узнала после, что она была чрезвычайно довольна собакой и даже была вместе с ней снята, но я никогда так и не получила от нее ни слова благодарности.

МОЙ ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ 13 ФЕВРАЛЯ 1911 ГОДА

В 1911 году я справляла свой двадцатилетний юбилей службы на Императорской сцене, и мне по этому случаю дали бенефис.

Как свой десятилетний юбилей я справляла в 1900 году, 13 февраля, так и в этот раз я его справляла тоже 13 февраля и также в воскресенье.

Государь, обе Императрицы и вся Царская семья были в театре в этот большой для меня день.

Большим счастьем и радостью для меня было много лет спустя, в эмиграции, в Париже, получить в подарок программу этого спектакля, которую я лично тогда заказала, со своим портретом на первой странице, что тогда было совершенной новостью. В программе перечислены балеты, которые я тогда танцевала, и все артисты, принимавшие в нем участие.

Для начала я выбрала первое действие балета «Дон Кихот», изображающее площадь в Барселоне и почти сплошь состоящее из испанских танцев. Моими кавалерами были: П. А. Гердт в роли Гамаша, богатого дворянина, и Н. Легат в роли Базиля, цирюльника.

Вторым номером шло 3-е действие балета «Пахита», в котором у меня было великолепное па-де-де в постановке Н. Легата и в его постановке вариация на музыку А. Кадлеца. В гранпа участвовали: Седова, Карсавина, Вилль, Егорова, Ваганова и другие солистки.

Третьим шло 2-е действие балета «Фиаметта», которое было мне так дорого по воспоминаниям: в этом балете я могла блеснуть и была бесконечно счастлива, что Государь увидит мое исполнение. Главные роли танцевали: Фиаметту — я, Амюра — Карсавина, Стернгольдта, молодого богатого дворянина — Н. Легат, Мартини, его слугу — Стуколкин, опекуна Стернгольдта — П. А. Гердт. В особенности я любила последние две сцены: «La bergeuse» и «Chanson à boire».

В первом антракте Директор Императорских театров Теляковский передал мне Царский подарок по случаю моего юбилея. Это был бриллиантовый орел продолговатой формы Николаевских времен в платиновой оправе, и на такой же цепочке для ношения на шее. На обратной стороне не было видно гнезда от камней, как это обыкновенно делается, а все было сплошь заделано платиновой пластинкой по форме орла и на ней выгравировано очертание орла и его перьев замечательно тонкой и оригинальной работы. Под орлом висел розовый сапфир, оправленный в бриллианты. Великий Князь Сергей Михайлович пришел также в первом антракте и сказал мне, что Государь говорил ему, что его интересует, надену ли я или нет его подарок на сцену. Я, конечно, после этого его немедленно надела и в нем танцевала па-де-де в «Пахите».

Во втором антракте, то есть после «Пахиты», при открытом занавесе происходило честование меня депутацией от артистов всех Императорских театров, то есть балета, оперы, драмы и Французского театра.

Во всю ширину сцены был установлен длинный стол, на котором были выставлены подарки в совершенно невероятном количестве, а цветочные подношения были расставлены позади стола, образуя целый цветочный сад.

Всех подарков я теперь вспомнить, а тем более перечесть не могу, кроме двух-трех наиболее памятных.

Кроме Царского подарка я получила:

От Андрея — дивный бриллиантовый обруч на голову с шестью крупными сапфирами по рисунку головного убора, сделанного князем Шервашидзе для моего костюма в балете «Дочь фараона».

Великий Князь Сергей Михайлович подарил мне очень ценную вещь, а именно — коробку из красного дерева работы Фаберже в золотой оправе, в которой были уложены возвращенные в бумажки — целая коллекция желтых бриллиантов, начиная от самых маленьких до очень крупных. Это было сделано с целью, чтобы я могла заказать себе вещь по моему вку-

су — я заказала у Фаберже «плакку», чтобы носить на голове, что вышло замечательно красиво.

От Животовского я получила большого, из розового орла, слона с рубиновыми глазами работы Фаберже и вдобавок эмалевую, в золотой оправе, пудреницу в виде портсигара.

От публики по подписке я получила дивный чайный стол, тоже работы Фаберже, в стиле Людовика XVI с полным чайным прибором. Верхняя доска стола была из зеленого нефрита с серебряной балюстрадой. Ножки стола были сделаны из красного дерева с серебряными украшениями, а под столом, на перекладинах, была серебряная ваза для печений, которую можно было ставить на стол. Кроме того, также от публики, бриллиантовые часы в виде шарика, на цепочке из платины и бриллиантов. Так как денег было собрано по подписке больше, нежели эти предметы стоили, то на излишек были докуплены в самую последнюю минуту по мере поступления денег еще золотые чарки, и их накопилось довольно много.

От москвичей я получила «сюрту-де-табль», зеркало в серебряной оправе в стиле Людовика XV с серебряной вазой на ней для цветов. Под вазой были выгравированы фамилии всех лиц, принимавших участие в подарке, и можно было, не подымая вазы, в зеркале прочесть все имена.

Мне кажется, что в этот день я также получила от Ю. Н. Седовой хрустальную сахарницу в серебряной оправе работы Фаберже. Эта сахарница после переворота оставалась в моем доме, в Петербурге, и я ее случайно нашла в Кисловодске в одном магазине серебряных вещей. Она была, по-видимому, выкрадена у меня и продана и так, переходя из рук в руки, докатилась до Кисловодска. Когда я доказала милиции, что это моя вещь, мне ее вернули, и она до сих пор у меня здесь, в Париже.

Отчет о моем бенефисе был помещен в «Ежегоднике Императорских театров»:

«13 февраля 1911 года было крупное происшествие: праздновала свой двадцатилетний юбилей М. Ф. Кшесинская. Представительница чистого классического направления, в искусстве танцев она в настоящее время не имеет соперниц на русской сцене, до такой степени законченно ее мастерство и строгости, прекрасны в своей чистоте формы, в которые она облекает свое исполнение. Двадцать лет — большой срок для балерины, и тем не менее танец г-жи Кшесинской ничего не потерял в блеске своей виртуозности: последняя достигла того предела, когда, смотря на артиста, уже совершенно не думаешь об его искусстве. М. Ф. Кшесинская начала свою карьеру в ту пору, когда центр интереса в нашем балете сосредоточивался на виртуозном мастерстве различных, более или менее знаменитых иностранок, вроде Брианца, Дель Эра, Леньяни, Замбелли и других. Г-жа Кшесинская, рискуя выступить в тех же ролях, в которых блистали именитые иностранки,

постепенно проложила путь к полному завоеванию балетных подмостков русскими балеринами: Замбелли была последней приглашенной из-за границы. Взяв от итальянской школы виртуозность, от французской изящество, г-жа Кшесинская пропустила все это сквозь призму чисто славянской мягкости и задушевности, присоединила сюда чудесную мимику, вообще до тонкости разработала искусство, которым двадцать лет наслаждаются посетители балета. И если теперь, когда идет переоценка всех балетных ценностей, классический пуант нуждается в защите, то нет для него адвоката более красноречивого, пламенного и убедительного, чем г-жа Кшесинская. Спектакль для бенефиса талантливой балерины был сборный: 1-е действие «Дон Кихота», 3-й акт «Пахиты» и 2-е действие «Фиаметты». За исключением Фокина, в нем были заняты все лучшие силы труппы».

Восемнадцатого февраля балетоманы давали мне у Кюба обед. У меня сохранились снимки с меню и фотография группы всех участников с их именами.

Мой юбилей еще раз убедил меня, что я была вполне права, покинув сцену в 1904 году. Тогда все убедились на опыте, что без меня театральные интриги продолжались и даже усилились, хотя я уже никак не могла в них участвовать. Публика же доказала мне, когда я вернулась на сцену, своим трогательным приемом, что меня ей не хватало, и приветствовала мое возвращение. С тех пор публика оказывала мне постоянно самый радушный прием, и на сцене я была счастлива.

На Пасху этого года, 10 апреля, Андрей сделал мне очень оригинальный подарок. Он прислал мне большое соломенное яйцо, дешевого вида, а в нем была уложена масса разных пакетиков, завернутых одинаково в бумагу. Среди этих пакетов были простенькие вещи, как то: карандаши, пепельницы и другие пустяки, а потом я нашла чудесные вещи от Фаберже и пару бриллиантовых пряжек для башмаков.

Когда я была весною этого года в Монте-Карло, ко мне приехал Мордкин приглашать меня выступить с ним в Лондоне во время летнего сезона. Первоначально он должен был танцевать с А. Павловой, но потом поссорился с ней. Я определенно ответа ему тогда не дала, обещая сказать после возвращения домой. Я решила обдумать это, поехать в Лондон и там решить вопрос. В Лондоне выяснилось, что приглашение исходило не от Дирекции театра, а лично от Мордкина, которому было дано право самому выбрать себе партнершу. При этих условиях я нашла, что с моей стороны бестактно было бы выступить вместо А. Павловой, и отказалась. В это время Мордкин получил из Парижа от барона Генриха Ротшильда приглашение танцевать у него в доме. Мордкин ответил, что может приехать со мною, Г. Ротшильд выразил согласие и просил меня назначить мой гонорар. Я от гонорара отказалась. Он очень благодарил меня за лю-

безность и предложил остановиться у него в доме. Но времени у меня не хватило, надо было торопиться домой, и мое выступление не состоялось.

Летом этого года на одном из красносельских спектаклей я танцевала «Русскую» с двумя кавалерами в постановке Клавдии Куличевской на русские народные мотивы. Первой выходила я одна, под мотив «Вдоль да по улице, вдоль да по мостовой шла девица за водой». Затем выходил первый кавалер — богатый, но некрасивый купчик под мотив: «Ты, красавица, постой...» Третьим выходил парень, красивый, но бедный, с лотком, полным товаров, на мотив: «Ты полна, полна, коробушка, есть и ситец, и парча». Потом втроем мы разыгрывали мимическую сцену, богатый парень предлагал мне перстень, а бедный свою любовь. Заканчивали мы сцену «Камаринским». Первым парнем был — Стуколкин, а вторым — Орлов.

Мой костюм был исполнен по рисунку художника Соломко, большого специалиста в народном жанре, и вышел очень удачным. Успех «Русской» был громадный, и прием совершенно необычайный, если принять во внимание, что во время спектакля в Высочайшем присутствии, в зале, наполненном почти исключительно военными, внешнее выражение восторга бывает у такой публики очень сдержанное, и вызвать горячий и единоподушный прием в этих условиях не так легко и просто.

Когда я выходила на сцену, мое сердце прыгало, я знала, что буду иметь успех, и была бесконечно счастлива танцевать перед Государем. Когда после окончания «Русской» меня стали вызывать, моему счастью и радости не было пределов.

После спектакля, когда Ники отъезжал от театра, он смотрел в окно моей уборной, где я стояла, как стояла двадцать лет тому назад молоденькой девочкой, а он Царевичем — теперь Император самой могущественной страны мира...

Мой большой и старый друг Иван Орлов подошел потом к окну моей уборной и, радуясь моему успеху, сказал мне: «Браво, браво, Малечка», по старой дружбе он имел право меня так называть. — «Какой молодец, в присутствии Государя Императора сорвать такой успех, браво, браво».

Наш старый друг семьи, барон Готш, который бывал у моих родителей, когда я еще была маленькой девочкой, летом жил всегда в Петергофе, где давал по временам очень веселые обеды. Он умел их организовать, и всегда удачно. Раз, будучи приглашенной к нему обедать, я решила с Ниной Нестеровской выкинуть с ним шутку, но мы заранее предупредили, что ничего неприличного не будет. Нина и я переоделись матросиками, мальчишками, наши волосы собрали под фуражки, и, пока гости собирались, мы спрятались в верхних комнатах у Готша. Мы условились с Готшем, что, когда все соберется, он нам крикнет: «Ну, вы, Петя и Ваня, куда

вы запропастились, все вас ждут», и мы, веселые и радостные, сбежали вниз к гостям и произвели на всех своим неожиданным появлением, да еще матросиками, громадное впечатление, в особенности на тех, кому мальчики вообще нравились, а среди присутствующих таких было немало. Обед прошел необычайно весело.

Среди гостей у Готша был совсем еще молоденький улан Митусов, который уверял, что был влюблен в меня. Митусов, как и все уланы, жил в Петергофе, на частной квартире, и однажды, когда я знала, что он находится на маневрах, я зашла в его квартиру и поставила на стол у него свою фотографию в рамке и рядом положила букетик фиалок, попросив его денщика ничего ему не говорить, чтобы сделать ему сюрприз, когда он вернется. Он любил жизнь, наслаждался ею и во всем находил прелесть. Он умер во время революции, борьба за жизнь была ужасна, он чувствовал, что умирает, и в отчаянии молил, чтобы его спасли.

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ В СТРЕЛЬНЕ 19 АВГУСТА

В день моего рождения, 19 августа, я почти всегда устраивала у себя на даче в Стрельне веселые праздники. Этот день мне напоминал мое счастливое детство, когда я проводила его в имении у своих родителей в Красницах, окруженная их любовью, лаской и заботой. Мне хотелось, чтоб и другие веселились в этот день, и я старалась сделать его радостным.

Как-то раз в день моего рождения у меня собралось много моих любимых балетных артистов, мы все переоделись в костюмы «пьеро» и под музыку делали разные красивые позы и группы, конечно срепетованные раньше. На этом вечере были Великие Князя Кирилл и Борис Владимировичи.

Но из всех устроенных мною праздников самый грандиозный и удачный был в 1911 году, 19 августа. Было много сюрпризов и разных развлечений.

Для этого вечера я заказала большие афиши, какие обыкновенно вывешивают повсюду по случаю какого-нибудь особого летнего праздника, на который хотят привлечь публику соблазнительными приманками. Большими буквами значилось, что на вечере любезно согласились выступить артисты Императорских театров: Павлова, Кшесинская, Преображенская и Гельцер. После представления будет подан ужин у Фелисьена, по окончании которого будет сожжен великолепный фейерверк от Серебрякова, а после вечера на станции «Стрельна» будет подан экстренный поезд для гостей, которые пожелают вернуться обратно в Санкт-Петербург. В самом конце афиши было сказано, тоже крупными буквами, что продажу шампанского на этом вечере любезно согласилась взять на себя Н. Бакер-

кина. Эти афиши за несколько дней до праздника были развешаны по всему моему саду.

Из всей этой программы вечера только два указания соответствовали действительности, это был фейерверк от Серебрякова и экстренный поезд, все остальное было шуткой.

Для спектакля на балконе была устроена сцена, вместо боковых кулис была расставлена зелень, и только задняя декорация была специально нарисована для этого случая. Все было по-настоящему: электрическая рампа и, конечно, занавес. Вход на сцену для артистов был устроен через окно моей нижней спальни. Приготовлений, репетиций, волнений было, конечно, масса.

Кшесинскую, то есть меня, изображал мой старый друг, барон фон Готш. Он танцевал в этот вечер мою «Русскую» в женском сарафане и замечательно меня имитировал. Я с ним тщательно прорепетировала этот номер. Он так вошел в свою роль Кшесинской, что, подражая мне, весь день лежал на кушетке в женском капоте и ел, как и я, только бутерброды с икрой.

Павлову в «Жизели» изображал Миша Александров и летал по всей сцене, как она. Он был одет в тюники и был бесподобен.

Преображенскую изображал тот же барон Готш, но в классической вариации в ее жанре, пародируя все ее жесты. И в этой роли он был замечательно удачен.

Катю Гельцер изображала Нина Нестеровская в вариации из балета «Дон Кихот». Она весь день попивала коньяк и немного перехватила — «для храбрости», как она всех уверяла.

Последний номер протанцевали Клавдия Куличевская с Неслуховской, а кавалером у них был Воеводский, офицер Кавалергардского полка.

Бакеркину — сидящую за столом с шампанским — изображала я.

Ужин был для этого вечера накрыт на открытом воздухе, на дамбе на берегу моря, почему и назван был у «Фелисьена», по имени известного ресторана у воды. Вся дорожка от дачи и до дамбы была иллюминирована площадками. Столики освещались специальными садовыми фонарями со свечами.

Всю мою программу вечера чуть не нарушил совершенно неожиданно назначенный в Петергофе парадный обед по случаю приезда Сербского Короля Петра I на предстоящую через два дня свадьбу Князя Иоанна Константиновича с Королевной Еленой Сербской. На обеде обязаны были быть Великие Князья Борис, Андрей Владимировичи, Дмитрий Павлович, Сергей Михайлович и Князь Гавриил Константинович.

К моему счастью, обед длился недолго, и все они приехали ко мне немного позже, нежели первоначально я предполагала, но это нисколько не помешало удаче праздника.

Я встречала гостей, как всегда у себя на даче, в летнем

платье, и когда все были уже в сборе, побежала к себе наверх под предлогом посмотреть, все ли готово, и быстро переоделась в полный вечерний туалет, нацепила, как Бакеркина, повсюду разные брошки и непременно одну нацепила на лоб, натянула длинные, до локтей, перчатки и уселась у стола, у входных дверей на балкон, где была сцена. Как только я села, всех гостей пригласили в «театр» смотреть представление. Впереди всех шел Борис Владимирович, и я, подражая голосу и манере Бакеркиной, предложила ему программу вечера. Борис Владимирович, который прекрасно знал Бакеркину, сразу догадался, кого я имитирую, и от всей души расхохотался, что сразу придало всему вечеру веселый характер. Когда все уселись по местам, Борис Владимирович стал стучать ногой и кричать: «Занавес! Занавес!» — как это делается в Париже, когда публика выражает свое нетерпение, если спектакль долго не начинается.

Появление «знаменитых» артистов на сцене вызвало всеобщий хохот. Действительно, барон Готш и Миша Александров презабавно исполнили свои женские роли.

После спектакля все пошли ужинать «к Фелисьену», на дамбу у взморья. Ужин очень удался своею оригинальностью и красотой панорамы: с одной стороны виднелись огни Петербурга, а с другой — Кронштадта, а прямо напротив — огни Лахты. Все столики были освещены фонарями.

В заключение, как это и было указано в афишах, был сожжен чудный фейерверк от Серебрякова.

Вечер продолжался до самого утра, он на славу удался, все были довольны и веселы.

Экстренный поезд доставил горожан под утро домой, что, между прочим, мне стоило всего-навсего 55 рублей.

КИЕВСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Вскоре после дня моего рождения, 27 августа, Андрей уехал в Киев, присутствовать на больших маневрах, в которых принимал участие полк, чьим шефом он был.

В Киев прибыли по этому случаю Председатель Совета Министров П. А. Столыпин, Министр Финансов граф В. Н. Кокцов и значительная часть Свиты Государя. В первые дни происходили маневры в окрестностях города и осмотр исторических мест Киева. На 3 сентября был назначен парадный спектакль в городском театре. С утра были получены тревожные сведения от полиции, что в Киев приехали террористы и есть опасность покушения, если их не удастся вовремя арестовать. Все полицейские поиски были напрасны, и среди охраны Государя усилилось беспокойство. Самым опасным моментом полиция считала проезд Государя из дворца в театр, так как путь был всем известен, но доехали все благополучно. Во втором

антракте Государю был подан чай в аванложе. Императрица в театр не приехала, были только старшие Великие Княжны. В этот момент из зрительного зала раздался страшный треск, а потом неистовые крики. Не зная, в чем дело, Государь сказал: «Неужели это провалилась ложа?» — шум и треск были непонятны. Но когда все бросились обратно, то увидели, что очень близко от Царской ложи, в первом ряду партера, стоял во весь свой рост, в белом летнем сюртуке, П. А. Столыпин, придерживая рукой грудь, из которой сквозь его пальцы струилась кровь. Увидя Государя, Столыпин поднял руку, делая жест, чтоб Государь удалился из ложи, и стал его крестить. Столыпина окружили близстоящие люди, чтобы поддержать его, так как он начал быстро слабеть, лицо сделалось мертвенно бледным, и он упал без чувств на кресло. Дальше, по словам Андрея, трудно было разобратъ, что происходило. Все кричали, некоторые куда-то бежали, офицеры с шашками наголо преследовали кого-то и в проходе, почти у выхода из залы, поймали и хотели заколоть.

Выяснилось потом, что в проходе был пойман и сильно избит убийца Столыпина Багров. Это он дал знать полиции о прибытии в Киев террористов, так как ранее служил в полиции осведомителем, был удален и снова принят перед самыми киевскими торжествами. Полиция тщетно искала весь день террориста, не зная, что это он был перед нею. Он просил, чтобы его допустили в театр, под тем предлогом, что он знает террористов в лицо, и если кто из них проникнет в театр, то он укажет его агентам охраны. Полиция его пропустила как своего агента в театральный зал, где никто на него не обратил внимания, и он совершенно беспрепятственно и спокойно подошел к Столыпину и в упор выстрелил в него и так же спокойно стал удаляться, когда его схватили.

П. А. Столыпина тотчас отвезли в частную клинику, где после осмотра раны доктора выразили опасение, что он не выживет, так как была задета печень. Пять дней боролся Столыпин со своим почти что безнадежным состоянием и 8 (21) сентября скончался.

Вестъ о покушении на Столыпина дошла до нас в Петербург на следующее утро, и я невольно задумалась над тем, как трагически не везло моему бедному Ники. Его постигал удар за ударом: так рано он потерял своего отца, женился в такие грустные, траурные дни, коронация омрачилась катастрофой на Ходынке, он потерял лучшего своего Министра иностранных дел графа Лобанова-Ростовского, умершего вскоре после своего назначения, и вот теперь теряет лучшего своего Министра, который подавил революционную вспышку 1905 года. Мы тогда не могли и помыслить, что его ожидало в будущем и как ужасно завершится его судьба.

Когда вспыхнула революция 1917 года, многие думали, что, будь жив Столыпин, ему, может быть, удалось бы ее остановить.

ЛОНДОНСКИЙ СЕЗОН
ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 1911

После двухлетней нашей ссоры С. П. Дягилев, по-видимому, убедился, что ему гораздо лучше и выгоднее помириться со мною, нежели ссориться, и потому решил восстановить со мною добрые отношения и нашу старую дружбу. Примерение произошло в 1911 году. Он меня пригласил выступить у него в Лондоне, в Ковент-Гарден в осеннем сезоне, а в 1912 году — в Вене и Будапеште и кончить весною в Монте-Карло.

Арнольд Хаскелл как беспристрастный писатель и историк балета дает верную оценку того, что произошло:

«Наконец,— пишет Арнольд Хаскелл,— Кшесинская и Дягилев, две наиболее сильные личности в России, помирились. У них часто бывали бурные столкновения, и они бывали то союзниками, то врагами, но они уважали друг друга и обладали редким качеством — отсутствием злопамятности. В 1925 году, когда Дягилев представил меня ей в Монте-Карло, он сказал: «Вот противник, достойный меня», таково именно было их отношение друг к другу. Кшесинская была всесильной в России, могла иметь все, что хотела, в Мариинском театре. Но в результате о ней написано фантазирующими авторами больше нелепостей, чем про кого бы то ни было. Ей приписывались все сенсационные происшествия ее времени, и она не старалась весь этот вздор опровергать. Но что на самом деле было у этой женщины, это ее бесконечное обаяние, ее остроумие и ум. Широкая по натуре, она обладала темпераментом борца, так как на сцене нужно быть борцом. Но ее наибольший недостаток заключался в том, что из борьбы она всегда выходила победительницей. Если она и Дягилев были раньше на ножах, то от этого больше не осталось и следа».

Мы условились с Дягилевым, что я буду танцевать в Лондоне «Карнавал», два акта «Лебединого озера» и па-де-де из балета «Спящая красавица». Моим партнером должен был быть Вацлав Нижинский.

Со мною в Лондон поехали мой сын Вова со своей англичанкой мисс Митчел и с доктором Мильком, так как Вова имел обыкновение всегда в дороге заболеть, а кроме того, с нами ехали мой старый друг Готш и при мне моя верная горничная и театральная портниха. Андрей выехал одновременно с нами.

Когда я приехала на Варшавский вокзал, как всегда в самую последнюю минуту, я вдруг спохватилась, к моему великому ужасу, что я позабыла дома свою сумочку со всеми ключами от багажа. Я тотчас послала свой автомобиль обратно

домой за сумкой и просила начальника станции немного задержать поезд, на что он очень любезно согласился. Прошло минут десять, автомобиль все еще не возвращался, ждать больше было нельзя, начальник станции справедливо боялся, что дальнейшая задержка поезда может нарушить весь график. Пришлось поезд отправить до возвращения автомобиля, и так я уехала без ключей.

У нас были прямые билеты до Лондона, и наш вагон должен был нас доставить до Кале, откуда пароходом до Дувра и Лондона. Но в Берлине нам пришли сказать, что где-то впереди, по дороге в Кале, произошло крушение, и из-за этого поезд будет задержан до исправления пути. Но если мы не желаем терять времени и хотим поспеть вовремя в Лондон, то наш вагон направят сейчас же прямо в Остенде, откуда морем через Дувр мы прямо попадем в Лондон. Все пассажиры согласились, и нас направили в Остенде, куда мы прибыли около обеденного времени. Отход парохода был назначен около полуночи, и оставалось ждать еще четыре часа. Мы решили пойти в ближайшую гостиницу пообедать, передохнуть, а не торчать в темном, холодном вокзале.

В эту глухую осеннюю пору Остенде был совершенно мертвым городом. Все лучшие гостиницы были закрыты. Погода стояла ужасная, был сильнейший шторм, дождь лил как из ведра. Улицы были еле освещены, и в этом полумраке мы направились пешком в гостиницу. Шли гуськом, от порывов ветра было трудно стоять, в особенности когда мы шли по берегу моря. Мы хватались за фонарные столбы, чтобы удержаться на ногах. Бедный мой Готш, который смертельно боялся моря, все время в ужасе спрашивал, неужели в такую бурю пароход рискнет выйти из гавани. Действительно жутко было садиться на пароход, но я не могла отложить отъезд, так как должна была поспеть на следующий день на репетицию в Лондон. Несмотря на шторм, пароход вышел в море, нас очень сильно качало, и я легла отдохнуть в своей каюте, Вову уложили спать, и мы мало обратили внимания на сильную, как нам потом говорили, качку. Бедный Готш ужасно страдал. Сперва Андрей его уговорил поест немного в ресторане и выпить красного вина, но он вскоре быстро встал и исчез. Потом Андрей его нашел сидящим в пижаме в кресле на верхней палубе, и матрос из ведра его обливал водою. Картина была забавная, но не для бедного Готша.

По прибытии в Лондон на вокзале, в таможене, попросили ключи для осмотра сундуков. Я объяснила таможенному чиновнику, что ключи были забыты в России, но их уже выслали и они скоро придут. Оставалось либо оставить сундуки на таможене, до получения ключей, но это меня не устраивало, так как я должна была выступить у Дягилева чуть ли не на следующий день, либо надо было взломать замки у сундуков, что мне тоже не очень было удобно. Они тогда спросили, что у

меня в сундуках. Я им объяснила, что я артистка Императорского Русского балета, приглашена Дягилевым выступить в его сезон в Ковент-Гарден, в чем они могут убедиться, посмотрев на повсюду расклеенные афиши, где мое имя красовалось вовсю. Я сказала, что в сундуках только мои костюмы и все к ним необходимое и что ничего запрещенного я с собою не везу — ни папирос, ни вина. Таможенные чиновники удалились в угол, немного о чем-то пошептались, и один из них мелом отметил, что сундуки осмотрены и свободны. Я была крайне тронута таким внимательным отношением к просьбе артистки и верю в мое слово.

Мы все остановились в Лондоне в гостинице «Савой», где жили Дягилев с Нижинским. У Вовы была большая комната рядом с моей спальней, потом шел мой салон, а Андрей поселился в следующих комнатах с большим салоном.

Доктор Мильк мог только проводить Вову до Лондона и дня через два-три уехал обратно в Россию. Конечно, как только он уехал, Вова сильно простудился, и мы в первую минуту не знали, кого позвать. Великий Князь Михаил Михайлович, к которому Андрей обратился за советом, рекомендовал нам своего детского доктора и сам взялся к нему позвонить по телефону и попросить его заехать ко мне. Вскоре доктор приехал. Он оказался очень милым и знающим, прописал что нужно, а потом часто наезжал к Вове, чтобы проверять его состояние. Но он сразу рекомендовал взять nurse — няню, которой он даст все инструкции, и она будет следить за Вовой, зная хорошо лондонский климат. Присланная им nurse оказалась на высоте положения и великолепно ходила за Вовой. Но в первый же день она меня напугала, когда открыла окно комнаты Вовы настежь, несмотря на то, что он был простужен. На мое замечание, что это очень опасно, она меня заверила, что, напротив, единственное средство от простуды — держать окна открытыми при всякой погоде. Она была права, Вова больше не простужался.

Жизнь в Лондоне мне сразу понравилась своею элегантностью: к обеду дамы всегда выходили в вечерних платьях, а мужчины во фраках. Даже Вова проникся необходимостью одеваться к обеду, но, не имея фрака, он прицеплял сзади салфетку, которая в его воображении представляла фразные фалды, и в этом виде он торжественно садился обедать. Чтобы доставить ему удовольствие, я заказала ему детский фрак, который он с гордостью надевал каждый вечер к обеду.

Для первого своего представления С. П. Дягилев посоветовал мне выступить в па-де-де из балета «Спящая красавица» с В. Нижинским. Хотя я очень любила это па-де-де, но для первого спектакля в новом городе перед совершенно незнакомой публикой я предпочла бы выступить в более выгодном для меня па. Потом я решила, что Дягилев лучше знает Лондон, и согласилась с ним. Дягилев сам выбрал среди мо-

их костюмов очень красивый, цвета «перванш», и мы вместе с ним советовались, какие камни надеть.

Перед отъездом в Лондон мой большой друг Агафон Фаберже, сын знаменитого ювелира, посоветовал мне не брать драгоценности с собою, а поручить их фирме переправить в Лондон в их тамошний магазин, где они и будут храниться до моего приезда. В этих случаях все драгоценности полностью страхуются ими и риску нет. Так и было сделано, причем было составлено два списка вещей, один для меня, другой для фирмы Фаберже, и каждая вещь обозначена номером. По приезде в Лондон я условилась с Фаберже, что драгоценности останутся на хранении у них, и каждый раз я буду им сообщать лишь номера нужных на вечер вещей, не называя их, чтоб не подслушали. К назначенному времени специальный агент-детектив от Фаберже доставлял в театр в мою уборную эти вещи и оставался весь вечер сидеть у дверей, чтобы никто из посторонних туда не вошел, в особенности во время представления, когда все находится на сцене и в коридорах около уборных никого нет, так что пробраться вору самый удобный момент. После спектакля этот агент отвозил обратно в магазин все вещи. В самой гостинице «Савой» дирекция предупредила меня в первый же день, что она не может ручаться за безопасность драгоценностей, которые у меня на руках и в моей комнате, и просила на ночь их отдавать в несгораемый шкаф. Для одного большого обеда в самой гостинице я выписала от Фаберже свою диадему, очень ценную. Ее доставил в гостиницу агент от Фаберже, который, вероятно, предупредил дирекцию об этом, так как директор перед самым обедом пришел ко мне сказать, что они опасаются ограбления и что они приняли соответствующие меры предосторожности, а именно: два агента полиции в штатских платьях, во фраках, будут ужинать за столом рядом с моим и будут следить за мною и чтоб я не удивлялась этому. И действительно, весь вечер два элегантных молодых англичанина ходили за мною по пятам, но так ловко, что никто не посвященный в эту тайну не мог заметить их в толпе элегантной вечерней публики.

Для первого своего выступления я имела успех, но все же не тот, о котором мечтала. Это был, скорее, *succès d'estime* артистки с именем и первой балерины Императорского балета. Дягилев хотел меня уверить, что я имела огромный личный успех, но я осталась при своем мнении.

Ввиду этого я непременно хотела вставить во вторую картину «Лебединого озера», в сцену бала, свою классическую вариацию на музыку Кадлеца, считая, что в ней я смогу развернуться, показать себя и иметь настоящий успех. Дягилев вполне согласился со мною. У Дягилева в Лондоне не давали весь балет «Лебединое озеро», а лишь две картины из него — сцену лебедей и сцену бала. В сцене лебедей адажио играет скрипка соло, так же как и в моей вариации на музыку Кад-

леца. В России, в Мариинском театре, эти соло всегда играл наш знаменитый скрипач Ауэр, профессор консерватории. Мне хотелось, чтоб и в Лондоне для первого моего выступления адажио в сцене лебедей и вариацию на балу сыграл бы хороший скрипач.

На мое счастье, как раз в это время в Лондоне концертировал русский скрипач в апогее своей славы, ученик профессора Ауэра — Миша Эльман. Вот я и дала мысль Дягилеву пригласить Мишу Эльмана для моего первого выступления. Дягилев пришел в большой восторг и взялся за переговоры с Мишей Эльманом, а я приняла на себя все расходы.

Миша Эльман сразу согласился сыграть для меня, хотя он давал в этот день концерт в Альберт-холле и ему нужно было устроиться так, чтобы успеть в Ковент-Гарден во время своего антракта.

Адажио мы с ним репетировали в самом театре со всеми артистами, а мою вариацию у меня в гостинице. Вариацию надо было отделать до мельчайших подробностей, и Миша Эльман должен был изучить все мои движения так, чтобы он следил за мною, а не я за ним. В этом и была вся трудность для такого знаменитого скрипача, как он: ему приходилось играть не так, как ему хотелось, а так, как я танцую. Действительно, Миша Эльман очень волновался во время репетиций. Андрей его спросил: «Но ведь для вас эта музыка технически пустяшная, никаких трудностей в ней нет?» На что он ответил: «Мне легче сыграть самую сложную и трудную вещь, нежели это. Я должен следить за каждым ее движением и темпом, чтобы не подвести артистку, которая танцует под мою скрипку».

В день спектакля Миша Эльман устроился так, чтобы антракт на его концерте в Альберт-холле совпадал с моим выступлением и он мог бы успеть приехать на такси в Ковент-Гарден на спектакль и вернуться вовремя ко второму отделению на свой концерт. Это был действительно редкостный случай двойного выступления в один вечер.

Танцевать под такую замечательную скрипку было одно сплошное наслаждение. Хотя Миша Эльман в первый раз аккомпанировал танцу, он это сделал прямо мастерски, не хуже своего учителя Ауэра. Адажио в сцене лебедей прошло бесподобно и вызвало у публики большое одобрение, а в моей классической вариации под его скрипку я имела уже действительно колоссальный успех, именно тот, о котором я мечтала и на который рассчитывала, чтобы завладеть лондонской публикой и утвердить тем свою репутацию. Публика оказала мне чрезвычайно горячий и бурный прием. Я была бесконечно счастлива.

Но это имело неожиданные последствия и причинило Дягилеву несколько неприятных минут. Оказалось, что мой успех задел самолюбие Нижинского, не допускавшего мысли, что кто-либо, кроме него, может вызвать овации на спектакле,

в котором он танцует. Он устроил Дягилеву сцену ревности, грозил, что больше не выступит со мною, и говорили даже, будто он рвал от злости на себе костюм. Но Дягилев обладал замечательным умением не только вызывать скандалы, но и улаживать даже и не такие инциденты, так что скоро все обошлось ко всеобщему благополучию. Одна из русских артисток труппы, которая и в Петербурге отличалась тем, что делала мне немало неприятностей, несмотря на мое всегдашнее хорошее отношение к ней, стала приписывать мой успех исключительно тому, что играл Миша Эльман. Но когда в следующих спектаклях я танцевала уже без Миши Эльмана и имела такой же громадный успех, ей пришлось прекратить этот разговор.

Во всех книгах, где описывается мое выступление в Лондоне под аккомпанемент Миши Эльмана, высказывалось предположение, что эти несколько минут его игры стоили мне больших денег и что Миша Эльман сорвал с меня огромный куш. На самом же деле мне это ничего не стоило, кроме красивого подарка. Миша Эльман ничего не взял за этот вечер, но взамен попросил помощи Андрея для обратного въезда в Россию.

Во время репетиций у меня в гостинице Миша Эльман обратился к Андрею с просьбою достать ему разрешение дать несколько концертов в Петербурге и Москве, так как он был учеником Санкт-Петербургской консерватории по классу профессора Ауэра. Миша Эльман родился в России и был русским подданным, но, выехав за границу, не имел права обратного въезда без особого разрешения Министерства Внутренних Дел, которое в те времена было еврею почти невозможно получить. Андрей обещал оказать ему свое содействие, как только вернется домой. После долгих переговоров Андрея с разными инстанциями в конце концов Миша Эльман разрешение получил, но не без труда. Он выступил с огромным успехом в Дворянском Собрании, блестяще сыграв концерт для двух скрипок со своим профессором Ауэром. Картина их совместного выступления была очень трогательной.

Однажды, когда труппа была свободна от репетиций, мы решили с Дягилевым съездить все вместе посмотреть резиденцию английских королей — Виндзорский замок, одно из самых интересных исторических мест Англии. Конечно, с нами поехал В. Нижинский и первые артисты труппы. Сколько нас набралось и кто именно с нами поехал, я сейчас не помню. Но когда мы все собрались на вокзале, то начальник станции увидел, что пассажиров было больше, нежели местный поезд мог вместить, и приказал прицепить лишний вагон, в который мы все и уселись. По приезде в Виндзор мы наняли несколько огромных шарабанов и поехали осматривать город и парк. Под конец мы хотели осмотреть дворец, но он был закрыт для публики. Завтракали мы в маленькой гостинице, окна которой выходили на узенькую улицу прямо против

дворца, где в окнах были видны гвардейские гренадеры в своих красных мундирах. В это время пошел дождь, и гренадеры стали выставлять свои меховые шапки под дождь для их освежения, как нам потом объяснили. Наши милые артистки не преминули воспользоваться случаем пококетничать и стали посылать им воздушные поцелуи — к великой радости гренадеров.

Мы с Андреем дали завтрак всей Дягилевской труппе в наших комнатах в гостинице «Савой». В гостинице был русский повар, и мы решили заказать русские блюда и начать с блинов с икрой, чего за границей давно не ели. Водка, конечно, нашлась, без водки блины потеряли бы свое значение. Блины доставили всем удовольствие, ели их хорошо, водки выпили немало, и икры было вдоволь. Завтрак удался, все были сыты и довольны.

Потом мы с Андреем давали обед С. П. Дягилеву, Нижинскому, Л. Баксту, А. Н. Бенуа и некоторым первым артистам балета и пригласили также знаменитого музыканта и композитора Ринальдо Гана. Обедали в общей зале, дамы в вечерних платьях, а мужчины во фраках, как полагалось. Обеды в «Савойе» в те времена были очень элегантны, собиралось все высшее Лондонское общество, дамы в чудных туалетах и с замечательными драгоценностями.

По старинному закону рестораны закрываются в Англии в 12 часов ночи, и за полчаса до того тушат на секунду огни, чтобы предупредить, что скоро надо уходить. Иногда разрешали сидеть в ресторане и после 12-ти часов ночи, но в таком случае стаканы с вином уносили со стола. Метрдотель подошел ко мне и предложил, если я хочу, перенести весь ужин в отдельный салон, где мы можем продолжать ужинать, а главное, пить хоть до утра. Он мне объяснил, что мы как живущие в гостинице имеем право нанять отдельный салон, и уже в этом салоне мы считаемся как бы у себя дома. Так мы и сделали, и около 12-ти часов ночи все перешли в отдельный салон, куда перенесли все бутылки с шампанским, и мы продолжали веселиться до утра.

Я стала просить Ринальдо Гана спеть нам. Он замечательно имитировал все инструменты, все голоса и пел всевозможные песни. Но Ринальдо Ган стал отказываться под каким-то предлогом. Дягилев, который сидел рядом со мною, шепнул мне, что причина его отказа петь вовсе не та, которую он приводил, а просто он часто не желал петь, если в комнате находился кто-либо ему несимпатичный. Угадать, кто именно, мы не могли. Дягилев посоветовал пока не настаивать, а подождать. Прошло немного времени, некоторые гости начали прощаться, и когда одна пара уехала, то Ринальдо Ган вдруг воспрянул духом и уже без моей просьбы сел за пианино и начал играть и петь свои номера совершенно бесподобно. Этот вечер был одним из самых удачных и веселых, много талантливых и очень симпатичных людей собралось тогда.

Покидала я Лондон с полным удовлетворением. Успех я имела большой, с Дягилевым была опять, к моей радости, в наилучших отношениях, а впереди предстояло еще выступить у него в Вене, Будапеште, а весною в Монте-Карло. Вот была моя программа на ближайшее будущее.

Глава тридцать первая

1911—1912

После лондонского сезона я прямо вернулась домой, чтобы провести Рождественские праздники и Новый год дома и подготовиться к моим выступлениям.

В этом сезоне в Александринском театре справляли чей-то бенефис. Я должна была участвовать с балетной делегацией в поднесении бенефициантке венка и адреса от балета. Я особенно тщательно обдумала свой туалет, так как чувствовать было при открытом занавесе. Я надела белое закрытое платье, которое мне очень шло, а на шею надела свои чудные сапфиры. Я выглядела действительно очень элегантно. Государь и вся Царская семья были в этот вечер в театре. После спектакля Государь подошел к Великому Князю Сергею Михайловичу и сказал: «Сегодня Маля была чертовски хороша». Я обожала Андрея. Но в этот вечер, когда мне передали столь лестный отзыв Государя — да и вообще когда Он мне оказывал какое-либо трогательное внимание, — все прежнее вновь вспыхнуло во мне, минутами казалось, что взаимное чувство никогда не проходило, и я погрузилась в воспоминания, снова переживая минувшие счастье и горе.

Двадцатого января 1912 года, в прощальный бенефис Медеи Фигнер, давали оперу «Кармен» за ее двадцатипятилетнюю службу на Императорской сцене. Медея Фигнер очень просила меня выступить в «Кармен» в испанских танцах, которые полагались в этой опере. Мы были с ней в большой дружбе, и мне не хотелось ей отказать. Но такое выступление было очень рискованно. Хотя я и танцевала в молодости испанские танцы с большим успехом, но нас учили, строго говоря, не настоящим испанским танцам, а стилизованным по-балетному. М. М. Фокин ввел в балет испанский танец более близкий к подлинному. Борис, или Бабиш, Романов, владевший в совершенстве настоящим испанским танцем, уговорил меня согласиться и обещал подготовить меня к этому спектаклю. Мы начали с ним усиленно работать. Дирекция, конечно, захотела, чтобы у меня был новый костюм для этого случая, и заказала его художнику Головину, по рисункам которого были возобновлены костюмы «Кармен». Этот новый костюм мне принесли примерить накануне спектакля. Он был сделан из чудной парчи, очень богато отделанной, но совершенно

мне не подходил, и я была в нем прямо уродлива. Головин перемудрил, он совершенно не считался ни с моим ростом, ни с моей фигурой, ни в особенности с теми движениями, которые я должна была исполнять. Я была в полном отчаянии: я боялась обидеть директора, который приказал шить мне новый костюм, и Головина, который рисовал его. Но мое отчаяние дошло до пределов, когда я узнала в театре, что ожидается приезд Государя. Показываться перед ним в таком виде было прямо ужасно. У меня было даже желание, чтобы случилось что-нибудь, лишь бы мне не пришлось в этом ужасном костюме выступать, я ждала чуда, которое одно могло меня спасти, и оно действительно случилось. Вышла я из своей уборной в коридор и вдруг увидела одну из наших балетных артисток, Нину Неслуховскую, в чудном испанском костюме ярко-зеленого цвета, с широкой юбкой и черными кружевами и в таком же корсаже, с большим декольте и с красными цветами на груди и на голове. Она должна была танцевать в моем окружении. Я бросилась к ней, умоляя уступить мне ее костюм взамен моего. Нина Неслуховская бывала у меня в Стрельне, танцевала на моем спектакле и была со мною в отличных отношениях. Она сразу мило согласилась, и я немедленно пошла искать Головина, чтобы просить его разрешения надеть костюм Неслуховской, объяснив ему, что в моем костюме я была стеснена в своих движениях из-за длины рукавов и тяжести украшений. Он совершенно не возражал, и я побежала передеваться, а Неслуховская рада была надеть мой богатый костюм. На сцену я выбежала уже счастливая, в новом костюме, была свободна в своих движениях и могла танцевать как хотела. Я имела очень большой успех, а Бабиша Романова привела в полный восторг. Бабиш Романов потом поставил для меня в опере «Пророк», в сцене катания на коньках,— в бенефис хора или оркестра, не помню,— вставной номер, весь на пальцах. Я танцевала с муфтой в руках, как зимою, и это было моим триумфом.

Однажды зимою я и две мои близкие подруги, Анна Николаевна Остроградская и Луиза Александровна Лихачева, по сцене Борхардт, решили угостить наших кавалеров ужином у Кюба, в благодарность за все те обеды и ужины, которые они для нас устраивали. Каждая из нас должна была пригласить трех кавалеров, чтобы нас было двенадцать человек за столом. Ужин мы заказали в отдельном кабинете.

В тот вечер я как раз играла в театре Консерватории роль немой Фенеллы в опере того же названия. Опера ставилась частной антрепризой, и я играла с разрешения Дирекции за очень высокий гонорар. Во время спектакля, в одном из антрактов, ко мне в уборную зашел Великий Князь Дмитрий Павлович, и на его вопрос, что я делаю после спектакля, я ему рассказала про ужин, который мы, дамы, даем нашим кавалерам. Дмитрий Павлович выразил желание непременно быть

также приглашенным, но как тут быть? Нас ровно двенадцать, а с ним будет тринадцать. Многие не любят это число, а отказать ему я, конечно, не хотела; его присутствие, я знала, будет всем очень приятно. Но в последнюю минуту найти кого-нибудь, да еще такого, который не обиделся бы, что его зовут так поздно, было непросто. Мне пришло в голову пригласить милого молодого офицера, Дейча, который, наверное, будет очень рад. Дмитрий Павлович взялся это устроить, он его видел в театре и мог передать ему приглашение. Таким образом, нас собралось на ужин четырнадцать человек. Меню было заказано вперед, а выбор вина мы предоставили приглашенным. Костя Молостов, наиболее предприимчивый из всех гостей, потребовал карту вин и просил лакея указать, какие самые дорогие, говоря, что раз он не платит, то желает пить самое дорогое, добавив, что, кроме того, он впервые на содержании у дам. Ужин прошел замечательно весело, в особенности потому, что был оригинален по замыслу — дамы угощают.

Я очень редко соглашалась выступать в частных домах и если делала это, то только когда было необходимо по разным соображениям и когда такой вечер мне был по душе. Таких случаев за всю карьеру я помню только три. Ежели начать соглашаться без разбора, то не оберешься приглашений, и тогда отказы ведут к обидам и недоразумениям. Я по опыту знала, как часто приходилось артистам выступать в совершенно не соответствующих их положению условиях. Осторожность и разборчивость тут была совершенно необходима.

Раз я танцевала в одном хорошо знакомом частном доме, не помню, у кого именно. С моим братом и Орловым мы исполнили танец апашей и имели колоссальный успех.

Другой случай был у Анны Николаевны Остроградской, муж которой, Василий Александрович, был членом Государственной Думы от партии октябристов. Они жили на Стремянной улице, № 13, и у них бывали чудные приемы, всегда очень веселые и с очень интересной избранной публикой. Анну Николаевну я очень любила за ее веселость, большой ум и обаяние. Она была всегда душою вечера, внося настроение и необычайный подъем. Чтобы сделать ей особое удовольствие, а вместе с тем сюрприз, я задумала станцевать у ней на вечере «Русскую» с моими двумя кавалерами. Мы условились, что мои кавалеры приедут к Остроградским и будут ждать меня в отдельной комнате, а я поеду к ним в вечернем платье, чтобы Анна Николаевна ничего не подозревала о моем сюрпризе. Когда вечер был уже в полном разгаре, я незаметно удалилась в уборную, быстро переделась в свой костюм, и когда мы были готовы, один из моих знакомых, который был в заговоре, стал просить публику очистить середину залы, и мы вбежали втроем в залу и протанцевали «Русскую», чего ни хозяйка, ни гости совершенно не ожидали. Анна Ни-

колаевна была тронута до слез моим вниманием и моим сюрпризом.

Третий случай был у Николая Платоновича Карабчевского, знаменитого нашего адвоката, в особенности по уголовным делам. Он был, кроме того, музыкантом и поэтом и написал однажды небольшую музыкальную пьесу, содержание которой должно было быть передано балериной под пение трех женских голосов. Н. П. Карабчевский написал и слова, и музыку пьесы и умолял меня исполнить ее. Идея мне понравилась, и я согласилась, тем более что для этого случая была построена в зале настоящая сцена, что давало возможность выступить в выгодных условиях при хорошем освещении и на возвышении. Для пения Карабчевский пригласил трех артисток нашей Императорской оперы: Черкасскую, Николаеву и Збруеву. Они были скрыты за ширмой, на сцене. Вся сцена была убрана цветами. Я танцевала в полупрозрачном розовом костюме и под звуки пения передавала мимикой и движениями слова поэмы. Вышло очень красиво, и я с удовольствием исполнила этот номер. Н. П. Карабчевский был в таком восторге, что прибежал ко мне в уборную, целовал мне руки и в пылу восхищения воскликнул: «Матильда Феликсовна, умоляю вас, убейте кого-нибудь, дайте мне этим возможность выступить вашим защитником, и вас оправдают!» Я его очень поблагодарила за такую готовность, но сказала, что не собираюсь никого убивать. Он не предвидел тогда, что слова: «Я готов вас защитить» смогут получить действительное значение в неожиданных обстоятельствах.

После представления был подан ужин, как всегда великолепный, за маленькими столиками, что самое уютное. Вечер удался на славу. Во время ужина хозяин сказал со свойственным ему талантом блестящую речь, выразив благодарность артистам, любезно согласившимся принять участие в исполнении его музыкальной пьесы. На мою долю выпала наибольшая часть пламенных выражений его признательности.

В феврале мне пришлось выехать в Вену, где я должна была выступить снова в труппе С. П. Дягилева, как было условлено в прошлом году. Вся труппа была уже в сборе, когда я приехала. Со мною поехала Нина Нестеровская.

В Вене я встретила несколько старых знакомых по 1903 году, с которыми чудно провела время. Из Вены вся труппа переехала в Будапешт, где я впервые танцевала «Призрак розы» с Нижинским. В Будапеште мы устраивали очень веселые ужины и наслушались вдоволь венгерской музыки, в особенности рапсодий. Чтобы доставить удовольствие артистам, я их всех пригласила в театр, где давали интересное представление, и взяла для них целый ряд лож. Такое количество очень миленьких, молоденьких артисток, конечно, привлекло внимание публики, и все на нас смотрели как на диковинку.

Мне непременно хотелось поспеть домой ко дню моих име-

нин 2 (15) марта, в день св. Матильды. Я привыкла проводить этот день дома, да и сыну было бы обидно, если бы я не вернулась. Нина также стремилась домой, так как ее именины в день св. Антонины были накануне моих, 1 (14) марта. Но чтобы успеть к этому дню, мне пришлось бы отказаться от последнего спектакля и тем обидеть Дягилева. Но я все равно рискнула пойти на это и отпросилась у Дягилева, который хотя и огорчился, но вполне понял мое желание быть дома в этот день, тем более что вскоре я должна была поехать к нему в Монте-Карло.

Выехали мы с расчетом быть дома накануне моих именин, но, не доезжая до Варшавы, я ночью проснулась и почувствовала, что наш поезд стоит на месте. Я сразу поняла, что случилось что-то неладное, и действительно, кондуктор объяснил, что с шедшим впереди нас поездом случилось крушение. Это уже второй раз, что со мною произошел такой случай: в первый раз это было, когда я ехала в Лондон в 1911 году. На этот раз мы прибыли в Варшаву с опозданием и не могли успеть на курьерский поезд, с которым рассчитывали ехать домой. Я сперва хотела заказать экстренный поезд, но Варшавская линия была до того перегружена, что было невозможно пустить еще добавочный поезд. Волей-неволей пришлось переночевать в Варшаве. Я воспользовалась этим, чтобы пойти купить Нине подарок, так как это был как раз ее день ангела. Я купила очень красивый портсигар из голубой эмали. Мне помнится, что Нина спасла этот портсигар и показывала мне его здесь, в Париже, после революции. Именины Нины мы провели в вагоне, но к своему я все же успела, хотя и не накануне, как предполагала, а в самый день. Провели мы его очень весело, справляя двойные именины, прошедшие Нинины и мои.

Пробыв некоторое время в Петербурге, я снова должна была уезжать, чтобы успеть в Монте-Карло к началу дягилевских спектаклей в театре «Казино».

Я выехала из Петербурга 17 марта, но в это путешествие Вова впервые отправился со своим собственным паспортом и в сопровождении своего воспитателя Ричарда Александровича Высоцкого, который незадолго до этого поступил к нам. Я пригласила с собой Нину Нестеровскую, которую устроила танцевать к Дягилеву, но бесплатно, так как труппа была совершенно полна.

Покуда Вова был маленьким, он был прописан в моем паспорте, но ему становилось почти что десять лет, и я обратилась к Государю с просьбой о даровании моему сыну моей родовой фамилии Красинских. Государь сразу же исполнил мою просьбу и даровал также Воле и потомственное дворянство. Градоначальство выдало Воле его личный паспорт, и привез его мне мой старый верный друг, полицмейстер нашей части полковник, впоследствии генерал Галле.

С нами поехал Великий Князь Сергей Михайлович. В поезде находился также и его брат Великий Князь Николай Михайлович. Он любил играть в рулетку и мчался ежегодно в Монте-Карло попытать счастья. Сначала Николай Михайлович был любезен и приветливо разговаривал со всеми, но чем ближе мы подъезжали к Монте-Карло, тем менее общительным становился он со всеми, он уже был весь поглощен предстоящей игрой, а перед самым приездом был совершенно невменяем, никого почти не узнавал и становился даже грубым, ежели к нему обращались с каким-нибудь вопросом и нарушали его игорные соображения.

В дороге Вова серьезно заболел, вероятно, съел что-нибудь в вагоне-ресторане и отравился, как мы думали сначала. Как раз в это путешествие я не взяла с собою доктора. Мы ехали прямо в Канны, где предполагали провести последние дни Страстной недели и Пасху, а потом уже переехать в Монте-Карло. Бросились искать детского доктора, но в Каннах специалиста не нашлось, и пришлось вызвать двух лучших местных врачей. Они мало что понимали в детских болезнях, никак не могли определить, чем именно Вова страдает, и ничего утешительного сказать не могли. Правда, как только мы приехали в Канны, я вызвала из Петербурга срочной телеграммой детского доктора фон Газе, который Вову постоянно лечил. Я получила тотчас ответ, что он выехал, но ждать приходилось дня четыре. В ожидании его приезда я пригласила из Ниццы случайно там находившегося швейцарского детского врача Эльсница, очень известного. По медицинской этике он не имел права практиковать в чужой стране, и его приезд ко мне был обставлен тайной, чтобы каннские врачи этого не знали. Французские врачи меня очень пугали и уверяли, что испробуют новое средство, последнее, но за исход не ручаются, оставляя меня в полном неведении, чем же, собственно, Вова болен. Доктор Эльсниц меня успокоил, болезнь ему была вполне понятна: у Вовы, несомненно, был колит, и доктор просил меня не волноваться, за благополучный исход болезни он ручался.

Навстречу доктору Федору Федоровичу фон Газе я выслала на итальянскую границу в Вентимилью воспитателя Вовы, Высоцкого, чтобы рассказать ему подробно весь ход болезни и все ее симптомы и дать ему время по дороге в Канны сообразить, в чем дело. Уже в пути, выслушав Высоцкого, доктор фон Газе ему сказал, что у Вовы, несомненно, колит, и, вероятно, в очень сильной форме, вызванной отравлением в пути. Он нашел, что Вову, по-видимому, неправильно лечат. С приездом доктора фон Газе и благодаря принятым мерам Вова стал быстро поправляться. Но до полного выздоровления, когда всякая опасность минует, я и думать не могла о переезде в Монте-Карло.

Чтобы не подводить Дягилева, я ездила по железной доро-

ге в Монте-Карло на спектакль и ночью возвращалась на автомобиле обратно в Канны. Дягилев всегда волновался в день спектакля, приеду ли я или нет, и телефонировал по нескольку раз в день, спрашивая, как здоровье Вовы. Он отлично понимал, что, если бы наступило ухудшение, я не приехала бы. Как ни трудно мне было в этих условиях выезжать из Канн в Монте-Карло и танцевать, я ни разу спектакля не пропустила и Дягилева не подвела. Но только Бог знает, чего мне это стоило. При первой возможности, когда Вова достаточно окреп, я переехала с ним в Монте-Карло, и мы поселились в «Отель де Пари», куда перебралась и Нина — в комнату рядом с моей.

В этом сезоне у Дягилева в Монте-Карло я имела очень большой успех, в особенности во второй картине «Лебединого озера», на балу, во вставной вариации, которую я танцевала в Лондоне. Эту вариацию я каждый раз повторяла на бис. После спектакля, когда я приходила в Спортинг-Клуб, вся публика меня приветствовала. Для этих случаев я всегда надевала особенно красивое платье и соответствующие драгоценности. В Спортинг-Клуб в этом сезоне часто приходила одна итальянская графиня, фамилию которой я позабыла. В вечернем платье она была очень на меня похожа не только фигурой и ростом, но даже лицом и прической. На это почти все обращали внимание, и ее друзья указывали на меня, а мои на нее. Это нас обоих очень забавляло, и мы стали друг другу кланяться, а потом нас познакомили.

После последнего представления «Лебединого озера» пришлось этот спектакль повторить по требованию публики. Дягилев был в полном восторге и торжествовал. Наше примирение принесло свои плоды, мы были рады работать вместе и рады, что старая наша дружба продолжается.

Живя в Монте-Карло, я решила подыскать себе для будущего сезона поблизости виллу, чтобы не останавливаться в гостинице. Мне посоветовали подыскать себе виллу в Кап д'Ай, куда мы однажды целой компанией поехали в экипажах. Осмотрев несколько вилл, я остановила свой выбор на премиленькой вилле «Морла», принадлежащей графине Морла. Она была прекрасно и уютно обставлена, и я тут же ее наняла на весну будущего, 1913 года.

После окончания сезона в Монте-Карло я вернулась прямо домой и все лето провела у себя на даче в Стрельне.

Во время Красносельского театрального сезона я ездила туда не только в те дни, когда танцевала, но и в другие дни, чтобы присутствовать на спектаклях и повидать знакомых. У Андрея была очаровательная дача на самом Стрельнинском шоссе, при въезде в Красное Село, где он жил во время лагерного сбора. Он часто устраивал после спектакля у себя очаровательные ужины и угощал нас раками, которые мы все ужасно любили. Великие Князья Борис Владимирович и

Дмитрий Павлович принимали участие в этих ужинах. Я приглашала с собою наших молоденьких артисток из числа моих друзей, которых я потом отвозила к себе на дачу. Борис Владимирович был любителем пожаров и, ежели увидит зарево, то непременно хотел ехать посмотреть, в чем дело, и раз после такого ужина его нельзя было удержать от поездки на пожар, и нам пришлось ехать за ним в Лигово, но, к счастью, там ничего серьезного не оказалось.

После кончины отца имение Красницы около станции Сиверской было продано Светлейшему Князю Генриху Федоровичу Витгенштейну, а моя мать стала летом жить в Стрельне, где я наняла для нее дачу, чтобы она была ближе ко мне. В августе у мамы случился третий удар, сопровождавшийся почти полным параличом. Для нас это было большим горем: мама была для нас не только любящей матерью, но и нашим близким другом, советчиком и утешением для всех нас в нашей жизни. Вова, совсем еще маленьким, любил бывать у нее. Она умела обращаться с детьми, и он уверял, что нигде, даже дома, так вкусно не кормят его, как у бабушки, которая всегда давала ему его любимые блюда.

Эта осень была полна самых тяжелых забот: с одной стороны, меня угнетало тяжелое состояние моей матери, а с другой — Андрей опасно заболел, весь август он пролежал с сильнейшим бронхитом, боялись одно время начала чахотки, и его спешно отправили в Крым на всю зиму. Ему так и не удалось попасть на Бородинские торжества, у села Бородина, по случаю столетия со дня битвы.

Мне приходилось выбирать между двумя дорогими для меня существами: или остаться около матери и отпустить Андрея одного, или же ехать с Андреем и оставить маму одну. Доктора, с которыми я по этому поводу советовалась, уверяли меня, что в том состоянии, в котором мама сейчас находится, ей не угрожает никакая опасность и она может прожить еще очень долго. Они считали, что я могу спокойно ехать в Крым, а в случае необходимости через два дня буду дома. Я так и решила.

Андрей уехал в Крым 4 сентября — раньше меня — и поселился в свитском доме по приглашению Великого Князя Николая Николаевича в его имении Чаир. Андрей поехал со своим адъютантом Ф. Ф. фон Кубе и с полным хозяйством, камердинерами, лакеями, поварами и двумя автомобилями. Осмотревшись немного, он мне нанял в Новом Мисхоре прекрасную виллу, недалеко от него. Но он меня предупредил, что в Крыму ни повара, ни прислуги найти нельзя и надо сделать, как и он, то есть взять с собою лакея и повара.

Мне пришлось взять целый спальный вагон, заплатив за все билеты полностью, так как со мною ехало довольно много народу. У меня была моя горничная, у Вовы его человек и два воспитателя, француз Шердлен и Пфлюгер, мой лакей и два

повара — всего девять нас было, а на месте наняли еще кухонного мужика, который оказался таким симпатичным, что я его взяла потом с собою в Петербург, его звали Белял.

Мне в первый раз пришлось побывать в Крыму, и он мне страшно понравился своим совершенно изумительным климатом и своей замечательно богатой и разнообразной растительностью. На юге Франции вся растительность кажется такой искусственной и бедной, несмотря на все усилия, а тут все растет обильно и густо, само собою и где угодно.

Я постоянно ездила к Андрею, часто у него обедала и проводила вечера. Он стал медленно поправляться, но все еще очень легко уставал от малейшего усилия, а потому мало кого мог, да и хотел, принимать и видеть. Иногда, катаясь днем на своем автомобиле, он заезжал к нам на виллу, посмотреть, как мы устроились и как живем, но по вечерам он никогда не выходил из дома.

Сравнительно недалеко от нас, почти что под Байдарскими воротами, находилось одно из самых крупных и красивых имений Крыма — Форос, принадлежавшее Ушкову, которого я хорошо знала. Он был женат на красавице Милуше, впоследствии графине Воронцовой-Дашковой. Ушков всегда присылал мне не только замечательные цветы, но непременно грандиозные по своим размерам. Так, он раз прислал плоскую огромную корзину, метра в полтора длины и шириною в полметра, в ней было посажено небольшое миндальное деревце в полном цвету, а грунт состоял из всевозможных цветов. Эта корзина долгое время стояла у меня в зимнем саду, и мой садовник ее тщательно поддерживал.

Ушков хоть был в то время в Петербурге, откуда-то узнал, что я в Крыму, и отдал своему управляющему имением приказание, чтобы он меня пригласил осмотреть имение и угостил бы завтраком. Управляющий мне сообщил о полученном им распоряжении и просил меня пожаловать в имение Форос, когда мне будет удобно. Я с радостью согласилась, и мы вместе с Мишей Александровым поехали туда. Мы нашли двух знакомых мне уланов, живших в этом имении. Имение действительно стоило посмотреть, и мы всё осматривали, а потом управляющий угостил нас роскошным завтраком и крымскими винами.

Моя дача в Новом Мисхоре была хотя и старенькая, с керосиновыми лампами, но уютная и чудно расположена среди обширного сада. Рядом был теннис, где Вова мог играть. Мы жили очень скромно и тихо, знакомых кругом почти не было. Но зато я наслаждалась прогулками по окрестностям, которые прямо очаровательны своей живописностью и чудными видами на море. Я воспользовалась пребыванием в Крыму, чтобы съездить в Ливадию и осмотреть старый Ливадийский дворец, в котором жил и умер Император Александр III. Я видела ту комнату, где скончался Император, комнаты Императрицы

Марии Федоровны и комнаты моего дорогого Ники, где он столько лет жил, будучи еще маленьким, а потом уже взрослым, вплоть до дня, когда он, еще таким молодым, вступил на престол, 26-ти лет.

В начале ноября я получила тревожные сведения о состоянии здоровья мамы и спешно выехала обратно домой.

Вскоре после моего отъезда, в двадцатых числах ноября, Андрей переехал во вновь открытую санаторию в Рейхенгале, близ Мюнхена, по совету доктора, который считал, что полугорный климат ему полезнее крымского морского.

В Петербурге я застала свою мать в очень тяжелом положении, чувствовалось, что она медленно угасает. Когда я уезжала, мне казалось, что мама безразлично относится к тому, что происходит вокруг нее. По поводу моего отъезда в Крым она тогда мне ничего не сказала, но я никогда не забуду, как, когда я вернулась, мама меня встретила словами, полными упрека: «Маля, ты совсем меня забыла». Я поняла с болью в сердце, что мама все же чувствовала и сознавала мое отсутствие. Последние дни ее жизни я почти все время проводила около нее и возвращалась домой ненадолго, а на ночь я оставалась с сестрой у ней на квартире, так как конец приближался. Мама перед смертью не страдала и тихо скончалась 22 ноября 1912 года. Эту печальную весть я сейчас же сообщила Андрею в Рейхенгаль, куда он недавно только прибыл.

Тело мамы было забальзамировано и после торжественной заупокойной службы в католическом костеле нашего прихода на Торговой улице перевезено было в Сергиевский монастырь около Стрельны, где, с разрешения Архимандрита Сергия, который замещал больного и престарелого игумена, гроб был поставлен в одну из монастырских церквей, пока не будет готова часовня и склеп над маминой могилой на монастырском кладбище. Архимандрита Сергия я хорошо знала, так как часто бывала в монастыре и всегда его навещала в его келье. Он поил меня чаем и дарил чудным монастырским хлебом, медом и раз даже парюю белых голубей.

В молитвенную память о маме и в знак моей сердечной признательности Архимандриту Сергию я хотела что-либо пожертвовать монастырю и решила заказать полное церковное облачение для торжественных служб. Я выбрала очень красивый рисунок парчи по лиловому фону. Когда я приходила служить панихиду по маме, духовенство всегда надевало мое облачение.

После понесенной тяжкой потери у меня не было ни сил, ни духа выступать на сцене, и я решила на некоторое время прервать свою артистическую карьеру.

А. Левинсон в своей статье «Балет» по этому поводу пишет: «Мы твердо надеемся на то, что балерина покидает Императорскую сцену лишь на короткий срок; ее уход был бы тягчайшей утратой для нашей балетной труппы».

1912—1913

Несмотря на мое решение из-за траура в этом сезоне не выступать на сцене, я не могла, по совести, отказать настойчивой просьбе артистов кордебалета участвовать в виде исключения в их бенефисе, в балете «Конек-Горбунок», в немного измененной и дополненной постановке нашего московского балетмейстера Горского. Мой отказ мог бы отозваться на сборе вечера и тем нанести ущерб нашим артистам. Бенефис состоялся 10 декабря 1912 года. В последнем акте «Конька-Горбунка» я танцевала «Русскую» на музыку Чайковского. Я танцевала ее на пуантах. Начало этой «Русской» очень грустное, и я его исполнила со слезами на глазах и чувствовала, что эта грусть передается публике. Конец оживленнее, но тоже с оттенком грусти. Так я простилась с публикой.

Рождество и Новый год я провела дома с Вовой, а в январе 1913 года урвала несколько дней, чтобы съездить в Сен-Мориц, куда Андрей переехал после неудачных десяти дней, проведенных им в Рейхенгале. Почти сразу по приезде в Рейхенгаль Андрей схватил сильнейший бронхит. Немного оправившись, он поехал в Мюнхен, куда прибыла Великая Княгиня Мария Павловна, чтобы узнать, в каких условиях он живет. Она вызвала из Парижа профессора Робена, ее постоянного и давнишнего врача, на консультацию, так как у Великой Княгини возникли сомнения в достоинствах Рейхенгала как зимнего курорта. Профессор Робен нашел, что следы бронхита еще остались и что Рейхенгаль совершенно не подходит для Андрея. Он посоветовал немедленно ехать в Сен-Мориц на всю зиму. Андрей мне рассказывал, что доктора, которые в то же время были директорами санатория Рейхангала, пришли в полное отчаяние, когда узнали, что из Мюнхена он больше к ним не вернется. Это был их первый зимний сезон, на который они возлагали большие надежды, а его приезд служил им рекламой. Андрей был их первым, и единственным, в то время клиентом. Директор сам приехал в Мюнхен, чтобы уговорить Великую Княгиню не отсылать Андрея в Сен-Мориц, но она осталась непреклонной, тем более что профессор Робен, присутствовавший при этом разговоре, категорически настаивал на переезде туда.

Андрей меня встретил на вокзале в Сен-Морице, и мы в санях с парой лошадей и бубенцами покатали к гостинице Кульм, где он остановился и где приготовили для меня комнаты. Сен-Мориц сразу произвел на меня чарующее впечатление: все в глубоком снегу, солнце светит и греет как летом, весь город как игрушечный, и все ходят в разноцветных фуфайках и шарфах, что придает картине веселый колорит. У нас с Андреем были прелестные комнаты, составляющие как

бы отдельную квартиру с видом на каток и далекую долину.

Первым делом мы пошли с Андреем по магазинам обмундировывать меня по-зимнему: специальные ботинки, чтобы ходить в снегу, фуфайки, шарфы и вязаные шапочки и перчатки. Вещей этих было во всех магазинах вдоволь, на все вкусы и средства.

Утром, не ранее 11-ти часов, Андрей отправлялся на каток. Раньше было слишком холодно, надо было выждать, пока солнце не выйдет из-за гор. Первые дни я смотрела, как он катался, а потом и сама брала уроки, но слишком мало было времени, чтобы научиться. На катке на солнце было просто жарко, градусник подымался выше 20-ти градусов Цельсия, хотя одновременно в тени стоял мороз около 8-ми градусов ниже нуля. Это можно было видеть на двух градусниках, один на солнечной стороне, а другой в тени.

Днем мы заказывали парные сани, лошадей с бубенцами и, закутавшись в теплые пледы, отправлялись кататься по окрестностям. Их было много, все красивые и разнообразные, тут и сосновые леса, долины и горы, все в снегу и залито горячим солнцем. Навстречу попадались такие же сани, с такой же, как мы, катающейся публикой, всем весело и хорошо, по крайней мере на вид.

Забавен был вид главной улицы, все шли с лыжами в руках или тащили за собою санки, чтобы идти в горы и на них спускаться, все в самых разнообразных туалетах всех цветов радуги.

Надо было возвращаться домой до захода солнца, зимою не позже 5-ти часов, а то захватит мороз. Завтракали и обедали мы в общем ресторане нашей части гостиницы, для другой была своя столовая. Иногда, если очень уставали и лень было одеваться, обедали у себя в комнатах, кормили отлично.

При Андрее были: его адъютант Федор Федорович фон Кубе и его доктор Георгий Георгиевич Маак, который сравнительно незадолго до меня прибыл из России. Как Андрей мне объяснил, фон Кубе был так разочарован докторами в Рейхенгале, которые неумелыми способами лечения вызвали у него сильнейший бронхит, что, не рассчитывая найти в Сен-Морице соответствующего врача, телеграфировал в Петербург Зандеру, одно время лечившему Андрея, когда он лежал больным у меня в Стрельне. Фон Кубе и просил Зандера рекомендовать ему врача, который мог бы постоянно находиться при нем. Доктор Зандер не замедлил ответить, что доктора нашел на условиях по 300 рублей в месяц, на всем готовом. Андрей ответил согласием, и доктор Маак выехал в Сен-Мориц. Андрею он сразу понравился, а потом и нам всем. Он оказался не только прекрасным доктором, но и чудным человеком, и его судьба была с тех пор тесно связана со всеми нами на долгие годы.

Оставаться долго в Сен-Морице я не могла, надо было возвращаться домой, где мой сын без меня скучал, а, кроме

того, надо мне было принять участие в парадном спектакле по случаю Трехсотлетия Дома Романовых.

Зимой в Петербург приехала Анна Павлова на гастроль. Наши отношения продолжали быть самыми дружескими, несмотря на усилия многих внести нелады между нами. Павлова как-то заехала ко мне, разговор перешел на драгоценности, что у кого есть, и она попросила меня показать ей мои. Мы пошли наверх, в мою спальню, где в углу, в особом шкафчике, я держала все свои драгоценности. В этом шкафчике, наверху, был укреплен образ Вацлава Нижинского. Мы уселись с Аней Павловой на полу перед шкафчиком, и я стала ей показывать мои драгоценности, от которых она приходила в восторг, и действительно, у меня были замечательно красивые вещи. Среди маленьких вещиц у меня был чудный карандаш из платины с бриллиантами и рубинами, который я как-то купила для подарка. Я подарила его Павловой на память.

В этом сезоне я не выступала, кроме бенефиса кордебалета в декабре, и все мои балеты были сняты с репертуара. Павловой предложили выступить в моем балете «Дочь фараона». Как умная артистка, она понимала, что этот балет не для нее. Конечно, испортить его она не могла, но и сорвать большой успех тоже. Она очень хотела, чтобы я ее посмотрела в этом балете. Из-за траура я в зрительный зал не ходила, но согласилась посмотреть на нее из-за кулис, где она очень трогательно приготовила мне в первой кулисе стул с коробочкой конфет, Павлова очень боялась танцевать «Дочь фараона» в моем присутствии, отлично зная, что это был мой сильный балет. Она прекрасно справилась со своей ролью, но особого успеха не имела.

В феврале был назначен парадный спектакль по случаю Трехсотлетия Дома Романовых, и мне предложили выступить в нем, в опере «Жизнь за Царя», во втором акте, в знаменитой мазурке. Отказаться от участия в парадном спектакле я не могла, эти спектакли носили совершенно особый, высоко торжественный характер, публика на них не допускалась, присутствовали только лица по приглашению от Двора. В этот юбилейный день спектакль был в присутствии Государя, двух Императриц, всей Царской семьи и всего сановного мира. В этот день, в виде особого исключения, в последнем акте на сцене появился Царь Михаил Федорович, которого изображал Собинов вместо заболевшего в последнюю минуту Ф. И. Шаляпина.

В начале марта я поехала с Вовой в Кап д'Ай, где у меня была уже нанята вилла «Морла». Андрей прямо из Сен-Морица проехал туда, немного раньше меня, и наладил все хозяйство; были наняты кухарка — Марго, и в качестве метрдотеля — молодой швейцарец, красивый, элегантный и, как потом оказалось, чрезвычайно талантливый во многих отношениях. Он глав-

ным образом отличался замечательным искусством украшать стол цветами. Когда я в первый день приезда вошла вечером в столовую к обеду, то прямо ахнула от восторга: по краям овального стола были широкие темно-голубые ленты, заканчивавшиеся бантами с букетами красных роз, и весь стол был прелестно убран цветами. Метрдотель в безукоризненно сшитом фраке подавал не менее элегантно и ловко. Кухарка Марго оказалась первоклассной, кормила нас замечательно и скоро научилась у русских поваров готовить русские блюда. Мы действительно могли в такой обстановке отдохнуть, имея прекрасную, уютную виллу, отличный стол и милую, симпатичную прислугу, Великий Князь Сергей Михайлович приехал много позже нас, прямо к нашей Пасхе.

Мы часто ездили в Монте-Карло, где у нас было много знакомых и друзей. Нас с Андреем часто приглашали то к завтраку, то к обеду, но мы предпочитали оставаться обедать у себя на вилле, где мы тоже принимали гостей.

В первые дни нашей Страстной недели мы все переехали, по обыкновению, в Канны, где Андрей и Вова говели в нашей чудной русской церкви. Мы поселились в гостинице «Карлтон», тогда еще совершенно новой. После Пасхальной службы мы разговлялись у меня в гостинице, в моем большом салоне. Пасху и куличи я заказала в местной кондитерской Румпельмейер, хозяева которой были выходцами из Германии, из Мекленбурга, но прекрасно научились изготавливать пасхи и куличи, так как русская колония на юге Франции была в старину многочисленна и богата. Когда мы из церкви вернулись в гостиницу, ужин был уже накрыт и я заметила очень красивые, зеленого хрустала, стаканы в серебряной оправе и две серебряные вазы. Я была удивлена, откуда в гостинице могли быть такие вещи, но это оказались милые подарки от Великого Князя Сергея Михайловича и Андрея.

На следующий день мы все вернулись обратно домой к себе на виллу, где прожили до самого отъезда в Россию самым приятным образом.

Мы предполагали с Андреем осенью снова вернуться в Кап д'Ай; так как на вилле оказалось действительно гораздо приятнее жить своим хозяйством и, в общем, даже дешевле, нежели в гостинице, то я решила снова нанять виллу. Вилла «Морла», на которой мы жили, была уже сдана, и приходилось искать другую. Тот же местный агент, который нанял ее для нас, предложил осмотреть несколько вилл, которые сдавались, а также и те, которые продавались. Он уверял, что можно купить за очень умеренную сумму прекрасную виллу. Идея купить виллу мне очень понравилась. Мы осмотрели несколько и, между прочим, ту, которую в прошлом году нам уже показывали, но она тогда мне не понравилась. За нее просили, как я отлично помню, 200 000 франков, но на вилле не было центрального отопления, и некоторые комнаты требова-

ли ремонта. Архитектор, которого мы пригласили для осмотра виллы, определил весь ремонт с установкой центрального отопления в двадцать тысяч франков. Тогда я предложила за виллу 180 000 франков, считая, что с ремонтом она обойдется в 200 000 франков. Хозяин не согласился, и покупка не состоялась, но агент утешал меня, что хозяин, вероятно, в конце концов уступит за назначенную мною сумму, так как ему необходимо во что бы то ни стало ее продать, и он советовал только выдержать время. На случай продажи виллы мы оставили агенту все инструкции, какой произвести ремонт, по условленным сметам архитектора.

В начале июня мы вернулись в Россию. Андрей настолько окреп после зимы, проведенной в Сен-Морице, что решил вернуться на службу, а пока принять участие в Романовских торжествах сначала в Костроме, а потом в Москве.

Примерно среди лета мы получили от нашего агента в Кап д'Ай известие, что хозяин согласен уступить мне виллу за указанную мною сумму в 180 000 франков. Андрей немедленно купил эту виллу на мое имя, и агенту послали инструкции тотчас начать ее ремонт.

Мы придумывали, как назвать виллу, и после долгих споров и проектов нашли решение. По французски мое уменьшительное имя было «Mala». Если читать справа налево, то получится «Алам». Так и назвали мою новую виллу. Нетрудно понять мою радость иметь свою собственную виллу, которая была и удобна, и уютна. Расположена вила была замечательно хорошо, на склоне горы, с великолепным видом на море. Обставлена она была отлично, в особенности столовая, салон и моя спальня.

Этим летом я, по обыкновению, жила у себя на даче, в Стрельне, и одно событие так глубоко врезалось в мою память, что и до сих пор я помню его во всех подробностях, столько я пережила тогда ужаса и отчаяния.

Стоял чудный летний день, тишина полная кругом, ни малейшего ветра, море как зеркало. Мой сын со своим воспитателем Шердленом решили воспользоваться исключительно прекрасной погодой, чтобы покататься по морю на нашей плоскодонной лодке, к которой снаружи прикреплялся позади небольшой мотор. Мой электротехник, который ведал мотором и хранил его у себя на электрической станции, установил его на лодке, и все они втроем отправились на прогулку, которая обещала быть чудесной. Мотор зашумел, и лодка медленно поплыла по морю. Проводив их, я пошла домой. Меня ждала массажистка. Только что начался массаж, и я лежала на кушетке в спальне, как вдруг все потемнело, поднялся сильнейший ветер, налетел жуткий шквал: деревья под напором ветра гнулись, ломались сучья. Вова был на лодке в море! Я не знала, что с ним будет. Эти молниеносные шквалы так

опасны на Балтийском море, столько несчастных случаев сообщалось в газетах каждое лето. Я бросила массаж и побежала на берег, на мою дамбу, откуда можно было видеть, что делается в море. Ветер вдруг стих, наступила жуткая тишина, солнце вновь засияло, море, как зеркало, гладко, но в какую сторону я бы ни глядела, я ничего не могла заметить. Меня охватил ужас, они, наверное, погибли, иначе лодку было бы видно, они выехали в море не так давно. Стали телефонировать в Стрельнинский порт, где была спасательная станция и откуда во время бурь наблюдали за морем, чтобы оказать помощь, но оттуда ответили, что они не видели никакой лодки в море. Я была одна дома, в полном отчаянии, не зная, что же мне предпринять, где узнать, что с ними случилось, к кому обратиться за помощью. Я бросилась на колени и, вся в слезах, стала молиться, чтобы Господь сохранил моего сына...

В таком ужасном, беспомощном состоянии я оставалась довольно долго. Когда мое отчаяние дошло до пределов, вдруг раздался телефонный звонок. Это звонил воспитатель моего сына Шердлен, чтобы сообщить, что они все живы и здоровы и он сейчас находится с Вовой на Михайловской даче и только ждут, чтобы им подали экипаж для возвращения домой. Резкий переход от полного отчаяния к безграничной радости был так силен, что я только могла плакать, и плакать от радости, и благодарить Бога, что он услышал мою молитву.

Они благополучно катались по морю, когда налетел шквал. Они были сравнительно далеко от берега и решили скорее вернуться домой, но, на их горе, мотор испортился, и, пока его чинили, их стало относить ветром все дальше и дальше от берега. Тогда они взялись за весла, стараясь грести к берегу, но силою ветра их относил в другую сторону. В этот момент они увидели огромный пароход и направились к нему. Это оказался не простой пароход, как они думали, а по морской терминологии «бранд-вахта», то есть военный корабль, закрепленный на якорях для охраны Царского Дворца с моря. К этому времени мотор был исправлен, море утихло, и они отправились к берегу напротив Михайловской дачи, где Вова со своим воспитателем вылезли и пешком добрались до дворца, а лодка пошла домой. Из дворца они и звонили мне. Все это быстро рассказывается, но на самом деле в общем прошло около двух часов, двух часов моих ужасных страданий.

Из-за моего траура я этим летом в Красном Селе не танцевала и на первые представления туда не ездила. Но заведующий театром полковник Княжевич мне передал, что Великий Князь Дмитрий Павлович был очень огорчен, что не видел меня в окне моей уборной, и просил передать мне, что в следующий спектакль он непременно ждет меня в театре. Чтобы сделать ему удовольствие, я поехала в Красное Село, но в зри-

тельный зал не вошла, чтобы не нарушать траура, и мы в моей уборной провели весь вечер, мирно беседуя и болтая.

У себя на даче я не устраивала больших приемов, но все же ко мне часто приезжали гости поиграть в покер. Обычно съезжались к чаю, оставались обедать и засиживались до поздней ночи. Бывали Великий Князь Дмитрий Павлович и уланы, среди которых у меня было много знакомых и друзей. Раз, помню, засиделась почти что до утра, а на следующий день Великий Князь Дмитрий Павлович был дежурным флигель-адъютантом и должен был присутствовать на параде двух кавалерийских полков, шефами которых были Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны. Он еле-еле поспел к параду в Петергоф, и мы все боялись, что он опоздает. Я сама поехала посмотреть на этот парад с сестрой и бароном Зедделером. Я с волнением ждала, когда появится Государь, будет ли Дмитрий Павлович в его свите, но все обошлось благополучно, и я вздохнула с облегчением. Обе Великие Княжны выглядели замечательно красиво в своих мундирах, верхом перед своими полками.

В летнее время вокруг Стрельны часто происходили маневры, и если случалось, что уланы поблизости стояли на бивуаке, я посылала за ними свой автомобиль, они приезжали обедать, а под утро их отвозили обратно на бивуак. Все это было так весело, так просто, а сколько прелести было именно в этих невинных развлечениях!

Осенью, когда вся жизнь у нас замирала до начала зимнего сезона и все разъезжались, я поехала в Кап д'Ай, но уже на свою собственную виллу «Алам».

Когда мы весной жили еще на вилле «Морла», мой швейцарец-лакей подарил мне раз по какому-то случаю белого ручного голубя, который мирно сидел на корзине с чудными цветами. Он даже не был привязан и покорно смотрел на меня. Когда я села пить утренний кофе, голубь вспорхнул с корзины на стол и стал есть крошки из моих рук. Он ничего не боялся, расхаживал преспокойно по столу. Днем он летал по саду и возвращался домой, когда ему хотелось есть и спать. Потом он уже стал садиться ко мне на голову, и я так его полюбила, что взяла его с собою в Россию, как и своего нового лакея-швейцарца — Арнольда. В Петербурге голубь жил в зимнем саду, где было окошко, через которое он мог свободно вылетать, но всегда возвращался обратно на ночь. Летом он с нами переезжал в Стрельну, где пользовался также большой свободой. Он стал до того ручным, что спал у меня на постели вместе с моей любимой собачкой — фоксиком Джиби, как два добрых друга. Конечно, он поехал с нами обратно в Кап д'Ай с моим новым лакеем, а затем снова вернулся в Петербург, но когда произошел переворот и мне пришлось спешно покинуть свой дом, где голубь сидел в зимнем саду, я его взять с собою не могла, я не знала даже, доберусь ли я до безопасного

места с сыном. Потом мне мои люди говорили, что, когда большевики заняли мой дом, мой милый белый голубь, такой славный и ручной, движимый непонятным инстинктом, вспорхнул и вылетел в окошко, но больше не вернулся.

К нашему приезду в Кап д'Ай ремонт на вилле «Алам» не был закончен, и мы временно поселились в гостинице «Эден», надо было еще закупить разные хозяйственные мелочи: я хотела переехать только тогда, когда все будет в полном порядке.

Наконец мы перебрались на виллу, и я радовалась как ребенок, что заживу с Андреем в своей собственной вилле, у себя дома. Ко мне вернулись та же кухарка Марго, которая была на вилле «Морла», тот же лакей-швейцарец, и со мною был мой милый голубь. Переезд был очень веселый, и мы его отпраздновали как следует.

Как это часто бывает, несмотря на то, что вилла была большая, все же не хватало жилых комнат для адъютанта Андрея и для его доктора. При вилле не было гаража для автомобиля. Мне принадлежал скалистый участок, и я решила, посоветовавшись с архитектором, построить на этом участке дом с комнатами для гостей и для наших людей, а внизу должен был быть гараж и комната для шофера. Мы уже жили на вилле, когда начались работы по расчистке участка. Из наших окон можно было видеть, как рабочие долбили углубления, закладывали туда динамит и взрывали. Когда было заложено несколько мин, раздавался звук рожка, все разбежались и прятались, а через несколько минут происходили взрывы. Если взрыв был удачный и отваливался большой кусок скалы, все аплодировали, а если нет, то огорчались.

Всю мебель для нижнего дома я заказала и Ницце, три комнаты для гостей были очень мило меблированы. Кроме того, я заказала у Дюма в Ницце новую мебель для спальни Андрея в стиле режанс: кровать, бельевой шкаф, письменные и туалетный столы, ночной столик, круглый, два стула и кресло. Вся эта мебель была потом перевезена в Париж.

Прожив очень счастливо с Андреем два месяца, я вернулась обратно к себе, а Андрей уехал снова в Сен-Мориц на всю зиму, так как состояние его легких все еще внушало опасение. Грустно нам было расставаться, но я надеялась повидать Андрея в Сен-Морице на Рождество.

Глава тридцать третья

1913—1914

Вернувшись домой из Кап д'Ай, я принялась за работу и стала усиленно упражняться, чтобы по окончании траура быть готовой снова выступить на сцене.

Часовня, которую я строила на Сергиевской пустыне над могилой мамы, была осенью закончена, и гроб перенесли туда из церкви, где он стоял год, и поместили в склепе под часовней, очень светлой и красиво убранной. По этому случаю была отслужена панихида в ризах, пожертвованных мною.

На заграничное Рождество я поехала в Сен-Мориц, к Андрею, чтобы провести с ним этот праздник. Вову я не могла взять с собою, чтобы не прерывать его занятий. Со мною поехал Миша Александров и моя собачка — фокс Джиби. Я прожила в Сен-Морице около двух недель самым очаровательным образом. Утром я училась кататься на коньках с учителем Россом, старым английским гвардейским солдатом. Днем мы катались в парных санях, а Миша Александров садился на маленькие сани, привязанные сзади наших. Это все делали здесь, и Мишу Александра это очень забавляло. Но раз мы вздремнули в санях и не обратили внимания на то, что делается сзади. А когда мы очнулись и оглянулись, то санки были пусты. Миши Александра нигде не было видно; ясно, что он где-то вывалился из саней и никто этого не заметил. Повернуть сразу, чтобы его подобрать, нельзя было: дороги зимою протоптаны в снегу узкой дорожкой. Пришлось доехать до перекрестка и повернуть назад. Мы его нашли далеко в снегу. Его на ухабе выбросило из саней, и он даже крикнуть не успел, зарывшись весь в глубоком снегу. Иногда мы отправлялись гулять пешком по лесам, проваливались в сугробах, как мой фокс, который наслаждался больше всех, прыгая в глубокий снег. Возвращались мы промокшими и озябшими, но отогрелись под елкою в нашей комнате за стаканом доброго вина. Елка была поставлена в углу нашего салона, по традиции.

Грустно было покидать Сен-Мориц, там было так дивно хорошо, но я торопилась домой к нашему Рождеству, чтобы провести праздники с Вовкой и, как всегда, устроить ему елку в зале с массою игрушек вокруг.

На елку я всегда устраивала для Вовы приемы для детей его возраста, для всех, конечно, были подарки, но иногда устраивались для них и развлечения. В этом году на елку я пригласила известного клоуна Дурова с его дрессированными животными, которые были доставлены ко мне в дом, среди них был огромный слон. Он прибыл весь закутанный в клетчатый плед, чтобы не простудиться от холода. Для того чтобы его ввести в дом, пришлось не только открыть парадную дверь настежь, но и боковые створки. До представления слона спрятали в круглом вестибюле перед залой.

Елка стояла в конце залы, ближе к зимнему саду, а перед ней были расставлены стулья для детей. Свободной оставалась половина залы для представления. Сперва Дуров показывал своих дрессированных собачек и разных других зверей. Потом был маленький перерыв, внесли огромную кровать

и поставили около ночной горшок. Тут был для детей самый большой сюрприз, когда в залу вошел огромный слон и начал показывать, как он ложится спать в кровать, как перед тем берет горшок. Восторгу детей не было предела. Под конец сам Дуров стал показывать разные фокусы. После представления детям было устроено угощение. Праздник удался на славу.

Второго февраля 1914 года состоялся бенефис кордебалета. После большого перерыва я выступила в балете «Талисман», который очень любила.

Девятого февраля состоялся бенефис Н. Легата по случаю двадцатипятилетия его службы на Императорской сцене (с 1888 года). Он выбрал балет «Эсмеральда», где он так хорош был в роли Гренгуара.

Я была далека от мысли, что Государь может быть в театре в этот день: он постоянно жил в Царском Селе и редко приезжал в город, в особенности вечером. О его приезде в театр мы узнали перед самым началом спектакля. Перед выходом на сцену я стояла в первой кулисе, откуда была видна Царская ложа, и, когда я увидела, что в ложу вошел Государь, мой дорогой Ники, меня охватило такое чувство, которое я не в состоянии ни описать, ни передать. Я не хотела верить моему счастью, что Ники наконец меня увидит в «Эсмеральде», о чем я столько лет мечтала. Теперь я считалась единственной исполнительницей этого балета, и никто не пытался его взять.

Когда я танцевала «Эсмеральду», я перед тем лежала весь день в постели и отдыхала. Я принимала лишь самых близких друзей, но только до 5-ти вечера, когда тушились огни в моей комнате и в полутемноте я все сосредоточивалась на том, чтобы проникнуться ролью Эсмеральды и воплотиться в ее образ.

В своей уборной в театре в эти дни я также никого не принимала, чтобы не отвлекаться от своей роли и не нарушить моего настроения посторонними разговорами. Только раз я отступила от этого совершенно незыблемого правила, когда я должна была принять директора Парижской оперы Бруссана, пришедшего пригласить меня в Париж, в 1908 году, но это был единственный случай.

Я всегда танцевала этот балет с большим увлечением и всею силой души переживала судьбу несчастной Эсмеральды. Но в этот вечер, когда я играла впервые для Ники, я переживала мою роль всем сердцем и душой. Сцену ревности на балу, когда Эсмеральда с Гренгуаром танцуют перед Фебом и его невестой, я провела с таким подъемом, как будто решалась моя собственная судьба. Я играла и танцевала со слезами на глазах. Я чувствовала, что в этот вечер среди зрителей были такие, которые меня понимали и переживали всю драму вместе со мною. Мне было только бесконечно грустно, что я так и не узнала, какое впечатление я произвела на Ники, так как Великий Князь Сергей Михайлович был в отъезде и по-

тому не пришел в театр, а Ники всегда ему говорил, как он меня нашел.

Директор, видя, какой колоссальный я имела успех в этот вечер, и зная, что я должна была в среду выехать на юг Франции, хотел уговорить меня остаться и выступить в следующее воскресенье в «Спящей красавице», которая должна была идти в совершенно новой обстановке, в новых костюмах и с новыми декорациями. Но я отказалась, несмотря на мое сильное желание еще раз станцевать в присутствии Государя. Я не хотела сразу после Эсмеральды появиться в другом балете, а кроме того, Ники любил меня в «Спящей красавице» в старой обстановке, а понравлюсь ли я в новой, было еще не известно.

В среду, 12 февраля, как я и хотела, я уехала в Кап д'Ай, к себе на виллу, через Париж с «Норд-Экспрессом», а Андрей из Сен-Морица поехал во Флоренцию по делам памятника Императору Александру II, во главе строительного комитета которого он состоял.

Мы съехались с ним в Кап д'Ай и уютно зажили на своей вилле. Нижний дом, который строили в наше отсутствие, был совершенно готов, но мы допустили оплошность, не предусмотрев центрального отопления. Но в те блаженные времена это могло быть быстро исправлено, и в четыре дня отопление было установлено.

Новый нижний дом был двухэтажный: в верхнем этаже было шесть жилых комнат, из которых четыре с видом на море, для гостей, для адъютанта Андрея — Кубе, для доктора Маака и для камердинера Андрея — Леднева, и две с окнами под потолком для прислуги и две уборные. Внизу — обширный гараж, квартира для шофера, прачечная и котел центрального отопления. Крыша нового дома служила продолжением террасы нижнего сада. Когда все было готово и последний рабочий покинул виллу, мы для освящения дома пригласили из Канн нашего старого друга, отца Григория Остроумова, который отслужил молебен, обошел весь дом и окропил все комнаты Святой водой. Это было настоящим новосельем на вилле «Алам». Потом я всех угостила великолепным завтраком, и все присутствующие расписались в новом альбоме, специально заказанном для виллы «Алам», который сохранился у нас на память. На первой странице альбома так и значит-ся рукою Андрея:

«27-го февраля (12-го марта) 1914 года

День освящения виллы».

Расписались: Протоиерей Григорий Остроумов, Вова, М. Кшесинская, Андрей, Георгий Пфлюгер, Георгий Маак и Ф. Ф. Кубе.

Первыми поселенцами на вилле были: моя любимая горничная Людмила Румянцева, которая ранее была портнихой в театре и одевала меня, когда я танцевала, а потом перешла

ко мне и осталась со мною до своей кончины в 1951 году. При Вове были два воспитателя: русский — Георгий Адольфович Пфлюгер и француз Шердлен и личный его лакей Кулаков. При Андрее — его адъютант Федор Федорович Кубе, его доктор Георгий Георгиевич Маак и его камердинер Леднев. Кроме того, я привезла с собою своего лакея Арнольда, ручного белого голубя и моего фоксика Джиби. На кухне была наша кухарка Марго.

Немного позже приехал ко мне мой брат Филипп Леде, 16 (29) марта, а 26 марта (8 апреля) приехал Великий Князь Сергей Михайлович, которого задержала служба в Петербурге.

В первых числах апреля, на нашей Страстной неделе, мы все по традиции переехали в Канны, где Андрей, по обыкновению, говел в нашей церкви. Пасха была в том году 6 (19) апреля. После заутрени мы не остались разговляться в Каннах, а прямо из церкви, ночью же, на автомобилях вернулись в Кап д'Ай, где нас ждал богато убранный пасхальный стол. Наша кухарка Марго так развернулась в этот день, что о лучшей кухне и мечтать было нельзя. Мой Арнольд по случаю Пасхи проявил весь свой декоративный талант и с таким вкусом украсил стол, что все были в восхищении, весь стол был убран яичками с маленькими цыплятами, сидевшими в цветах. К нам в эту ночь присоединился адмирал Зеленый, наш старый друг.

Мой сводный брат Филипп Леде жил в нижнем доме. Он нас всех страшно смешил своей педантичностью. Но особенно он был забавен, когда садился играть в винт. Он всегда страшно горячился, каждый ход громко обсуждал, спорил, если, не дай Бог, с ним не соглашались, и самым последним аргументом, после чего было бесполезно спорить, являлось, что «сам Александр Иванович Сапожников» такого хода не сделал бы, или он именно так бы сыграл, как он. С моим братом анекдотов было за это время немало, так как, зная его характер и вспыльчивость, Кубе и доктор Маак его часто поддразнивали.

Мой милый голубь принимал всегда большое участие в семейных торжествах, а когда мы выходили к утреннему кофе, он уже преспокойно разгуливал по столу, пробуя кусочки вкусного кренделя, и, когда я садилась за стол, он непременно вскочит мне на голову и так там и сидит.

За этот весенний период моего пребывания на вилле «Алам» у меня были в гостях: Александр Крупенский, Александр Федорович Иванов, Людмила Ушкова и ее брат фон Цейдлер, К. Рагуса-Суцеский, Катя Облакова, Н. Н. Джонсон, впоследствии погибший вместе с Великим Князем Михаилом Александровичем в Перми, Ф. Ф. Мельцер, владелец мебельной фабрики, певец А. М. Давыдов, Михаил Искрицкий, Сергей Голощапов, знаменитый лошадиник, Михаил Лазарев с же-

ной Евгенией, Миша Александров (Долгоруков) и Дмитрий Горациевич Гинцбург, сотрудник Дягилева.

В день рождения Андрея, 2 (15) мая, к нам приехали: Константин де Тур, бывший воспитатель сына княгини Юрьевской, а потом состоявший при ней, кажется в качестве секретаря, и Мари Мокур, которою в давние времена был увлечен Великий Князь Алексей Александрович. По слухам, она, говорят, была тогда красавицей. Андрей мне рассказывал, что каждый год она присылала Великому Князю Алексею Александровичу через Митю Бенкендорфа поздравление, которое она передавала ему за новогодним ужином у Великого Князя Владимира Александровича. Ее подпись в этот день сохранилась в нашем альбоме.

Этот последний довоенный сезон был очень оживленный и веселый. Нам часто приходилось ездить то в Монте-Карло, то в Ниццу или Канны на разные обеды.

Пятого мая мы собрались в обратный путь через Париж. Грустно было покидать виллу, так уютно нам жилось в ней, но мы думали вернуться осенью. Мы действительно вернулись, это правда, но не все и не осенью, как предполагали, а через *шесть* лет, пережив все ужасы первой мировой войны, переворота, большевизма и бегства из родной страны, чтобы коротать остатки дней своих на чужбине.

Незадолго до нашего отъезда Андрей настоял на покупке к вилле части соседнего парка, где можно было бы устроить теннис для Вовы и маленькую для него крепость. Участок был действительно очень хороший, а главное, он был плоским, а то тут всегда сады строят террасами. Участок купили, а устройство тенниса и крепости для Вовы мы поручили нашему управляющему.

При отъезде у нас было так много багажа, что поезд, который стоит не более одной минуты, пришлось задержать на целых пять, если и не больше, пока грузили все наши сундуки и снимали нас на прощание на ступеньках спального вагона. Снимок этот у нас сохранился.

В Париже мы провели несколько дней для заказа необходимых туалетов и покупки разных подарков, а потом выехали обратно домой, в Россию.

Глава тридцать четвертая

1914—1915

ВОЙНА

Вернувшись домой в Россию, я с месяц прожила у себя в доме, в Петербурге, а потом, по обыкновению, переехала к себе на дачу в Стрельну и зажила своею летнею жизнью, принимала много, в особенности по воскресеньям.

День рождения Вовы 18 июня мы отпраздновали по традиции начиная с устренного кофе. У Вовы в этом отношении память замечательная, и всякую мелочь установленных у него традиций он отлично помнил и не допускал никаких отступлений. Начиналось с туалета, он надевал свой военный китель, покрытый всевозможными орденами и лентой, при шашке. Кофе полагалось пить в его маленьком домике, и хотя домик был рядом с дачей, но по традиции он должен был ехать туда на своем автомобиле, которым он сам правил. Когда он приезжал в свой домик, то первым долгом осматривал подарки, которых он получал массу, а потом все пили кофе и снимались общей группой. В этом году из всех полученных им подарков его более всего обрадовал подарок Андрея, это был сидевший в корзинке маленький йоркширский породистый поросенок с голубым бантом на шее. Вова его назвал Машкой, поросенок очень забавлял его, бегал за ним по саду и стал совсем ручным. Мой фоксик Джиби влюбился в Машку, которая была примерно одного с ним роста, и делал ей предложения, к великой радости моих гостей, но к моему полному негодованию. На следующий год Машка поднесла Вова уже двенадцать чудных поросят.

Именины Вовы 15 июля мы отпраздновали большим приемом у меня на даче и в последний раз. Много понаехало в этот день гостей. Дети устроили по этому случаю грандиозное представление боя быков. Главным режиссером и декоратором был Цапа Рубцов, сын моей экономки. На площадке для крокета была построена ложа для испанского короля и королевы, украшенная цветами, гиляндами и флагами, и сарай, в котором находился злой бык. Началось торжество шествием короля и королевы, это был Вова в генеральской форме и королева, завернутая в испанские шали. Когда королевская пара уселась в ложе, на середину арены вышел сам тореадор Цапа Рубцов в соответствующем костюме. Подойдя к королевской ложе, он поклонился, и тогда по сигналу двери сарая растворились, злой бык выскочил на арену, и начался бой быков. Бык нападал на тореадора, тот колол его, сперва маленькими бандерильями, а затем, вынув шпагу из-под мантии, он после нескольких попыток наконец заколол быка, который рухнул на землю пораженный насмерть. Но при этом — что не было вовсе предвидено — он разломался на две части, точнее, на двух мальчиков, один из которых изображал голову и передние ноги, а второй — задние ноги с хвостом. Несмотря на этот маленький инцидент с быком, все представление во всех отношениях удалось.

Этим праздником закончилась наша мирная, веселая, беззаботная жизнь.

Ничто в начале лета не предвещало наступления грозных событий — войны.

В первых числах июня приезжал с официальным визитом

Король Саксонский. Несмотря на то, что вскоре спустя в Сараево был убит наследник Австро-Венгерского Престола Эрцгерцог Франц-Фердинанд, в Кронштадт, как и предполагалось, пришла английская эскадра во главе с адмиралом Битти, и посещение России Президентом Французской Республики не было отменено. Пуанкаре, как известно, прибыл 7 (20) июля, торжественно принятый Государем, и после трехдневного пребывания отбыл обратно во Францию. В его присутствии состоялся грандиозный парад в Красном Селе.

На следующий день после отъезда Пуанкаре жизнь в столице и в Красном Селе вновь вошла в нормальную колею, и, по обыкновению, состоялись офицерские скачки, раздача призов за стрельбу, фехтование и т. д., обед в Кавалергардском полку, спектакль в театре в присутствии Государя. Но ненадолго.

В этот спектакль — последний спектакль в Красносельском театре — я танцевала свою лучшую «Русскую» в дивном костюме. Могла ли я думать в тот вечер, что танцую в последний раз в присутствии Государя! Я танцевала отлично, я это чувствовала, а чувство никогда не обманывало меня, и уверена, что должна была произвести на Него хорошее впечатление. Это сознание служит мне и по сей день большим утешением.

Когда Государь уезжал из театра, как и двадцать лет тому назад, я стояла у окна своей уборной. Тогда я была молоденькой влюбленной девушкой, я ждала его появления верхом у подъезда, а по окончании спектакля провожала его у окна глазами полными от слез радости, мечтая о следующей с ним встрече.

Когда Государь покидал театр, вид у него был грустный и озабоченный. В первом антракте были получены тревожные сведения о возможности войны. По обыкновению, все заходили ко мне в уборную. Настроение было удрученное, хотя все надеялись, что мировой конфликт будет избегнут. Стояла я в тот день у окна погруженная в грустные мысли. Что будет со всеми нами, я волновалась за жизнь близких и дорогих мне людей, в особенности за Андрея, который должен был идти на войну. Не приходилось мне волноваться лишь за моего сына, он был мальчиком, и взять его не могли.

На моего сына, находившегося в театре, этот спектакль оставил на всю жизнь глубоко неизгладимое впечатление. Ему тогда было двенадцать лет, он был ребенком, политика была для него чем-то чуждым, уделом взрослых, хотя он с ранних лет любил все военное и отлично знал родную историю. В этот день он впервые почувствовал, что значит Россия, что означает — Отечество в опасности. Когда Государь вошел в театр, чтобы занять место в первом ряду, офицерство и все присутствующие устроили ему неопишуемую овацию. Вся зала запела гимн, пели гимн с редким подъемом и воодушевлением и молитвенным благоговением. Его повторяли несколь-

ко раз. Каждый раз пение гимна покрывалось несмолкаемыми криками «ура». Единение Царя и народа не было в те минуты пустыми словами, а было реальностью, а выражение глаз Государя отражало сознание им тяжелой ответственности за судьбу России, ложившейся в этот день на его плечи.

За опущенным занавесом мы, артисты, ничего не видели и лишь могли смутно догадываться о том, что происходило в зале.

На следующий день мы все узнали, что уже началась подготовительная мобилизация, потом была объявлена полная мобилизация, а через два дня — объявлена была война...

В военном мире у меня было много друзей и знакомых, но ближе и лучше всего я знала офицеров Лейб-Гвардии Уланского полка, шефом которого была Императрица Александра Федоровна и который стоял гарнизоном в Петергофе, сравнительно недалеко от Стрельны. Уланы часто, в особенности летом, бывали у меня, почти что каждое воскресенье. Уланский полк должен был одним из первых быть отправлен на фронт, и все офицеры, которых я знала, приехали ко мне в Стрельну прощаться. Невольно каждый из них думал про себя, увидимся ли мы еще когда-нибудь или нет.

Я их всех благословила своим маленьким образом с изображением чудотворной иконы Ченстоховской Божьей Матери, который остался мне по наследству от отца. Это был его любимый образ, он никогда его не покидал, в путешествии он всегда его брал с собою и глубоко верил в его чудотворную силу. Этот образок я взяла после смерти отца к себе, так как я была его любимицей. Чтобы сохранить и сберечь его, я заказала у Фаберже серебряный складень, и с тех пор он всегда неразлучно со мною. Он меня и Вову спас во время революции, уберег в Кисловодске и спас от верной смерти от рук большевиков.

Я благословила этим образком всех моих улан и глубоко и искренне верила, что благословение моим образком их сохранит. Но один из молодых улан, Гурский, не успел ко мне заехать. Мы простились с ним по телефону, и я не смогла его лично благословить моим образком. Он был убит одним из первых, в самом начале войны, 6 августа, под Каушеном, и когда я узнала, что гроб с его телом привезли в Петербург, я поехала на Варшавский вокзал, где с трудом отыскала на дальних путях товарный вагон, в котором было несколько гробов с телами погибших, как и он, в этом первом бою. Когда я стояла перед его гробом, я видела его перед собою веселым, жизнерадостным, каким он всегда бывал у меня в Стрельне, — я была одна и горько, горько плакала над этой бедной жертвой ужасной войны. Никто меня не видел и не мешал плакать.

Великий Князь Дмитрий Павлович тоже должен был ехать со своим полком на фронт одним из первых. Он не мог успеть ко мне заехать в Стрельну проститься. Он просил меня приехать в город и благословить его у себя в своем доме. Я, конечно,

сейчас же поехала в город. Но какой это был грустный и тяжелый момент, когда он стал на колени передо мною и я его благословляла. В такой момент не знаешь, увидишь ли еще когда-нибудь или нет... И так каждый день приносил все новые испытания, уходили на смертный бой дорогие мне люди.

В конце сентября уехал на фронт и Андрей, я была в полном отчаянии, хотя он менее других подвергался опасности, находясь временно из-за слабого состояния здоровья при штабе Северо-Западного фронта. В то время почти мы все тогда надеялись, что долгую войну никто выдержать не сможет и она быстро окончится.

Во время инспекторской поездки по Сибири Великий Князь Сергей Михайлович заболел суставным ревматизмом и по возвращении, дней за десять до войны, должен был слечь. Сначала он находился на своей даче в Михайловке, а с наступлением осени его перевезли в Петроград. Его болезнь, осложнившаяся плевритом, приняла очень тяжкие формы, и одно время доктора очень опасались за его жизнь. Проболел он почти до полгода, и я почти каждый день его навещала, поддерживая и подбадривая его как могла. В то время он был генерал-инспектором артиллерии, которую он знал как никто. Он посвятил ей свою жизнь, не покладая рук работал над ее усовершенствованием, и вынужденное бездействие во время войны бесконечно мучило его и угнетало. Во время болезни его дважды навещал Государь.

Переехав из Стрельны в город, я не убрала своего дома, как то обыкновенно делала раньше. Все мелочи, украшавшие приемные комнаты, оставались в своих футлярах по шкапам и ящикам.

Вскоре стало ясным, что Петербургу не угрожает никакой опасности, что военные действия будут протекать вдали от столицы, и жизнь начала входить в обычную колею. Но не было ни веселья, ни приемов.

В Петербурге, как только опасность десанта миновала, стали открываться лазареты из-за все возрастающего количества раненых, не только военные, но и частные.

Тогда и я тоже задумала устроить свой лазарет, нашла чудную квартиру недалеко от меня, на Каменноостровском проспекте, для небольшого лазарета, всего на тридцать кроватей, для солдат. Лазарет был расположен на первом этаже, а внизу было помещение для служащих. Оборудование заняло довольно много времени, и только в декабре 1914 года лазарет был открыт. Я не жалела средств на его устройство, в нем были две операционные комнаты и три палаты для раненых по десять кроватей в каждой. Я привлекла лучших врачей, которые каждый день посещали лазарет. Постоянный штат состоял из: одной старшей сестры, двух сестер и двух санитаров и повара Сергея, который начал у меня поваренком и к этому времени был помощником моего главного повара.

В день освящения лазарета приехало все санитарное начальство, начиная с Градоначальника, князя Оболенского, и А. А. Половцова, уполномоченного Красного Креста, медицинские инспектора и много моих знакомых. После освящения всем было сервировано угощение.

После открытия лазарет еще пустовал несколько дней, пока не дошла до него очередь, как вдруг поздно вечером было дано знать о прибытии партии раненых. Весь персонал и доктора были, конечно, налицо. Я страшно волновалась, так как теперь начиналась моя моральная ответственность за раненых. Среди первых прибывших один был очень тяжело ранен и в ту же ночь умер. Я приняла это близко к сердцу, и, когда наступили его последние минуты, хотела вызвать доктора. Мне посоветовали этого не делать, так как доктор только что уехал после осмотра раненого и все необходимое прописал. Он ничего больше не в состоянии был сделать, и вызывать его было бесполезно, и это только помешало бы ему навестить тех, кто еще нуждался в его помощи — слишком много было тяжелораненых, находящихся в его ведении. Все это было верно, спорить с этим я не могла. Но мне все же было тяжело и грустно, так как всегда остается надежда, что, может быть, доктор бы его спас.

Ни при операциях, ни при перевязках я никогда не присутствовала, так как помочь я ничем не могла. Но там, где я могла быть действительно полезной, я делала все, что было в моих силах, стараясь баловать, как могла, раненых, чтобы хоть немного скрасить им жизнь вдали от своих, утешить их и подбодрить. Их семьям я посылала подарки, опрашивала их, кому могу помочь и в чем семья больше всего нуждается. Чтобы их развлечь, я устроила им однажды большой праздник и танцевала перед ними с Орловым и Стуколкиным, в костюмах, как следует, именно ту «Русскую», которую я исполняла раз в Красном Селе.

1915 ГОД

За время войны я несколько раз выезжала из Петербурга на гастроли в разные города.

Первая поездка была организована Соколовским. Он повез целую труппу в Ревель для одного спектакля. Он для меня выхлопотал чудный салон-вагон, весь отделанный карельской березой в стиле ампир. Этот вагон назывался «Вяльцевским», так как она им пользовалась для своих поездок по России. С нами поехал также барон Готш. После спектакля, который отлично прошел, мы в ту же ночь отправились в обратный путь. Нам дали вагон-ресторан, и мы все очень весело провели время за ужином, а потом многие перешли в мой вагон, и мы продолжали кутить до утра. Я исполняла в Ре-

веле свое знаменитое па-де-де с Владимировым, который в 1911 году вышел из училища. Он был очень талантлив, и мне было приятно с ним танцевать.

Вскоре после ревельской поездки известный антрепренер Резников пригласил меня танцевать в Гельсингфорс с Владимировым. С нами поехали тенор Виттинг и капельмейстер Лачинов. Поездка была удачная, успех у меня был большой. Это было зимою, и море было затянуто льдом. Морские офицеры, бывшие на этом спектакле, предложили мне поехать посмотреть на их военные корабли, которые стояли закованные льдом недалеко от города на рейде. Мы доехали до них на санках по льду. Картина была очень курьезная, и к ним можно было подойти пешком. У меня был интересный снимок, где я стою с офицерами на льду, а сзади виднеются военные суда.

Удачный спектакль в Гельсингфорсе побудил Резникова тут же пригласить меня на один спектакль через несколько дней в Киев. В Киеве публика меня приняла очень холодно, вероятно желая показать свое недовольство тем, что я никогда к ним в Киев не приезжала, как это делали другие артисты. Мой партнер Владимиров имел гораздо больше успеха, нежели я. Киев был очень ревнив, он считал себя после Петербурга первым городом, имел прекрасный театр, и все первые артисты как-то обязаны были там выступать.

Вслед за тем Резников организовал большую двухнедельную поездку по России. Мы должны были выступать в Москве, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Баку и Тифлисе. Со мною поехали мой партнер Владимиров, тенор Виттинг, который пел между моими номерами, чтобы дать время передохнуть, и капельмейстер Лачинов. Вся поездка должна была длиться около двух недель. Путешествовать во время войны было делом довольно сложным: в каждом городе надо было ехать в гостиницу, брать с собою туда весь свой багаж, а после спектакля спешить на поезд. Это было крайне утомительно. Великий Князь Сергей Михайлович уступил мне тогда свой салон-вагон, очень вместительный и оборудованный для дальних поездок. Середину вагона занимал довольно обширный салон, а рядом с ним была моя спальня и уборная. По одну сторону салона находился буфет-кухня, где мой лакей Арнольд мог в случае надобности готовить нам отличный обед, дальше было отделение для него и, наконец, багажное отделение. По другую сторону от салона было отделение в четыре места, где поместились Владимиров, Виттинг и Лачинов, затем было маленькое отделение, в два места, для моей горничной и Наташи Рубцовой, дочери моей экономки, а в последнем отделении помещался вагоновожатый. Пасха в тот год была 22 марта, и поездка наша состоялась сейчас же после Пасхи, в первых числах апреля.

Мы начали ее с Москвы, где я выступила в частном театре

Зими́на. Мой успех был обеспечен, Москва меня хорошо знала и любила, и действительно, успех был большой.

В Киеве, куда мы потом поехали, я имела на этот раз настоящий, очень большой успех. По-видимому, киевляне оценили, что я так скоро к ним вернулась, и наградили меня горячим приемом.

Вагон-салон вполне себя оправдал, большего удобства я не могла иметь. Мы все во время путешествия жили в вагоне, не покидая его. По прибытии на станцию его ставили на запасный путь. Я брала с собой в театр только то, что мне было нужно. После спектакля было весело возвращаться к себе в вагон как домой, где нас, по обыкновению, уже ждал обильный и всегда вкусный ужин, заказанный заранее в местном станционном буфете. Мы ни о чем больше не заботились. Вагон в нужное время прицепляли к отходящему куда следует поезду, и мы катили до следующей остановки, мирно отдыхая на прекрасных и удобных кроватях, а на утро Арнольд нам подавал кофе. И так, беззаботно, мы катили по России.

После Киева мы выступали в Харькове, где Владимир заболел ангиною. Из-за этого пришлось отменить спектакль в Ростове, куда мы приехали поздно вечером. Весь вокзал был полон народу, собравшегося нас приветствовать. Я раскланивалась из окна. После Ростова, когда я выглянула в окно, я подумала, что мы попали в Венецию, кругом была только видна вода. Это был разлив Дона, и при лунном свете картина была потрясающая по красоте.

Следующая остановка была в Баку, главном нефтяном центре, городе миллионеров. Перед началом представления я через дырочку занавеси могла разглядеть публику; дамы были в богатых вечерних платьях, покрытых драгоценностями. Баку меня встретил чудным приемом, какого я не ожидала совершенно. После представления меня пригласили ужинать в лучший ресторан, и когда я вошла в зал, раздались дружные аплодисменты. К моменту отхода поезда братья Маиловы прислали мне в вагон чудную икру со своих промыслов, которые славились на всю Россию.

Последним городом, где я должна была выступить, был Тифлис. Для Тифлиса я выбрала такие танцы, которые, я чувствовала, должны были бы им понравиться, как танец Индийской бабочки с Владимировым, и я не ошиблась в своем выборе, успех я имела очень большой.

Тифлис мне очень понравился. Я не успела осмотреть весь город, но то, что мне удалось увидеть, было чрезвычайно живописно. Два офицера, которые были мне представлены, повезли меня в загородный ресторан, чтобы послушать игру на зурне и посмотреть национальные танцы на берегу реки Куры.

Тифлис мне устроил трогательные проводы: когда мой вагон был прицеплен к отходящему поезду и подан на вокзал и я уже не могла из него выйти, весь коридор вагона был бук-

вально запружен публикой, которая пришла со мною проститься. Зная, что я не люблю сладостей, мои два милых офицера, которые накануне меня возили в загородный ресторан, принесли мне с невероятным трудом огромную круглую и плоскую корзину, полную фруктов и свежей зелени, и еле могли до меня добраться. Эти корзины называются в Тифлисе «табахи» и имеют то же значение, что в России хлеб-соль, которые подносятся на новоселье, на счастье. Полученные мною цветы прицепили на задней площадке снаружи и часть вносили в салон-вагон.

Всем, кто стоял в коридоре вагона, я бросала цветы через головы впереди стоящих, так как добраться до них не было никакой возможности. На обратном пути на какой-то станции мне подарили целый мешок сушеной шамаи.

Жалко было очень, что Тифлисом кончилась наша чудесная поездка по России, поездка прямо сказочная. Много прелести придало поездке то, что мы ездили в своем вагоне, все время были как у себя и не заботились ни о чем: ни о билетах, ни о том, что можем опоздать на поезд, поэтому нам не приходилось торопиться. Из Тифлиса мы вернулись прямо в Петербург, нигде в пути не останавливаясь. Деньги, которые я лично выручила за эту поездку, я пожертвовала в Комитет имени Великой Княжны Ольги Николаевны, за что получила именную благодарность от Ее Высочества и жетон на память.

Во время войны, несмотря на тяжелое настроение вокруг, я не поддавалась грусти, бодрилась и старалась других подбодрить, убеждая, что не все так плохо, как кажется, за что мои товарищи по путешествию прозвали меня «радушка», а Владимир Лазарев, кроме того, называл меня «чудо-девочка».

Летом этого, 1915 года, чтобы немного развлечь своих раненых и дать им возможность подышать свежим воздухом после замкнутой лазаретной жизни, я привозила их к себе на дачу в Стрельну партиями в десять человек, для этого мне давали казенные грузовики. С нами приезжали заведующая лазаретом и одна из сестер. Я была очень счастлива, что могла украсить их жизнь.

Вова был всегда очень рад провести день с ранеными. Он внимательно следил за ходом военных действий, знал наизусть все главные сражения, и если среди раненых были солдаты, которые принимали участие в одном из таких, то расспросам его не было конца. Вова часто приходил также в лазарет и играл с ранеными в шашки. У него был свой любимец, с которым он предпочитал играть.

Был в лазарете один раненый, которого прозвали «болгарин», все его очень любили. Великий Князь Сергей Михайлович, узнав о дне полкового праздника «болгарина» и справившись, кто из раненых служил в том же полку, устроил им добавочное угощение, которое их всех очень тронуло.

Каждый год после каникул, перед тем как начать сезон и после большой, усиленной работы, я делала себе проверку. Я просила сестру и верных друзей прийти на репетицию и откровенно мне сказать свое мнение, могу ли я еще выступать на сцене или нет. С каждым годом я, конечно, становилась технически сильнее и опытнее, но иногда артистка к концу своей службы не замечает, что ей пора покинуть сцену и уйти в полном блеске, а не совершать ошибки, как часто бывает, — не уходить тогда, когда силы уже начинают сдавать, и не оставлять по себе последнее невыгодное впечатление.

Когда я оставалась одна дома перед спектаклем, я часто с упреком спрашивала себя, зачем продолжаю выступать на сцене, когда я уже достигла славы, и не лучше ли выбрать этот момент для ухода. Но меня неудержимо влекло танцевать, я чувствовала настоящий творческий подъем, выход на сцену был для меня осуществлением всего, что дремало во мне. На сцене я чувствовала себя счастливой и, забывая все, сливалась со своей ролью.

В особенности хорошо я стала танцевать в последние годы, когда начала выступать с Владимировым. Он страшно увлекался на сцене и вдохновлял свою партнершу. Я с ним выступала в «Лебедином озере» и так с ним станцевалась, как ни с кем. Он меня замечательно поддерживал в адажио 2-й картины 1-го действия, подбрасывал и ловил как перышко, так что весь зал ахал от восторга, — это было в те времена совсем ново. «Талисман» всегда был моим удачным балетом, и очень выигрышным. Но с тех пор, что со мною стал в нем выступать П. Владимиров, балет этот еще больше выиграл — когда во втором действии Владимиров изображал Гения ветра и вылетал на сцену, неся меня на своем плече, это производило огромное впечатление. Известный критик Юрий Беляев писал, что Владимиров вылетает на сцену, будто с бокалом шампанского, и преподносит этот бокал публике.

Я всегда волновалась перед спектаклем. Это волнение продолжалось и тогда, когда я стояла за кулисами перед выходом: я боялась потерять ту славу, которую заслужила своей долголетней службой. Но едва раздавались первые звуки моей музыки, я, радостная, выходила на сцену, делая вызов публике, и была снова бесконечно счастлива.

Уже четверть века я служила на Императорской сцене и решила просить дать мне бенефис, с тем чтобы вырученную мною сумму денег пожертвовать Императорскому Русскому театральному обществу, состоявшему под покровительством Государя Императора. Президентом был Великий Князь Сер-

гей Михайлович, а вице-президентом Молчанов. Деньги шли в пользу семей артистов, призванных на войну.

Для этого бенефиса я выбрала балет «Талисман» и назначила очень высокие цены на места. Несмотря на это, все билеты были проданы, и многие прислали мне больше, нежели билет стоил, что дало мне возможность собрать 37 000 рублей, по тем временам огромную сумму. В этот вечер я повторяла коду в последнем акте *пять* раз, что было рекордом. Я поместила в газетах заметку, что прошу, ввиду военного времени, не подносить мне цветов в бенефис, но, несмотря на это, я получила массу цветов. Какая-то дама, сидевшая в креслах под моей ложей, где был мой сын, громко выразила свое возмущение по поводу этого множества цветочных подношений. Мой сын довольно резко ответил ей: «Она заслужила». Заступничество Вовы, которому тогда было только тринадцать лет, всем очень понравилось. Мой бенефис состоялся 21 февраля. Я получила от публики громадную хрустальную вазу для крушона в массивной серебряной оправе работы Фаберже с такой же массивной ложкой и в тот же вечер за ужином разливала ею всем крушон. Эта ложка сейчас находится у меня, я ее нашла в Кисловодске, в магазине случайных вещей, и мне ее вернули.

Семнадцатого апреля 1916 года я решила впервые танцевать «Жизель». Я отлично сознавала, что эта роль не для меня, но в то время я была худенькая и воздушная и рискнула исполнить этот балет. Главной целью спектакля было собрать деньги в пользу санитарных организаций Великой Княгини Марии Павловны. Я рассчитывала и не ошиблась, что многие пойдут посмотреть меня в «Жизели» из простого любопытства, и действительно, я собрала таким образом массу денег. От Великой Княгини Марии Павловны я получила на память ее фотографическую карточку с подписью. Конечно, я не была такою Жизелью, как Анна Павлова, она в этой роли совершенно незаменима, но все же я имела успех у публики, которая оценила мое доброе побуждение помочь раненым. Зато поклонники Павловой, а с ними и мои личные враги, а их было у меня немало, выступили против меня. Но это меня совершенно не расстроило, я к таким маленьким уколам уже привыкла.

ПОЕЗДКА НА ФРОНТ

Весною 1916 года я решила поехать на фронт для раздачи солдатам подарков. Мой большой друг Александр Дмитриевич Викторов, состоявший в Красном Кресте и часто ездивший на фронт по делам, взялся организовать мою поездку на место расположения одного из корпусов в районе Минска, где у него был знакомый командир. Я пригласила П. Владимирову в

качестве кавалера, и мы отправились в путь втроем. На фронте было сравнительное затишье. Мы доехали по железной дороге до Минска, где переночевали в маленькой невзрачной гостинице. Полуосвещенная столовая, почти пустая, произвела на меня удручающее впечатление. Комнаты были грязные и также полуосвещенные, а об остальном лучше и не говорить, до того все было запущено и примитивно.

На следующий день нам с утра подали коляску, высланную из штаба корпуса с офицером, который должен был нас сопровождать. Был чудный, солнечный день, мы ехали полями и лесами. Повсюду были видны следы недавних боев, ямы от снарядов и кресты над свежими могилами. В штабе меня любезно встретил сам командир корпуса, который предоставил мне и моим спутникам свою прекрасную землянку в две комнаты: в одной поместилась я, в другой Викторов с Владимировым. Мы приехали в штаб под вечер, и до ужина я раздавала солдатам подарки в лесном бараке. После раздачи подарков в том же бараке был подан прямо роскошный ужин за длинным столом. Меня настолько поразило обилие и разнообразие блюд, что я даже спросила моего соседа, офицера, как могли на фронте так угощать и откуда они все это могли достать, находясь там. Он мне ответил, что если хочешь, то все можно достать.

Барак, в котором мы ужинали, был с одной стороны открыт, и к нему примыкал навес с дощатым полом, где расположился хор музыки, и один из присутствующих, инженер, отлично протанцевал кэк-уок. Я очень сожалела и не могла себе простить, что не захватила с собою костюм и ноты, чтобы протанцевать перед солдатами свою «Русскую». К концу вечера я очень устала и еле держалась на ногах. В эту поездку я надела простое платье и была в высоких сапогах.

С утра следующего дня меня повезли осматривать расположение фронта корпуса. По дороге мне сперва показали проволочное ограждение, потом на опушке леса замаскированную батарею и отдельно расположенное дальнобойное орудие, так тщательно замаскированное, что, даже близко подъезжая, ничего не видишь. Рядом лежал неразорвавшийся снаряд под охраною часового, чтобы его не трогали, пока не взорвет. Далее мы подъехали к церкви, очевидно попавшей под обстрел и пострадавшей от снарядов. Кругом нее были видны следы воронок. Офицеры мне объяснили, что в обеденное время, примерно от 12-ти и до 2-х часов, немцы отдыхают, обедают и не стреляют, так что мы временно были в безопасности. Молодые офицеры, видя, с каким интересом я их про все расспрашиваю, захотели повезти меня еще ближе к фронту, чтобы я могла взглянуть на неприятельские окопы, но корпусный командир категорически запретил это, сказав, что отвечает за мою безопасность. В утешение мне позволили пройти за церковь, откуда я могла ясно видеть немецкого

солдата, мирно разгуливавшего взад и вперед на противоположном берегу речки. Все это теперь у меня в памяти как во сне.

Мы вернулись с объезда фронта в штаб корпуса засветло, часов около 2—3-х дня, поблагодарили наших милых гостеприимных хозяев за радушный прием и угощение и, попрощавшись с ними, вернулись в Минск, где переночевали и с утренним поездом выехали в Москву, куда приехали под вечер, плотно закусили и с вечерним поездом выехали обратно в Петербург.

В театральном сезоне 1916/17 года я согласилась выступать на прежних условиях по желанию дирекции, но с тяжелым сердцем. Мои выступления меня больше не радовали. Публику и артистов охватило гнетущее чувство чего-то недоброго, надвигавшегося на нас.

Лето я, по обыкновению, провела у себя на даче. Я часто ездила в город, в лазарет, навещать своих раненых и помогать им, чем могла.

Почти что каждую неделю я приглашала к себе на дачу выздоравливающих. Я их угощала обильным и вкусным завтраком, и они проводили у меня целый день, то гуляя по саду, то отдыхая на лужайках. Вова всегда находился с ними и очень к ним привязался, заботясь о них и балуя их, чем он мог.

Раненых в Петербург привозили все меньше и меньше, лазареты пустовали. Говорили, что раненых будут отвозить в глубь страны, куда доставка легче и быстрее, нежели в столицу. Содержание лазарета требовало больших расходов, даже если он был пуст. Поэтому в декабре я решила свой лазарет закрыть.

Это известие повергло моих раненых и весь персонал служащих лазарета в полное уныние, но для меня принять это решение было еще грустнее, так как я всю душу вложила в это дело. Самым тяжелым моментом было закрытие лазарета. По этому случаю отслужили молебен, и все плакали, почти два года существовал лазарет, за это время весь персонал тесно сроднился, и расставаться было тяжело. После молебна я в последний раз обошла все палаты, чтобы проститься с ранеными, которые в этот же день покидали мой лазарет, их переводили в другие. За мною шли все служащие. Старший санитар Шабанов в каждой палате обращался к раненым со словами: «Ну, братцы, я начинаю, а вы за мною» — и, становясь на колени, клал мне земные поклоны. Все раненые следовали его примеру, становились кто как мог на колени, с костылями и повязками, и с трудом, но клали мне земные поклоны. И это повторялось в каждой палате. Это так запечатлелось в моей памяти, что и теперь, когда я хочу всем предложить что-либо сделать, то я говорю: «Я начинаю, а вы все за мною». По окончании молебна всех раненых развезли по разным лазаретам, но это не порвало моей связи с ними. От многих я получала потом благодарственные письма.

Повара лазарета Сергея я уступила Великому Князю Сергею Михайловичу в Ставку, чтоб обслуживать его личный небольшой штаб, состоявший из нескольких адъютантов и доктора Маака, который одно время состоял при Андрее в Сен-Морице. В начале войны доктор Маак был призван на службу, оказался в полевом лазарете Гвардейской Стрелковой бригады, чуть не был взят в плен, долго болел дизентерией и по выздоровлении попал в Ставку.

В ночь с 16 (29) на 17 (30) декабря 1916 г. в Юсуповском дворце в Петрограде князь Феликс Юсупов убил Григория Распутина, заманив его к себе в гости под разными неблагоприятными предложениями.

Распутина я никогда не видела ни близко, ни издалека и ничего также не имела общего ни с ним, ни с его окружением. Никаких личных впечатлений о нем у меня не было, но говорили о нем тогда много, и подробно, и повсюду.

Многие, и я в том числе, думали, что слишком большая близость Распутина к Царской семье была вредна и нежелательна, но все же убийство было роковой ошибкой. Многие лица, достойные доверия, подтверждали, что несколько раз в действительности Распутин спас Наследнику жизнь, приостановив кровотечение. Всю свою надежду на спасение сына Императрица возлагала только на него с того дня, когда наиболее выдающиеся светила заявили о своем полном бессилии помочь Алексею Николаевичу. Убивая Распутина, убили у Императрицы последнюю ее надежду, и это было самое жестокое и отвратительное в совершенном злодеянии.

Каким для нас всех было ужасом известие о причастности к убийству Великого Князя Дмитрия Павловича и о его высылке в далекую Персию. Он был вовлечен в заговор с целью бросить тень на всю Императорскую фамилию, а участие Пуришкевича, человека ультра-правого направления, как бы оправдывало в его глазах эту преступную затею. Но лично он Распутина не убивал.

Когда несколько лет спустя мы встретились с Дмитрием Павловичем в Париже, уже в эмиграции, то он с отвращением вспоминал роковую ночь в Юсуповском дворце и избегал встречаться не только с участниками этого дела, но даже и с теми, с кем он тогда видался. Ему хотелось забыть все связанное с этим.

Многие думали — наверное, и самые участники, — что с исчезновением Распутина все пойдет лучше, зло, окружавшее Трон, будет удалено, и дурные влияния на Государя прекратятся, и Россия наконец вздохнет, и наступят золотые дни. Но как все ошиблись. Быть может, некоторые на это и рассчитывали. Именно с этого рокового момента все покатилося к роковой развязке.

По случаю своего бенефиса хор выбрал оперу «Фенелла» и просил меня взять на себя исполнение заглавной роли Немой. Над этой ролью я работала с М. М. Фокиным, который отменил условную мимику и дал новое выражение Фенелле. Оперу ставили в первый раз на Императорской сцене, и по этому поводу было много раговоров в театральном мире, считалось, что «Фенелла» приносила несчастье, и в доказательство приводилось много случаев. Один из них мне памятен. «Фенеллу» поставили в Петербурге, в частном театре, и роль Немой играла балерина Гримальди. Это было осенью, я еще жила у себя на даче в Стрельне. Гримальди пригласила меня приехать посмотреть ее в этой роли. Спекталь прошел благополучно, и я вернулась домой в Стрельну. На следующее утро, раскрывая газету, вижу, что ночью театр сгорел дотла.

В вечер бенефиса хора, 17 января 1917 года, всем было как-то жутко играть в этой опере: на сцене изображалась революция, поджигали дворец, вся сцена была залита заревом пожара, как будто предвещающая, что у нас будет то же, не только на сцене, но на самом деле. Действительно, не прошло и месяца с небольшим, как вспыхнула революция.

В сохранившемся у Андрея дневнике записано об этом спектакле: «Давали в первый раз оперу «Фенелла». Маля была поразительно хороша, все были в восторге».

На другой день после этого представления, 18 января, Андрей уехал в Кисловодск, куда доктора его послали лечиться. Он предполагал пробыть там около шести недель и к 1 марта вернуться на фронт, где ожидалось крупные военные события.

Следующий спектакль, в котором я выступала, состоялся 29 января по случаю прощального бенефиса Любы Егоровой, которая покидала сцену после двадцатилетней службы. Я танцевала в последнем акте свою любимую «Русскую». За кулисами стоял М. М. Фокин. Когда я кончила, он подошел ко мне и сказал, что такого исполнения «Русской» не помнит. Похвала М. М. Фокина была для меня очень и очень ценна.

Второго февраля графиня Матильда Ивановна Витте с Высочайшего соизволения устраивала благотворительный спектакль в пользу Дома Труда для увечных воинов, который был в ведении особой Комиссии Верховного Совета под Августейшим Покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны. Графиня Витте заехала ко мне с просьбой помочь ей его организовать и устроить. Я охотно согласилась, так как она всегда очень хорошо ко мне относилась. Я решила привлечь к участию в этом спектакле наших лучших артистов, а так как я никогда сама не отказывала участвовать в их спек-

таклях, то рассчитывала, что и они в этот раз не откажут мне.

После переговоров программа была составлена.

М. Н. Кузнецова спела 2-е действие из оперы «Манон», а потом протанцевала ряд испанских танцев. Лидия Липковская спела сцену урока 3-го акта из оперы «Севильский Цирюльник». Д. А. Смирнов исполнил арию Ленского в сцене дуэли из оперы «Евгений Онегин». А я с М. М. Фокиным выступила в его балете «Карнавал», я в роли Коломбины, а он в роли Арлекина. Кроме того, мы с ним танцевали 1-е действие из балета «Дон Кихот», а Тамара Карсавина — вальс.

Так как никто из участвовавших не желал начинать спектакля, считая это невыгодным для себя, то я решила сама начать балетом «Карнавал». Против обычая все съехались к самому началу спектакля, и театр был полон изысканной и элегантной публики. М. М. Фокин был очень доволен моим исполнением роли Коломбины. Этот балет я танцевала в Петербурге впервые по личному желанию самого М. М. Фокина. -

Спектакль удался на славу. Графиня Витте была в полном восторге и от самого спектакля, и от сбора. Это было мое последнее выступление на Императорской сцене в Мариинском театре, в котором я прослужила в общем двадцать семь лет со дня выпуска из училища.

После спектакля графиня Витте устроила у себя в доме ужин, на который пригласила всех первых артистов, участвовавших в спектакле, и представителей высшего общества. Мы все сидели за круглыми столами. Я занимала центральное место одного из столов, и моим соседом был Стася Поклевский, состоявший в то время нашим посланником в Румынии.

Меня глубоко трогало доброе и всегда дружеское ко мне отношение графини Витте, которая слыла за очень умную и интересную женщину. Андрей хорошо знал графа и графиню Витте, их обоих очень ценил и в особенности был высокого мнения о графе, который одну зиму читал ему лекции по политической экономии, чрезвычайно интересные и поучительные. Это было, кажется, когда у нас вводили золотую валюту и вопрос этот возбуждал немало споров.

Каждый день приносил все более тревожные вести. Никто не знал, в чем тревога, но чувствовалось, что наступает какая-то гроза, и беспокойное настроение все росло в городе. Сначала это были только слухи, передававшиеся друг другу, и трудно было понять, действительно ли положение серьезно или это только молва нервно настроенного населения. Но в первой половине февраля полицмейстер Четвертого отдела Петербургской стороны, на Каменноостровском проспекте № 65, генерал Галле, которого я хорошо знала, по телефону стал настойчиво просить меня хоть на время покинуть столицу с моим сыном, так как, по его словам, с часу на час можно ожидать беспорядков в городе, а мой дом, расположенный в самом начале

Каменностровского проспекта, наиболее подвергается опасности. Тогда я поняла, что тревожные слухи были основательны, и, конечно, не долго думая, последовала его совету и уехала в Финляндию с сыном, в санаторию Рауха, около Иматры, где мы прожили около недели с 8 по 15 февраля. С нами поехал П. Н. Владимиров. Там было спокойно, чудная погода, много снега, прекрасные прогулки на санях и пешком — все это успокоило нервы, да и жильцы в санатории оказались очень симпатичными, и мы приятно провели там время. 15 февраля генерал Галле протелефонировал мне, что в Петербурге все спокойно и мы можем возвращаться. Мы, конечно, все сразу и вернулись в столицу, где казалось, что действительно все успокоилось, и настолько даже, что моя сестра уговорила меня устроить наконец у себя обед для друзей и знакомых. Я последовала ее совету и 22 февраля дала обед на двадцать четыре персоны. Для этого дня я вытащила все свои чудные вещи, которые с начала войны оставались запертыми в шкапах, и расставила их по обычным местам. У меня была масса мелких вещей от Фаберже: была огромная коллекция чудных искусственных цветов из драгоценных камней и среди них золотая елочка с мелкими бриллиантами на веточках, как будто льдинками, было много мелких эмалевых вещиц, чудный розовый слон и масса золотых чарок. Их так оказалось много, что я телефонировала сестре, что места не хватает, куда все это ставить. Я была за эти слова жестоко наказана, так как через несколько дней все было разграблено и нечего было ставить.

Весь стол к обеду был украшен ландышами, был поставлен подарок москвичей «сюрту-де-табль», серебряная ваза, наполненная ландышами. Сервированы были мои чудные золоченые десертные тарелки и золоченый десертный сервиз, ножи, вилки и ложки — копия с модели Екатерининских времен, хранившейся в Эрмитаже, подарок Андрея. Я только боялась, чтобы не оказался в последнюю минуту двадцать пятый гость, что часто бывало, и тогда у меня не хватило бы золоченых тарелок и приборов. Весь обед подавался на фарфоре «лимож», который Андрей выписал из Франции, а к рыбе подали «датский» сервиз тарелок с изображением рыб. Под каждую тарелку была положена круглая салфетка из настоящих кружев.

Когда гости вошли в столовую, они пришли в полный восторг от убранства стола, что мне доставило большое удовольствие, так как я каждую мелочь обдумывала и рассчитывала. Обед прошел очень оживленно и удачно, блюда были вкусные и подавались с соответствующими винами. После обеда играли в баккара, и гости засиделись довольно поздно. Это был мой последний прием в Петербурге.

На следующий день, 23 февраля, когда моя экономка проверяла серебро, хрусталь и белье, что делалось всегда после больших приемов, кто-то из моих служащих прибежал взволнованный и сообщил, что по Большой Дворянской улице

движется несметная толпа. Началось то, чего все боялись и ожидали, а именно уличные выступления. Толпа прошла мимо моего дома, не нарушив порядка. Первые три дня была еще надежда, что все уладится и успокоится, и 25 февраля я даже рискнула поехать в Александринский театр на бенефис Юрьева, давали «Маскарад» Лермонтова в постановке Мейерхольда. Улицы были спокойны, и я проехала туда и назад благополучно.

На следующий день, 26 февраля, в воскресенье, ко мне снова звонил по телефону генерал Галле, чтобы предупредить меня, что положение в городе очень серьезное и чтобы я спасала, что могла, из своего дома, пока есть еще время. В течение всего дня он постоянно телефонировал мне и держал в курсе того, что творится. Хотя он и продолжал говорить, что положение серьезное, но надеялся, что если, как он выразился, «нарыв лопнет», то настанет улучшение. Его совет спастись, что могу, из своего дома, пока не поздно, поставил меня в безвыходное положение. Когда я взглянула вокруг себя на все, что было у меня драгоценного в доме, то не знала, что взять, куда везти и на чем, когда кругом уже бушует море. Мои крупные бриллиантовые вещи я дома не держала, они хранились у Фаберже, а дома я держала лишь мелкие вещи, которых было невероятное количество, не говоря уж о столовом серебре и обо всем другом, что было в доме.

На следующий день, в понедельник 27 февраля, уже стало ясно, что нарыв, как надеялся генерал Галле, не лопнул и что никакого успокоения ожидать нельзя. С каждым часом становилось все тревожнее и тревожнее. Все, что было более драгоценного и что попадалось мне под руку, я уложила в небольшой ручной саквояж, чтобы быть готовой на всякий случай.

В этот вечер, когда мы сидели за обедом с моим сыном Вовой, его воспитателем Георгием Адольфовичем Пфлюгером и еще двумя артистами нашей балетной труппы, П. Н. Владимировым и Павлом Гончаровым, нам всем было не до еды. Весь день были слышны вдали отдельные выстрелы, но теперь под вечер выстрелы стали раздаваться около моего дома. Нам всем стало ясно, что надо во что бы то ни стало как можно скорее покинуть дом, пока толпа не ворвется в него. Я надела самое скромное из своих меховых вещей, чтобы быть менее заметной — черное бархатное пальто, обшитое «шиншилла», — и на голову накинула платок. Во время поспешных сборов я вдруг, к ужасу, увидела, что я чуть было не забыла своего любимого фоксика Джиби, который смотрел на меня огромными глазами, полными ужаса. Он чувствовал инстинктом, что что-то случилось и все куда-то собираются уходить, а его забыли. Кто-то схватил его на руки, другой взял мой саквояж с драгоценностями, и мы все бросились бежать из дома — но куда? Был уже восьмой час вечера. Я не знала, куда мне поблизости бежать, и тут я вспомнила про Юрьева, артиста нашей драматической труппы. Я была уверена, что он даст мне приют,

хотя бы на первые дни, пока не выяснится обстановка. Мы все бросились на квартиру Юрьева, который жил недалеко от меня, в самом начале Каменноостровского проспекта, в доме Лидваля. Его квартира находилась на пятом этаже, на самом верху дома, три дня мы провели у него не раздеваясь. Поминутно врвалась толпа вооруженных солдат, которые через квартиру Юрьева вылезали на крышу дома в поисках пулеметов. Солдаты нам угрожали, что мы все головою ответим, если на крыше найдут пулеметы. С окон квартиры пришлось убрать все крупные вещи, которые с улицы толпа принимала за пулеметы и угрожала открыть огонь по окнам.

Мы все время сидели в проходном коридоре, где не было окон, чтобы шальная пуля не попала в кого-нибудь из нас. Все эти дни еду нам приносили из моего дома мои люди, которые остались мне верны до конца, за исключением моей экономки Рубцовой и коровницы Кати. Что Катя-коровница воспользовалась переворотом и крала мои вещи, меня не особенно огорчало, она была крестьянкой, но поведение Рубцовой меня глубоко поразило.

Рубцову я взяла к себе экономкой после смерти ее мужа, Николая Николаевича Рубцова, художника-декоратора, которого мы все хорошо знали и очень любили. Они отлично жили и принимали у себя очень хорошо. Н. Н. Рубцов отделявал дворец Великой Княгини Ольги Александровны. После смерти Н. Н. Рубцова его вдова осталась без всяких средств, и я ее взяла к себе в качестве экономки, дала ей чудное помещение в своем доме и позволила ей жить со своими детьми. Так как покойный Н. Н. Рубцов был нашим частым партнером в покер, то в память его мы стали за каждой игрой откладывать известную сумму в пользу его вдовы, и из собираемого таким образом капитала ей выдавалась помощь. К моменту переворота накопился капитал в размере 20 000 рублей, что было по тому времени громадной суммой. И вот эта самая Рубцова, которой не только я, да и мы все оказали столько внимания, приняла революционеров с распростертыми объятиями, объявив им: «Входите, входите, птичка улетела». Это произошло на другой же день, что я покинула свой дом, и он был занят какой-то бандой, во главе которой находился студент-грузин Агабабов. Он стал устраивать обеды в моем доме, заставлял моего повара ему и его гостям готовить, и все они пили обильно мое шампанское. Оба мои автомобиля были, конечно, реквизированы.

На третий день, что я находилась на квартире у Юрьева, до меня добрался мой брат Юзя, и было решено, что я перееду к нему. Взяв свою собачку на руки и оставив все мои драгоценности у Юрьева, так как нести их по городу в такой момент было чрезвычайно опасно, мы все пошли пешком, другого способа сообщения не было. Был страшно холодный день, дул сильный ветер, и в особенности было холодно на Троицком мосту. Я в своем легоньком пальто продрогла до костей, пока

мы дошли до квартиры брата, который жил на Литейном проспекте, № 38, на углу Спасской улицы.

Когда я наконец вошла в квартиру, я разрыдалась — все, что накопилось за эти три дня, все пережитое за это время, весь этот ужас — все это вместе вылилось в этих слезах.

Больше всего я дрожала за Вову, я боялась, что его у меня отнимут, но, к счастью, никто не знал, где я находилась в эти дни. Благодаря этому солдаты, врывающиеся в квартиру Юрьева, не подозревали, кто я такая, а то судьба моя и моего сына была бы печальная.

Как раз 1 марта, в канун моих именин, я переехала к брату. Но и здесь тревожное чувство меня не покидало. Я все время прислушивалась к шуму на улице. В особенности становилось жутко, когда мимо проезжал грузовик, мне все казалось, что вот-вот он остановится около нашего дома, а это значило: обыски, аресты, а может быть, и хуже...

На второй день до нас дошла ужасная весть, которую только можно было себе представить, — весть об отречении Государя от Престола. Это до того всем показалось невероятным, что в мыслях как-то не укладывалось, все казалось, что это неправда, что этого быть не может, почему отрекся, что его побудило? Потом пришла вторая печальная весть — отречение Великого Князя Михаила Александровича... Временное Правительство... Все старые вековые устои рушились один за другим, а кругом пошли аресты, убийства офицеров на улицах, поджоги, грабежи... начались кровавые ужасы революции...

Еще в первые дни, когда я жила у брата, мой дворник позвонил ко мне, чтобы предупредить, что мой дом начали разграблять. Опасаясь лично ехать в свой дом, я попросила сестру и П. Н. Владимирову туда съездить и узнать, в чем дело. Когда они позвонили у парадной двери, то ее открыл им какой-то разнузданный на вид солдат с винтовкою в руках. Он их попросил в дежурную комнату, пригласил сестр и спросил, в чем их дело. Сестра ему объяснила, что было получено сообщение, что имущество в доме разграбляют. Он ответил, что не знает, в чем дело, так как он думает, что все на месте, и пригласил сестру и Владимирову в столовую, где на полках стояли еще золотые чарки. Кажется, из разговора с этим солдатом выяснилось, что действительно какие-то ящики городская милиция вывезла в дом Градоначальника. Тогда Владимиров тут же позвонил Градоначальнику, объяснил ему, в чем дело, и он попросил мою сестру к нему заехать. Владимиров из моего дома прямо поехал в Аквариум выяснить какой-то вопрос относительно моих вещей, а сестра села на проезжавшие дровни и стоя доехала на них до Градоначальства. Новый Градоначальник любезно ее принял в своем кабинете, внимательно выслушал, а потом, открыв ящик своего письменного стола, вынул оттуда мой золотой венчик, подарок балетоманов. «Вы знаете эту вещь?» — спросил он сестру. Она, конечно, сейчас

же его узнала. Пройдя в соседнюю комнату, он показал на грудку ящиков, которые были вывезены из моего дома. Сестра объяснила Градоначальнику, что оставшийся при доме дворник сообщил, что дом начали разграблять, на что он ответил, что примет соответствующие меры, чтобы спасти оставшееся еще имущество, но это в конце концов не было сделано.

Золотой венки и ящики с серебром мне потом вернули из Градоначальства. Венки я сдала на хранение в Общество Взаимного Кредита вместе с некоторыми другими вещами, которые Арнольд успел спасти из моего дома. Одиннадцать же ящиков я сдала на хранение в Азовско-Донской банк, директором которого был Каминка, мой большой друг и сосед по имению в Стрельне. У меня до сих пор хранится расписка банка в принятии на хранение этих ящиков. Когда я здесь, в эмиграции, встретила Каминку, он мне сказал, что мои ящики так хорошо запрятаны что их никогда не найдут. Он даже тогда выражал надежду, что их скоро мне вернут.

Мои самые крупные и ценные вещи хранились, как я говорила, у Фаберже, но после переворота он попросил меня взять их к себе, так как он опасался обыска и конфискации драгоценностей у него в сейфах, что в действительности вскоре и произошло. Эти драгоценности вместе с вынесенными мною лично из дома я уложила в особый ящик установленного размера и сдала на хранение в Казенную Ссудную Казну на Фонтанке, № 74 и сама дала им оценку, умышленно уменьшив ее в сравнении с действительной их стоимостью, чтобы не платить крупную сумму за их хранение. Мне было тяжело в материальном отношении, и платить много я не могла. Директор Ссудной Казны был крайне удивлен такой низкой оценкой. «Ведь их тут на несколько миллионов», — заметил он мне, когда я сдавала свои вещи. Я сохранила бумагу от Ссудной Казны, по которой вынуть ящики кроме меня лично могла еще только моя сестра Юлия.

В один из этих же первых дней, когда я уже покинула свой дом, ко мне приехал знакомый офицер Берс, только что назначенный Комендантом Петропавловской Крепости, с предложением перевезти меня с сыном в Крепость и дать нам там отдельные комнаты. Он старался меня убедить, что мне там будет спокойнее и что я там буду ограждена от возможных случайностей со стороны разнузданной толпы. Но я это предложение, конечно, отклонила. Меня совершенно не соблазнило сидеть в Крепости, да кроме того, я опасалась, что, случись еще новый переворот, коменданта сменят, а меня могут там и забыть — а потом выпутывайся.

Немного опомнившись, я стала думать, к кому мне обратиться, чтобы искать защиты. Правда, первое время я скрывалась, где я находилась и мои друзья потеряли меня из виду. Я решила напомнить о себе и в первую очередь обратиться к Н. П. Карабчевскому. Как очень известный адвокат, он имел большие воз-

мощности, а кроме того, как мне говорили, он был в хороших отношениях с Керенским. Я вспомнила спектакль у него в доме и как он сказал мне: «Убейте кого-нибудь, я буду вас защищать, и вас оправдают». Вот, подумала я, как раз подходящий случай выступить в мою защиту, хотя я никого и не убивала, но все же нахожусь в очень трудном положении. Я позвонила Карабчевскому по телефону в полной уверенности, что он мне поможет и замолвит за меня слово у Керенского, чтобы меня оградить от неприятностей. Но результат получился совершенно неожиданный. Николай Платонович ответил мне, что я Кшесинская и что за Кшесинскую в такое время хлопотать неудобно, и потом продолжал в том же духе. Я не стала дальше его слушать, резко повесила трубку и подумала, что пословица верно говорит, что друзья познаются в беде.

Но на мое счастье, ко мне вскоре заехал Владимир Пименович Крымов, издатель и редактор известного журнала «Столица и усадьба», мой старый друг, умный и талантливый писатель и журналист, искренний человек с определенными и непоколебимыми воззрениями как до, так и после переворота. Он часто бывал у меня и познакомился с Андреем, который его также очень ценил и уважал за его ясный ум и всегда одинаково доброе отношение. Узнав от меня, в каком я положении, он, ни минуты не колеблясь, продиктовал мне письмо на имя Керенского, и сейчас же вместе с ним мы поехали в Министерство Юстиции отвезти письмо, указав мой точный адрес и номер телефона. Едва я успела вернуться домой, как Керенский позвонил ко мне по телефону. Он был крайне любезен, обещал оградить меня от всяких неприятностей и дал мне номер своего личного телефона, с тем чтобы я немедленно звонила ему, в какое удобное время дня и ночи, ежели его помощь была бы мне нужна. Я должна сознаться, что такое отношение А. Ф. Керенского ко мне меня глубоко тронуло: я его совершенно не знала и в глаза не видала, а он меня и подавно, и встретить такой любезный ответ, особенно после разговора с Карабчевским, не только меня тронуло, но и обрадовало, так как я почувствовала наконец почву под ногами.

Другой мой большой друг и поклонник, Михаил Александрович Стахович, только что назначенный Временным Правительством Финляндским Генерал-Губернатором, тоже заехал ко мне и готов был сделать все, чтобы облегчить мое положение.

Третий мой верный друг, Викторов, не только на словах, но и на деле доказал мне свою дружбу. Дело было в том, что, покидая квартиру Юрьева, я оставила у него свой саквояж со всеми драгоценностями, так как я боялась их брать с собой, когда мы направились пешком к моему брату. Я попросила Викторова как-нибудь доставить мне этот саквояж. Он отправился исполнять мое поручение. Но одно поручение я все же ему не дала: принести мне спрятанную на квартире Юрьева последнюю фотографию Ники с его подписью. Покидая свой

дом, я захватила с собою эту фотографию и потом положила ее в какой-то иллюстрированный журнал, который лежал на столе у Юрьева, рассчитывая, что в случае обыска там ее всего менее будут искать. Когда же я уходила из квартиры Юрьева, я эту карточку нарочно оставила, так как было бы опасно ее нести с собою. Когда же я просила Викторова принести мне от Юрьева саквояж с драгоценностями, я ничего ему не сказала про карточку, боясь его этим подвести, если его остановят на улице и найдут ее при нем. А как я могла потом оставить самую дорогую для меня карточку, я сама этого не понимаю.

Не помню сейчас, много ли времени прошло, как ушел Викторов, но, к моей большой радости, он вернулся благополучно с моим саквояжем, но не он его нес, а какой-то солдат. Как мне Викторов объяснил, ему тяжело стало нести саквояж, и он попросил встречного солдата ему помочь, тем более что он сам носил военную форму, похожую на солдатскую. Кроме того, Викторов правильно рассчитывал, что никто не обратит внимания на то, что несет солдат.

Прожив еще на квартире брата, я однажды рискнула поехать совершенно одна в Таврический Дворец хлопотать об освобождении моего дома от захватчиков; я собиралась передать дом какому-нибудь посольству. Я пробегала по всем огромным залам и комнатам дворца в поисках того лица, от кого этот вопрос зависел. Меня куда-то водили, всюду было накурено, на полу валялись бумаги, окурки, грязь была невероятная, ужасные типы шмыгали по всем направлениям с каким-то напыщенным, деловым видом. Помню здесь и покойную ныне Колонтай сидящей на высоком табурете с папироской в зубах и чашкой в руке, закинув высоко ногу на ногу.

Наконец нашелся среди разношерстной толпы тот, кого я искала, это был довольно приличный человек, как говорили — меньшевик. Не помню, как его звали, не то Белявин, не то Беляевский. Выслушав меня, он немедленно поехал со мною в мой дом, чтобы выяснить положение и постараться мне помочь.

Когда я вошла в свой дом, то меня сразу объял ужас, во что его успели превратить: чудная мраморная лестница, ведущая к вестибюлю и покрытая красным ковром, была завалена книгами, среди которых копошились какие-то женщины. Когда я стала подыматься, эти женщины накиннулись на меня, что я хожу по их книгам. Я не выдержала и, возмущенная, сказала им в ответ, что я в своем доме могу ходить как хочу. Меня ввели в нижний кабинет, и тот человек, который меня сопровождал из Таврического Дворца, любезно предложил мне сесть на то кресло, на котором я обыкновенно любила сидеть. Среди находившихся тут солдат один был очень приличный. Когда мой проводник его спросил, почему они так задерживаются в моем доме, то вместо ответа он показал на угловое окно, из которого хорошо был виден Троицкий мост и набережная, и дал нам понять, что им это важно. Я тогда поняла,

что это были, очевидно, большевики и что они готовились к новому перевороту. Они хотели удержать за собою удобное место для наблюдения за мостом и для возможного его обстрела. Мой проводник предложил мне позвонить к себе домой по телефону, чтобы предупредить моих, где я сейчас нахожусь. Я вызвала квартиру брата и говорила с Вовой, стараясь его успокоить тем, что вокруг меня хорошие люди и что все благополучно. Мне предложили потом подняться в мою спальню, но это было просто ужасно, что я увидела: чудный ковер, специально мною заказанный в Париже, весь был залит чернилами, вся мебель была вынесена в нижний этаж, из чудного шкапа была вырвана с петлями дверь, все полки вынуты, и там стояли ружья, я поспешила выйти, слишком тяжело было смотреть на это варварство. В моей уборной ванна-бассейн была наполнена окурками. В это время ко мне подошел студент Агабабов, который первым занял мой дом и жил с тех пор в нем. Он предложил мне как ни в чем не бывало переехать обратно и жить с ними и сказал, что они уступят мне комнаты сына. Я ничего не ответила, это уже было верхом нахальства... Внизу, в зале, картина была не менее отвратительна: роуль Бехштейна красного дерева был почему-то втиснут в зимний сад, между двумя колоннами, которые, конечно, были сильно этим повреждены. Тут я узнала печальную весть о судьбе моего белого ручного голубя. Мой старший дворник мне рассказал, что в тот вечер, когда я покинула свой дом, мой дорогой белый голубь вдруг выпорхнул в окно и больше не вернулся. А прежде он каждый день вылетал и сам вечером возвращался ночевать в зимний сад, где он постоянно жил. Какой-то инстинкт заставил его покинуть дом.

С тяжелым сердцем вышла я снова из своего дома; с такой любовью построенный, вот во что он превратился...

Еще раз я посетила свой дом в сопровождении моего поверенного Хессина, который помогал мне освободить его, П. Н. Владимирову и Павлуши Гончарову. Нас встретил тот самый солдат, что и в первый раз, который был так вежлив со мною. Он повел нас в маленькую угловую гостиную в стиле Людовика XVI, где на полу стояло много ящиков от серебра и футляров от разных вещей. Указывая на них, он мне сказал: «Вы видите, все в полной сохранности», но, как я потом узнала, все ящики и футляры были пустыми, все уже было расхищено. За нами по пятам следовали два матроса и все время о чем-то между собою шептались. Владимиров, который шел рядом с ними, вдруг подошел ко мне и шепнул мне на ухо, чтобы я немедленно покинула дом и не задерживалась ни на секунду. Я последовала его совету, поняв, что что-то важное случилось, и, когда мы вышли на улицу, он мне рассказал, что случайно подслушал разговор двух матросов относительно меня. Я была маленького роста, а в черном пальто и с платком на голове казалась еще того меньше. Владимиров слышал, как они

говорили: «А мы думали, что она рослая, а она такая тщедушная, вот тут бы ее и прикончить...» Владимиров был прав, посоветовав мне уйти из дома, пока не поздно.

Так как все хлопоты по освобождению моего дома ни к чему не привели, я решила лично обратиться с этой просьбой к Керенскому и поехала к нему в Министерство Юстиции. Он меня очень мило принял, усадил в кресло, но пояснил мне, что освободить мой дом нельзя, так как это повлечет за собою кровопролитие около него, что еще более осложнит дело. Потом я действительно убедилась, что он не в состоянии был этого сделать.

Доброе отношение моих друзей меня сильно подбодрило, стало как-то легче на душе, я почувствовала, что и в беде есть друзья, которые меня не забыли.

Прожив в общем у моего брата около трех недель, я стала чувствовать, что я его стесняю своим пребыванием: у него была своя семья — жена, дети, а они мне отдали первое место у себя, лучшую комнату и все лучшее.

Я решила переехать от него сначала к сестре, которая жила на Английском проспекте, № 40, но, прожив дня три, переехала к своему большому другу, Лиле Лихачевой, на Офицерскую улицу, № 39, где тоже оставалась дня три, и наконец переехала к П. Н. Владимирову, который мне уступил свою квартиру на Алексеевской улице, № 10, крошечную, но удобную для меня. Мы с Вовой поместились в его спальне. Ужасно было сознание, что нет больше своего угла и что надо искать приюта у других, понимая, что этим их страшно стесняешь.

Людмила и Арнольд постоянно приходили ко мне и помогали кормиться. Арнольд был великолепным поваром. Он, как швейцарский подданный, оставался жить в моем доме и пользовался этим, чтобы приносить мне все, что он мог спасти из мелочей, и вынести незаметно. Людмила переехала к своей матери, но часто бывала в моем доме и умудрилась принести мне много моих башмаков. Она входила в мою гардеробную комнату босиком, приседая, чтобы не было видно, что она босая, надевала мои башмаки и выходила в них. Людмила мне рассказывала, как солдаты, найдя в моей уборной шкаф с флаконами духов, разбивали их об умывальник, а чудное мое покрывало с постели из линон-батиста рвали на клочья. Даже Катя-коровница и та принесла мне обратно мою черную бархатную юбку, которую она украла и распоролла, так как была полнее меня. Узнав, что Керенский мне покровительствует, она испугалась и вернула юбку, которая сыграла потом свою роль. Одновременно она принесла мне фотографию Императора Александра III, снятого со своим братом, Великим Князем Владимиром Александровичем, когда они оба были еще мальчиками. На этой фотографии Великий Князь Владимир Александрович был замечательно похож на Вову, и Катя-коровница думала, что это портрет именно Вовы.

На Алексеевской улице, на квартире Владимирова, я жила сравнительно спокойно. Первая волна революции прошла, наступило, в общем, успокоение, внешнее, может быть, но все же успокоение. На Пасху мой повар Дени приготовил и прислал мне разговление, на котором присутствовали Бабиш Романов и Леля Смирнова. Пасха была 2(15) апреля.

Однажды ко мне зашел Семен Николаевич Рогов, которого я хорошо знала как балетомана и журналиста. Он был мобилизован во время войны, числился в запасном батальоне Лейб-Гвардии Кексгольмского полка и носил военную форму. Вертясь постоянно в солдатской среде, он хорошо знал все, что в ней происходит и какое там царит настроение. Он пришел ко мне с очень странным и неожиданным для меня предложением выступить в театре Консерватории на спектакле, который устраивается солдатами его полка. Я, конечно, пришла в ужас от такой дикой, на мой взгляд, мысли. Выступить в такое время перед солдатами, с моим именем, мне казалось просто безумием. Но Рогов, несмотря на мои возражения, старался меня убедить, что это не безумие и не дикая идея, а серьезное и обдуманное с его стороны предложение. Он стал доказывать, что гораздо лучше, если я добровольно соглашусь, так как теперь такие вечера устраиваются повсюду и артистов почти принуждают на них выступать. Не следует ждать того момента, когда мне придется выступить против воли, что будет для меня невыгодно. В конце концов Рогов убедил меня согласиться, уверяя, что никакой опасности нет и мое появление на сцене будет встречено с восторгом, а после этого я смогу свободно и открыто появляться на улице, а не прятаться, как я до сих пор делала. Мне привезли из дома мой русский костюм. Мой гардероб был еще цел, и по указанному мною номеру шкапа все было найдено и доставлено в сохранности.

В назначенный для спектакля вечер я сидела одетая и загримированная в ожидании вестей из театра, куда вперед выехали мой поверенный Хессин, П. Н. Владимиров и Павел Гончаров разузнать, какое настроение там царит и могу ли я приехать. Несмотря на заверения Рогова, что мне не угрожает никакая опасность, мои друзья хотели сперва лично в этом убедиться. Они смешались с солдатами и прислушивались к тому, что говорилось в их среде. Сперва они нашли довольно враждебное ко мне отношение со стороны солдат. Под этим впечатлением они дали мне знать, что ехать мне пока нельзя. Но когда они стали им говорить, что я замечательная артистка и что, когда они меня увидят, то придут в восторг, — настроение солдат постепенно изменилось, и когда мои друзья в этом убедились, они отрядили Рогова доставить меня в театр.

Я была ни жива ни мертва и плохо соображала, что творится кругом. Многие артисты нашего балета приехали в театр и стояли за кулисами, и все очень волновались, как волновались и сами устроители вечера. Да и Рогов, несмотря на все

его заверения, потом сознался, что безумно волновался до последней минуты. Несмотря на грим, я была бледна как полотно, да и понятно: я страшно тревожилась за свое выступление, и в особенности за Вову, которого оставила одного дома, не зная, что меня ожидает.

Не без колебания и страха стояла я за кулисами, пока наконец решилась выйти на сцену. Что тут произошло, трудно описать. Вся публика в зале встала со своих мест и приветствовала меня громом аплодисментов и такими овациями, что оркестр должен был прервать начатую музыку, так как все равно ничего не было слышно. Довольно долго все это продолжалось, Рогов говорит, что по крайней мере с четверть часа, пока я наконец могла исполнить свой номер. После того как я протанцевала свою «Русскую», овациям не было конца, и мне пришлось повторить ее еще раз и, если бы хватило сил, могла бы повторить и в третий раз, так меня приняли, но сил больше не было никаких. Солдаты бросали фуражки на сцену от восторга. За кулисами многие плакали, до того был резок переход от волнений и опасений к полному восторгу всей залы. Вернулась я домой усталой, но с облегченным сердцем, что я выполнила свое обещание и все обошлось благополучно, но чего это мне стоило, мало кто знал.

Это было мое последнее выступление на сцене в России, моя лебединая песнь... и как раз я танцевала в последний раз на той же сцене театра Консерватории, на которой выступила впервые, когда там еще был Большой театр.

Первого мая ожидалась в городе беспорядки, выступление большевиков, и я боялась оставаться одна с сыном на квартире Владимира, поэтому с радостью приняла предложение Сиамского посланника Визана переехать к нему с Вовой на эти дни. Посольство помещалось в № 6 на Адмиралтейской набережной. Я прожила там два дня вместе с моей сестрой и ее мужем. Моя сестра боялась очень за своего мужа, который был уже раз арестован в начале переворота, но вскоре освобожден, сестра боялась нового ареста. Посланник Визан был моим старым другом, часто бывал у меня и теперь, в эти смутные дни, не боялся меня часто навещать.

Вскоре после этого мне вернули один из моих автомобилей, реквизируемый в начале переворота, я поспешила его продать и хоть что-нибудь выручить, пока его вторично не отберут.

В начале июня Сергей Михайлович вернулся из Ставки в Петроград. Его просили, как исключение, и то в частном порядке, так как сразу же после революции Великие Князья должны были покинуть военную службу, продолжать руководить Артиллерийским управлением при Ставке Верховного Главнокомандующего. Он остался из-за этого в Могилеве целых три месяца. Расставаться с его любимым делом — артиллерией — было для него страшнейшим ударом.

В Петрограде ему вернули его маленький автомобиль, кото-

рым обыкновенно пользовались его служащие, и мы могли, таким образом, совершать на нем прогулки. Однажды, катаясь на Стрелке, я увидела свой второй автомобиль, в котором сидели какие-то люди. Мне показалось, что они меня узнали, и мы поспешили уехать.

В другой раз мы поехали с Вовой в Царское Село вместе с моим человеком Арнольдом, который уговорил меня позавтракать там у его друга, содержавшего маленький пансион. После завтрака мы осматривали его хозяйство, курятник, огороды и т. д. Эта прогулка кончилась очень печально. Я взяла с собой моего фоксика Джиби, и он, вероятно бегая по всяким закоулкам, съел что-нибудь ядовитое и в ту же ночь он у меня на кровати околел. Когда мы возвращались домой, да и весь вечер, Джиби вел себя как обычно и только ночью ворочался больше обыкновенного, но я думала, что он просто блох вычесывает, и все его успокаивала. Наутро, когда я проснулась, он оказался уже мертвым.

Потеря любимой собачки, верного друга, в течение девяти лет не покидавшего меня, так хорошо меня знавшего и понимавшего, была для меня горем. Я помню, я как-то ночью заплакала, и у меня вырвался крик отчаяния. Мой Джиби вскочил мне на грудь и своими чудными глазами с ужасом смотрел на меня, как будто чувствуя, что я переживаю. Я повезла его в Стрельну на том же автомобиле с Вовой похоронить его там, где он был такой счастливый, бегая на воле по саду. Солдаты, которые уже жили на моей даче, отнеслись к этому очень трогательно и даже сами помогли мне вырыть ямку и засыпать. Когда солдаты его засыпали и я горько плакала, они говорили между собою: «Видно, хорошая была собачка, коль барыня так заливается».

Я и до этого случая была у себя на даче. Все в доме было перевернуто, и масса мебели была уже увезена. Сами солдаты были всегда очень вежливы со мною и корректны, они даже оберегали Вову во время его прогулок по саду, а старший из них предлагал Вове пожить в его маленьком доме, ручаясь, что он будет в полной безопасности.

Мне хотелось перевезти в город мое пианино из шведской березы и еще кое-что из уцелевших вещей. Я поручила это солдатам, которые охотно согласились и все в порядке доставили на моей телеге, служившей для перевозки растений с дачи в город, в мой зимний сад. На память они попросили у меня мои карточки. В это время еще солдатская масса не была тронута глубоко революцией, и среди них, как видно, были хорошие и сердечные люди.

На день рождения Вовы, 18 июня, мы все решили поехать в Финляндию, в имение Николая Александровича Облакова, воспитателя в Императорском Театральном училище при мальчишках, большого друга П. Н. Владимирова, который часто у него гостил. Со мною поехали: Вова, П. Н. Владимиров и Великий Князь Сергей Михайлович. Имение находилось недалеко

от станции «Белоостров». Мы прожили там дня три-четыре и вернулись в город. После всего пережитого за последнее время пребывание у Облакова было большим моральным и физическим для меня отдыхом.

В Петербурге я прожила еще около месяца. Чем становилось спокойнее, тем мучительнее чувствовалось, что нет больше ничего своего, нет ни дома, ни вещей, но другим было еще хуже.

Проезжая как-то мимо своего дома, я увидела Колонтай разгуливающей в моем саду в моем горностаевом пальто. Как мне говорили, она воспользовалась и другими моими вещами, но не знаю, насколько это верно.

Глава тридцать седьмая

1917

июль — декабрь

Прошло почти полгода, что я рассталась с Андреем, и меня стало все более и более тянуть к нему в Кисловодск. Из его писем я знала, что переворот почти не коснулся Кисловодска и что после первых тревожных дней жизнь вошла в свою колею и протекала сравнительно мирно и тихо. Многие семьи начали покидать Петербург и уезжать на Кавказ, главным образом именно на группу минеральных вод: Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск, где, кроме прекрасного климата и целебных вод, можно было удобно устроиться. Уехали: Граф Коковцов с женой, Графиня Карлова со всей семьей, Шереметевы, Воронцовы и многие другие. Съехались туда и представители финансового мира. Все считали, что оставаться в столице рискованно, могут возникнуть новые беспорядки и даже перевороты, снова пойдут аресты.

Мне хотелось быть с Андреем, и, кроме того, я хотела увезти сына подальше от столицы и поселиться с ним, хоть временно, в безопасном месте. Постоянная тревога за него меня вконец измучила. С тех пор как я лишилась своего петербургского дома и стрельнинской дачи, я скиталась по чужим квартирам, стесняя всех своим присутствием. Надежды на скорое освобождение у меня не было. Я, конечно, рассчитывала осенью вернуться из Кисловодска в Петербург, когда, как я надеялась, освободят мой дом. Я думала начать тогда новую жизнь, но какую, я сама еще не знала, столько сложных и трудных вопросов стояло передо мною. Вскоре после переворота, когда Великий Князь Сергей Михайлович вернулся из Ставки и был освобожден от занимаемой им должности, он предложил мне жениться на мне, но я по совести не могла принять это предложение — ведь Вова был сыном Андрея. Великого Князя Сергея Михайловича я бесконечно уважала за его беспредельную преданность мне и была ему благодарна за все, что он сделал для меня в течение годов, но того чувства любви, которое

я испытывала к Андрею, я к нему никогда не питала. Он хорошо это знал и потому простил мне то, что случилось, когда я так безумно полюбила Андрея. В этом была моя душевная драма. Как женщина и мать Вовы я всею душою и телом принадлежала Андрею, и в моей душе боролись чувство радости снова увидеть Андрея и чувство угрызения совести, что оставлю Сергея одного в столице, где он был в постоянной опасности. Кроме того, мне было тяжело увозить от него Вову, в котором он души не чаял. Он прямо обожал его, хотя и знал, что он не его сын. Со дня его рождения он все свое свободное время отдавал ему, занимаясь его воспитанием. Я была слишком занята во время сезона постоянными репетициями и спектаклями и совершенно не имела времени заниматься сыном, как я того хотела. Мало кто отдает себе отчет, какой огромный труд представляет собою жизнь первой артистки, какого напряжения она требует. Вова часто упрекал меня, что мало меня видит зимою.

Все эти соображения мучили меня, но безопасность сына и стремление поскорее увидеть Андрея заставили меня принять окончательное решение ехать в Кисловодск, выждать там освобождение моего дома, а потом вернуться обратно. Никто еще не предвидел тогда поворота событий, и по привычке мы составляли свои планы по-прежнему.

Я стала хлопотать о получении разрешения на поездку в Кисловодск, без которого было тогда рискованно путешествовать по России. Кроме того, такое разрешение служило доказательством того, что вы не привлечены к ответственности за деяния, совершенные при старом режиме, и не подлежите аресту. Я обратилась к А. Ф. Керенскому с соответствующей просьбою как к главе Временного Правительства. Вскоре я получила просимое разрешение от Министра Юстиции Павла Николаевича Переверзева с правом не только свободного проезда по всей России, но и с правом повсеместного беспрепятственного проживания.

Когда настал момент отъезда и разлуки на Николаевском вокзале и Великий Князь Сергей Михайлович стоял в своем длинном, уже штатском пальто, я видела, с какой тяжелой и безграничной грустью в глазах он смотрел нам вслед за медленно удалявшимся поездом — это была последняя с ним разлука...

Выехала я из Петербурга 13 июля, в четверг. Со мною поехали: моя преданная горничная Людмила Румянцева и мой старый слуга Иван Курносков, который перед самым моим отъездом был демобилизован и вернулся ко мне. Я его взяла для Вовы, так как его личный человек, Кулаков, смылся в первые же дни революции. Мне удалось получить двухместное спальное отделение в международном вагоне, в котором я поместилась с Вовой и с Людмилой, а Иван нашел себе место в том же вагоне. Первые дни мы ехали благополучно, но после

Москвы в вагон постоянно врывается толпа беглых с фронта солдат, которые ни с чем не считались, говоря, что теперь свобода и каждый делает что хочет. Солдаты заполняли все коридоры и вывалились в отделения, от них житья никакого не было в поезде.

В Кисловодск мы приехали 16 июля, на другой день после именин Вовы, в 10 часов вечера. Андрей нам нанял комнаты на даче Щербинина, на дочери которого был женат офицер Добжинский, впоследствии бывавший у меня с женою в Кап д'Ай. Дача представляла одноэтажное здание летнего типа, все комнаты сообщались между собою, но, кроме того, имели выход с обеих сторон на крытые галереи, на улицу и на двор. Каждый имел по одной комнате. Дача была расположена на Эмировской улице. Оставив вещи дома, мы сразу пошли ужинать в грузинский ресторан Чтаева, в саду, в беседке; Андрей со своим адъютантом Кубе ужинали с нами. Они заказали чудные грузинские блюда. После долгого, утомительного путешествия этот ужин в саду показался нам роскошным и замечательно вкусным.

Мы часто вспоминаем этот вечер. Так было приятно посидеть вечером вместе. Где-то играла музыка, светила луна, мы снова соединились после тяжелых испытаний. Радость видеть снова Андрея была так велика, что все горести судьбы были временно забыты. Мы устроились очень хорошо в наших комнатах на даче Щербинина, хотя они были далеки от всякой роскоши. Питались мы с Вовой в ресторане. На даче нельзя было иметь своего хозяйства, только утренний кофе нам готовил Иван.

В Кисловодске оказался М. М. Фокин с женой, и мы с Андреем пили у них чай 21 июля. Все говорили об одном и том же: оставаться или ехать, что будет дальше и на что решиться.

Двадцать девятого августа приехали сестра с мужем и поселились на той же даче, что и мы, только в соседнем флигеле.

Двадцать первого сентября приехал из Петербурга Великий Князь Борис Владимирович с Леоном Манташевым, с ними вернулся и временно уезжавший Ф. Ф. Кубе.

Вскоре стало выясняться, что о возвращении в Петербург и думать нельзя, дом мне не возвращали, и неизвестно было, отдадут ли его, да и общее состояние было такое, что лучше было оставаться в Кисловодске на зиму. Тогда я стала прискивать себе зимнее помещение, так как дача Щербинина, где мы жили, была летняя, без отопления. К счастью, я нашла прелестную дачу на Вокзальном переулке, № 9, принадлежавшую инженеру Беляевскому. Дача была с садиком и очень мило обставленная. Хозяева остались жить в другой части дачи, совершенно независимой от нашей. Я сразу наняла себе кухарку и обзавелась своим хозяйством. Несмотря на то, что я привыкла жить в роскоши, у меня явилось радостное чувство, что я на-

конец у себя после скитаний по чужим квартирам в течение почти четырех месяцев, и как-то легче стало на душе. Я переехала на новую дачу 3 октября, со мною переехала и моя сестра с мужем.

Еще до переезда на дачу ко мне приехал из Сочи, где он лечился, П. Н. Владимиров и тоже поселился у меня на даче. Он вздумал кататься верхом, но это кончилось тем, что он упал с лошади, страшно расшибся и сломал себе нос. Он довольно долго пролежал, весь в перевязке, а нос так и остался приплюснутым.

Когда жизнь у меня наладилась, кругом оказалось много петербургских знакомых, и я часто ходила в гости. Меня угнетала мысль, что Великий Князь Сергей Михайлович остался в Петербурге, подвергая себя совершенно напрасно опасности. Я стала ему писать и уговаривать его приехать также в Кисловодск.

Но он все откладывал приезд, желая сперва освободить мой дом, о чем он усиленно хлопотал, а кроме того, он хотел переправить за границу оставшиеся от матери драгоценности и положить их там на мое имя. Но это ему не удалось, так как Английский посол, к которому он обратился, отказался это сделать. Кроме того, Великий Князь хотел спасти мебель из моего дома и перевезти ее на склад к Мельцеру, что, кажется, ему удалось, хотя наверное не знаю. Во всяком случае, это оказалось полезным.

Когда П. Н. Владимиров, оправившись после своего падения, уезжал в октябре 1917 года обратно на службу в Петербург, он обещал мне помогать Великому Князю Сергею Михайловичу насколько сможет и свое обещание выполнил. Владимиров предполагал потом снова вернуться в Кисловодск, но написал мне, что он сейчас не может приехать, так как не хочет оставить Великого Князя Сергея Михайловича одного и хлопочет об его переезде в Финляндию. Из этого ничего не вышло, так как бумаги были выправлены только для Сергея Михайловича, а для его человека нет, а без него он, больной, не мог ехать. Но кроме того, Великий Князь боялся покинуть Россию, как и многие другие члены Императорской фамилии, чтобы этим не повредить положению Государя. Когда он закончил все мои дела и хотел выехать в Кисловодск, оказалось уже слишком поздно, большевики захватили власть в свои руки, и бегущие с фронта солдаты просто выбрасывали пассажиров из вагонов, чтобы самим доехать скорее домой. Путешествовать по России тогда было невозможно.

Когда до нас дошли известия о большевистском перевороте и в связи с этим о первых мерах, принятых ими — конфискация банков, сейфов и всего имущества «буржуев», отобранного правительством, — мы поняли, что в один день мы все стали нищими.

Погибла моя надежда получить обратно свой дом, и я увиде-

ла, что, не имея больше возможности вернуться в Петербург, я не смогу получить обратно самое дорогое для меня — письма Ники и его последнюю карточку, оставленную мною на квартире у Юрьева. Письма Ники я уложила в шкатулку и отдала на хранение моему большому и преданному другу, вдове артиллериста Инкиной, дочь которой, Зоя, была другом детства моего сына и часто у нас бывала. Передавая ей эту шкатулку, я была уверена в ее сохранности, считая, что Инкиной не грозят обыски и преследования. Я надеялась также, что фотография у Юрьева сохранится до лучших дней. Но и теперь, после всего случившегося, я все же питала еще надежду, что когда-нибудь я снова получу обратно эти самые дорогие для меня воспоминания.

Волна большевизма, захватывая все новые и новые области, докатилась до Кисловодска лишь в начале 1918 года. До этого времени мы все жили сравнительно мирно и тихо, хотя и раньше бывали обыски и грабежи под всякими предлогами.

У меня в Кисловодске оказалось немало друзей и знакомых, и мы постоянно собирались вместе то у одних, то у других к чаю, обеду или поиграть в карты, чтобы немного душу отвести. Сидеть одной дома было мучительно в такие тревожные времена. Ко всему этому, местные власти от времени до времени объявляли нечто вроде осадного положения, что сводилось главным образом к запрещению выходить на улицу после 9-ти часов вечера и до восхода солнца. Волей-неволей приходилось сидеть до утра, чем мы и пользовались, чтобы не расходиться слишком рано.

Как только было решено, что мы остаемся в Кисловодске, Вова поступил в местную гимназию. Гимназия была отлично поставлена, состав преподавателей был превосходный, и Вова с успехом окончил там свое образование. У него было много друзей среди своих сверстников, они постоянно играли в огромном парке и изрядно шалили. Зачастую Вова, к негодованию Ивана, возвращался домой в разорванном пальто или костюме.

Глава тридцать восьмая

1918

январь — октябрь

КИСЛОВОДСК — БЕГСТВО — АНАПА

Лишь в январе большевизм начал ощущаться в Кисловодске. До сих пор до нас лишь доходили слухи о том, что творится в столицах и в больших центрах. Мы надеялись, что до нас революционная волна дойдет нескоро, но было все же ясно, что испытания ожидают и нас, что мы их не избежим.

Первым городом из группы Минеральных Вод, захваченным большевиками, был Пятигорск, местный административный центр. Как и в Петрограде, там начали арестовывать офицеров,

закрывать банки и проделывать все то, что творилось в занятых советской властью городах. Вскоре после занятия Пятигорска большевики появились и в Кисловодске. Это произошло, в общем, как-то неожиданно и, я бы сказала, незаметно.

Двадцать седьмого января у меня собрались к обеду близкие друзья, было человек десять. Был уже десятый час, когда нагрянул с обыском отряд красноармейцев. Обыск они произвели очень поверхностный, держали себя, в общем, корректно. Почему, собственно, они пришли, было не ясно, пришли, видно, для того, чтобы посмотреть, как живут в Кисловодске буржуи, и отбирать, как они говорили, военное оружие. Но никакого оружия у меня в доме никогда не было. Андрей, как и многие другие, носил в то время черкеску с кинжалом. Услыхав, что красноармейцы спрашивают оружие, он быстро сбросил кинжал и положил его в переднюю, чтобы его спасти. Но один из солдат, заметив, что он без кинжала, спросил, где же кинжал, на что я поторопилась ответить, что он в передней, боясь, как бы Андрей не дал необдуманного ответа. Солдаты хотели отобрать и у Вовы его детский кинжал, но мой верный Иван вступился и пристыдил их, сказав: «Как вам не стыдно обижать мальчика и отбирать его детский кинжал». Они ему его оставили. Минут через пятнадцать после их ухода один из солдат потихоньку вернулся, чтобы посоветовать нам расходиться по домам, а то, добавил он, нам может прийтись плохо. Конечно, мы тотчас же разошлись. Поразил и тронул нас всех этот жест. Кто был этот солдат и что побудило его вернуться и предупредить нас, так и осталось для нас неизвестным. Его мы никогда больше не встречали.

Тридцатого апреля в Кисловодск прибыла финансовая комиссия во главе с комиссаром Бўлле, по всей вероятности латышом по происхождению, присланным из Москвы, чтобы собрать со скопившихся в Кисловодске «буржуев» 30 миллионов рублей контрибуции. Нас всех созвали в «Гранд Отель», где заседала эта комиссия. В этот день я была совершенно больна и еле держалась на ногах. Среди собравшихся у меня было много друзей, в том числе одна еврейка, Ревекка Марковна Вайнштейн, которая меня очень полюбила за это время. В первое время, когда мы с ней познакомились, она ни за что не хотела встречаться с Андреем из-за своих политических убеждений. Заметив, что я себя плохо чувствую, Р. М. Вайнштейн по собственной инициативе обратилась к комиссару Бўлле и заявила ему, что тут в зале находится М. Ф. Кшесинская, совершенно больная, и добавила, что она одна из первых пострадала от революции, потеряла свой дом, все свое имущество и что с нее уже нечего взыскивать больше в виде контрибуции. Бўлле после этого подошел ко мне и в чрезвычайно корректной форме справился о состоянии моего здоровья. Узнав о моем нездоровье, он предложил мне сейчас же вернуться домой, даже приказал дать мне для этого

экипаж и поручил кому-то меня проводить. С тех пор с меня больше контрибуцию не требовали.

Вскоре после этого ко мне на дачу пришли два большевика, один по фамилии, кажется, Озоль, а другой Марцинкевич. Озоль тут же вынул из кармана свои ордена и значки, рассказал, что был ранен на войне и лежал в лазарете имени Великой Княжны Ольги Николаевны. Он этим хвастался и хотел произвести на меня впечатление. Марцинкевич, еще совершенно молодой, красивый и стройный человек, был в черкеске и держался корректно. Они оба пришли меня приглашать выступить на благотворительном спектакле, который они собирались устроить, кажется, в пользу местных раненых. На моем лице появилось выражение не только удивления, но и возмущения, что они посмели ко мне обратиться с подобною просьбою. Моя мимика была, вероятно, особенно выразительна и говорила больше, чем я могла бы передать словами, так как они оба поспешили меня заверить, что среди тех, для которых делается сбор, многие сохранили прежние воззрения, они понимали, вероятно, что для одних большевиков я не согласилась бы выступить. Они даже предложили доставить мои костюмы из Петербурга, когда я им объяснила, что если бы и хотела, то не могла бы танцевать, не имея своих костюмов. Я, конечно, категорически отказалась выступить на их вечере, но согласилась продавать билеты, а в день вечера продавать программы и, кажется, шампанское. Я решила, что полный отказ принять участие в их вечере после того, как они лично пришли меня просить, мог бы навлечь на меня неприятности, если не с их стороны, то со стороны их сотоварищей, а мне необходимо было по возможности избегать всяких недоразумений с властью имущими. Когда Озоль ушел, Марцинкевич под каким-то предлогом остался, видимо желая со мною поговорить наедине. Действительно, он просил меня в случае каких-либо неприятностей вызвать его немедленно, это было очень трогательно со стороны большевика.

Вскоре после этого визита в Курзале был какой-то спектакль или концерт, и я сидела в креслах. Марцинкевич, увидав меня, сразу подошел ко мне и на виду у всех почтительно поцеловал мне руку.

Благотворительный вечер, на который меня приглашали Озоль и Марцинкевич, прошел совершенно благополучно и даже произвел на меня самое лучшее впечатление своим порядком и отличной организацией. Устроители вечера меня встретили как в былое время и на каждом шагу старались оказать мне внимание. По окончании вечера устроители предлагали проводить меня домой, но меня проводил мой старый друг Константин Молостов, бывший офицер Конного полка. Потом, когда мне приходилось встречаться с Марцинкевичем, он всегда казался мне особенно грустным. Чувствовалось, что он не вполне сочувствует новому течению, которому служил. В

последний раз, что я его видела в «Гранд-Отеле», он сказал мне, что его посылают куда-то с отрядом. После этого я его больше не видела и ничего не слышала о нем.

Примерно в это же время, весной 1918 года, Лидия Алексеевна Давыдова задумала устроить детский спектакль, чтобы хоть немного развлечь детей и отвлечь их внимание от грозных политических событий в России. Спектакль должен был иметь, кроме того, благотворительную цель в пользу общежитий для раненых.

Лидия Алексеевна Давыдова играла довольно видную роль в Кисловодске. Она сама была чрезвычайно красива и была матерью четырех очаровательных дочерей.

Лидия Алексеевна, рожденная Мещеринова, была замужем за Евгением Федоровичем Давыдовым, принадлежащим, как и его два брата, к финансовому миру: старший его брат, Виктор Федорович, был директором Русско-Азиатского банка, второй брат, Леонид Федорович, был директором Кредитной Канцелярии Министерства Финансов. Лидия Алексеевна и ее муж обладали некоторыми средствами и жили сравнительно широко.

Для предстоящего детского спектакля Лидия Алексеевна пригласила и моего сына в число актеров, чтобы играть главную роль в фантастической пьесе «Калиф-Аист». Эта мысль мне не особенно понравилась. Я не видела никаких сценических талантов в моем сыне и боялась, что он с треском провалится. Но видя его горячее желание играть и уступая его настойчивости, я дала свое согласие, хотя и не без страха. На первых репетициях я не присутствовала, но когда репетиция была назначена на сцене театра Курзала, я пришла посмотреть, как мой сын справляется со своей ролью.

К моему великому удивлению и радости, я увидела, что Вова отлично справляется со своей ролью, и, вернувшись домой, я стала проходить с ним его роль, показывая, как правильно выражаться, как себя держать на сцене, и обучая некоторым жестам. Потом с помощью моей горничной Людмилы принялись шить ему костюм. По роли Вова был то калифом, то аистом, то снова калифом, менялся его головной убор: как калиф он носил чалму, как аист — голову аиста. Костюм очень удался.

Перед спектаклем я слегка загримировала Вову. Волнений было много, но спектакль прошел на славу, актеры себя оправдали, и им шумно аплодировали. Вова же меня даже поразил своей игрой. Спектакль привлек много народу, зал театра Курзала был полон.

Курьез этого вечера заключался еще в том, что в одной и той же зале присутствовали: в одной ложе представитель нашей династии Великий Князь Борис Владимирович, а в другой — представители новой власти, большевистской, в лице комиссаров: Бүлле, Лещинского, Марцинкевича...

Большевизм достиг Кисловодска не сразу, а постепенно.

Придут, налетят с блиндированным поездом, уйдут и снова период сравнительного затишья, до следующего налета. В эти спокойные периоды мы продолжали собираться пообедать вместе или поиграть в карты, так как все одинаково не любил оставаться одни дома. Если было разрешено возвращаться ночью домой, то мы и возвращались, хотя это становилось с каждым днем опаснее, и два раза я чуть не поплатилась за это. Раз я возвращалась с Молостовым домой. Было совершенно темно. Вдруг раздался голос: «Кто идет?» — из темноты вылезла фигура солдата с ружьем. Когда мы сказали, что идем домой, он нам крикнул вслед: «Поторапливайтесь, а не то я вам выстрелю в зад». Мы оба затаили дыхание и прибавили шагу, чтобы скорее скрыться от солдата. В другой раз меня провожал домой Маринов, очень милый наш партнер в карточной игре. Он владел писчебумажным магазином и слыл за богатого человека. Было раннее утро, солнце только что начинало вставать, мы прошли с ним вокзал и железнодорожный мостик, который вел к Вокзальному переулку, где была моя дача, по ту сторону мостика, направо от дорожки, на скамейке сидели два подозрительных типа в кожаных куртках. Когда мы их миновали, то мне показалось, что они оба встали и пошли за нами. Я несла в руках коробку с игральными жетонами, которые при ходьбе побрякивали. Оглянуться я боялась, сердце сильно билось, такие встречи ночью всегда очень неприятны. Когда я подошла к калитке моего дома, я попрощалась с Мариновым и вошла в дом, а он продолжал свой путь. Но не успела я раздеться, как у парадной двери раздался нервный звонок, как будто кто-то торопит, чтобы ему открыли бы скорее дверь. Моя горничная Людмила пошла открывать дверь. Перед ней стоял мой провожатый Маринов, весь истерзанный и оборванный. Оказалось, что не успел он отойти далеко от моего дома, как эти два типа, которые сидели на скамейке, набросились на него, сорвали кольца с пальцев, взяли портсигар и бумажник с деньгами, но так как он оказал им сопротивление, то они его вдобавок еще избили и разорвали всю одежду на нем. Он был в ужасном состоянии. После этих двух случаев я уже стала бояться возвращаться домой ночью, даже с провожатым.

Несколько раз ко мне на дачу приходили с обыском под разными предлогами и обыкновенно ночью. Но однажды красноармейцы ворвались ко мне днем и потребовали показать им наши паспорта. Я им показала свой и в довольно резкой форме заявила, что у меня настоящий паспорт, что я артистка Императорских театров. Один из солдат взял мой паспорт и начал его рассматривать. Я заметила, что он его держит вверх ногами, тогда я его вырвала, сказав, что нечего ему рассматривать мой паспорт, раз он неграмотный. Иван, который их крайне недружелюбно встретил, быстро их выпроводил вон.

В другой раз, кажется 7 или 8 июня, рано утром, опять пришли с обыском. Хотя я и испугалась, но, как это часто бывает

в момент опасности, встретила я их очень энергично. Они заявили, что пришли делать обыск. Я боялась, что они напугают Вову, который еще крепко спал, и предупредила их, чтобы не входили в его комнату. Я им заявила, что у меня давно уже все отобрано и ничего больше не осталось. Но они ничего не трогали и, по-видимому, кого-то искали. Потом я узнала, что не только у меня, но по всему Кисловодску в этот день искали Велико-го Князя Михаила Александровича, который, по их сведениям, бежал из Перми на Кавказ. Они предполагали, что он укрывается в Кисловодске.

Обыски обыкновенно сопровождалась отбиранием всего ценного, что солдатам попадалось под руки, и все поэтому стали прятать деньги и драгоценности. Тут, конечно, каждый проявлял свой талант и находчивость. Но часто приходилось менять места, так как, конечно, все прятали примерно одинаково, и раз солдаты находили вещи в одной квартире в определенном месте, они в следующей искали в таком же. Например, прикалывали деньги под ящик, чтоб, когда открывали его, там денег не было. Но потом они это открыли и прямо лезли под ящички. Деньги я спрятала в нижнем этаже дачи, между окнами, в той верхней части, где окна не открывались, и для этого пришлось вынуть раму. Драгоценности я спрятала в полу южку кровати, спустив их на ниточке, чтобы потом можно было вытащить обратно. Многие первоначально прятали свои кольца в банках с помадой, но солдаты скоро нашли это и прямо лезли туда пальцами. Многие дамы очень любили хвастаться, куда они прятали свои вещи, и, конечно, кто-нибудь подслушивал, и тайна была выдана. На этом хвастовстве многие попались.

Несколько раз ко мне на дачу повадился, по-видимому, совершенно ненормальный человек. Он все спрашивал меня, хотел меня во что бы то ни стало видеть. Как только он приходил, я пряталась, и он разговаривал с моей горничной Людмилой, которая ему всегда отвечала, что меня нет дома. Вероятно, надеясь встретить меня на улице, он спросил Людмилу, как я выгляжу. Людмила сразу сообразила, что опасно ему давать мои приметы, и в ответ на его вопрос радостным тоном стала описывать наружность нашей кухарки, которая была крупная, дородная и рыжая. Он этим вполне удовлетворился. Но в следующий раз, когда он пришел ко мне на дачу, то, увидя мою кухарку, крупную, дородную и рыжую, как меня описала Людмила, обрадовался, что наконец меня встретил: «Ах, наконец, вот она», и, принимая кухарку за меня, начал с ней разговаривать, но скоро догадался, что его обманули. Потом раз я его встретила, когда мы пили чай с сыном, сестрой и ее мужем, бароном Зедделером, в день его именин, 30 августа. Он подошел к барону Зедделеру и стал с ним разговаривать. Он, по-видимому, знал, что Али муж моей сестры, и я испугалась, как бы он меня не узнал. Я съежилась как могла, чтобы придать себе вид девочки, прикрылась шляпой и, наклонившись к сыну,

что-то стала ему говорить, но так, чтобы он моего лица не видал. К счастью, он меня не узнал.

В другой раз ко мне пришел какой-то господин в парусиновой рубашке с черным галстуком в сопровождении солдата и заявил мне, что он анархист. Пока солдат шарил по комнатам, он очень любезно стал предупреждать меня, куда не следует прятать вещи, например в банки с помадой, так как солдаты знают это. Когда он увидел Вову, он спросил барона Зедделера, не сын ли это Государя. По-видимому, этот анархист питал к нам некоторую симпатию, так как дал много ценных советов. После этого посещения барон Зедделер встретил его совершенно пьяным, и когда они разговорились, тот сознался, что пьет с горя, так как разочаровался в том, чему служил.

В такой тяжелой атмосфере мы жили изо дня в день, никогда не зная, что нас ожидает, даже через несколько часов. Из Пятигорска постоянно налетали блиндированные поезда с какой-нибудь очередной бандой, и это означало снова обыски, грабежи и аресты. Мы жили в постоянной тревоге за себя, за близких и знакомых.

Четырнадцатого июня с раннего утра послышались сперва дальние выстрелы, которые постепенно стали приближаться к городу со стороны вокзала. Перестрелка стала усиливаться, завязался бой. По городу быстро распространился слух, что это казаки наступают на Кисловодск и бьют большевиков, убегающих из города. Какие-то казаки действительно проскакали через город, к великой радости жителей, но скоро стрельба стихла, и наступила в городе мертвая тишина. Ни казаков, ни большевиков не видно было. Никто не знал, что, в сущности, произошло, стало только ясно, что если и были казаки, то они ушли куда-то обратно и мы снова остались во власти большевиков. Это и оправдалось, когда по городу стали снова бродить банды красноармейцев, арестовывая всех, кого они заподозривали в сочувствии казакам. Только позже мы узнали, что это был налет партизанского отряда А. Шкуро, исключительной целью которого было ограбить казначейство большевиков и отобрать у них оружие для своих партизан, что Шкуро вполне удалось, но после его ухода город подвергся жестоким репрессиям.

Через день после этого налета большевики произвели под вечер обыск на даче Семенова, где проживала Великая Княгиня Мария Павловна со своими двумя сыновьями, Великими Князьями Борисом и Андреем Владимировичами. Главным образом они отбирали оружие, какое только могли найти, шашки и кинжалы. Когда они кончили обыск, главарь приказал Великому Князю Борису Владимировичу и полковнику Кубе, адъютанту Великого Князя Андрея Владимировича, следовать за ними. Они уже собирались уходить, когда один из солдат обратил внимание старшего, что не взяли другого Великого Князя, на что старший ответил, что Андрея, мол, арестовывать не надо,

он ведь умный и хороший. Андрей правда был умным и очень образованным, но оба брата были хорошие и никому никогда зла не делали. Бедная Великая Княгиня уселась с Андреем на балконе, откуда была видна дорожка, по которой уводили арестованных. Она боялась, что никогда больше не увидит своего сына Бориса. После налета казаков можно было ожидать расправ. Часа четыре просидели они на балконе в томительном и напрасном ожидании. Лишь в первом часу ночи Борис и Кубе вернулись. Как они рассказывали, спас положение какой-то молодой студент, изображавший из себя не то следователя, не то прокурора. Сперва они сидели и никто на них не обращал внимания. Когда их наконец ввели в комнату, где сидел этот студент, то он их спросил, за что они арестованы. Они ответили, что понятия не имеют. Тогда он вызвал старшего, производившего обыск и арестовавшего их, но и тот никаких объяснений дать не смог. Он их освободил, сказав, что могут возвращаться домой, и снабдил их пропуском, так как ночью было запрещено гулять по городу.

До марта месяца, пока он оставался в Петрограде, я переписывалась с Сергеем Михайловичем довольно-таки регулярно, и из его письма я узнала, что около двадцатого марта он и Великие Князья, проживавшие в Петрограде, должны будут по приказу властей покинуть столицу. После его отъезда письма стали приходиться реже и нерегулярно, но все же по ним мы всегда знали, где он находится. Сначала он был в Вятке, затем переехал в Екатеринбург, откуда я получила несколько открыток и одно письмо. Многие наши письма доходили и до него. После довольно долгого перерыва мы получили от него в конце июня телеграмму, посланную 14-го ко дню рождения Вовы. Мы получили ее за несколько дней до его трагической смерти. Из нее мы узнали, что он в Алапаевске. Это была последняя от него весточка. Вскоре после по радио сообщили, что Сергей и члены семьи, находившиеся вместе с ним в заключении в Алапаевске, похищены белогвардейцами. Это сообщение, увы, было заведомо ложное. Но кто тогда мог допустить такое вероломство. А как тогда мы были счастливы, что они спасены. Год почти что спустя, когда Сергея уже не было в живых, мы получили несколько открыток и даже одну телеграмму, застрявшие в пути.

Июль прошел сравнительно спокойно, но к концу становилось все тревожнее и тревожнее.

Еще в первых числах июля по Кисловодску распространился слух о гибели в Екатеринбурге Государя и всей Царской семьи. Мальчишки бегали по городу, продавая листки и крича: «Убийство Царской семьи», но никаких подробностей не было. Это было настолько ужасно, что казалось невозможным. Все невольно лелеяли надежду, что это ложный слух, нарочно пущенный большевиками, и что на самом деле их спасли и куда-то вывезли. Эта надежда еще долго таилась в сердцах.

Я до сих пор слышу голоса этих мальчишек, как эхо расходившиеся по всем направлениям.

Потом наступили кошмарные дни. 7 августа ко мне зашла Лидия Алексеевна Давыдова предупредить, что этой ночью были взяты Великие Князья Борис и Андрей Владимировичи и увезены в Пятигорск с группой других арестованных. Она сказала, что все необходимые меры приняты, и просила меня сидеть спокойно и смиренно у себя, ничего не предпринимая для их освобождения, так как я сама нахожусь в опасном положении. И действительно, на следующий день, 8 августа, к вечеру, они вернулись домой, но находились под домашним арестом. В доме был поставлен караул, и выходить они не могли.

Потом я узнала, что произошло. В ночь с 6-го на 7 августа дача Семенова, где они жили, была оцеплена большим отрядом красноармейцев, часть которого вошла в самый дом, и у всех дверей комнаты, где они спали, поставили часовых, чтобы никто не мог выйти и сообщаться друг с другом. Обыскав весь дом, они приказали Великим Князьям Борису и Андрею Владимировичам одеться и следовать за ними. Полковник Кубе, адъютант Великого Князя Андрея Владимировича, в последнюю минуту попросился их сопровождать. Никто в доме не знал, куда их повели. Думали сперва, что их повели в местный совдеп, как обыкновенно бывало, но оказалось, что их повели на вокзал и посадили в вагон под охраною часовых. В тот же вагон постепенно стали приводить арестованных: генерала Бабича, бывшего Наказного Атамана Кубанского Войска, Крашенинникова, Прокурора Петербургской Судебной Палаты, и князя Л. Шаховского. Сбор арестованных длился с пяти часов утра до девятого часа. Пока они еще все сидели в вагоне, как мне рассказывал потом Андрей, солдаты говорили, что здесь, в Кисловодске, проживает Кшесинская, следовало бы и ее захватить с собою. Арестованных отвезли в Пятигорск, сначала в местный совдеп, а оттуда, после допроса, в Казенную гостиницу, где всех заперли в одной комнате: Бориса, Андрея, Кубе, генерала Бабича, Крашенинникова и князя Л. Шаховского.

Ночью сперва вывели и перевели в местную тюрьму: Кубе, Крашенинникова и князя Л. Шаховского, а потом генерала Бабича, который был тут же, на улице, растерзан толпою.

На следующий день Л. А. Давыдова после свидания со мною посетила в Пятигорске Бориса и Андрея в Казенной гостинице и предупредила их, что все меры приняты к их освобождению и чтобы они не беспокоились. За это время Л. А. Давыдова, которая была лично знакома с комиссаром Лещинским и принимала его у себя, обратилась к нему с просьбою сделать все возможное и выручить Бориса и Андрея из-под ареста. Она даже предлагала ему свои драгоценности за услугу, но он отказался от награды и обещал все сделать, что в его власти.

Действительно, Лещинский был у них в гостинице около

часу дня и, назвав себя членом Директории, сказал, что он едва спас их ночью от расстрела. Этого настойчиво требовал местный совдеп, но он был принципиально против пролития крови и убедил депутатов. Он обещал им в тот же день добиться их освобождения и сказал, что зайдет за ними около пяти часов дня. «Если только мне удастся вас освободить», — добавил он. «А если не удастся?» — думали они. В таком томительном ожидании они оставались от часу дня до пяти. Перед уходом Лещинский предупредил их, что не доверяет местным красноармейцам, и потому вызвал из Кисловодска горского комиссара со своею охраною, чтобы их доставить из Пятигорска в Кисловодск. В пять часов, как он и обещал, Лещинский вернулся в Казенную гостиницу, но не один, а с охраной горцев и не без труда вывел их из Казенной гостиницы. Красноармейцы не хотели их отпустить без прямого приказа местного совдепа, но внушительный вид горцев и их количество произвели соответствующее впечатление. Лещинский их посадил в приготовленные извозчицы экипажи, по одному в каждый с двумя горцами, проводил на вокзал и с первым проходившим поездом сам отвез в Кисловодск в их дом, но для охраны оставил при доме караул горцев и просил не выходить, так как не ручается за безопасность — их могут на улице схватить и снова арестовать. Он обещал освободить и Кубе, который действительно на следующий день приехал в Кисловодск.

Лещинский потом снова приехал к Борису и Андрею Владимировичам и посоветовал им бежать в горы, так как он не может ручаться, что Пятигорский совдеп снова не постановит их арестовать, и тогда ему будет очень трудно что-либо сделать для них. Для облегчения бегства он снабдил их всех особыми документами под вымышленными именами, как будто они командированы по делам совдепа.

Тринадцатого августа Борис, Андрей и Кубе бежали в горы, в Кабарду, на парной линейке, где и скрывались до конца сентября. Долгое время я совершенно не знала, где они, собственно, находятся, так как они первое время скитались по разным аулам и, только поселившись у Кононова, могли наконец дать знать о себе через доверенное лицо. Одно утешение было, что они вне опасности. Это было главное.

До нас стали доходить слухи, что в разных местах вокруг Кисловодска вспыхивают восстания казаков против большевиков, но все это было лишь слухами, и никто ничего не знал в точности. Но наконец настал желанный день: Шкуро вторично налетел на Кисловодск и занял его, на этот раз со сравнительно большим отрядом казаков. Мы вздохнули свободно, большевики исчезли куда-то. Но положение не было твердым, и я сама могла это на себе испытать. Как хорошо помню, 22 сентября я пошла с сыном прогуляться по городу, мы прошли с ним до «Гранд Отеля», узнали все новости и вернулись спокойно домой, все было мирно и тихо в городе. Не успели мы

войти в дом, как прибегает наш хозяин, взволнованный: «Что вы тут делаете? Разве вы не знаете, что казаки ушли и все бегут из города?» Он нам посоветовал идти скорее к «Гранд Отелю», где был сборный пункт. Наскоро захватив самое необходимое, мы побежали, куда указал хозяин, а оттуда нас послали на тополевую аллею, где были приготовлены телеги. Действительно, мы нашли подводу, погрузились на нее и поехали на Пятницкий базар, где скопились все беженцы. Тут мы все получили от Шкуро приказание возвращаться домой. Тревога оказалась напрасной, большевики были отбиты. Мы были счастливы снова опоздать у себя дома, но стали держать наготове все, что нужно брать с собою на случай вторичной тревоги.

На следующий день, 23 сентября, под вечер, с гор вернулись Великие Князья Борис и Андрей Владимировичи с полковником Кубе, верхом, в сопровождении кабардинской знати, которая охраняла их во время перехода из Кабарды в Кисловодск. За то время, что братья скрывались в горах, они обросли бородами, и Андрея многие принимали за Государя. Действительно, сходство было.

Через два дня снова тревога, снова надо бежать. В самую последнюю минуту за нами прислали телегу, на которую мы уселись: я с сыном, сестра с мужем и Зина, будущая жена Бориса, с компаньонкой. И мы снова направились к Пятницкому базару. Туда же приехали в своем экипаже Борис и Андрей Владимировичи, и, уступив его моей сестре с ее мужем, Андрей пересел на нашу телегу, а Зина с Борисом и компаньонкой пересели на телегу, найденную ими на базаре, и вся несметная толпа беженцев двинулась по указанию Шкуро на Тамбиевский аул. Картина была тяжелая, подвигались кто на чем possible, некоторые шли пешком, волоча на плечах свое последнее имущество. Мы, конечно, не знали, что делается кругом нас и где были большевики. У всех была одна и та же мысль — скорее уйти подальше от них каким угодно способом.

На полпути до Тамбиевского аула вся наша колонна беженцев попала под артиллерийский огонь большевистской батареи. Снаряды рвались над нашими головами, и паника поднялась ужасная. Кто стал гнать лошадей вперед, кто бросился в сторону от дороги, чтобы укрыться от опасности. Среди этой паники вдруг в мою телегу вскакивает совершенно ошалелый военный врач и ложится на живот, не обращая внимания на то, что и без него нам в телеге было тесно. Даже в такие трагические моменты это было очень смешно. К вечеру вся беженская колонна стянулась в Тамбиевский аул, но из-за возникшей паники все перепуталось, и пришлось довольно долго друг друга разыскивать, что было нелегко. Тут мы и заночевали, я с сыном на нашей телеге, закусив тем, что принес Андрей. Сюда же прибыл и сам Шкуро со своим штабом, что очень успокоило беженцев, а то многие собирались двигаться дальше, хотя при наступлении темноты это было очень опасно. Мы все

думали, что теперь находимся под прикрытием крупного отряда казаков. Шкуро отдавал приказания своему штабу, как будто у него большой отряд, он звонил по телефону, отдавая кому-то приказания. Это делалось так спокойно и с такой уверенностью, что все невольно верили в могущество его войска. Лишь потом мы узнали, что у Шкуро была лишь небольшая кучка казаков и он только делал вид, будто их было много. Делалось это не зря, а чтобы ввести в заблуждение большевистских шпионов, что ему вполне удалось,— нас не преследовали.

На следующий день мы двинулись дальше на Бекешевскую станицу, но выступили почему-то очень поздно, после полудня, и прибыли туда ночью. Это, естественно, вызвало нервное настроение, так как в темноте очень легко сбиться с пути и попасть в руки к большевикам. Добрались мы благополучно, хотя с продолжительными задержками в пути. Но в Бекешевской станице оставаться было опасно. Большевики наступали, и нас двинули дальше, на Балтапашинскую станицу. Выступили ночью, и было ужасно жутко. Вообще трудно передвигаться по степям ночью: дорог нет, и только еле-еле видны следы колес, легко сбиться с пути и попасть не туда, куда хочешь. Все волновались, как бы не ошибиться дорогой.

Подшли мы к Балтапашинской станице с восходом солнца, дорога стала ясно различимой, и когда стало светлеть, то все не так казалось страшным. Каждый из нас мечтал о чем-нибудь, когда приедем в Балтапашинск: я о ванне, а Кубе о рюмке коньяку. Отчасти наши мечты исполнились. Ванны я не получила, но зато мы могли вымыться в бане, а Кубе коньяк получил, и даже несколько бутылок.

Шкуро захватил Кисловодск с очень небольшим отрядом казаков, который не выдержал бы атаки большевиков. Ему приходилось все время маневрировать и уклоняться от столкновений. Мы были окружены со всех сторон отрядами большевиков, которые шли за нами по пятам, не рискуя нас атаковать, так как не знали в точности сил Шкуро. В Кисловодске Шкуро захватил полевою беспроволочную станцию, благодаря которой он мог связаться с главными силами Добровольческой армии и получить известие, что к нам на выручку идет в Балтапашинск сильный отряд генерала Покровского. Оба отряда, Покровского и Шкуро, представляли уже крупную силу, с которой большевикам придется считаться. Это известие всех страшно обрадовало.

В день прибытия отряда Покровского все высыпали на улицы и собрались на площади вокруг церкви. Приход и парад отряда произвели на всех нас глубокое впечатление: впереди ехали старые штандарты Конвоя Государя, блиставшие на солнце своими серебряными лентами. Многие старые казаки, служившие в Конвое, надели прежнюю форму. Всеобщая радость, что вышибли большевиков из станицы, была большая. Блеснула надежда, что мы возвращаемся к старому, дорогому

времени. Многие становились на колени, крестились, и слезы лились от радости.

По случаю прибытия генерала Покровского был организован обед особым комитетом беженцев, на который были приглашены Великие Князья Борис и Андрей Владимировичи. Это было крупным событием в нашей скитальческой жизни. Нас волновало, как этот обед пройдет, с музыкой, речами и массой военных. Наш большой друг Родион Востряков, которого мы все прозвали «мальчик Родя», прибегал постоянно с обеда сообщать, что происходит. Он стучал в окно, как было условлено,— мы спрашивали, кто стучит, и он отвечал: «Мальчик Родя», тогда мы открывали ему дверь.

Здесь нам пришлось воочию познакомиться с методами расправы с большевиками. Однажды на площади, около церкви, стали воздвигать нечто всем нам незнакомое, но скоро из расспросов мы узнали, что строят виселицу и что скоро будут вешать большевиков. Как раз мой сын пошел со своими сверстниками на речку, и они должны были возвращаться через площадь именно в то время, когда будут казнить большевиков. Андрей поспешил пойти за ними и привел их домой кружными путями. Я, конечно, не выходила из дома, но моя сестра с мужем пошли посмотреть на это ужасное зрелище, в чем я их обоих очень укоряла.

Здесь мы совершенно отдохнули. Мы были в полной безопасности. Теперь перед нами вставал новый вопрос: куда переехать и где жить до полного усмирения всего Северного Кавказа. Многие избрали Новороссийск, другие Екатеринодар или Туапсе. Генерал Покровский посоветовал Великой Княгине Марии Павловне и Борису и Андрею Владимировичам ехать на зиму в Анапу, где, как он уверял, условия жизни превосходны и совершенно спокойно. Кроме того, город находится на берегу моря, всегда было легко в случае опасности сесть на пароход и уйти. Он взялся все сам организовать и дать охрану из личного своего конвоя, чтобы сопровождать их до Анапы. Маршрут был точно намечен: от Балтапашинской до станции Лабинской мы должны были ехать на своих телегах, там пересеть на железную дорогу и ехать на поезде до Туапсе, где будет приготовлен пароход, который и доставит всех до Анапы.

С Великой Канягиной решила ехать целая группа наших беженцев, чтобы воспользоваться нашей охраной и доехать кто до Туапсе, а кто до Новороссийска.

В станице Балтапашинской мы прожили от 2 до 19 октября, когда двинулись в путь. Первая ночевка была назначена в станице Попутной. Этот район был только недавно очищен от большевиков, и как раз накануне нашего приезда был их налет. Мы поэтому не особенно спокойно спали. На другой день мы доехали до Лабинской, огромной станицы с каменными зданиями, довольно современными на вид.

До отхода поезда оставалось около пяти часов, и нас разместили в разных домах, ведал этим офицер из отряда генерала Покровского и каждому говорил, куда идти. Мне с сестрой, сыном и Зиной указали дом, не называя нас по имени, куда мы и пошли. Семья, куда нас направили, была многочисленной — нас очень любезно встретили, угостили чаем и чудной закуской. После чая барышня, чтобы занять меня, стала показывать мне иллюстрированные журналы, где, между прочим, была фотография моей статуэтки работы князя Паоло Трубецкого, и барышня стала мне объяснять, что эта статуэтка знаменитой балерины Кшесинской, на что я, улыбаясь, ответила, что это я сама. Сюда же потом пришли Борис и Андрей. Хозяева, видимо, были несколько смущены нашим присутствием, опасаясь, как бы после нашего ухода им не было плохо от большевиков.

В тот же день, поздно вечером, поезд был наконец подан, и мы поехали на вокзал. Вагоны оказались в довольно плачевном виде, обивка с диванов была сорвана солдатами. Мы все устроились как могли и были счастливы, что нашим мытарствам скоро будет конец. Мелочи нас мало смущали, мы уже привыкли ко всему за это время.

Ехали мы всю ночь и 21 октября рано утром приехали в Туапсе. На вокзале стоял жандарм в своей старой форме, и многие бросились его целовать, этого никто не ожидал.

Мы немного привели себя в порядок после долгого путешествия, а потом пошли хорошо позавтракать. До отхода парохода оставалось много времени, и я отправилась с Зиной на городской базар, и обе мы мечтали о том времени, когда будем вместе гулять по Парижу...

Когда мы пришли на пристань, уже стоял под парами пароход, маленький, грязный и на вид ужасно старый. Назывался он «Тайфун», это было старое английское рыболовное судно. Многие из нашей группы беженцев были уверены, что Великая Княгиня Мария Павловна откажется сесть на подобный ужас, и не входили на него, ожидая ее приезда. Пароход был настолько мал, что возникло сомнение, может ли он принять на себя всех нас. Но вот приехала Великая Княгиня, любезно поклонилась капитану, который ее встретил у сходней, и как ни в чем не бывало смело вошла на пароход, поднялась на верхний мостик, невозмутимо уселась в кресло, наблюдая оттуда, как стали грузиться все беженцы. Видя такое отношение к пароходу, все колебавшиеся в смущении, покорно пошли за Великой Княгиней. На пароходе было всего три каюты, капитана и офицеров, которые они предоставили Великой Княгине.

Нас всех беженцев было около девяноста шести человек. Все разместились на палубе, другого места на пароходе для пассажиров не было. Тут же все стали устраиваться, подстилая каждый что мог под себя.

На наше счастье, ночь была спокойная, ни ветра, ни дождя, и

пароход мирно покачивался на волнах. Это была для всех нас первая ночь, что мы могли спать спокойно, не боясь обысков и арестов. Мы плыли по морю и от усталости заснули крепко, хотя и на палубе. Ночью вдруг всех охватил какой-то истерический смех, хотя ничего смешного не было, напротив, но нервы у всех были натянуты, и когда чувство страха прошло, наступила реакция. Началось все с того, что ночью кому-то надо было идти в уборную, но повсюду лежали беженцы, и тот, кто вставал, невольно наступал на кого-нибудь. Вот раздается возглас, не обиженный, а деловой, как будто речь идет о простой вещи: «Послушайте, вы мне наступили на нос». — «Извините, пожалуйста, но так темно». Сейчас же слышен другой возглас: «Милостивый государь, будьте осторожны, вы мне наступили на пальцы». Опять тот извиняется и продолжает шествовать, вызывая по дороге все те же возгласы: «Вы наступили на меня». На третьем или четвертом возгласе, конечно, все начинали хохотать, и так заразительно, что другие тоже стали вторить. Потом было затишье, пока снова кто-нибудь не начнет гулять и наступать на чужие носы и пальцы. Так до самого утра эти возгласы раздавались по всей палубе и всю ночь вызывали всеобщий хохот.

Движение пароходов в ту пору представляло много затруднений и опасностей, так как береговые огни маяков были ввиду военного времени потушены и трудно было ориентироваться, а о вхождении в порты ночью и речи быть не могло. Опасность представляли сорванные донные мины, которыми все Черное море буквально кишело, и ночью их невозможно было заметить. Ввиду этого наш пароход миновал Новороссийск, так как было еще слишком темно, и капитан решил идти прямо на Анапу, куда мы подошли в 5 часов утра, но стали ждать полного рассвета и только около 7 часов утра вошли в Анапу и пристали к молу, вышли на берег и выгрузили наш скромный багаж. С нами сошла и охрана генерала Покровского. Как только все спустились, пароход отчалил и повернул обратно на Новороссийск, где должен был выгрузить остальных. Это было 22 октября (4 ноября) 1918 года.

Глава тридцать девятая

1918 ОКТЯБРЬ — 1919 МАЙ — ДЕКАБРЬ —
1920 МАРТ

АНАПА — КИСЛОВОДСК — КАП Д'АЙ

Было раннее утро, когда мы пристали к молу Анапы. Город еще спал, и на молу никого не было. Мы все уселись на наших сундучках в ожидании нашей судьбы. Положение было не из приятных. Хотя город и был освобожден, но, как это часто случалось в тылу Добровольческой армии, банды, скрывавшиеся в горах и лесах, нападали по временам на эти освобожденные

города, а войск для их охраны не было никаких... На разведку в город пошел офицер Мяч, командированный генералом Покровским сопровождать Великую Княгиню. Он должен был разыскать местного коменданта, узнать от него, каково положение города, и получить помощь в приискании помещения для Великой Княгини и для нас всех.

Анапа, упраздненная крепость в 30 верстах от устья реки Кубани, расположена немного к северу от Новороссийска, на восточном берегу Черного моря. Султан Абдул Гамид считается основателем этой крепости, построенной по его приказанию в 1781 году французскими инженерами. В последующие годы в войнах с Турцией Анапа несколько раз переходила из рук в руки, но осталась за Россией с 1860 года, когда крепость была упразднена. За последние годы Анапа стала курортом, и там была построена санатория.

Мы ожидали возвращения сотника Мяча более часа. Он вернулся с успокоительными известиями, что в городе полный порядок и никакой опасности нет. Нам посоветовали на первое время поселиться в единственной местной гостинице «Метрополь», куда мы и направились в сопровождении капитана Ханькова, очень милого и услужливого офицера, который состоял при Великом Князе Борисе Владимировиче. В нашей группе, кроме меня и моего сына, были моя сестра и ее муж, барон А. Зедделер, Зина Рашевская, будущая жена Бориса, ее подруга француженка Мари и капитан Ханьков, раненый и потерявший глаз в последнюю войну.

Наша гостиница «Метрополь» оказалась скромной и довольно примитивной, притом разоренной при большевиках, в особенности уборные были в ужасном состоянии. Но комнаты были в приличном виде, не очень грязные, с кое-какой мебелью. Мы устроились как могли и были довольны тем, что есть крыша над головою, а остальное нам было безразлично. Хотя город и освещался электричеством, но огни тушили около 10 часов вечера, так что потом мы жили при свечках, покупавшихся в церкви, — других не было. Я на ночь ставила одну свечку в умывальник, для безопасности. Я очень боялась темноты и спала при свете.

Но потом мне стало не особенно уютно в гостинице. В соседней со мною комнате умер отец хозяина, и соседство покойника, которых я вообще очень боялась, меня пугало, особенно ночью. По старинному обычаю, после панихиды всех обносили кутией, и все должны были отведать ее той же ложкой, что было негигиенично и неаппетитно. Я сделала вид, что пробую. Когда моего соседа похоронили, я немного успокоилась.

Ко всем испытаниям прибавилось еще одно: Вова заболел «испанкой», и я очень волновалась, не зная, найду ли доктора в таком захолустном городе. На мое счастье, в Анапе оказался прекрасный придворный доктор из Петербурга, Купчик, которого я пригласила лечить Вову, а потом он лечил и всех нас.

С нами приехал в Анапу в свите Великой Княгини Владимир Лазарев, с которым я когда-то познакомилась на маскированном балу. Он часто заходил ко мне, и мы вспоминали доброе, старое время. Мы теперь вели грустную жизнь, и всякие развлечения были забыты. Володя Лазарев очень мило рисовал маленькие фантастические картинки. Одну такую картинку я до сих пор храню у себя на память.

Наш день начинался с утреннего кофе, который мы все ходили пить в маленькую греческую кофейню, где по стенам висели лубочные портреты Греческой Королевской Семьи. По дороге мы лопали свежие чуреки, еще горячие. Нам подавали так называемый «греческий кофе», который готовится упрощенным способом: кофе, молоко и сахар варятся вместе и получается довольно вкусный напиток, но с кофейной гущей. В будние дни мы пили по одному стакану и лишь по воскресеньям и праздничным дням позволяли себе роскошь выпить по второму стакану.

После утреннего кофе мы обыкновенно ходили гулять. Сперва отпраивались на мол посмотреть, не пришел ли какой-нибудь пароход, и узнать последние новости. Затем шли на базар, где можно было дешево купить очень красивые серебряные вещи.

Первые дни мы ходили завтракать и обедать в чудный ресторан «Симон», где был великолепный повар. Но так как денег у нас было мало и такой расход был нам не по карману, мы стали питаться в маленьком пансионе, который содержала одна дама, и ежедневно ели одно и то же блюдо — битки, которые были дешевыми и сытными. Один Вова ел вкуснее и больше.

У меня было всего-навсего два платья с собою, одно из них называлось парадное, так как я надевала редко и только в парадных случаях, а второе состояло из кофточки и черной бархатной юбки, именно той, которую Катя-коровница украла у меня в первые дни революции, а потом вернула. От долгой и постоянной носки материя на коленях стала протираться, и в этих местах бархат порыжел.

Великие Князья Борис и Андрей Владимировичи поместились с Великой Княгиней Марией Павловной в доме одного зажиточного казака, но каждый день приходили к нам чай пить и играть в «тетку». К чаю всегда приготавливалась закуска, которую особенно любил Борис, — раковые шейки в консервах.

По городу бродило много голодных собак, и я стала из сострадания их прикармливать чем могла. Скоро все собаки знали мой голос и бежали ко мне навстречу, как только я начинала их звать, и каждая имела свою особую кличку.

Я всю жизнь любила делать себе массаж, чтобы сохранить свою фигуру. Когда после переворота мне пришлось обходиться без массажа, для меня это было большим лишением. У меня всегда были хорошие массажистки, и я в этом отношении была очень избалованна. В Анапе я случайно нашла опытную массажистку — еврейку, очень милую и интересную женщину. Из-

за своих политических убеждений она эмигрировала в Америку. Вернулась она в Россию после переворота, как большинство политических эмигрантов, звали ее Блум. Сперва она меня массирует прямо за гроши, а потом и вовсе даром. Не знаю почему, но она имела ко мне большое и искреннее влечение, хотя наши политические взгляды были совершенно противоположными. Во время массажа мы каждый раз спорили с ней на политические темы, она старалась убедить меня в правоте своих убеждений, а я своих. Но в конце концов я ее переубедила и перевела на свою сторону, после чего мы еще больше с ней подружились. Она подарила мне маленький горшочек с каким-то растением, говоря, что, пока оно будет расти, все вернется ко мне. Это растение я берегла как могла, привезла в Кисловодск, а потом и в Кап д'Ай, где оно выросло в длиненькую ветку, которую приходилось подвязывать и прикреплять к стене, но потом оно почему-то погибло, вероятно, переросло. Первое время Блум ни за что не хотела встречаться с Андреем и избегала его. Но потом она совершенно переменялась и стала относиться к нам обоим одинаково хорошо. Мы расстались с ней самыми лучшими друзьями. Когда мы переехали в Кисловодск, я продолжала получать от нее телеграммы, и она даже поздравляла меня с успехами Добровольческой армии. Это замечательно, если вспомнить, что она была политической эмигранткой, последовательницей Ленина и ученицей Плеханова, которого хорошо лично знала.

Огромную для всех радостью было известие, полученное вскоре по нашем прибытии в Анапу, что война окончена. Но с облегчением мы вздохнули лишь в тот день, когда союзный флот прорвал Дарданеллы и в Новороссийск пришли английский крейсер «Ливерпуль» и французский «Эрнест Ренан». Это было 10 (23) ноября. В этот день мы почувствовали, что мы больше не отрезаны от всего света.

К концу года, под Рождество, в Анапу приехал начальник английской базы в России генерал Пуль в сопровождении состоявшего при нем генерала Гартмана. Вся Анапа была заинтересована этим неожиданным визитом. Приехал он передать предложение английского правительства Великой Княгине Марии Павловне выехать за границу. Великая Княгиня отклонила это предложение, считая, что она находится в полной безопасности, и заявила о своем непреклонном решении покинуть пределы России лишь в том случае, когда другого выхода не будет. Этот ответ был оценен генералом Пулем. Затем он выразил свое мнение, что Андрею следовало бы поступить в Добровольческую армию, но Великая Княгиня категорически против этого восстала, заявив, что не было случая в России, чтобы члены Династии принимали участие в гражданской войне. Генерал Пуль это тоже отлично понял.

Весною 19-го года, после долгих поисков, я наконец нашла себе две комнаты, одну для меня и Вовы, другую для сестры с

мужем, у священника Темномерова. Его страшный сын, Володя, ровесник Вовы, оказался очень милым и талантливым. Он устроил нам однажды целое представление, изображая крайне удачно фокусника. На Пасху, к розговинам, он вылепил из масла бюст Государя. Все было хорошо, но клопы нас одолевали, и каждый вечер приходилось вступать с ними в борьбу. Было также много черных тараканов, существ куда более безобидных, нежели клопы, но в большом количестве все же довольно неприятных.

В марте Борис и Зина заявили о своем намерении покинуть Россию и в конце месяца уехали за границу. Борис Владимирович хотел уговорить уехать и Великую Княгиню, но она категорически отказалась, и решение Бориса ее страшно огорчило.

Когда Кисловодск был занят Добровольческой армией, я выписала оттуда свою горничную Людмилу и Ивана. Они умудрились спасти почти что все, что было оставлено нами на даче, когда мы бежали, и привезенные ими носильные вещи оказались более чем кстати, так как за полгода мы износили и белье, и одежду. Ивана я сразу же уступила Великой Княгине, так как у нее тогда не было мужской прислуги, и он оставался при ней до нашего приезда во Францию.

Двадцать девятого марта распространился слух, что к Анапе приближается какой-то военный корабль. Мы испугались, не идет ли красное судно, так как как раз в это время Крым был занят большевиками. Все бросились на мол. На горизонте были видны клубы дыма, но какой развевается флаг, что за корабль, разглядеть было невозможно. Лишь в последнюю минуту выяснилось, что это английский крейсер. Подойдя довольно близко к берегу, крейсер бросил якорь, и от него отчалила моторная лодка с офицером и матросами в полном вооружении. Когда лодка причалила, сперва выскочили два матроса с ружьями наготове, видимо, посмотреть, что делается на молу, а за ними вышли два офицера и стали оглядываться по сторонам, не зная, что предпринять. К ним на выручку пришла мисс Кон, отлично владевшая английским языком, чтобы узнать, что им нужно, и помочь в качестве переводчицы. Тут выяснилось, что один из офицеров был командиром прибывшего крейсера. Он был прислан адмиралом Сеймуром, командующим английской эскадрой в Черном море, к Великой Княгине Марии Павловне и Андрею, чтобы их вывезти в Константинополь в случае, если Анапа будет в опасности. Его провели прямо к Великой Княгине, которой он доложил о полученных от адмирала указаниях. По словам Андрея, присутствовавшего при разговоре, Великая Княгиня просила передать адмиралу Сеймuru ее искреннюю признательность за присылку военного корабля, но в данное время она не видит никаких причин покидать Анапу, а тем более пределы России, и повторила то же, что ответила генералу Пулю, что покинет пределы России только в том слу-

чае когда иного выхода больше не останется, а пока ее долг как русской Великой Княгини оставаться на территории России. Видимо, капитан был как моряк тронут таким пониманием своего долга и ответил Великой Княгине: «Это правильно». С ним тут же было условлено, что в случае опасности ему будет дано знать через Новороссийск, где постоянно находился английский корабль, а оттуда по беспроволочному телеграфу его найдут в любом месте. Было рассчитано, что в таком случае через двое суток он может быть в Анапе. Все это было записано тут же в точности, чтобы знать, кого и какой корабль вызывать. Крейсер назывался «Монтроз», а командовал им капитан Гольдшмидт. Он хотел пригласить Великую Княгиню на крейсер на чашку чая, но она отклонила приглашение. При ее слабых ногах ей трудно было садиться в шлюпку и взбираться на корабль. Но Андрей и свита Великой Княгини пошли с ним на мол, чтобы ехать на крейсер. По дороге в порт капитан рассказал Андрею, что, когда он получил от адмирала приказание отправиться в Анапу, ни адмирал, ни он не знали, в чьих она руках. Вот почему он бросил якорь далеко от берега и взял с собою вооруженный отряд матросов, и, кроме того, все орудия на корабле были приведены в боевую готовность на всякий случай. С Андреем пошли княжна Тюря Голицына, фрейлина Великой Княгини, Лазарев, а на молу капитан пригласил еще подошедшего к нему англичанина, преподававшего английский язык в морском корпусе, с его сыном.

«Монтроз» был в 2500—3000 тонн, легким крейсером (как называют военное судно, среднее между эскадренным миноносцем и крейсером), спущенным в 1918 году и развивавшем 43 узла хода. «Монтроз» был снабжен аппаратами по последним условиям тогдашней техники для борьбы с подводными лодками и довольно сильной артиллерией против аэропланов. Трапов для спуска в нижние палубы у него не было. На верхней палубе были лишь большие круглые отверстия, вокруг которых было написано, куда этот ход ведет. Внутри были совершенно отвесные железные лестницы, вделанные в стальную трубу. Мужчинам еще ничего, но дамам спускаться по отвесным лестницам было трудновато. Гости капитана спустились в то отверстие, где было написано: «капитанская каюта». Рядом были другие с надписями: «кают-компания», «офицерские каюты», «машинное отделение» и т. д. Когда они наконец спустились к капитану в его каюту, то очутились в роскошной квартире, обставленной чудной мебелью. Помещение капитана состояло из обширного кабинета, служившего в то же время столовой, с огромным письменным столом, мягкими кожаными креслами и шкапом для книг. На видном месте стоял сундук с секретными документами. Командир пояснил, что в случае гибели крейсера первым долгом он должен выбросить за борт этот сундук, чтобы неприятелю не попались в руки секретные бумаги. Рядом была очень уютная спальня с настоящей кроватью, обширная ванная

и уборная. Далее была буфетная, где в шкапах находилась посуда и хрусталь. Все было шикарное и красивое. Пока готовился чай, гости разбрелись по каюте, любуясь давно не виданной ими роскошью. Капитан отозвал Андрея в сторону, чтобы никто не подслушал, и спросил его, как он думает, погиб ли Государь в Екатеринбурге или нет. Андрей ему ответил, что у него нет никаких данных, подтверждающих или отвергающих это, но он надеется, что они могли быть спасены. О спасении Государя действительно ходило столько правдоподобных слухов, что невольно верилось в возможность этого и думалось, что большевики нарочно распространяют слух о гибели. В таком случае, ответил капитан, позволите ли вы мне выпить за здоровье Государя Императора? Андрей ему ответил, что ничего против не имеет. Тогда капитан приказал подать шампанское, и когда всем раздали бокалы, он торжественно провозгласил тост за здоровье Государя Императора. В ответ на этот тост Андрей провозгласил тост «за Короля». Этот жест капитана толковался потом на все лады. Даже у Андрея закралось сомнение, не знает ли капитан больше того, нежели хотел или имел право сказать. Во всяком случае, тост капитана ясно доказывает, что в тот момент он сам не верил в гибель Государя и не имел официального подтверждения. Потом мы узнали, что большевики, боясь всеобщего негодования, старались скрыть убийство Государя и сами распространяли слухи, будто он был похищен «белобандитами».

В мае, когда весь Северный Кавказ был окончательно освобожден от большевиков, было решено, что мы переедем обратно в Кисловодск.

Обратное путешествие было опять организовано генералом Покровским, который прислал одного офицера и десяток казаков из своего конвоя, чтобы охранять Великую Княгиню и Андрея во время следования в Кисловодск.

Двадцать четвертого мая (6 июня) мы покинули Анапу, прожив в ней семь месяцев. В Анапе не было железной дороги, и мы сели в поезд на станции Туннельная, куда доехали в экипажах. Там нас ожидали приготовленные заранее вагоны, в которых мы и поместились в ожидании поезда. Не помню, когда в точности мы двинулись в путь. На каждой остановке у дверей вагонов стояли часовые, дабы никто в них не залез. В Кисловодск мы прибыли 26-го в 3 часа утра. В пути были все же кое-какие осложнения. Только благодаря присутствию офицера, приставленного генералом Покровским, мы добрались так скоро, иначе бы мы стояли долгие часы на каждой узловой станции. Я поместилась на своей прежней даче.

Жизнь в Кисловодске была совсем нормальная и беззаботная. Я бы сказала больше — то был пир во время чумы. Грустно. Добровольческая армия победоносно наступала, мы все думали, что Москва будет вскоре взята и мы возвратимся по своим домам. Этой надеждой мы жили до осени, когда стало ясно, что

все обстоит далеко не так благополучно, как мы предполагали. Белые начали отходить.

В первых числах декабря заболел сыпным тифом адъютант Андрея, полковник Федор Федорович Кубе, наш верный друг, на деле доказавший свою преданность и любовь Андрею. Он жил на даче, где проживали Великая Княгиня и Андрей. Его присутствие представляло опасность для всех, но никто не хотел отправлять его в госпиталь. Он проболел почти что две недели. Спасти его, несмотря на уход, не удалось, и 20 декабря (2 января) рано утром он скончался. Кончина Кубе была для Андрея большой потерей и огромным горем. Он был при Андрее более десяти лет. Все, кто его знал, любили его и оплакивали. Он был редкой души и сердца человек. 22-го его похоронили на местном кладбище с воинскими почестями и хором трубачей. Успели мы лишь поставить на могиле белый деревянный крест с датами дня рождения и кончины: «29 окт. 1881 г.— 20 дек. 1919 г.». Ему было всего тридцать восемь лет.

В самый канун Рождества были получены очень тревожные сведения о положении на театре военных действий, и мы сразу же решили покинуть Кисловодск, дабы не застрять в мышеловке, и отправиться в Новороссийск, откуда, в случае надобности, легче было уехать за границу. С болью в сердце Андрей и его мать вынуждены были решиться покинуть Россию.

Не буду описывать последние дни в Кисловодске, укладку, сборы, прощания, панику, охватившую всех жителей. Когда и как мы сможем уехать, мы в точности не знали. Впереди была полная неизвестность, на сердце тяжелое чувство, нервы были напряжены до последнего предела.

Наконец после бесконечных хлопот все было более или менее налажено, и 30 декабря около 11-ти часов вечера мы отправились на вокзал. Военные власти приготовили два вагона, один первого класса, довольно-таки по тем временам приличный, для Великой Княгини и некоторых знакомых, больных и с детьми, и другой — третьего класса, куда я поместилась с сыном и другими беженцами. В другой половине этого вагона поместилась прислуга Великой Княгини и кухня. Мой Иван догадался захватить из дома маленькую плитку, построил ее в вагоне с трубой, на ней его жена все время нам готовила. Сестра заболела тифом перед самым отъездом и была помещена в вагоне первого класса в отделении, которое ей уступил Андрей.

Поезд всю ночь простоял на вокзале и лишь в 11 часов утра следующего дня, 31 декабря, мы наконец двинулись в путь. До последней минуты к нам в вагон все лезли новые и новые беженцы, умоляя их взять с собою. На всех станциях была та же картина общей паники. Вагоны брались с бою, у всех была одна мысль: бежать, бежать от большевиков.

Около 3-х часов дня мы добрались до станции «Минеральные воды», где, неизвестно почему, простояли до утра. С нашим

поездом в шикарном салон-вагоне ехала жена Шкуро. Вагон ее был ярко освещен, и можно было видеть богато убранный закусками стол.

На этой стоянке мы и встретили Новый, 1920 год. Когда наступила полночь, поместившаяся с нами в вагоне семья Шапошниковых вытащила откуда-то бутылку шампанского, и мы, грязные, невымытые, сидя на деревянных скамейках, справляли встречу Нового года и старались друг друга подбодрить надеждами на лучшее будущее, хотя у всех на душе было очень тяжело. Рухнула вера в Добровольческую армию и в ее бездарных вождей...

Лишь в 3 часа утра 1 (14) января 1920 года мы двинулись дальше и только 4 (17) января прибыли в 9 часов утра в Новороссийск после бесконечных остановок на станциях и разных других осложнений.

В Новороссийске мы прожили шесть недель в вагоне, пока наконец смогли уехать. Осложнений было масса: то нет парохода, то он слишком мал, то он идет только до Константинополя, то на нем случай сыпного тифа, то требовали неимоверно высокую плату. А мы все живем в нашем вагоне. Стало ужасно холодно, дул норд-ост, и стоило неимоверных трудов отапливать вагон. Для этого наши люди пилили старые телеграфные столбы, всюду валявшиеся около вагона. Кругом свирепствовал сыпной тиф, и опасность заразы была большая, в особенности на вокзале, куда приходили санитарные поезда, полные больных, а часто и умерших в пути. То и дело слышали, что то один, то другой из наших знакомых здесь скончался. Наконец генерал Н. М. Тихменев, который заведовал всеми железными дорогами, как-то зашел ко мне и, увидав, в каком ужасном вагоне я живу, дал мне прекрасный салон-вагон, где мы разместились с полным комфортом. Диваны на ночь превращались в кровати, была чистая уборная, одним словом, нам казалось, что мы живем во дворце, даже было электрическое освещение. С едой было трудно, провизии в городе было мало. Лишь раз Андрею удалось получить разрешение закупить провизию в английской кантине, и он принес нам чудные бисквиты и какао, что было в то время роскошью.

Мы тут повстречали много знакомых, которые, как и мы, жили в ожидании возможности ехать дальше. Все направлялись в Константинополь, где доставали себе визы и ехали дальше.

Я как-то вышла в город и встретила печальную процессию. Хоронили молодого графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, умершего от сыпного тифа. На повозке лежал простой гроб, а за ним шла его красивая вдова, графиня Ирина, рожденная Лазарева. Убогость похорон и горе вдовы произвели на меня глубокое впечатление, которое до сих пор не изгладилось из моей памяти.

Задержка с нашим отъездом произошла главным образом из-за того, что не было подходящего парохода, который шел

бы прямо во Францию или в Италию. Все пароходы шли только до Константинополя, где приходилось сходить на берег, поселиться в гостинице, получать визу и ждать парохода. Великая Княгиня хотела ехать без остановки в Константинополь. Начальник английской базы в Новороссийске также советовал подождать немного, пока не подойдет соответствующее судно. Наконец нам сообщили, что ожидается итальянский пароход, который пойдет обратным путем прямо до Венеции, лучшего искать было нечего. Вскоре он прибыл и оказался пароходом «Семирамида» итальянского «Триестино-Лойд».

Тринадцатого (26) февраля 1920 года мы все стали на него грузиться. В этот день мы покинули Русскую землю, так как перешли на итальянский пароход, хотя еще оставались в пределах русских вод. После всего нами пережитого каюта первого класса нам показалась невероятной роскошью. Чистое белье, удобные кровати, ванны, уборные, парикмахер — всего этого мы не видели месяцами. Но когда мы впервые вошли к обеду в столовую, мы просто глазам своим не верили: столы накрыты чистыми скатертями, тарелками и приборами ножей, вилок и ложек, все, чего мы уже веками не видели. Мы даже все ахнули от восторга и радости, что наконец вернулись к цивилизованной жизни. Но мы были несколько сконфужены, садясь за стол в таком ободранном виде, в каком мы все были. Когда шикарно одетые лакеи нам стали подавать обед, массу вкусных блюд, мы окончательно замерли от восторга, контраст с только что пережитым был уж слишком резок. Если к этому еще прибавить чувство безопасности от большевиков, то можно себе представить наше настроение.

Мы простояли в порту еще шесть дней до отхода, все грузили разные товары, и паровые лебедки гремели день и ночь без перерыва. Рабочие перекликались на каком-то международном портовом жаргоне, как мне потом объяснили. То и дело было слышно: «вира по майна», что, кажется, обозначало: «спускайте помаленьку».

Тут не обошлось без некоторых забавных сцен. Хотя пароход стоял в порту у пристани и его, конечно, не качало, но на воде всегда бывает маленькое покачивание корабля, едва заметное, но для людей, страдающих морской болезнью, все же чувствительное. За первым обедом в ресторане вокруг Великой Княгини Марии Павловны сидело много дам со своими дочерьми, ехавшими с нами, и среди них некоторые страдали морской болезнью. Они стали, одна за другой, проситься уйти к себе, так как плохо себя чувствовали. Тогда Великая Княгиня, которая никогда не болела морской болезнью и ее не признавала, обратилась к ним и заявила, что морская болезнь — болезнь горничных и результат дурного воспитания. Эффект получился тот, что дамы, которые себя плохо чувствовали, говорили, будто забыли в каюте платок или что-нибудь другое, лишь бы был приличный предлог, и не решались больше

ссылаться на морскую болезнь, другие же предпочитали оставаться в своей каюте, но многих это действительно излечило.

На шестой день «Семирамида» отчалила и мы покинули Новороссийск. Это было 19 февраля (3 марта), как раз в день освобождения крестьян Императором Александром II в 1861 году.

Мы начали отчаливать от мола под вечер, маневрирование было довольно сложное из-за массы стоящих в порту кораблей. Картина была очень красивая, благодаря сотням огней на всех кораблях кругом. Мы стали медленно выходить из порта, миновали наружный мол и вышли в открытое море. Огни флота и Новороссийска стали понемногу скрываться, и мы погрузились в ночную темноту, мирно покачиваясь на волнах. Мы должны были следовать берегом по маршруту: Новороссийск, Поти, Батум, Трапезунд, Керасун, Орду, Самсун, Инеболу и Константинополь.

Я скоро познакомилась с нашим капитаном, уже пожилым человеком, кажется чехом по происхождению. Звали его Григорий Бразрванович. У меня сохранилась его фотография, снятая на пароходе, которую он мне подарил и подписал. Он меня часто приглашал на капитанский мостик, что было знаком особого внимания, так как пассажирам доступ туда был запрещен. Он также заходил ко мне в каюту. Когда мы стали приближаться к Босфору, он пригласил меня на мостик посмотреть, как мы будем входить в пролив. По его словам, картина при восходе солнца очень красивая. Было еще совершенно темно, когда я пришла на мостик, а когда стало светать, мы очутились в утреннем тумане, и мало что видно было, как вдруг из тумана вылез огромный силуэт английского дредноута, на всех парах державшего курс также на Босфор. Он прошел очень близко от нас, и наше 5000-тонное судно казалось маленькой шлюпкой в сравнении с морским гигантом. Из-за тумана вход в Босфор ничего красивого не представлял.

Двадцать восьмого февраля (12 марта) мы вошли в Босфор и бросили якорь в карантинной бухте, где всех пассажиров и команду свезли на баркасах на берег и по пятнадцать человек вводили в дезинфекционные камеры. Там всем предлагали раздеться: деньги, драгоценности, кожаные вещи, пояса и сапоги мы должны были завернуть в узелок и имели право держать при себе, а белье и платье отправляли в паровые камеры. Температура в камерах была настолько высока, что все кожаное, как пояса на штанах, сгорало. Пока мы мылись под душами, вещи подвергались дезинфекции, и когда мы выходили из душа, их нам уже возвращали еще совершенно горячими. Все это длилось довольно долго, пока все прошли через души. Мы вернулись на пароход около 5-ти часов дня.

На следующий день, 29 февраля (13 марта), мы пошли на Константинополь, где бросили якорь, а к вечеру, после санитарного осмотра, наш пароход был поставлен к пристани, но на берег никого еще не пускали.

Картина была замечательная по количеству военного флота, сосредоточенного в Константинополе. Мы насчитали семь английских супер-дредноутов, не говоря о более мелких судах всех наций. В особенности вечером было красиво, когда все корабли блистали тысячами огней.

На следующий день, 1 (14) марта, в воскресенье, мы сошли на берег, походили по городу, закупили рому и водки и вернулись обратно, так как проводник, который должен был показать город, не приехал. Днем ко мне зашла Лиля Лихачева, которая застряла в ожидании визы. Вечером мы справляли канун моих именин и пили шампанское.

В понедельник мы осмотрели собор св. Софии, могилу Султана Махмута, Абдул Гамида, мечеть Ахмета и Сулеймана и закончили осмотром базара. Вечером у меня в каюте праздновали мои именины.

Один раз мы поехали осматривать знаменитое кладбище «Онуп», воспетое Пьером Лоти. В Константинополе мы получили французские визы и сейчас же послали телеграмму в Кап д'Ай о нашем скором приезде.

Пятого (18) марта, в четверг, в 3 с половиной часа дня наш пароход отошел от пристани и стал на рейде. После проверки паспортов, в 8 часов вечера, мы покинули Константинополь, направляясь на Пирей. На следующее утро мы проходили мимо Галлипольского полуострова, видели издали братскую могилу пяти тысяч английских и французских солдат. У самого берега лежал полузатопленный французский крейсер, пытавшийся геройски прорваться в Дарданеллы, и целый ряд военных транспортов. Капитан нашего парохода говорил нам: «А сколько лежит под нами, в глубине пролива, еще военных судов: не менее двадцати шести».

Седьмого (20) марта мы пришли в Пирей, и все, кто мог, сошли на берег, чтобы съездить в Афины. Я осталась, но Вова воспользовался этим случаем. Он успел осмотреть Акрополь и все, что вокруг. В 12 часов надо было быть обратно на пароходе, который сейчас же ушел дальше. В 3 часа дня начали проходить Коринфский канал, такой узкий, что казалось, будто пароход еле может его пройти. Он был всего 5 километров длины, но надо было очень осторожно идти самым малым ходом. Потом заночевали в Патрасе.

Во время нашего морского путешествия от Новороссийска до Венеции мы находились в постоянной опасности наткнуться на плавучую мину. Капитан нашего парохода предупредил нас об этом. На носу парохода днем и ночью дежурил матрос, который должен был следить, не видна ли на воде мина. Еще днем мину можно заметить, но мы все очень сомневались, чтобы он мог что-либо видеть ночью. В Черном море два раза будто бы встретили плавучую мину. Верно ли это было, не знаю, но так нам говорили. Что эта опасность была очень реальна, свидетельствуют постоянные несчастные случаи.

Другую опасность представляли минные заграждения у всех больших портов. Правда, капитану давали точные данные о месторасположении минных заграждений, и днем по буйкам и створам можно было определить точно, какой курс держать. Но ночью это было невозможно, так как все маяки и портовые огни были потушены, поэтому ночью в порты мы не входили. При приближении к Венеции мы стояли на мостике, и капитан объяснял нам все сигналы, обозначающие минное поле. Наш пароход шел все время ломаной линией, меняя курс часто и резко. Тут мы все действительно видели плавучую мину — небольшое черное пятно на воде. Говорили, будто их тысячами сорвало со дна морского. Их, конечно, старались вылавливать, но еще долгое время эти мины причиняли много хлопот пароходам, и много было еще несчастных случаев из-за них. Минные поля были скоро уничтожены, но часто противник бросал мины в неизвестных районах моря, не нанесенных на карты. Когда мы вышли из последнего минного поля и подходили к самой Венеции, то все невольно вздохнули — опасность наконец миновала.

Десятого (23) марта, когда солнце уже начало заходить, вдаль мы увидели первые очертания Венеции, верхушку Кампанильи и других церквей. Колокола звонили к вечерней молитве, и мало-помалу Венеция стала показываться во всем своем величии и блеске. Те, кто любят Венецию, поймут, что чувствуешь, когда подходишь к ней. Мы это ощущали еще сильнее после всего пережитого. Ровно в восемь часов вечера наш пароход бросил якорь против Дворца Дожей.

Деятнадцать лет назад я была здесь с Андреем, и какими мы были тогда молодыми, веселыми, радостными и влюбленными. Мы решили вспомнить старину и пойти поужинать в ресторан «Иль Вапоре», где мы тогда часто ели. Андрей обещал нас туда довести, так как он уверял, что отлично помнит дорогу. Мы все сошли на берег, сделали обход площади Святого Марка и пошли по направлению к ресторану. Андрей, несмотря на прошедшие с тех пор годы, действительно прекрасно нашел дорогу. Но перед тем как войти в ресторан, мы должны были решить несколько вопросов: во-первых, каким капиталом мы все вместе располагали, то есть я, Андрей, Юля и Али. Набралось немного, но мы надеялись, что на холодный ужин и бутылку вина этого хватит. Второй вопрос был, пустят ли нас в наших потрепанных костюмах. После этого совещания, набравшись храбрости, мы вошли. Многие из сидевших в ресторане были хорошо одеты, но многие были не лучше нашего. Главное, нас пустили и мы выбрали самый укромный уголок, как вдруг увидели надпись, что пальто просят снимать. Вова, который один остался в пальто, решительно отказался его снять, так как под низом он был действительно очень плохо одет, но его оставили в покое. Мы тщательно изучили меню и цены и нашли, что можем отлично

позволить себе холодный ужин и бутылку шипучего «Асти Спуманте». Чтоб поднять свой кредит в глазах прислуги и внушить к себе доверие, Андрей положил на стол свой золотой портсигар так, чтобы все его хорошо видели. Весь ужин, довольно сытный, нам стоил всего-навсего 38 лир.

На следующий день, утром 11 (24) марта, мы покинули наш пароход «Семирамиду», на котором прожили 28 дней. На память я подарила капитану пару запонок от Фаберже, которые Андрей каким-то чудом спас.

Благодаря хлопотам нашего консула нам дали экстренный поезд, который во втором часу дня отошел со станции «Венеция». Вечером мы проехали Милан, где на вокзале обедали, и 12 (25) марта, около шести часов утра, переехали французскую границу у Вентимильи, а в 7 часов 59 минут утра поезд остановился на станции «Кап д'Ай», где мы все вылезли из вагонов и выгрузили наш багаж: я, Вова, Юля, Али, Людмила и Иван. Вот мы все и вернулись обратно после шести лет отсутствия.

Хотя я послала две телеграммы о нашем приезде, одну еще из Константинополя, а другую из Бриндизи, где я точно указала день приезда, однако никого на вокзале не было, чтобы нас встретить. Это меня очень удивило. Так как за все время войны я сведений не имела, что случилось с виллой, то я решила послать Вову вперед на разведку. Но он долго не возвращался, и мы пошли сами и только что стали подыматься в гору, как Вова бежит к нам навстречу с радостным криком, что все в порядке и нас там ждут. Оказалось, что, когда Вова пришел на виллу, в кухне работала, убирая посуду, наша старая Антуанет, которая у меня и раньше работала на кухне. Она Вову сразу узнала и сказала, что как только первая телеграмма из Константинополя была получена, они сразу приступили к уборке виллы, но вторую они не получили и потому никто и не пошел нас встречать. Наша кухарка Марго работала на соседней вилле, а Арнольд, которого я никак не ожидала здесь встретить, умудрился выбраться из России как швейцарский подданный, прибыл сюда и в ожидании нашего возвращения нанялся на соседней вилле. Пока Вова бежал обратно, навстречу нам, Антуанет побежала предупредить Марго и Арнольда, и когда я вошла к себе на виллу, то они все уже были там, чтобы меня приветствовать. Они жалели, что не успели еще прибрать как следует виллу к моему приезду.

Андрей должен был проводить Великую Княгиню до Канн, где были заказаны для нее комнаты в гостинице «Grand Hotel», и вернулся обратно к обеду.

Итак, мы были опять вместе на моей вилле «Алам». Хотя горестно не хватало дорогих сердцу, все же я была счастлива, что я снова у себя с моими близкими на моей вилле «Алам».

Теперь начинается наша жизнь в эмиграции.

Глава сороковая
В ЭМИГРАЦИИ
КАП Д'АЙ

С 12 (25) марта 1920 года
по 22 января (4 февраля) 1929 года

Итак в четверг 12 (25) марта 1920 года я возвратилась назад, в мою дорогую виллу «Алам» в Кап д'Ай, после шести лет отсутствия. Новая жизнь начиналась для меня, жизнь эмигрантки.

Конечно, я была счастлива быть дома, в уютной вилле и найти много маленьких вещиц, памятных моему сердцу, но было много душевных ран после всего пережитого и всего потерянного. Мне было приятно снова увидеть мою кухарку Марго, которая через несколько дней вернулась ко мне, и Арнольда, которого я не ожидала встретить здесь. Он даже вывез с собою массу фотографий и альбомов, очень дорогих и ценных для меня воспоминаниями чудного прошлого. Арнольд сам был любителем снимать фотографии и привез также и свои снимки, сделанные у меня на даче.

Приехала я без гроша, и пришлось сразу заложить виллу, чтобы расплатиться с прислугой и старым садовником Ботэн, которые шесть лет терпеливо ждали моего возвращения и берегли дом и сад. Надо было также приодеться, так как, кроме двух старых платьев, ничего больше у меня не было, не говоря уж о моем сыне, который буквально нигде показаться не мог.

Одна из первых, кого мы встретили после возвращения, была Великая Княгиня Анастасия Михайловна, в то время вдовствующая Великая Герцогиня Мекленбург-Шверинская. Она жила на своей вилле «Фантазия», в Эзе, недалеко от нас. Это была самая очаровательная женщина, которую я когда-либо встречала, с замечательно добрым сердцем. Она любила жить и умела наслаждаться жизнью, была всегда милой и любезной. Она очень полюбила моего сына, и когда он был так болен в Каннах, перед войной, она навещала его, а когда поправился, то пригласила его пить чай на виллу «Венден». Мы были рады встретиться с нею снова.

Мы часто стали бывать у нее на вилле «Фантазия», а она у нас, Вова часто ездил к ней один, она любила его угощать, а потом, смеясь, говорила, что Вова все съел, даже мухам ничего не оставил. Вова не любил танцевать, а Великая Княгиня, наоборот, страшно любила и настояла на том, чтобы Вова научился и мог бы с ней выезжать.

Мы часто говорили с ней о судьбе членов Царской семьи, которые находились в Алапаевске, в Сибири, недалеко от Екатеринбурга, где также был заключен ее брат, Великий Князь Сергей Михайлович. Мы не знали достоверно, были ли они убиты или нет. Как возникали сомнения относительно Царской семьи, так были у нас и сомнения относительно алапаевских уз-

ников. Никто в то время на этот вопрос ответить не мог. Чтобы избежать осуждения, большевики распространяли слух, что все спасены. Мы все невольно верили этому и часто переходили от горя к радости, получая противоположные сведения об их судьбе; как горько было думать, что если бы Сергей Михайлович послушался моих настойчивых просьб и вовремя уехал, он, может быть, был бы теперь с нами.

Здесь мы встретили снова Великого Князя Бориса Владимировича и Зину. Выехав за границу, они в Генуе поженились и временно жили в Ницце.

В Болье жил Гавриил Константинович, который сразу после переворота женился на Нине Нестеровской 9 (22) апреля 1917 года.

Я снова встретила здесь также Лину Кавальери, которую Вова когда-то назначил шефом своего обезьяннего полка. Она была теперь замужем за тенором Мюратором. Они жили в прелестной вилле в Эзе на берегу моря, и мы один раз у них обедали.

Вскоре после моего приезда мой старый и преданный друг Рауль Гюнсбург пригласил нас завтракать в «Отель де Пари» вместе с известным писателем Вилли. Тут я встретила С. П. Дягилева, который жил в этой гостинице. Завтрак с Раулем Гюнсбургом прошел весело и занятно, у него всегда был неисчерпаемый запас интересных разговоров.

Через несколько дней после этой первой встречи с С. П. Дягилевым он заехал ко мне на виллу и предложил мне выступить у него в предстоящем сезоне в Париже. Мне было в то время сорок восемь лет, но я была полна сил и могла бы с успехом танцевать. Я была очень польщена его предложением, но отклонила его. С тех пор как Императорские театры перестали существовать, я не хотела больше выступать.

Я получила от Лалуа, секретаря директора Парижской оперы Руше, письмо, в котором он просил его принять, чтобы передать от имени дирекора приглашение выступить в следующем сезоне. Приглашение директора Парижской оперы было очень лестным для меня, но я отказала Руше по той же причине, что и Дягилеву, выразив ему, конечно, мою признательность за оказанное мне внимание.

Я была страшно обрадована неожиданным визитом Тамары Карсавиной. Она была такая же красивая и элегантная и выглядела прелестно. Я ее оставила у себя обедать — столько лет мы не видались!

Императрица Евгения жила в Кап Мартен на своей вилле «Сирнос», что по-корсикански обозначает Корсику. Она очень любила покойного отца Андрея, Великого Князя Владимира Александровича, еще с тех пор, когда в 1867 году, совершенно юным, он сопровождал своего отца в Париж на Всемирную выставку и чуть не стал жертвой покушения Березовского. С тех пор они часто встречались в Париже, в гостинице «Конти-

ненталь», где она обыкновенно останавливалась, как и Великий Князь и Великая Княгиня. Она знала и Андрея, когда его водили к ней на поклон еще очень маленьким. Как только Императрица узнала о приезде Великой Княгини, она пригласила ее и Андрея к себе завтракать на виллу «Сирнос». Андрей мне рассказывал, что он был просто поражен, когда Императрица вошла в салон, где все собрались в ее ожидании. Трудно было поверить, что ей было девяносто четыре года, такая бодрая и живая она вошла в салон. Для всех она нашла что сказать ласковое, она расспрашивала о событиях в России, знала фамилии белых генералов, политических деятелей, проявляя необыкновенную память и осведомленность. У нее был совершенно твердый, ясный голос и прекрасный слух. Она ела, что и все, но жаловалась, что доктор посадил ее на строгий режим. Это было, во всяком случае, незаметно. Ходила она совершенно свободно, и состоявшая при ней дама говорила Андрею, что после завтрака она отдыхать не будет, а поедет кататься. Императрица Евгения говорила с большим увлечением о предстоящей поездке в Испанию, о том, какой прием ей там готовится и что сам Король приедет ее встречать, как будто, думал Андрей, ее мало в жизни торжественно встречали. Она, вероятно, прожила бы еще несколько лет, если бы не глазная операция, на которой она настаивала вопреки мнению докторов. Они опасались не самой операции, а оперативного шока. Действительно, операция удалась, но Императрица скончалась.

Недалеко от моей виллы, в самом Кап д'Ай, жил итальянский маркиз Пассано, который раньше жил постоянно в России. Он отличался главным образом своим огромным ростом и длинной черной бородою. Он был женат на дочери Салтыкова-Щедрина. Мы часто бывали на их вилле «Люмиер», где они давали прекрасные обеды. Часто и они к нам заглядывали, как говорится, «на огонек», поиграть в картишки.

Скоро на нашем горизонте появилась Сима Астафьева, первая жена моего брата Юзи, она приехала из Лондона и жила у меня. С нею я путешествовала по Италии в 1901 году, мы вспоминали потом, как она тогда была влюблена в «Петрония». Потом она вышла очень неудачно замуж за Константина Гревса и скоро разошлась. Теперь она жила в Лондоне, где первая из всех русских открыла школу танцев и имела большой успех. Из ее студии вышли Антон Долин, которого Дягилев сейчас же взял к себе, и Алисия Маркова, тоже начинавшая у Дягилева. Они оба сделали блестящие карьеры. Сима потом часто гостила у меня.

Летом 1920 года, что мы приехали во Францию, я поехала с Андреем дней на десять в Париж. Мы остановились в скромной гостинице «д'Альб», на углу Елисейских полей и авеню, переименованной впоследствии в авеню Георга Пятого. Гостиница эта больше не существует, на этом месте теперь высится огромное многоэтажное здание.

Маркиз Пассано, наш сосед по Кап д'Ай, пригласил нас как-то обедать в ресторан «Шато де Мадрид», на краю Булонского леса, где в жаркую погоду было приятно пообедать в саду. Какова была наша радость, когда мы здесь совершенно неожиданно встретились с Великим Князем Дмитрием Павловичем, который также тут обедал со своими друзьями. Он тоже был страшно рад нас видеть, так как мы расстались с ним еще в конце 1916 года, когда он был выслан из Петербурга в связи с убийством Распутина. Он бросился в мои объятия и стал меня целовать, совершенно не обращая внимания на окружающую публику. Он прекрасно выглядел, был очень элегантен. На следующий день он пригласил нас завтракать в загородный ресторан «Арменонвиль», после чего мы поехали к нему в гостиницу, и, пока мы оставались в Париже, мы каждый день встречались. Я могла заметить, что он избегал всяких намеков на роковую ночь в Юсуповском доме, не хотел встречаться не только с теми, которые принимали участие в убийстве Распутина, но и с теми, кто напоминал ему происшедшее. Он никогда не мог простить тем, кто его вовлек в это дело. Но странным образом высылка за границу почти накануне революции избавила его от всех связанных с переворотом бедствий.

Летом приехала наконец Лиля Лихачева со своим мужем и детьми — двумя сыновьями и дочерью. В последний раз я ее видела в Константинополе. Они поселились в моем нижнем доме, и с ее приездом у нас стало очень оживленно.

В конце июля Андрей получил телеграмму из Контрексевиля об опасной болезни Великой Княгини Марии Павловны. Его просили скорее приехать. Андрей знал, что его мать в Контрексевиле. Она верила в целебность этих вод и до войны туда ездила, но мы ничего не знали об ухудшении ее здоровья, и неожиданное известие нас поразило. Андрей сразу выехал туда и провел целый месяц у постели больной матери. Сначала положение было очень тревожно, но когда наступило улучшение, Андрей смог вернуться домой. За это время между нами завязалась на редкость трогательная переписка. Как раз когда Андрей отсутствовал, исполнилось двадцать лет, что мы встретились. Конечно, Андрей мне много и подробно писал о том, как протекает болезнь матери, но писал он также и о своих чувствах ко мне, как он меня любит, о нашей будущей жизни, которую мы должны начать устраивать. Перечитывая его письма, которые я, конечно, сохранила и вспоминая то, что я ему писала, можно подумать, что мы были тогда молодыми влюбленными, только что встретившимися на жизненном пути. Но на самом деле мы переживали вторую идиллию. Эти дорогие для меня письма я часто перечитываю и иногда заливаюсь горькими слезами, вспоминая канувшие в вечность золотые счастливые дни.

Не прошло и нескольких дней, как он снова был срочно вызван в Контрексевиля, и туда же были вызваны его братья и

сестра. В этот раз я поехала с ним. Мы не знали, надолго ли он едет, и я не хотела оставлять его одного в тяжелое для него время.

Когда мы приехали, положение Великой Княгини было уже безнадежным и вопрос шел лишь о днях. Она бесконечно обрадовалась Андрею и все время звала его по имени. Даже когда начала терять сознание, она продолжала шептать имя Андрея и порывалась что-то сказать про Вову. Она очень страдала последние дни, но до конца была в полном сознании и только в последние часы начала терять сознание. Рано утром 24 августа (6 сентября) 1920 года она тихо скончалась. Для Андрея это была тяжелая потеря. Он единственный из сыновей, который после отъезда Бориса из Анапы оставался при ней безотлучно.

Великая Княгиня была похоронена в маленькой православной церкви, которую она сама построила в парке недалеко от гостиницы «Соверен», где всегда останавливалась. Хоронил ее отец Остроумов, приехавший из Канн, где всегда жил летом при местной церкви. На похороны приехало отовсюду много народу, приехал проводить ее к месту упокоения и ее сводный брат, Герцог Генрих Нидерландский. Местный муниципалитет назвал одну улицу ее именем, и это сохранилось до сих пор.

После окончания всех формальностей мы покинули Контрексевиль и уехали в Париж, где прожили некоторое время в гостинице «Лотти».

Здесь Андрей узнал, что судебный следователь по особо важным делам Соколов, которому адмирал Колчак поручил следствие об убийстве Государя и всей Царской семьи в Екатеринбурге и членов Царской семьи в Алапаевске, находится в Париже. Это был единственный человек, который мог сказать, что в действительности произошло в Екатеринбурге и Алапаевске, и есть ли надежда на то, что кто-нибудь спасся. Андрей просил его заехать к нему в гостиницу и позвал Гавриила Константиновича и его жену присутствовать при разговоре, так как три его брата погибли в Алапаевске.

Соколов рассказал подробно свое следствие, но не мог нас обнадежить тем, что кто-либо спасся в Екатеринбурге. Вопрос этот был поставлен Андреем в связи с постоянно распространяемыми в то время слухами, что они спасены, где-то спрятаны и что Императрица Мария Федоровна об этом знает. Ответ Соколова положил конец легендам о спасении, хотя тела погибших не были найдены, ни один из очевидцев не мог быть допрошен, и, таким образом, самый факт убийства не мог быть установлен формально и бесспорно. Но все выводы, которые можно было сделать из собранного тогда материала, приводили к заключению, что, несомненно, все узники Ипатьевского дома погибли и тела были сожжены в лесу. Вывод Соколова впоследствии вполне подтвердился.

Что же касается Алапаевска, то факт убийства членов Императорского Дома был доказан: тела были все найдены в шахте, осмотрены и опознаны и Соколов тут же показал нам их фотографии. При осмотре тел был составлен точный список всего на телах найденного. Беседа с Соколовым была для нас печальной, никаких надежд больше не было, все погибло.

Андрей попросил у Соколова прислать ему алапаевское следствие, что он и сделал. Мы почти целую ночь вдвоем переписывали наиболее важные документы, которые бережно храним.

Все мелкие вещи, найденные на телах, были адмиралом Колчаком пересланы Великой Княгине Ксении Александровне, которая и разослала их членам семьи по принадлежности. Так я получила то, что было найдено на Великом Князе Сергее Михайловиче, а именно:

1— Небольшой, круглый, из самородного золота медальон с изумрудом посреди. Внутри моя фотография, довольно хорошо сохранившаяся, и кругом выгравировано: «21 августа — Маля — 25 сентября», и внутри вделанная десятикопеечная серебряная монета 1869 года, года рождения Великого Князя. Этот медальон я ему подарила много лет назад.

2— Маленький золотой брелок, изображающий картофель, с цепочкой. Когда они все были молоды, они образовали с Воронцовыми и Щереметевыми так называемый «картофельный» кружок. Происхождение этого наименования туманно, но они все себя так называли, и это выражение часто встречается в дневнике Государя при описании времени, когда он был еще Наследником.

Больше уже никаких сомнений не было в том, что Великий Князь Сергей Михайлович убит.

Мы часто обсуждали с Андреем вопрос о нашем браке. Мы думали не только о собственном счастье, но и главным образом о положении Вовы, который в силу нашего брака становился бы законным сыном Андрея. Ведь до сих пор его положение было неопределенным и очень трудным. Однако мы решили ни в коем случае не вступать в брак без разрешения Главы Императорского Дома Великого Князя Кирилла Владимировича, ибо в противном случае наш брак был бы, с точки зрения Учреждения об Императорской Фамилии, незаконным, и мы, мой сын и я, лишались бы права на фамилию и титул.

Андрей поехал к своему брату в Канны, где он тогда проживал, чтобы испросить у него официального разрешения на брак. Еще летом Андрей говорил своему брату о своем намерении на мне жениться, и Великий Князь Кирилл Владимирович и его супруга, Великая Княгиня Виктория Федоровна, не только ничего не возразили, но сказали, что считают его желание вполне естественным, раз мы любим друг друга, добавив, что их обязанность нам помочь в этом отношении, дабы устро-

ить и наладить жизнь нашу и Вовы. Кирилл Владимирович сразу же дал свое согласие, даровав мне мою настоящую родовую фамилию Красинских, которую уже носил мой сын, и нам обоим, моему сыну и мне, княжеский титул. Он просил Андрея сразу же после свадьбы привезти нас к нему, чтобы представить меня и Вову своей супруге.

Для свадьбы мы выбрали день 17 (30) января 1921 года и решили венчаться в Каннской Русской Церкви, так как хотели, чтобы нас венчал наш старый друг, духовник Андрея отец Григорий Остроумов. Венчание состоялось в 4 часа.

Шаферами были: муж моей сестры, барон Александр Логгинович Зедделер, граф Сергей Платонович Зубов, полковник Константин Владимирович Молостов и полковник Владимир Петрович Словицкий. Кроме свидетелей и моего сына, больше никого в церкви не было.

В день свадьбы мы после завтрака выехали из Кап д'Ай на автомобилях прямо в нашу Канскую церковь, где отец Остроумов нас ждал. Зная нас всех давно, он особенно любовно отнесся к нашему браку и сердечно нас поздравил по окончании службы.

Из церкви мы с Андреем и Вовой поехали прямо в гостиницу, где жили Великий Князь Кирилл Владимирович и Великая Княгиня Виктория Федоровна, и они оба меня приняли уже как жену Андрея, а Вову как нашего сына. Они оба обласкали меня и с тех пор постоянно мне оказывали много сердечного внимания и доброты. Я чувствовала, что они меня полюбили, ничего не имели против нашей свадьбы и никогда не сожалели, что дали свое согласие.

После свадьбы мы все вернулись в Кап д'Ай, где был приготовлен свадебный обед, и мой Арнольд особенно красиво разукрасил стол цветами. Кроме свидетелей мы пригласили к обеду маркиза Пассано с женой и Лилию Лихачеву с мужем и старшим сыном, Борисом. Обед прошел очень весело, и мы великолепно отпраздновали нашу свадьбу.

В день свадьбы Андрей записал в своем дневнике: «...чудно провели вечер. Наконец сбылась моя мечта — я очень счастлив».

Как и было обещано, вскоре после свадьбы я получила от Начальника Канцелярии Великого Князя Кирилла Владимировича как главы Императорского Дома официальный документ, свидетельствующий о даровании мне титула и фамилии Княгини Красинской.

Несколько лет спустя, в 1935 году, Великий Князь Кирилл Владимирович, дабы упорядочить вопрос о морганатических браках, состоявшихся после переворота, решил даровать супругам членов Императорского Дома, вступивших в морганатический брак, и детям, от таких браков родившимся, титул и фамилию Светлейших Князей Романовских, к которой каждый должен был добавить вторую фамилию по своему выбору. В ка-

честве второй фамилии я и мой сын сохранили фамилию Красинских.

Но большинство не пожелало подчиниться этому указу, предпочитая продолжать именовать себя Романовыми. Андрей не хотел, чтобы Вова, единственный из семьи, не носил бы фамилии рода, к которому он принадлежит по крови. С войны Вова носит фамилию Романов.

После свадьбы я была принята Королевой Датской Александриной, дочерью Великой Княгини Анастасии Михайловны. Она приходилась двоюродной сестрой Андрею. Она часто приезжала в Канны и, зная, как ее мать любила Вову и меня, была бесконечно мила и трогательна со мной.

Затем я представлялась Королеве Марии Румынской. Она жила тогда в Ницце в своем замке «Фаброн». Когда мы втроем приехали, оказалось, что Королева и ее сестра Великая Княгиня Виктория Федоровна еще не вернулись с длинной прогулки, и нас встретили две дочери Великой Княгини Виктории Федоровны, Мария и Кира Кирилловны, которые премило нас стали занимать и пригласили посмотреть их комнаты. Кира Кирилловна показывала свою коллекцию миниатюрных серебряных вещей, мебель и т. д., а Вова и Андрей пошли смотреть, как купают маленького Владимира Кирилловича. Вскоре вернулась с прогулки Королева Мария. Она действительно была поразительно красива. Я много видела ее фотографий, но вблизи видела ее в первый раз. Она была живая, полная энергии и меня совершенно очаровала. Она сразу умела к себе расположить и вела разговор очень искусно и остроумно. Мне показалось, что я ее давно знаю. Ее сестра, Великая Княгиня Виктория Федоровна, присутствовала при приеме.

Несколько позже в Париже я была принята Королевой Ольгой Константиновной Греческой в гостинице «Риц». Она была уже в преклонных годах, но очаровательно ласковая и добрая. По своей близорукости она смотрела на всех в лорнетку. Во время переворота ей пришлось пережить в Греции изгнание и преследование, но теперь прежнее правительство было восстановлено, и она могла вернуться в Грецию, что ее бесконечно радовало.

О нашей свадьбе Андрей написал письмо Великой Княгине Ольге Александровне, прося ее сообщить об этом Императрице Марии Федоровне, которая проживала в то время в Дании. Она ответила милым письмом, в котором сообщала, что Императрица ничего не имеет против нашей свадьбы и желает нам обоим много счастья в жизни.

Наш старый друг, Павел Александрович Демидов, был первым из ниццких жителей, который дал завтрак в нашу честь в своей вилле, чтобы отпраздновать нашу свадьбу. Мы потом часто бывали у него, и в особенности в дни именин его жены, Елизаветы Федоровны, рожденной Треповой. Потом они продали виллу в Ницце и вместо нее купили поблизости новую,

на проданные жемчуга, и потому виллу называли «Ла Перл». П. А. Демидов всегда чудно принимал. У него жил его дальний родственник, Миша Сумароков, бывший в России чемпионом тенниса.

Ко дню годовщины смерти Великой Княгини Марии Павловны мы поехали, Вова, Андрей и я, в Контрексевиль, куда приехал тоже Великий Князь Кирилл Владимирович, княжна Тюра (Екатерина) Голицына и А. А. Савинский, которые вместе с Великой Княгиней прибыли во Францию и оставались при ней до ее кончины.

Год прошел со дня кончины Великой Княгини, траур кончился, и мы начали принимать у себя на вилле в Кап д'Ай.

Мы очень любили принимать у себя Великую Княгиню Анастасию Михайловну, которая была воплощением веселости. Мы подбирали для нее компанию людей, которых она любила и которые любили танцевать после обеда. Эти обеды были всегда очень веселыми, Арнольд красиво убирал стол, а после обеда устраивал разные сюрпризы, во время танцев он тушил все огни, а в саду зажигал бенгальские огни, которые освещали комнату, где танцевали, это было красиво. Часто мы ездили с Великой Княгиней в Монте-Карло в ее любимый ресторан «Карлтон» выпить стакан вина и потанцевать.

Покойный Король Шведский Густав любил бывать на обедах гала. Поэтому мы его всегда приглашали, когда устраивали обеды в пользу школы Андрея в Ницце. Для этих обедов мы звали Ваву Яковлеву петь, а Дягилев любезно разрешал своей труппе принять участие в вечере. Кроме того, разыгрывалась лотерея, для которой мы собирали вещи от лучших домов: Шанель, Молине, Маппин и Веб, Кук, Маке, кроме того, в числе выигрышей были духи, ящик шампанского и масса мелких вещей. Король Густав любезно купил несколько билетов и имел поразительное счастье. Он выиграл все первых три приза, чудное манто от Молине, ящик шампанского и еще что-то ценное. Он был в диком восторге и говорил, что теперь у него чудные подарки для внучек. Ему предложили доставить все эти вещи к нему в гостиницу, но он непременно хотел взять их с собою и просил все положить к нему в автомобиль. За обедом я сидела рядом с Королем, а адмиральша Макарова напротив него.

Второго (15) февраля 1922 года в Ницце на своей вилле «Жорж» скончалась Светлейшая Княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, рожденная княжна Долгорукая, морганатическая вдова покойного Императора Александра II. Ей было семьдесят четыре года с небольшим. Она состояла фрейлиной Императрицы Марии Александровны. Ее роман с Императором начался около 1867 года в Париже, куда Император приехал на выставку, и продолжался до самой его кончины. После трагической кончины Государя она выехала за границу и там постоянно проживала, но изредка приезжала в Петербург,

где у нее был огромный дворец. Вся Императорская семья сохранила с ней лучшие отношения и всегда ее навещала. Она была, несомненно, крупной фигурой второй половины XIX века. О ней много говорили, но она никогда никакой роли в политической жизни не играла, оставаясь в тени как подруга Государя и только последний год как его морганатическая супруга, с 6 (18) июля 1880 года. Мы хотели поехать к ней с визитом после нашей свадьбы, но то ее не было в Ницце, то она была больна, — так я ее и не видала. Как только было получено известие о ее кончине, мы поехали к ней на виллу с Великой Княгиней Анастасией Михайловной. Она еще лежала в своей спальне. Потом мы были на ее похоронах на Ниццском кладбище.

Княгиня Юрьевская хранила у себя на вилле много ценных воспоминаний о покойном Императоре, все его письма к ней и ее к нему, а также массу маленьких вещей, которые, к сожалению, были впоследствии распроданы наследниками с торгов. Ее единственный сын Георгий, или Гого, как его звали, скончался в 1913 году, старшая дочь, Ольга, вышла замуж за принца Меренберга, а младшая, Екатерина, вышла замуж сперва за князя А. Барятинского, а потом за князя Сергея Оболенского, ныне проживающего в Америке.

Через три недели мы понесли тяжкую утрату в лице Великой Княгини Анастасии Михайловны, которая скоропостижно скончалась на своей вилле «Фантазия» в Эзе 26 февраля (11 марта) 1922 года. Никто не мог ожидать, что ее не станет так скоро. За два дня до кончины мы ее видели веселой и жизнерадостной. Ее старая и преданная горничная Ольга вызвала нас, прося немедленно приехать, так как Великая Княгиня опасно заболела. Когда мы приехали, то Великая Княгиня лежала без сознания, но с открытыми глазами. Узнала ли она нас, не известно, она ничем этого не проявила. Ее личный секретарь держал зеркало у губ, чтобы проверить, дышит ли она. Вдруг она глубоко вздохнула, и настал конец. Мы все стояли на коленях кругом ее постели и молились. Мы закрыли ей глаза. Вова впервые видел кончину и не хотел верить, что его дорогой друг, с которой он за два дня до того весело провел вечер, могла так внезапно скончаться. Для него это было большим горем, так как с его раннего детства она проявляла к нему много сердечного внимания. Эти два года она наполняла нашу жизнь своей веселостью и лаской. Через два часа из Канн прилетел как сумасшедший молодой Лидс со своей женой Ксенией Георгиевной и нашим старым священником отцом Остроумовым, который от безумной езды был еле жив.

На следующий день из Парижа приехал Великий Князь Александр Михайлович, брат покойной. Старшая дочь Великой Княгини, Королева Датская Александрина, вскоре приехала. Мы с ней провели несколько дней на вилле «Фантазия», и я помогала ей разбирать все мелочи, оставшиеся после покойной,

и откладывать то, что она хотела взять с собою. Она любезно предложила Андрею взять все, что касается семейных миниатюр и русских книг, а Воле предложила выбрать на память, что он пожелает, и он попросил дать ему брошку с рубинами, которую он подарил покойной.

Гроб с останками Великой Княгини был перевезен в Канны, в нашу церковь, а затем был отправлен в Мекленбург для погребения в семейном склепе. Вова потом заказал бронзовый веночек, который был послан в Мекленбург для возложения на могилу покойной Великой Княгини.

У Великой Княгини было трое детей: сын, Великий Герцог Мекленбург-Шверинский, умер в 1945 году, дочь Александрина, королева Датская, умерла в 1952 году, и дочь Цецилия, замужем была за Кронпринцем Германским.

Глава сорок первая

МОИ ВСТРЕЧИ

Совершенно случайно в Монте-Карло, в зале перед театром, я встретила с Вирджинией Цукки. Прошло более тридцати лет с тех пор, как я ее видела в последний раз в Петербурге, но я сразу узнала ее, и мы бросились в объятия друг друга, так рады мы были увидеться снова. Именно она вдохновила меня, когда мне было еще четырнадцать лет, и сделала из меня артистку, и я этого не забыла. Потом она заехала ко мне на виллу и мы вспоминали давно минувшие дни, когда она имела такой огромный успех в России. Это была наша последняя встреча — я вскоре узнала, что она скончалась.

Однажды, когда я завтракала в Ницце в гостинице «Клеридж», я встретила с Айседорой Дункан. Если бы меня не предупредили, что это она, я бы ее не узнала, так она изменилась. Мы были очень рады увидеться и встретились как старые друзья. Вскоре после этого она погибла в Ницце, когда ее шарф погнал в колесо автомобиля и она была задушена насмерть.

В Монте-Карло проживала на своей вилле большая знаменитость своего времени леди де Бат, или, по сцене, Лилли Лонгтре. Она была красавицей, состояла фрейлиной Королевы Александры Английской и одно время подругой Короля Эдуарда VII. Разорившись, она покинула двор и сделалась актрисой и, выступая на сцене в шекспировских пьесах, стяжала себе огромную славу. У нее на вилле была масса воспоминаний, относившихся к придворной ее жизни и к артистической карьере. Ее личные воспоминания были очень интересны и увлекательны.

В Ницце я познакомилась с известным драматическим писателем Анри Кэном и его женой, урожденной Жиродон. Они оба у меня завтракали на вилле, и он написал мне в альбом несколько милых строк. Потом он нас пригласил к себе завтра-

кать на виллу «Клод» и обещал угостить «бэф-а-ла-Буреинон». Как он нам пояснил, мясо тушится в бургундском вине, и это действительно было замечательно вкусно. Его брат Жорж Кэн был одно время хранителем музея Карнавале, где собрано все, что относится к французской революции.

Чаще всего за эти три года мы виделись с Иваном Решке, знаменитым тенором. Он и его брат Эдуард, обладавший прекрасным басом, были идолами публики в Петербурге в восьмидесятых годах, и лучшего исполнения, чем когда они оба выступали в «Ромео и Джульетте», трудно было бы вообразить. Мы с ним часто встречались в театре в Петербурге, и он меня отлично помнил по сцене.

Решке происходили из богатой и знатной польской семьи. Иван Решке жил на роскошной вилле в Ницце, где великолепно принимал и угощал обильными и вкусными завтраками. Он уже давно не выступал и занимался уроками пения. После завтрака к нему всегда приходил один из его учеников, которого он заставлял петь перед нами и давал ему указания, что было для нас самое интересное. Он главным образом настаивал на том, что певец должен понимать смысл того, что поет, и правильно его передавать. У Решке был замечательный аккомпаниатор — англичанин мистер Вебб, обладавший совершенно исключительной музыкальной памятью, он мог без нот играть почти все вагнеровские оперы. Этой его способностью поражаюсь даже сам Решке.

Решке был интересным собеседником, и мы очень любили бывать у них. Часто и они у нас завтракали.

В доме у них была нотка грусти. Сын жены Решке от первого брака был убит на войне в 1918 году, как раз в день заключения мира. Она тяжело переносила свое горе, и при ней постоянно состоял доктор, так как она уверяла, что может ежеминутно умереть от разрыва сердца. Она выходила к столу бледная, поддерживаемая доктором и говорила только про свое больное сердце. Иван Решке умер в 1925 году, а она его пережила.

В Ницце проживала на своей вилле «Олливетто» Княгиня Мария Радзивилл, урожденная графиня Браницкая, дочь знаменитой графини Марии Браницкой, урожденной Сапега. Имя Браницких «Белая Церковь» около Киева была знаменито своими размерами и замечательными архитектурными памятниками, имевшими историческое значение. Княгиня Радзивилл была более известна под ласковым прозвищем «Бишетт». С ней жил ее сын Лев Радзивилл с женою Ольгой, урожденной Симолин. Княгиня Радзивилл — «Бишетт» часто приглашала нас к себе завтракать и обедать. Она бывала у нас и расписалась в моем альбоме.

Мы были в Париже, когда Вове исполнился 18 июня (1 июля) 1923 года 21 год. Мы хотели отпраздновать его совершеннолетие обедом и пригласили самых близких друзей: графа Михаила Граббе, Павла Демидова, графа Сергея Зубова с

женой и Лору Гульд, очаровательную американку, — всего нас было восемь человек. Обед мы заказали в «Шато де Мадрид».

Как это случилось, не знаю, но мы опоздали к обеду, и гости нас ждали. Конечно, мы были очень этим смущены. Когда мы сели за стол, мой сосед граф Сергей Зубов сказал мне, что только что в саду ресторана потерял запонку работы Фаберже, которую очень любил, она была ему дорога как память. Он предполагал, что потерял ее около нашего столика, но ее никак не могли найти. Я посоветовала ему обещать послать в Падую св. Антонию небольшую сумму для бедных, как делала сама в случае потери. Я рассказала ему, как в Стрельне, собирая грибы, потеряла брошку, подарок Наследника, и заметила пропажу лишь вернувшись домой. Я вспомнила совет, данный нашим старым другом, Митей Бенкендорфом, и тотчас обещала послать св. Антонию в Падую пожертвование на бедных и, побежав в сад, к тому месту, где собирала грибы, вспомнила, как Вова вскочил мне на плечи в то время, как я наклонилась взять гриб. Веря в чудесную помощь св. Антония, я сунула руку в глубокий мох, который рос на этом месте, и мои пальцы ощутили потерянную брошку где-то в глубине мха. На следующий день я послала деньги в Падую. Я посоветовала графу Зубову обещать, но очень искренно и с верой, послать в Падую пожертвование, и он увидит результат. Он мне ответил, что, конечно, пошлет в Падую деньги от всего сердца и с верой. Не успел он закончить свою фразу, как один из лакеев принес ему потерянную запонку. Она была найдена не там, где он предполагал, а на дорожке, по которой все проходили, и ее легко могли затоптать в траву или гравий. Лакей рассказал, что, идя по этой дорожке, он заметил что-то блестящее на земле, и это оказалось запонкой. Граф Зубов был в большом восторге и сердечно меня благодарил за добрый совет.

После очень оживленного обеда мы всей компанией поехали в Кавказский ресторан, где к нам присоединился Великий Князь Дмитрий Павлович. Мы взяли отдельный кабинет, откуда могли слушать музыку и видеть общую залу, где танцевали.

Так отпраздновали мы совершеннолетие Вовы, все были веселы и приняли сердечное участие в нашем семейном празднике.

Осенью 1923 года, 21 октября, ко мне на виллу «Алам» приехал с визитом Н. П. Карабчевский с женою. Когда мне доложили об их приезде, я была крайне удивлена. Если бы он приехал один, может быть, я его и не приняла бы, но мне неловко было отказать его жене в приеме. Тяжело было видеть, как этот старик, гордость и слава русской адвокатуры, вошел ко мне и чуть не бросился на колени передо мною, умоляя о прощении, что отказался прийти ко мне на помощь после переворота. Он мне стал даже жалок, как жалки были и многие другие после переворота: позднее раскаяние, подумала я...

Чтобы загладить свою вину передо мною, он просил меня дать ему возможность написать мои воспоминания, так как он знал меня хорошо. Но я отказалась от этого предложения.

В одну из поездок в Париж я видела спектакль Александра и Клотильды Сахаровых и нашла, что в своем роде это было совершенство. Я послала им цветы с несколькими хвалебными словами по поводу их исполнения и получила от них ответ:

«Позвольте нам хотя бы немного поблагодарить Вас за большую радость, которую Вы нам доставили. Мнение такой великой и единственной артистки, как Вы, будет лучшим залогом в наших исканиях новых достижений».

Потом я видела Сахаровых еще в Экс-ле-Бен. Их стилизованные танцы и тщательность отделки малейшего движения, позы и костюмов, несомненно, были исключительные по вкусу и таланту исполнения.

В ноябре 1925 года я приняла православие, на Пасху следующего года впервые говела и причащалась вместе с Андреем и Вовой. Я была счастлива. Хотя по рождению я была католичкою, православная вера мне всегда была близка, так как я не только часто посещала русские храмы, но и училась закону Божьему у священника театрального училища отца Пигулевского, который впоследствии учил также и Вову. Мы оба храним о нем светлую память.

В 1926 году, 2 мая, в Пасхальную ночь, я пригласила к себе на виллу «Алам» С. П. Дягилева, Корибут-Кубитовича и артистов его труппы: Сергея Лифаря, Бориса Кохно, Тамару Карсавину, Петра и Федю Владимировых и некоторых других. Все собрались у меня на вилле, откуда поехали в заказанных мною автокарах в Ниццу в собор и после заутрени вернулись разговляться ко мне на виллу, где был приготовлен Пасхальный стол с пасхами, куличами, крашеными яйцами, окороками и всякими другими яствами. После ужина стали танцевать. Сережа Лифарь, выпив за ужином, начал ухаживать за Тамарой Карсавиной, что очень не понравилось С. П. Дягилеву, и он положил этому конец, сказав: «Молодой человек, вы, кажется, слишком развеселились, пора домой», и они оба уехали в Монте-Карло. Сережа Лифарь подробно описывает эту Пасхальную ночь в своей книге.

В один из первых своих приездов в Париж мне посчастливилось снова встретиться с Анной Павловой на одном благотворительном вечере в Клеридже. Она танцевала в этот вечер свои очаровательные маленькие вещицы. После представления я пошла ее поцеловать, и мы бросились друг другу в объятия. «Малечка, как я счастлива вас опять видеть! Давайте поставимте вместе гран-па балета «Пахита», как это было в Петербурге. Здесь, в Париже, Тата Карсавина, Вера Трефилова, Седова, Егорова, Преображенская. Вы будете танцевать главную роль, а мы все позади вас, не правда ли, какая это будет прелесть!» И это говорила Павлова в апогее своей славы, предлагая танце-

вать во второй линии за мною. Трогательно это было, бесконечно трогательно с ее стороны. В этом она показала себя мировой артисткой и чудным человеком.

После этой нашей первой встречи в эмиграции Анна Павлова приехала в Монте-Карло и часто бывала у меня на вилле, к завтраку или к обеду. Мы чудно проводили с ней время. Анна Павлова пригласила нас и некоторых наших друзей обедать в Спортинг-Клуб в Монте-Карло. Обед был очень веселый, и мы вспоминали дорогое нам прошлое: Мариинский театр, нашу артистическую карьеру. После обеда все решили зайти в игорные комнаты. Павлова странно, по-своему одевалась; она, собственно говоря, не носила платья, а поверх нижней юбки обматывала себя широким шарфом, который закреплялся булавками. Длинная бахрома шарфа свисала на плечи, заменяя рукава. Павлова, живая и очень нервная, любила играть, но, не полагаясь на свою память, просила двух друзей стоять возле нее и запоминать те номера, на которые она будет ставить. Ставила она очень быстро и по всему столу, а если номер был далеко и рукой она не могла его достать, то брала длинную лопатку и толкала свою ставку, сбивая по дороге чужие ставки со своих мест. Конечно, со всех сторон раздавались протесты, и все оборачивались в ее сторону, но, узнав ее, тотчас успокаивались: «Да это ведь Павлова, знаменитая Павлова». Она сконфуженно начинала извиняться и, желая поправить сдвинутые ставки, невольно бахромой своего шарфа сдвигала другие. Это продолжалось весь вечер, но игроки охотно ей помогали с улыбкой. К концу вечера она проигралась и попросила у меня в долг тысячу франков, которые она мне вернула потом в прелестном черном шелковом бумажнике с золотой застежкой. Я бережно храню его на память о незабвенной Павловой.

Когда Анна Павлова уезжала, мы все поехали ее провожать в Ниццу. Нас предупредили знакомые, что с ее отъездом всегда бывает много суеты, и это оказалось верно. Началось с того, что в вагон начали вносить бесчисленное количество ручного багажа, всех видов и размеров. Павлова все пересчитывала, ошибалась, снова пересчитывала, суежилась, путалась, все старались помочь, тоже пересчитывали, тоже путались в счете, что, конечно, только увеличивало суету, она сердилась, а потом улыбалась. Наконец все пришло в порядок и все успокоилось, как вдруг снова поднялась невероятная суета и волнение: «А где же клетка с моей птичкой?» — кричит Павлова, и снова все бросаются во все стороны в поисках ее клетки, так, словно из всего багажа эта клетка была самое драгоценное, что она имела. К счастью, клетку скоро нашли, и Анна Павлова благополучно укатила в Париж, махая нам рукою через окно.

Потом я видела Павлову в Париже, когда она танцевала «Жизель» в театре Елисейских полей. Чувствовалась ее усталость, но все же это было замечательное представление, и она была в этом балете неподражаема. Во второй картине этого

балета, когда она по косо́й линии пересекала сцену на пальцах, держа лилию в руках, это было так бесподобно, что казалось, она движется не касаясь земли, будто плывет по воздуху, как неземная.

Вера Трефилова была первой из моих товарок, кого я встретила в Париже. Как только мне сообщили ее адрес, я сейчас же поехала к ней в гостиницу «Савой», где она остановилась. Она замечательно молодо выглядела, и С. П. Дягилев сейчас же стал ее уговаривать выступить у него в Монте-Карло. Она давно не выступала и не работала, но так блестяще подготовилась к этому спектаклю, что когда мы ее увидели в Монте-Карло в «Лебедином озере», то все были поражены ее стильным выходом, классическим поклоном и поразительным умением держать себя на сцене, во всем была видна наша школа: благородство в движениях, изящество поз — одним словом, тот класс, которого здесь давно не видали и отвыкли видеть. Она была исключительно хороша в этом балете, и он по справедливости считался ее лучшим. После нее все, которые выступали в «Лебедином озере», не могли даже с ней сравниться.

Любу Егорову я всегда очень любила, и со дня ее выхода из училища она у меня часто бывала, иногда гостила и даже ездила со мною в Вену в 1908 году. После первого неудачного брака с Мамонтовым она вышла замуж за большого друга первых дней моей юности князя Никиту Сергеевича Трубецкого. В эмиграции она открыла студию танцев и великолепно ее поставила. Смело могу сказать, что она является лучшей в Париже, о чем я могу судить по ее ученицам, которые иногда ко мне заходят. У всех видна прекрасная школа, ноги и руки поставлены как следует, и исполнение выдержано в духе нашей Императорской школы. Егорова гостила у меня на вилле «Алам», когда выступала у Дягилева, и жила у меня со своим мужем, князем Трубецким.

На юге Франции обосновалась и Юлия Николаевна Седова. Она часто бывала у меня со своими двумя уже взрослыми дочерьми. Она открыла свою школу в Каннах.

Двадцать восьмого апреля 1928 года ко мне приехала на виллу «Алам» Зоя Инкина. Я так была счастлива, когда она мне накануне позвонила. Я рада была узнать, что она жива, ведь она была подругой детства Вовы и я хорошо знала всю ее семью. Я с нетерпением ждала ее, чтобы узнать о судьбе моей шкатулки с письмами Ники, которые я им дала на хранение перед отъездом на Кавказ.

То, что она мне сказала, нанесло мне ужасный удар. У них на квартире часто производились обыски, ее мать была арестована, хранение писем становилось опасным, и они были вынуждены сжечь их.

Я многое потеряла — и состояние, и дом, и драгоценности,

лишилась счастливой, беззаботной жизни. Но из всего потерянного я ничто так не оплакиваю, как эти письма. Ведь тогда была еще надежда, что многое вернется, но этих писем, долга сторевших, вернуть нельзя, как нельзя их и заменить. А эти десять лет я все время мечтала когда-нибудь их снова увидеть и перечитать, вспомнить мечты и переживания ранней юности. Теперь все это рухнуло. Я потеряла самое драгоценное воспоминание, свято хранившееся у меня. Даже теперь, более двадцати лет спустя, когда я вспоминаю мою встречу с Зоей, так тоскливо и грустно становится на душе.

Мой брат Юзя Кшесинский остался после переворота в Петербурге, и до войны я могла свободно с ним переписываться и посылать ему, сначала через Хуверовскую организацию, а затем через различные агентства, пищевые и вещевые посылки. Он был тогда второй раз женат на Целине Спрешынской и имел двух детей: сына Ромушку и дочь Целину. Он на свою судьбу не жаловался, писал, что к артистам относятся хорошо и что живет он на своей старой квартире. Но мне хотелось все же, чтобы он со своей семьей приехал ко мне во Францию. С. П. Дягилев помог мне в этом деле, дав письмо, в котором он приглашал брата поступить в его труппу. На этом основании мне удалось получить для него визу во Францию, и я даже послала ему денег на проезд через Финляндию. Но брат ответил, что предпочитает оставаться в Петербурге, повторив, что артисты занимают исключительно привилегированное положение и их ничем не стесняют, а главное, он не желает расставаться с дорогими для него воспоминаниями, которыми он окружен у себя. Он писал, что, хотя оставил сцену, ему разрешили справиться свой артистический юбилей, и он был счастлив этим. Его дочь Целина окончила балетную школу и уже танцевала на Мариинской сцене. Судя по присланным фотографиям, она очень на меня походила. В школе, по его словам, считали, что на сцене она своими танцами напоминает меня. Затем он мне написал, что Целина вышла замуж за одного инженера, уехала в Сибирь и оставила сцену, а Ромушка пропал без вести. При каких обстоятельствах — он не сообщал. Последнее от него письмо я получила в самом начале 1940 года. Многомного лет спустя я узнала, что мой бедный Юзя и его третья жена погибли во время осады Ленинграда немцами в 1942 году, наверное, от голода и холода. Никаких подробностей не знаю, не знаю, где он похоронен, да и существует ли его могила. Его молчание после войны примирило меня с мыслью, что его нет в живых, но все же весть о его кончине повергла меня в большую грусть.

С. П. Дягилев обратился ко мне с просьбой показать Веру Немчиновой, как исполняли «Лебединое озеро» на сцене Мариинского театра в Петербурге, и я довольно часто ездила ради этого в Монте-Карло заниматься с нею.

У нас вошло в традицию, когда мы жили на юге Франции, проводить в Каннах последние три дня Страстной недели, чтобы иметь возможность два раза в день присутствовать на церковных службах в тамошней нашей церкви. Андрей и Вова говели и в Субботу приобщались Святых Таинств. Мы оставались на Пасхальную заутреню, а потом возвращались домой в Кап д'Ай разговляться.

Я принадлежала к римско-католическому вероисповедению, как вся наша семья, и ходила в свою церковь. Мне хотелось причащаться в одной церкви с Андреем и Вовой, и я решила перейти в православие, которое мне с детства близко, так как в Театральном училище мы все ходили в нашу школьную православную церковь. Отец Остроумов меня подготовил очень сердечно к этому событию, которое совершилось 27 ноября (9 декабря) 1925 года в нашей каннской церкви. Он совершил обряд, после чего была отслужена обедня и мы все трое вместе приобщались Святых Таин. Я была очень счастлива, что отныне принадлежу к той же церкви, что Андрей и Вова.

Я часто принимала у себя на вилле видных представителей эмиграции в Ницце. У меня бывала Капитолина Николаевна Макарова, вдова адмирала Макарова, погибшего 13 апреля 1904 года в Порт-Артуре на броненосце «Петропавловск», который взорвался на mine. На том же корабле находился и Великий Князь Кирилл Владимирович, который чудом спасся вместе с 20 матросами из общего состава команды в 880 человек. Бывал у меня также Александр Александрович Мосолов, долгое время бывший Начальником Канцелярии Министерства Императорского Двора, а одно время нашим послом в Румынии. Я их обоих очень любила, они оба были очень умные, полные жизни и энергии не по летам. Однажды после обеда у меня они вздумали станцевать мазурку, как в доброе старое время, и действительно великолепно ее исполнили, с большим блеском, огнем и шиком.

О Капитолине Николаевне Макаровой, или, как ее все называли, просто Капитолине, так как другой Капитолины не было, рассказывали много анекдотов, когда адмирал Макаров был Главным Начальником Кронштадтского порта. Она своим великолепным видом затмевала своего мужа. Все только видели ее, она была первая. Но она это делала с огромным тактом и блеском, не задевая этим самолюбия своего мужа. Напротив, от этого он только больше выделялся. Она была «персоной», это все видели и бесспорно признавали. Конечно, все это давало повод к разным анекдотам на ее счет, но доброжелательным и безобидным. Даже теперь, в эмиграции, она держала себя с большим достоинством на всех церковных и официальных торжествах, становилась впереди всех и первая подходила к кресту. Однажды английский адмирал при-

гласил ее к себе на корабль пить чай. Она согласилась, но только с тем, чтобы ей отдали те же почести, которые полагались ее покойному мужу как адмиралу Русского флота. На пристани ее ожидала шлюпка с матросом у руля. Она отказалась сесть в эту шлюпку и приказала передать адмиралу, чтобы за ней прислали шлюпку под командою офицера, что и было исполнено. Она любила говорить, что она вдова адмирала Макарова и никто не должен этого забывать. В последний раз я ее видела, когда приехала из Парижа на юг, она все еще замечательно выглядела и продолжала держаться очень величественно.

Александр Александрович Мосолов был уже в то время пожилым человеком. В молодости он принимал участие в Турецкой войне 1877—1878 годов, потом командовал личным конвоем Князя Александра Батенбергского, Болгарского, служил в Конном полку, после чего был Начальником Канцелярии Министерства Императорского Двора. Под старость он женился.

Здесь, в Монте-Карло, я вновь встретила своего старого друга, известного импресарио Рауля Гюнсбурга. Мы его знали в Петербурге с давних пор, когда он привозил французскую оперетку. Затем он стал импресарио в Монте-Карло и наконец директором оперы в Монте-Карло. Во время Турецкой войны он сперва выступал в Бухаресте в оперетках и пел шансонетки. Он описывает в своих воспоминаниях, как поступил санитаром в Российский Красный Крест. Под Никоподем, подбирая раненых, он заметил, что редут слабо охраняется противником и, не долго думая, крикнув «ура», бросился с другими санитарями вперед, увлекая этим за собою всю боевую линию, и Никополь был взят. Он не утверждал, что взял Никополь, а только рассказывал, что способствовал. С тех пор он стал преданным другом России, и в ответ на вопрос Императора Александра III, чем он может его отблагодарить за взятие Никополя, ответил: «Ваше Величество, протяните руку Франции», после чего принял самое деятельное участие в заключении Франко-Русского союза. Он любил рассказывать это во всех подробностях, за достоверность которых никто ручаться не мог бы, но слушать его было всегда интересно. Он очень любил Великого Князя Владимира Александровича и эту любовь перенес на Андрея.

Еще в 1895 году он пригласил меня танцевать в Монте-Карло на несколько спектаклей, очень за мною тогда ухаживал и ходил влюбленный под окном моей гостиницы.

Он часто приглашал нас завтракать в «Отель де Пари», и у него бывало вкусно и весело, так как он приглашал всегда кого-либо из первых артистов в своей оперной труппе и других интересных людей. Он заводил интересные разговоры из театрального и литературного мира, говорил умно и занимательно, а завтраки его бывали очень оживленными. Рауль Гюнсбург

был гастрономом, сам придумывал новые блюда, ходил на кухню, следил за их приготовлением и возбуждал у гостей аппетит своим рассказом об ожидаемых яствах и о винах его погреба. Но как только наступал час репетиции, он вставал из-за стола и шел в театр, чтобы самому за всем смотреть и давать указания. Он был композитором, и его оперы шли с успехом.

У него была одна замечательная черта, которую артисты ценили: он редко заключал контракты, его слово было сильнее всякого контракта, и никто не мог пожаловаться, что он своего слова не сдержал.

Когда он выдавал свою дочь замуж, то пригласил нас за несколько дней до свадьбы на семейный обед, чтобы познакомиться с женихом. Обед был очень курьезный. Начать с того, что все шкапы в столовой были полны вовсе не посудой, как это можно было ожидать, а бутылками. Когда мы сели за стол, хозяин спросил, что мы будем пить, и, повернувшись назад к ближайшему шкапу, открыл дверцы. Мы увидели ряд бутылок. Он стал вынимать одну за другой и остановил свой выбор на бордо. Он сказал при этом, что пить следует исключительно красное бордо, объяснив это на свой лад, но так, что неудобно повторить,— а мы все засмеялись. Блюда также были своеобразные, и каждое сопровождалось пояснениями, как готовили и какое надо к этому блюду пить вино. Но сладкое нас наиболее заинтриговало. Принесли в глубоком сосуде большой ананас, затем сахарницу с мелким сахаром и огромный кухонный нож. Проверив, все ли на месте, он повернулся к шкапу, вынул оттуда бутылку с коньяком и велел ее откупорить. Потом левой рукой взял ананас за верхушку и стал ножом очищать его от корки с черными гнездами. Когда ананас был совершенно очищен, он стал вилкой выковыривать куски в тех местах, где были гнездышки, получались маленькие, пирамидальной формы, кусочки, которые он складывал в сосуд. Весь сок от ананаса, таким образом, стекал туда, и не терялось ни капли. В сосуд он влил очень много коньяку, посыпал сахаром, и получилось замечательно вкусное, но пьяное блюдо. Он предупреждал, что сок нельзя пить стаканами, а то опьянеем, но смоченные в коньяке кусочки ананаса не представляют опасности.

После обеда Рауль Гюнсбург отозвал Андрея в сторону и сказал, что просит передать как бы от себя приготовленный им подарок дочери, так как знает, что в теперешних обстоятельствах Андрей не может делать ценных подношений; но он хотел, чтобы невеста имела лично от Андрея свадебный подарок. Такому старому другу отказать в его просьбе было нельзя, тем более что предложение Рауля было сделано от чистого сердца. Он подозвал дочь, и Андрей передал ей подарок. Через несколько дней мы присутствовали на свадьбе дочери в синагоге.

Рауль Гюнсбург был всегда нашим верным и преданным другом, и мы о нем вспоминаем с большой любовью и благодарностью.

Великий Князь Дмитрий Павлович очень часто бывал у меня в Кап д'Ай. Наша давнишняя дружба все более крепла, и мы чаще стали встречаться, правда, в совершенно иных условиях. Он приезжал на юг обыкновенно к весеннему сезону или осенью и жил у знакомых. Раз он приехал погостить у меня несколько дней. Он тогда жил в Каннах, на вилле известного богача сэра Мортимера Девиса, жена которого была известная красавица. Его слуга надеялся, что Великий Князь у меня отдохнет, так как в Каннах он каждый вечер выезжал и почти что не спал совсем. Как раз в это время у меня на вилле жили: князь Эристов, князь Никита Трубецкой и полковник Кульнев. По вечерам, после обеда, мы ездили в Монте-Карло, в Спортинг-Клуб. Мы с Андреем возвращались рано, а Дмитрий Павлович с моими гостями оставались иногда до утра. Так Дмитрий Павлович и не отдохнул у меня, как надеялся его слуга. Весною, когда мы приехали в Париж, мы с Андреем пригласили на обед в ресторан «Арменовилль» Великую Княгиню Марию Павловну с ее мужем князем С. Путятитным, Великого Князя Дмитрия Павловича, графиню Н. Зарнекау и полковника Кульнева. В последнюю минуту что-то задержало Великого Князя Дмитрия Павловича, и он обещал присоединиться к нам позже. Мы поехали в модное кафе «Аккасия» выпить вина и потанцевать. Здесь к нам присоединился Дмитрий Павлович, и мы все вместе поехали в «Пале-Рояль», где в подвале было кабаре. Мы приехали рано, никого еще не было, и оркестр играл для нас русские вещи. Мы заказывали что хотели. Потом приехали две английские супружеские пары и стали просить оркестр играть американские мотивы, а мы продолжали просить русские. Англичане были этим недовольны. Мы уговаривали Великую Княгиню нам спеть что-нибудь, она долго колебалась, а потом согласилась под условием, что я станцую потом «Русскую». На этом помирились, и Великая Княгиня чудно спела романс «Калитка», а я затем станцевала «Русскую». Только что я кончила, оба англичанина встали из-за стола и, держа в руках по стакану вина, подошли к нам и, став на колени, просили принять от них вино в знак восторга от нашего исполнения. Это было так трогательно, что мы все объединились в общем веселье, которым и закончился этот чудный вечер.

Несколько лет спустя, 8 (21) ноября 1926 года, Дмитрий Павлович женился в Биарицце на мисс Одри Эммери, очаровательной, красивой американке, которую мы все сердечно полюбили. Мы с ней познакомились вскоре после их свадьбы в Монте-Карло, в «Отель де Пари», где они тогда жили. В следующий сезон они наняли себе виллу в Каннах, где мы у

них часто бывали к обеду. Это была такая красивая и элегантная пара, что можно было просто на них любоваться.

С первого дня нашей эмигрантской жизни вопрос о хлебе насущном нас очень тревожил. Мы все выехали совершенно нищими, потеряв в России все, что имели. Первое время, заложив мою виллу, мы могли немного обернуться. После кончины Великой Княгини Марии Павловны Андрей получил, и то с большим опозданием из-за всевозможных процедур, свою долю драгоценностей, но благоприятное время для ликвидации камней было упущено, и вырученная сумма оказалась гораздо ниже прежней оценки, и из этого пришлось еще выплатить наследственную пошлину.

У Андрея была надежда ликвидировать свое недвижимое имущество, находившееся на территории Польши, но при определении новой границы эта часть Польши отошла к СССР. Таким образом, рухнула и эта надежда.

Рассчитывать было больше не на что, и я решила открыть в Париже студию танцев, чтобы попытаться этим способом обеспечить нам всем кусок хлеба. Что я умела хорошо танцевать, я знала, но сумею ли я преподавать танцы другим, я совершенно не знала и даже несколько сомневалась в этом. Но выбора не было, надо было на это решиться.

Осенью 1928 года я поехала с Андреем в Париж подыскать помещение для себя и для студии. Агентства, к которым я обратилась, возили меня по всему Парижу. Чего только я не пересмотрела за это время! Для себя лично я искала что-либо непременно с садом, так как у меня были фоксикки, которым надо было где-нибудь погулять, да и сад представлял для нас много удобств. Соединить студию с нашей жилой квартирой было трудно. Чтобы отделить студию от наших комнат, надо было бы снять очень большое помещение, что было бы дорого, или же надо было найти разные, поблизости друг от друга. После нескончаемых поисков студию я нашла в недостроенном еще доме и закрепила ее контрактом. Но для себя ничего подходящего не находила. Мой агент был в полном отчаянии и, исчерпав все, что мог показать, заявил с грустью, что остается только один небольшой домик, но просил на него не сетовать, если дом не понравится. Он был почти уверен, что мы только зря прокатимся туда, и потому до сих пор его и не показывал. Мы решили все же поехать посмотреть и отправились туда. Въехав в ворота виллы «Молитор», такси остановилось у калитки небольшого сада, в глубине которого возвышался трехэтажный домик. Садик сразу произвел благоприятное впечатление — высокие каштаны, кустики и цветы. Вошли в дом. В то время в нем был устроен пансион, и приемные комнаты в нижнем этаже были просто, но уютно меблированы. Обошли все комнаты. В трех этажах нашли три ванные комнаты, что редкость в Париже, три

уборные. Количество комнат как раз соответствовало нашим требованиям. Был хороший высокий подвал с кухней и комнатами для прислуги. День был солнечный. Дом и сад нам так понравились, что мы решили, что лучшего искать не надо. И нам было хорошо, и для собак был сад — что требовалось.

Мы поручили агенту сейчас же войти в переговоры с хозяином дома и выяснить его условия.

Ответ хозяина был неблагоприятный, он ни за что не соглашался сдавать дом иностранцу. Не помню сейчас как, но после длительных переговоров его в конце концов уговорили, и мы условились с его управляющим встретиться у нотариуса для подписания контракта. Когда мы все торжественно собрались и уселись у нотариуса для чтения и подписания контракта, управляющий делами сообщил нам с соответствующей грустной физиономией, что в эту ночь хозяин скончался, но — прибавил уже деловым тоном, — что имеет полномочия подписать за покойного контракт. Андрей, не оспаривая прав управляющего, предпочел отложить подписание, пока управляющий не получит полномочий от живых наследников, а то как-то неудобно подписывать контракт с покойником. Через несколько дней все формальности были выполнены, контракт подписан. Мы еще несколько раз приезжали на виллу для составления инвентаря и выяснения, какой ремонт надо произвести. Каждый раз дом нам все более и более нравился. Я была счастлива, что нашла себе виллу по душе.

Закончив все дела в Париже, мы вернулись домой в Кап д'Ай, чтобы уложить все, что мы посылали в Париж. Я надеялась вернуться в Париж к концу года, чтобы успеть открыть студию и начать работу во время зимнего сезона, но у меня не хватало средств на переезд и на необходимый ремонт дома. После бесконечных хлопот и многих неприятностей, о которых теперь не стоит вспоминать, мы смогли наконец выехать из Кап д'Ай 22 января (4 февраля) 1929 года и на следующий день, 23 января (5 февраля), прибыли в Париж и поселились в № 10, вилла «Молитор», 16-й аррондисман. Телефон 34—38 был уже поставлен.

По поводу моего переезда в Париж многие со злорадством утверждали, что я проиграла в Монте-Карло все свое состояние. Одно верно, и я это не отрицаю, я всю жизнь любила играть, но никогда не играла крупно, в особенности в казино, даже и ранее, когда я обладала средствами и могла себе это позволить. Как все игроки, я проиграла, но это были сравнительно пустяки, и далеко не те миллионы, как хотели утверждать и каких у меня и не было.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА В ПАРИЖЕ

Переехав в Париж уже окончательно, я первым делом занялась устройством своей студии. Но оборудование студии требовало известных затрат, а средств у меня на это не хватало, и если я смогла это сделать, то только с помощью моих друзей, среди которых Иван Иванович Махонин занимает особое место. Он был женат на Наталии Степановне Ермоленко-Южиной, которая исполняла весь вагнеровский репертуар на Императорской сцене. Сам он был очень хорошим скрипачом, прекрасным певцом и любителем музыки. Постоянно посещая театры, Махонин был знаком со всеми выдающимися артистами и музыкантами. Меня он знал и ценил еще со времени моей службы в Мариинском театре и широко пошел мне навстречу в моем новом начинании.

Устройство и оборудование студии потребовало более двух месяцев: надо было заказать и установить палки для упражнения, провести электричество, окрасить стены и купить самую необходимую мебель. Только к концу марта студия была готова. Мы попросили Митрополита Евлогия отслужить молебен и окропить помещение студии святой водою.

Еще год назад, когда я только что наняла студию и приехала наметить ремонт, я встретила с Митрополитом Евлогием в подъезде этого дома, и мы оба друг другу задали один и тот же вопрос: «А что вы тут делаете?» Митрополит мне ответил, что он был в русской семье, которая живет наверху, а я ответила, что устраиваю студию, где буду давать уроки танцев. Он заинтересовался моим проектом и на прощание просил непременно его позвать освятить студию. Вот почему я его и попросила. Освящение состоялось 13 (26) марта 1929 года. На это торжество я пригласила только самых близких друзей, которые помогли мне найти помещение и почувствовали моему начинанию.

Шестого апреля я начала занятия в студии и дала свой первый урок. Первая ученица, которая поступила ко мне, была Татьяна Липковская, родная сестра Лидии Липковской, знаменитой нашей оперной певицы. Таня Липковская, как мы все ее звали, была моим талисманом, она принесла студии счастье, и в память этого ее портрет всегда висит на том же месте, что и в первый день. По спискам студии Таня значится под номером первым.

Конечно, время для открытия студии было неудачное, учебный сезон был на исходе, и все, кто учился танцам, занимался в других студиях. В этот первый период, с апреля по июль, учениц поступило мало. Но зато это дало мне возможность проверить себя, смогу ли я давать уроки. Я убедилась, что

справлюсь, и даже хорошо справлюсь, и уже с полной уверенностью готовилась к началу осеннего сезона, когда я ожидала наплыва новых учениц.

Сергей Павлович Дягилев давал в 1929 году свой весенний сезон в Париже с 22 мая по 12 июня в Театре Сары Бернар. За это время он несколько раз бывал у меня, и мы с ним болтали, сидя в саду. Разговаривать с ним было всегда интересно. Потом он уехал в Лондон на летний сезон в Ковент-Гарден, а мы уехали в Руайа, где совершенно неожиданно получили известие о его кончине в Венеции 19 августа 1929 года. Ему было всего 57 лет.

В лице С. П. Дягилева я потеряла старого и чудного друга. Несмотря на нашу короткую ссору, он остался до конца тем же, каким он был со мною с первых дней нашего знакомства, и он знал, что я его искренне любила и ценила его дружбу.

С. П. Дягилев был, несомненно, крупной, выдающейся фигурой, большим русским баринком и в своем роде самородком. Он был тонким знатоком в области искусства и литературы, понимал балет и любил его. На тему о балете мы с ним немало говорили, и я хорошо знала его взгляды на наше искусство. С ним разговаривать было одно наслаждение, так он был интересен и увлекателен.

То, что Дягилев сделал для Русского балета, несомненно, его заслуги огромны, в особенности в смысле ознакомления Европы с русским Императорским балетом, и в связи с этим с русской музыкой и русскими художниками-декораторами.

Вначале С. П. Дягилев действительно показал Европе настоящий Русский балет, точнее говоря, Императорский русский балет, так как он повез с собой в Париж труппу, набранную исключительно из артистов Императорских театров с декорациями и костюмами также Императорских театров, роскошь, которую не могла бы себе позволить ни одна частная антреприза. Первым его балетмейстером был М. М. Фокин, чудные постановки которого останутся в истории балета как выдающиеся произведения в области искусства. Но постепенный репертуар Дягилева стал заметно меняться. Продолжая ставить балеты классического характера, он одновременно стал ставить новые, фокинские, он ставил и такие балеты, которым не было бы места ни на Императорской сцене, ни даже в частном русском балете и о чьих достоинствах было много споров, продолжающихся до сих пор. Число русских артистов стало после первой войны постепенно уменьшаться, состав труппы пополнялся иностранными артистами, но чтобы спасти, как говорится, «фасад», им давали русские фамилии. Балет перестал быть русским, осталось лишь название. Незадолго до его кончины я спросила как-то Дягилева, как он, такой тонкий знаток и любитель настоящего русского балета, мог дойти до таких постановок, на мой взгляд безобразных, какие он ставил

за последнее время. Ответ Дягилева я не хочу предавать гласности. Наш разговор был совершенно частным и интимным. Дягилев дал мне совершенно ясно понять, почему он пошел по этому пути, отступив от традиций русского классического балета. Это не зависит ни от его вкуса, который не изменился, ни от его желания, а от совершенно иных соображений. Я была счастлива убедиться, что мой старый друг не изменил своего взгляда на искусство, но должен был давать и другие балеты.

Осенью 1929 года я впервые встретила в эмиграции с князем С. М. Волконским через двадцать восемь лет после его ухода с поста Директора Императорских театров в связи с нашим столкновением из-за фижм костюма «Камарго». Мы встретились в каком-то театре во время антракта, как будто между нами ничего не произошло и даже чуть-чуть не бросились друг другу в объятия, так оба были рады. С этого дня мы стали большими друзьями и часто виделись, он запросто заходил ко мне в студию посмотреть на мои уроки. Также запросто он приходил ко мне завтракать, всегда с букетиком цветов в руках. Он в это время писал рецензии в газетах, давая отчеты о новых пьесах и фильмах, всегда очень интересные и красиво написанные. Однажды мы с ним заговорили о давнем столкновении. Я ему чистосердечно объяснила, что на самом деле тогда произошло, сказала, что лично его я совершенно не виню, а вина падает на тех, кто в неправильном свете докладывал ему о том, что происходило, с целью возбудить его против меня. Если бы он тогда знал всю правду, как теперь, то, наверное, так бы не поступил. Как умный и тонкий человек, он понял бы мое положение артистки, несшей ответственность за балет. Я ему доказала массой примеров, что всегда подчинялась требованиям начальства и могла служить в этом отношении примером для других. Князь вполне согласился с моими доводами и сознался, что он совершенно иначе представлял себе вопрос с костюмом в балете «Камарго». Ему доказывали, что Кшесинская назло ему отказывается надеть фижмы, что это каприз, на который не стоит обращать внимания, а надо ей просто отказать. Он искренне сожалел, что поверил, а не вызвал меня к себе, что было так просто, и никакого инцидента не было бы.

Прошлое было забыто, и мы стали друзьями. Он часто запросто приходил завтракать или обедать и поболтать. Он был на редкость образованным и культурным человеком, знаток музыки и прекрасный пианист, артист, изучивший дикцию в совершенстве, он часто принимал участие в любительских спектаклях и играл превосходно.

Как-то раз мы разговорились о мимике. Он находил, что мимику недостаточно хорошо преподают и зачастую артисты делают жесты, не соответствующие словам. Нужно, говорил

князь, чтобы ученицы научились владеть своими руками настолько свободно, что их не затрудняли бы движения, которые сопровождают декламацию. Тогда я попросила его прочесть несколько лекций в моей студии, на что он охотно согласился, и 28 ноября 1929 года прочитал свою лекцию для моих учениц и для некоторых приглашенных. Темой князь выбрал: о движении танцевальном, мимическом и музыкально-мимическом. Лекция сопровождалась демонстрациями.

Князь Волконский, посещая после этого несколько лет подряд мою студию, одобрил мое преподавание, так как оно соответствовало его взглядам. Он это выразил в блестящей статье после выступления моих учениц в «Международном архиве танца» 21 апреля 1935 года.

«Архив танца» просил меня публично показать технику моего преподавания и достигнутые мною результаты с моими ученицами разных возрастов и сроков обучения. Я наметила шесть учениц, начиная с самой маленькой, недавно ко мне поступившей, и кончая старшей. Вот что писал тогда князь:

«Когда М. Ф. Кшесинская, очутившись в положении беженки, открыла свою студию и из балетной «звезды» превратилась в профессора и воспитательницу, она поразила неожиданно обнаруженными ею педагогическими способностями. Преподавание обычно мало дается тому, кто им начинает заниматься в зрелом возрасте без тренировки. Это есть в известном смысле «новая жизнь», и требуется для нее особенный талант. Этот талант оказался присущ самой природе нашей балерины. Надо сказать, что среди наших балетных артисток Кшесинская сравнительно меньше других танцевала за границей, ее имя перешло границу в ореоле прошлого. Европа приняла ее скорее «на веру», чем на основании личного наблюдения; зато ее педагогическая деятельность, ее воспитательные достижения — это уже осязаемый факт, на глазах современников развернувшийся и завоевавший несомненное, своеобразное, очень индивидуальное и авторитетное место в балетном деле.

Только тот, кто бывал в студии княгини Красинской, кто присутствовал на уроках, может оценить степень той воспитательной работы, которую вкладывает она в свое дело. Больше всего поражало меня параллельное развитие техники и индивидуального ощущения красоты. Ни одно из упражнений не ограничивается сухим воспроизведением гимнастически технической задачи: в самом, казалось бы, бездушном есть место чувству, грации, личной прелести. Как лепестки цветка раскрываются те стороны природы, которыми один характер непохож на другой. Не в этом ли истинная ценность исполнительского искусства — когда то же самое производится по-разному? Технике можно научить (этим в наши дни не удивишь), но выявить природное, направить чужое, внутреннее по тому пути, который каждому по-своему свойствен,—

это тот педагогический дар, которому тоже научить нельзя.

Все это из интимной обстановки студийного урока было вынесено на глаза публики в тот вечер, на котором мы присутствовали в стенах «Архива танца». Шесть учениц самого разнообразного возраста были представлены в последовательном ряде упражнений под фортепианное сопровождение. Все упражнения начинались у стойки, у того горизонтального бруса, приделанного к стене, который для многих представляется символом бездушия и рутины и от которого, однако, пошла вся слава классического балета. На этот раз брусок был не горизонтален — во внимание к разному возрасту учениц, младшей из которых едва шесть лет. Они все начинали с простейших батманов и кончали вихревыми фуэте, которые мы принимались считать, но которым скоро теряли счет, ибо нас ошеломлял восторженный порыв маленьких исполнительниц, ошеломлял и восторг публики, которая начиная с восьмого такта раздражалась бурными рукоплесканиями, не прекращавшимися вплоть до начала нового номера...

Вечер прошел с большим успехом и, конечно, составит одну из лучших страниц в летописи «Международного архива танца» в том ее отделе, который озаглавлен «Россия». — Кн. Сергей Волконский».

Вскоре после этого князь С. М. Волконский женился на американке, с которой он нас познакомил еще задолго до свадьбы. Мы все были очень рады за князя, так как это давало ему возможность последние годы своей жизни прожить не в одиночестве, а то последнее время ему было тяжело. Затем он переехал в Америку. В октябре 1937 года мы получили из Америки известие, что князь скончался. На выраженное мною и Андреем соболезнование его вдове она очень сердечно ответила и прибавила, что ее покойный муж еще незадолго до своей кончины вспоминал нас обоих и наше доброе отношение к нему. Для меня было большим утешением узнать, что он ушел в иной мир, действительно примирившись со мною.

Через год после открытия моей студии Анна Павлова, выступавшая в это время в Париже, попросила позволения приехать ее посмотреть. Я, конечно, предупредила моих учениц, что Анна Павлова будет в студии в такой-то день, чтобы все собрались ее встретить. Мне хотелось, чтобы мои ученицы, которым не пришлось видеть ее на сцене, видели бы ее у меня. Они ее встретили с цветами. Она просидела весь урок, а когда урок кончился, она меня расцеловала и сказала: «А я думала, что вы неспособны работать, что это только одно воображение, но теперь я вижу, что действительно можете преподавать».

Это был последний раз, что я видела Анну Павлову, она вскоре уехала в турне со своей труппой. В январе следующего года, 1931-го, в то время, когда Андрей лежал тяжело больной

в госпитале и жизнь его была в опасности, я получила известие, что Анна Павлова опасно заболела в Гааге. Ее постоянным врачом был доктор Залевский, который лечил и Андрея. Дандре, муж Павловой, телеграфировал мне, прося отпустить доктора Залевского ввиду опасного положения Анны Павловой. Я не считала себя вправе отказать, тем более что Андрея лечили и другие доктора, и Залевский 20 января выехал в Гаагу на три дня. Конечно, я скрыла истинную причину его отсутствия, чтобы не волновать Андрея, который так и не догадался об этом.

Но несмотря на все принятые меры и приезд доктора Залевского, не удалось спасти Анну Павлову, которая 23 января скончалась. Андрей очень ее любил, и мы скрыли от него эту печальную весть. Мы не давали ему читать газет во избежание волнений, и лишь несколько месяцев спустя Андрею случайно попала забытая у его постели газета, из которой он узнал о кончине Анны Павловой.

Тело Анны Павловой было перевезено в Лондон, где состоялось торжественное отпевание в русском храме, после чего тело было сожжено в крематории и пепел помещен на кладбище Голдерс Грин.

Прошло много лет с тех пор, и мне пришлось прожить в Лондоне три недели в гостях, как раз недалеко от того дома, где жила Анна Павлова. Проходя однажды мимо этого дома, я зашла в парк, окружавший дом, посмотрела на пруд, где некогда плавал красавец белый лебедь, с которым Павлова снята, зашла в дом, где жила, ходила и занималась наша Павлова, а потом пошла поклониться ее праху на местном кладбище, тут же недалеко. Белая мраморная урна, высокая и стройная, как сама Павлова, хранит драгоценный пепел. Кругом все только белые цветы — просят других не возлагать, написано на дощечке. Видно было, что чья-то очень любящая рука убирала цветы, все свежие и красиво расставленные. Пришла я сюда поклониться праху великой нашей русской артистки, имя которой не забывается во всем мире, где ее любили и ценили. Мне показали в Лондоне то место, где предполагали воздвигнуть ее памятник среди цветов и роз в одном из городских парков.

Когда я думаю об Анне Павловой, мне вспоминается рецензия Сергея Маковского по поводу исполнения Павловой роли Жизели:

«Неотразимая, огненно гибкая,— пишет С. Маковский,— и легкая как пушинка, танцует Жизель Анна Павлова. Этим многое сказано. Анна Павлова никогда не изумляла техникой, она покоряла вдохновением. Ее не хотелось и прежде разбирать по косточкам (грехов было много всегда), хотелось только восхищаться ею, забыв о хореографических прописях, отдаваясь наваждению таланта Божией милостью». Спектакль состоялся 9 мая 1930 года в театре Елисейских полей.

Рецензия была напечатана в «Возрождении». Дом Павловой в Лондоне — «Айви Хауз» на Голдерс Грин, а ее любимого лебедя звали Джек.

Анна Матвеевна Павлова вышла из Императорского Театрального училища 1 июня 1899 года. Родилась она 31 января (12 февраля) 1882 года в Санкт-Петербурге.

В последние годы Вера Трефилова была постоянно больна, но продолжала давать уроки танцев, несмотря на то, что по вечерам температура подымалась почти что до сорока градусов. Но вот вдруг я узнала, что ей стало так плохо, что ее свезли в больницу. Я стала почти каждый день ее навещать, хотя мне это было очень трудно: с больной ногой подыматься по госпитальным лестницам. Я привозила ей цветы, что она очень ценила. Она так изменилась, что, когда я в первый раз приехала в госпиталь, я долго не могла ее найти в палатах, куда заглядывала, пока сидевшая у ее постели дама, узнав меня, не сделала мне знак, что тут лежит Вера Трефилова. Перед отъездом в Дакс, куда я ехала лечить свою ногу, я зашла проститься с Верой и привезла ей букет роз, который она приложила к своему лицу, жадно вдыхая аромат цветов.

Когда настал момент прощаться, я наклонилась к ней, и она обхватила мою шею своими исхудалыми руками и благодарила меня за проявленную к ей ласку, прибавив, что никто из ее прежних товарищей по сцене к ней так не отнесся, как я. Я знала, что я больше ее не увижу, но старалась ее подбодрить, говоря, что когда я вернусь из Дакса, то она уже поправится и мы вместе еще кутнем. Это было, как теперь помню, в среду, 7 июля 1943 года. На следующий день я выехала в Дакс, а 11 июля Вера Трефилова скончалась. Я не могла, конечно, быть на ее похоронах 14-го, но просила Сережу Лифаря возложить на ее гроб от меня венки. Вера Александровна Трефилова вышла из Императорского Театрального училища 1 июня 1894 года.

Когда осенью 1939 года я прожила около двух недель близ Эвиана и побывала в Женеве, я мечтала съездить и навестить Вацлава Нижинского, который находился в Швейцарии в санатории. Все попытки вернуть ему память были тщетными, даже когда Дягилев его привез в театр на представление «Петрушки», потом повел на сцену и он встретился с Карсавиной. Он никого не узнавал и не замечал того, что происходило кругом него. Но я надеялась, что меня он все-таки узнал бы. Ведь я была первая, которая взяла его к себе партнером, когда он только что вышел из школы. Он этого не забыл и всегда трогательно ко мне относился. Навестить мне его тогда не удалось, так как разразившиеся вскоре события, война, заставили меня поспешно покинуть Эвиан и вернуться в Париж.

Нижинский умер в Англии, и много лет спустя после его кончины его вдова, Рамола, рассказала мне, что незадолго до смерти Вацлав настолько поправился, что стал уже почти нормальным, вспоминал прошлое и меня и часто повторял мое имя: Маля, Маля. Это заставило меня думать, что Нижинский был, может быть, излечим, и я горько жалела, что я так и не могла его навестить, когда он жил в Швейцарии. Я не могла быть на его похоронах в Лондоне.

Большим утешением для меня было присутствовать на перенесении его тела в Париж, куда его гроб был доставлен из Англии и похоронен на кладбище Монмартр-Норд, где также покоятся останки знаменитого танцора Вестриса. Собралось много народу отдать ему последний долг, много речей было произнесено над его могилой, вспоминали его выступления в Опера, в Париже, где он создал себе громадную славу.

Когда подходили прощаться, я возложила на его могилу цветы и горячо помолилась за моего милого талантливового партнера и дорогого друга, искренне меня любившего. Похороны состоялись 3 (16) июня 1952 года на кладбище Монмартр-Норд в 10 с четвертью утра. Сохранилось много снятых тогда фотографий.

До войны М. М. Фокин часто наезжал из Америки, где он жил, в Париж для разных постановок, которые ему поручали Рене Блюм, Ида Рубинштейн и другие.

Я была всегда рада его принимать у себя, и всегда было интересно его послушать. Я была большой его поклонницей с первого дня, когда он начал ставить у нас балеты, считая его совершенно выдающимся балетмейстером. Его произведения останутся не только в русском балете, но и в мировом. Никогда не поблекнут такие его балеты, как «Эрос», «Па-де-де», «Рондо капричозо», которые он для меня поставил, «Вальс Крейсера», «Папиллион», «Шахразада», «Петрушка», «Сильфиды», «Карнавал», «Призрак розы», «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь», «Вакханалия» Глазунова и «Умирающий лебедь», поставленный им для Павловой. Эти творения Фокина останутся бессмертными, и их будут продолжать ставить с громадным успехом.

М. М. Фокин дал много нового балету, но остался верен классике. Он никогда не пользовался акробатическими движениями и не заставлял артистов валяться по сцене или прыгать друг другу на спину. В его произведениях выдержан был благородный стиль классики. Некоторые его балеты и отдельные танцы не могут быть восстановлены без него и потому не сохранятся.

В моей студии Фокин ставил танцы для одной моей ученицы, и было очень интересно видеть его метод преподавания.

Перед отъездом в Америку он мне подарил на память прелестный старинный баул с хрустальными флаконами для ликеров.

Мы с Фокиным в последнее время разошлись. Я с самым искренним чувством хотела устроить примирение Фокина с теми, кого он стал не любить, и для этого я устроила у себя ужин, пригласив Фокина и в то же время тех, с которыми у него произошло расхождение. Это было ему неприятно, и он, по видимому, обиделся на меня.

Фокина я искренне любила, и мне больно, что так и не удалось объяснить ему моей цели при устройстве ужина и сказать ему, почему я его невольно огорчила.

Где и когда я впервые увидела Лифаря, я припомнить не могу. Вероятно, я его видела танцующим в труппе Дягилева вскоре после того, как он приехал из России, в январе 1923 года. Но думаю, что познакомилась с ним на Пасху 1926 года, когда он приехал ко мне с С. П. Дягилевым разговляться на виллу «Алам» в Кап д'Ай. Нас собралось довольно много, тут были и артисты из труппы Дягилева, и мои друзья. Этот Пасхальный ужин С. Лифарь отметил в своей книге о Дягилеве в очень забавной форме.

Много лет спустя, когда я обосновалась в Париже, а Лифарь стал балетмейстером в Опера, он стал часто бывать у меня, и я его искренне полюбила за его приветливость, за доброе сердце, за его ум и безусловный талант, как танцора и балетмейстера. Я стала принимать его у себя уже как родного, давала ему первое место и старалась перед другими его выделять. Мне казалось, что и он ко мне привязался и постоянно называл меня «мое золото». По традиции в память первого у меня ужина в Кап д'Ай на Пасху он всегда приглашался ко мне в этот день, а ежели он случайно был в отъезде, то все же непременно звонил по телефону, чтобы поздравить в эту ночь, где бы он ни был, даже когда летел из Австралии. Он мне часто говорил, что я и Великий Князь заменяем ему его родителей и даже однажды так нас и представил одному своему знакомому за ужином у меня. Такими же друзьями мы остались и до сих пор.

Заняв прочное положение в Опера, Лифарь стал часто меня приглашать на балет, в особенности когда шли его новые постановки. Потом я ходила на сцену к нему в уборную, где всегда толпилось много народу, чтобы сказать ему несколько слов, после чего зачастую мы шли с ним ужинать в ближайший ресторан с его друзьями.

Если принять во внимание, что он прибыл к Дягилеву совершенно не подготовленным, и, несмотря на это, в такой короткий срок благодаря упорному труду стал прекрасным танцором, а через два года выдвинулся на первое место в труппе,

то надо ему отдать справедливость, что он выказал в этом не только много труда, но и много личного таланта.

Я его искренне считала талантливым и интересным артистом, прекрасным танцором. Он был бесподобен в «Жизели», которую проходил с П. Владимировым. С ним тогда танцевала Спесивцева, которая была в «Жизели» очень хороша. Она не была Павловой в «Жизели», но по-своему была очаровательна.

Среди множества балетов, которые Лифарю пришлось ставить в Опера, были, конечно, более удачные и менее удачные. Было у Лифаря много блестящих балетов, которые я с удовольствием посмотрела бы еще раз. А менее удачные зависели иногда от спешности постановки и от сюжета и музыки, которые не всегда были по его вкусу, а бывали ему навязаны.

Он завоевал себе в Опера выдающееся положение, сделавшись одним из видных балетмейстеров, что надо считать громадным достижением, в особенности если принять во внимание, что он иностранец. Но, кроме того, и в этом одна из его главных заслуг перед балетом, что он его поднял на подобающую ему высоту, наравне с оперой, из того загнанного положения, в котором балет находился до него. Балет давался только после оперы как заключение к спектаклю. Лифарю дирекция не верила, что публика пойдет в Опера на целый балетный вечер, дирекция боялась, что сборов не сделают. Но публика не только пошла, театр был всегда переполнен, билеты брались нарасхват. Сперва ставили несколько одноактных балетов, а потом и один многоактный. Теперь балет имеет свой день, балетный, как у нас в России, и более не плетется жалко в хвосте оперы.

Несколько слов по поводу книги Сергея Лифаря — «История Русского балета со дня его основания и до наших дней», Париж, 1950 год.

После моего приезда во Францию в 1920 году, хотя мне тогда было уже сорок восемь лет, я получила два очень лестных для меня предложения вернуться на сцену: одно исходило от Директора Парижской оперы, другое от С. П. Дягилева. Оба эти предложения я тогда отклонила, так как окончательно решила больше не выступать после того, как я всю жизнь танцевала на Императорской сцене и там закончила свою артистическую карьеру.

С. П. Дягилев часто потом говорил мне, что он очень сожалел, что я ему отказала. Мне было приятно, что, несмотря на мое шестилетнее отсутствие в Париже, меня там помнили.

Прошло много лет с тех пор, и я получила от С. Лифаря его книгу, «Историю Русского балета». Ежели бы то, что в этой книге написано, появилось под другим заглавием, я бы не обратила никакого внимания. Мало ли что пишут про балет, на

все не возразишь, но когда пишут «Историю Русского балета», то это обязывает осторожно относиться к тому материалу, с которым приходится иметь дело, и к тем выводам, которые делаются.

Оставить без возражения некоторые места этой «Истории» я не считаю возможным, иначе пройдут года, уйдут мы, участники Императорского балета, которые на своем артистическом веку много сделали для процветания и славы родного искусства, и если мы эту «Историю» оставим без возражения, то ее смогут принять за действительную, тогда как на самом деле это не более как личное мнение.

Что же касается меня, то с первых же строк моя фамилия ставится постоянно рядом с фамилией другой артистки, которая, хотя и раньше меня вышла из училища, но достигла известности много позже меня. Я очень уважаю эту артистку, которая своим упорным трудом достигла известности. Но ставить постоянно обе фамилии рядом, проводя сравнение, не дает верного понятия о каждой, так как у каждой артистки есть свои, исключительно ей свойственные качества, не поддающиеся сравнению.

В двух местах делаются намеки, что Павлова и Карсавина угрожали меня затмить или заменить, когда они начинали свою карьеру. Никто — ни Павлова, ни Карсавина, ни другая артистка, меня не затмили, не заменили за всю мою артистическую карьеру. Каждая шла своей дорогой, никто другу не мешал.

Прямо со школьной скамьи я заняла в нашем балете выдающееся положение, что было отмечено современной прессой.

Далее «История» отмечает, что я имела за границей меньше успеха, нежели другая артистка. Совершенно прав А. Хаскелл, когда он в одной из своих книг пишет, что А. Павлову больше меня знали за границей. Но я выступала за границей сравнительно с Павловой мало. Она довольно скоро после выпуска начала разъезжать и делать заграничные турне, выступая во всех частях мира, но какой ценой она достигла своей славы, она сама пишет. Я же, напротив, любила свою жизнь в России, которую мне было жалко покидать. Я в свое время отказалась даже от очень выгодного предложения поехать в Америку в 1903 году. Но когда я соглашалась выступать, мой успех всегда был большим: мое выступление в 1903 году в Вене, в Королевском оперном театре, когда вся пресса и публика оказали мне такой горячий прием и даже Император после пятнадцатилетнего перерыва из-за траура впервые посетил театр, было совершенно исключительным событием, о котором вся Вена тогда много говорила; два моих сезона в Париже, в Опера, в 1908 году и 1909 году, когда балет был еще в полном загоде и давался по окончании оперы, имели такой успех, что после первого, когда я выступила даже без предварительной рекламы, директор тут же пригласил меня на сле-

дующий сезон. Много лет спустя директор Опера Гобер вспоминал мой парижский триумф в «Корригане» и вариации из «Дочери фараона», он играл тогда соло на флейте; и наконец, в 1911 году в Лондоне у Дягилева, когда моя вариация вызвала ревность Нижинского и он устроил сцену Дягилеву. Я имею полное право этими выступлениями гордиться, так как они были отмечены международной прессой весьма похвальными обо мне отзывами. Все это в «Истории» обойдено полным молчанием. Или, наоборот, «История» подчеркивает, что если в России я имела больше успеха, нежели другая артистка, то объясняется это довольно оскорбительным примечанием, что это только благодаря тому, что я стала всесильной на сцене.

Чтобы достичь высокого положения на сцене как артистки и завоевать себе — не только в России, но и за границей — мировое положение и имя, нужно иметь гораздо больше, нежели всесильное положение, нужно иметь талант, который дается свыше, и нужно иметь то, что выдвигает артистку из ряда других на завидный для других пьедестал.

В подтверждение того, что я здесь пишу, я хочу привести выдержку из статьи А. Плещеева, которую я недавно получила из Америки, написанную им по поводу моего предстоящего тогда прощального бенефиса 4-го февраля 1904 года, где он говорит о моем «исключительном положении на русской сцене и европейской». А. Плещеев был свидетелем всей моей карьеры от первого моего дебюта и мог беспристрастно оценить сам, что я дала на сцене.

«Щедро одаренная от природы, Кшесинская занимает исключительное положение на современной русской сцене, да, пожалуй, и на европейской, где выдается разве одна Замбелли. Ближе других по таланту и по родственности этого таланта приближается к Кшесинской московская балерина Л. А. Рославлева, тоже очень крупная величина. Остальных и не сравниваю с Кшесинской, есть талантливые балерины, вице-балерины, солистки, но они хороши по-своему, у них свои достоинства, по большей части выражающиеся односторонне или в танцах, или в мимике. Богаче других природа одарила г-жу Павлову 2-ю, но ее время впереди».

А. Плещеев тут даже не упоминает имя той артистки, которую С. Лифарь в «Истории Русского балета» ставит постоянно наравне со мною и которая могла будто бы меня затмить.

Последнюю мелочь, которую хочу отметить: не нашлось даже места поместить мою фотографию на отдельном листке — это маленький укол со стороны редактора книги.

Ежели я так подробно останавливаюсь на всех этих неточностях, которые я нашла в книге С. Лифаря, то я это делаю потому, что я хочу вернуть свое имя на то место, которое оно действительно занимало в истории русского Императорского балета, а не то, какое ему уделяет автор книги.

Мне было больно читать несправедливые строки в книге моего друга, к которому я относилась и отношусь с такой сердечной симпатией.

На второй год после открытия моей студии, ранней осенью 1930 года, у меня появились острые боли в правом бедре, которые совершенно не давали мне спать. Мой доктор Залевский предполагал, что это воспаление седалищного нерва, но, несмотря на все принятые им меры, боль не утихала. Меня совершенно скрючило, и я еле могла двигаться. Наконец меня повезли к радиологу, чтобы более точно определить причины, вызвавшие эти боли. Доктор Залевский и приглашенный им хирург Гаттелье, после просвечивания и изучения снимка, вынесли следующее заключение, что я не только не могу, но что это даже и опасно, если я буду продолжать заниматься в студии. Они считали, что я должна прекратить работу, так как всякое резкое движение опасно, я могу упасть и не встать.

Такой диагноз был для меня равен смертному приговору: я только весной прошлого года открыла свою студию, на которую возлагала все свои надежды получить средства к жизни, и вдруг такое жестокое решение, разрушающее все мои планы. Я тут же высказала обоим докторам все значение для меня их приговора и просила еще раз хорошенько его обдумать. Но они остались при своем мнении, только выражали сожаление, что их мнение так меня огорчило, но по совести они ничего более утешительного сказать не могут.

Я привыкла в жизни стойко переносить удары судьбы, но не сдаваться. Я немедленно сообщила моему сыну, который в то время проживал на юге Франции, диагноз докторов и мое полное отчаяние. Кроме того, я послала в Ниццу моему старому другу, хирургу Кожину, который еще в России пользовал меня, радиografiю моего бедра и просила дать свое заключение.

В ответ я получила от Вовы телеграмму следующего содержания от 29 сентября 1930 года: «Горячо молился за Вас Божьей Матери Лагэ.— Вова».

Затем, почти одновременно, я получила письмо от Вовы и доктора Кожина. Вова писал в самом Лагэ 29 сентября и пометил: «2 часа 30 минут» следующее трогательное и проникнутое глубокой верою письмо:

«Дорогие мои, горячо любимые Папочка и Мамочка. Я только что горячо молился у чудотворной иконы за вас обоих и за себя, за нас всех. Я твердо верю, что Богородица услышит мою молитву и пошлет нам спасение, радость и счастье и все будет хорошо и выздоровление Тебе, дорогая Мусенька. Это письмо и конверт окропил святой водой. Когда получите это письмо, перекрестите себя им. Мусенька, поправись сразу и совершенно. Крещу мысленно и благословляю.

Пресвятая Богородица, спаси нас. Храни Вас Господь.
Обожающий Вас — Вова».

Доктор Кожин написал мне, что, изучив снимок бедра, он пришел к совершенно иному заключению, нежели парижские врачи. Он находит, что покой для меня безусловно вреден, что, напротив, я должна продолжать работать в студии, несмотря на боль, и что движение мне будет только на пользу. Зная мою энергию и силу воли, он был уверен, что все скоро пройдет.

Эти два ответа совершенно меня окрылили, я воспрянула снова духом, убедившись, что вера меня спасла. Для меня несомненно совершилось чудо. Я поехала в студию и первым делом поставила больную ногу на палку, было больно, но я перетерпела и с тех пор продолжала давать уроки танцев в своей студии.

Я настолько оправилась, что через шесть лет, в 1936 году, выступала в Лондоне в Ковент-Гардене и танцевала свой русский танец с большим успехом.

Но наступило новое испытание. Под Рождество 1930 года Андрей опасно заболел гнойным плевритом и нарывом в легких. После консилиума у нас на дому, в котором принимали участие кроме нашего доктора профессор И. П. Алексинский, хирург Гаттелье, доктора Клод и Клерк, было решено немедленно перевезти Андрея в госпиталь. Три месяца он пролежал между жизнью и смертью. Доктора отчаивались и откровенно мне говорили, что только чудо может его спасти. В это же время Вова заболел корью, и меня не пускали к нему из боязни, что Андрей может заразиться.

Все наиболее видные врачи в Париже были приглашены в разное время на консультации, каждый по своей специальности. Лечили его также профессора Дюваль и Безансон.

Я все это время жила в госпитале, в комнате Андрея. Утром уходила в студию на работу, а вечером возвращалась снова в госпиталь. Что я пережила за это время, передать невозможно, часто отчаяние брало меня от бессилия врачей спасти Андрея. С Божией помощью Андрей был спасен, но с какими усилиями и страданиями!

Ежедневно все справлялись о состоянии его здоровья. Много трогательного внимания я видела в эти дни. Великие Князья Кирилл Владимирович и Борис Владимирович посещали его, как и его сестра Великая Княгиня Елена Владимировна с мужем и дочерьми. Бесконечно трогателен был Великий Князь Дмитрий Павлович, который не только его навещал почти каждый день, но и привозил все, что доктора разрешали ему есть и пить. Он был для Андрея огромной моральной поддержкой во время болезни.

Под Пасху Андрея перевезли домой, где он еще долго лежал. Летом мы провели месяц в Эвиане, в маленьком, но симпатичном пансионе на горе. Здесь на свежем воздухе Андрей стал

быстро поправляться, и мы могли с ним совершать прогулки по ближайшим полям и лесам.

По возвращении из Эвиана, мы поехали в Марли Ле Руа, где Князь Гавриил Константинович жил со своей женой на даче Биенеме, известного директора фабрики духов «Убиган».

Туда несколько раз наезжала Великая Княгиня Ксения Александровна.

Свой второй учебный сезон я начала 3 сентября 1929 года. Число учениц стало быстро увеличиваться, хотя я никакой рекламы не делала. С первых уроков я поняла, что преподавать могу. Я сразу с этой задачей справилась, и дело быстро наладилось. Ученицы отлично меня понимали, схватывали то, что я от них требовала, и я почувствовала, что владею классом как самых маленьких, начинающих учениц, так и более старших. Особенно увлекательно было заниматься с начинающими, видеть, как они постепенно понимают меня и через месяц-другой уже свободно делают все, чему я их научила.

Каждый сезон увеличивал число моих учениц, и в сезоны 1933/34 и 1934/35 годов оно достигло более ста учениц. Уборная оказалась мала для такого количества, а узкая лестница, которая туда вела прямо из зала, отымала много места. Я стала помышлять о расширении студии, и, на мое счастье, освободилась соседняя квартира. Я ее наняла и соединила обе квартиры, пробив двери и уничтожив старую лестницу, использовала такую же лестницу соседней квартиры. Теперь я имела две уборные и обширный приемный салон. Работы по переделке студии заняли все лето и были закончены к открытию сезона 1935/36 года.

Глубоко ценя доброе отношение ко мне Митрополита Евлогия, я просила его не отказать мне освятить вновь расширенную и обновленную студию, на что он согласился. Молебен был назначен на 7 октября 1935 года при участии хора Афонского.

На это торжество я пригласила: Нину Рафаиловну, супругу Гавриила Константиновича, Нину Францевну Алексинскую, князя Сергея Михайловича Волконского, княгиню Тамару Эристову, Лидию Чистякову, князя Никиту Трубецкого, полковника Кульнева, Бориса Расторгуева и всех моих учениц. После молебна с водосвятием Митрополит обошел всю студию и окропил все комнаты. Потом Митрополит обратился к ученицам с трогательным словом на тему, что всякое искусство угодно Богу, и рассказал легенду про бедного танцора, у которого ничего не было, чтобы принести жертву чудотворной статуе Богородицы, как делали богатые, когда приходили молиться и просить у Царицы Небесной помощи. Все, чем он располагал, это было его искусство, и он решил пожертвовать Богородице представление своих танцев. Он понимал, что ему не разрешат танцевать в храме, и потому решил это

сделать так, чтобы никто об этом не знал. И вот он ночью тайно пробрался в храм со своим костюмом и необходимыми театральными принадлежностями, расположил все это перед изображением Богородицы и начал давать свое представление. Настало утро, монастырь просыпался, и первые монахи входили в храм на молитву. Велико было их удивление, когда они увидели бедного артиста, увлекшегося своим представлением, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Возмущенные монахи только что собрались его остановить, как, к великому их смущению, они увидели, что Богородица протянула руки бедному танцору, наклонившись к нему, как бы благодаря его за представление. Он поднялся к Ней и упал к Ее ногам. Его чистая жертва была угодна.

Это слово произвело на всех присутствующих глубокое впечатление, в особенности на моих учениц.

После молебна было подано угощение — закуска, вино и сладкое.

КОНЧИНА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ВИКТОРИИ ФЕДОРОВНЫ

Второго марта 1936 года скончалась в Аморбахе, в Германии, у своей дочери Великой Княгини Марии Кирилловны, наследной принцессы Лейнингенской, Великая Княгиня Виктория Федоровна.

Она заболела по приезде в Аморбах в начале февраля, и хотя с самого начала положение было довольно серьезным, никто не мог предполагать, до самых последних дней, что она не поправится. В то время даже мы, близкие, не знали, что испытания, заботы, клевета и сплетни до того подточили ее силы, что она не выдержит серьезного заболевания. Когда она скончалась, ей было всего пятьдесят девять лет.

Ее кончина была для нас большим ударом и тяжким горем. До конца своих дней я буду оплакивать незабвенную покойную. С того дня, когда она совместно со своим мужем дала благословение на наш брак с Андреем, она неизменно сердечно и тепло относилась ко мне, и я знаю, она это всегда говорила, очень любила и ценила Вову. Сколько раз я ездила завтракать или пить к ней чай, когда она приезжала в Париж. Всегда она интересовалась моей студией и работой и часто посещала сама мою студию со своими дочерьми и инфантой Беатрисой Испанской, своей сестрой. Когда она впервые ее посетила, она обратилась к ученицам со словами: «Вы должны быть горды и счастливы, что занимаетесь у такой знаменитой артистки, как ваш профессор». Так это было мило и трогательно с ее стороны.

В день кончины вечером была отслужена первая торжественная панихида в соборе на рю Дарю в Париже. Служил Мит-

рополит Евлогий, народу собралось много, несмотря на то, что мало кому успели сообщить печальную новость.

Через день Андрей и Вова выехали на погребение, которое состоялось 6 марта в Кобурге.

В день их приезда герцог Кобургский давал в своем старинном средневековом замке семейный обед, на котором Андрей и Вова, конечно, присутствовали. Вова был поражен этим старинным замком: крутой извилистый подъем на высокую гору, на которой был расположен замок, мрачные сводчатые ворота. Личные покои были хорошо и уютно обставлены, но зал, где был подан обед, был в таком же виде, как и много веков тому назад, когда он служил кордегардией, где дежурили рыцари, охранявшие замок: голые каменные стены, окна в глубоких простенках и старинное оружие по стенам. Замок наводил еще большее уныние. В нем находился военный музей и множество родовых реликвий.

После заупокойной литургии и отпевания в церкви гроб с останками был опущен в семейный склеп Герцогов Кобургских, где уже покоилась мать Великой Княгини, сестра Императора Александра II, по браку Герцогиня Кобургская.

На похороны съехались: королева Мария Румынская и принцесса Гогенлоэ, сестры покойной, королева Елизавета Греческая, Великий Герцог Мекленбург-Шверинский, вся семья Лейнингенских. Присутствовал также и проживавший после своего отречения в Кобурге Царь Фердинанд Болгарский. Многие немецкие принцы были в старой форме.

На следующий день после похорон Царь Фердинанд давал в своем старинном доме семейный завтрак. После завтрака Фердинанд взял из стоявшей на столе вазы букетик фиалок, полученных им из его болгарского имения, и дал его Андрею и Вова с просьбой передать мне на память о нем, хотя я его никогда и не видала. Это маленькое внимание меня очень тронуло, и букетик я сохранила по сей день. Фердинанд очень любил Андрея, который дважды был у него в Софии, и никогда не переставал оказывать ему своего внимания. Он любил все таинственное, и Андрей сохранил несколько его записок в ответ на свои письма. Всегда они были уложены в несколько конвертов со всевозможными указаниями, какими-то адресами и советами, как и куда отнести.

Андрей был также в чудесных отношениях с его сыном, Царем Борисом, вступившим на престол после отречения отца. Андрей сопровождал Царя Бориса, когда он был в России, и в память об этих днях он всегда присылал в Париж Андрею свои болгарские папиросы с вензелем и так же, как и отец, оказывал ему постоянное внимание и заботу.

Самым трогательным и верным другом из всех иностранных коронованных особ и принцев оказался Король Александр Сербский. Андрей его знал еще по России, где он воспитывался, но сблизились и подружились они, когда Андрей был

с официальным визитом в Софии и в Белграде. Тогда на память об этих днях они обменялись портсигарами. Андрей спас свой, но Король потерял подарок Андрея во время войны. Когда Александр бывал в Париже, он всегда приглашал Андрея к себе, а во время его тяжелой болезни в 1931 году дважды оказал ему щедрую материальную поддержку.

АРНОЛЬД ХАСКЕЛЛ

Среди многих новых знакомств, когда я переехала во Францию, в моей последующей артистической жизни большую роль сыграло знакомство с Арнольдом Хаскеллом. Произошло оно случайно. Я встретила с ним в Монте-Карло в 1925 году. Сергей Павлович Дягилев мне его представил, сказав при этом ему: «Вот противник, вполне достойный меня». Хаскелл был в то время совсем еще юный увлекающийся балетоман, небольшого роста, худенький, но полный огня, с умными глазами. Дягилев в это время старался уговорить меня вернуться на сцену и выступить в его Парижском сезоне, но я отказалась. А. Хаскелл по этому вопросу пишет: «Потеря была огромная. Кшесинская поразила бы нас тогда своим блеском, как могла бы поразить нас и теперь. Мне до сих пор очень больно, что мне так и не пришлось ее увидеть в этом сезоне, и коллекция моих воспоминаний печально неполна».

Арнольд Хаскелл увлекся русским балетом, как он сам пишет, с юных лет и остался ему преданным до сих пор.

В следующий раз я с ним встретила уже в Париже, когда я открыла свою студию. Ко мне в студию его привел не кто иной, как князь Сергей Михайлович Волконский. По словам А. Хаскелла, это его очень позабавило: князь из-за меня ушел из Императорских театров, в итоге одной из самых больших балетных комедий, которые история знает, но счастливое окончание которой было изысканно корректным.

С этого времени мы уже часто стали встречаться. Он постоянно наезжал из Лондона, чтобы присутствовать на всех почти балетных представлениях труппы Блюма и де Базиля. Мы вместе бывали в театре, ходили на сцену повидать артистов, вместе потом ужинали с ними, делились впечатлениями и очаровательно проводили время.

Арнольд Хаскелл любил бывать у меня в студии и внимательно следил за уроками и за тем, как я преподаю. В своей книге «Балетомания» он приводит свои впечатления и заканчивает, приводя в очень красивой, но вполне точной форме наш с ним разговор по поводу моего преподавания и балета вообще.

Арнольд Хаскелл знал балет основательно: он изучил технику, присутствуя на уроках, понимая сценическое искусство, присутствуя почти на всех представлениях, ему была из-

вестна закулисная жизнь театра и быт артистов. Я думаю, что лучшего знатока балета, в самом широком понимании этого слова, нет сейчас, и притом знатока добросовестного, искреннего и безусловно всегда и во всем правдивого. Он совершил с труппой де Базиля кругосветное путешествие, чтоб на деле изучить условия, в которых артистам приходится работать.

Ему принадлежат капитальные труды в области балета: «Балетомания», «Дягилев» и «Танцую по всему свету». Кроме блестящего и высокоталантливого изложения, Арнольд Хаскелл с редкой добросовестностью изучил весь материал, который он излагает, и все указанные им факты, даты всегда верны, точны. Но кроме этих его трудов и многих других роль Арнольда Хаскелла в истории развития балетного искусства, в особенности в Англии, огромна. В Англии своего балета тогда не существовало. Нужно было приложить много труда и настойчивости, чтобы переубедить общественное мнение и доказать, что балет имеет те же права, как драма и опера, что это такое же чистое искусство, а не простое развлечение.

Крупную роль в этой области сыграл С. П. Дягилев, когда он организовал в Лондоне балетные сезоны, прошедшие с громадным успехом.

Дам Нинет де Валуа положила начало балетной школе в Англии. Она сама танцевала у Дягилева, и на опыте русских Императорских балетных школ убедилась, что без своей школы обойтись нельзя, если хочешь создать настоящий балет на прочных основах. Лишь после многолетних усилий Дам Нинет де Валуа и Арнольду Хаскеллу удалось завоевать балету почетное и всеми теперь признанное место в Королевском театре Ковент-Гарден наравне с оперой и драмой.

В создании Английского балета чувствуется сильное влияние традиции нашего Императорского балета. Как сам Арнольд Хаскелл, так и Дам Нинет де Валуа убедились на деле, как важно для труппы единство школы.

Мне пришлось два раза побывать в Лондоне в балетной школе Дам Нинет де Валуа — в самом начале ее существования, в 1936-м, и теперь, в 1951 году.

Первоначально это была лишь робкая попытка со скромными и ограниченными средствами. Но и тогда было видно, что основы поставлены Дам Нинет де Валуа правильно. Арнольд Хаскелл принимал ближайшее участие в создании этой школы, и это он меня просил приехать посмотреть и дать один показательный урок всей труппе на сцене Вик-Уэллс балле.

По поводу этого урока Арнольд Хаскелл писал тогда, что он явился началом пятилетнего плана Вик-Уэллс балле создать национальную школу по русским методам. К этому он прибавляет: «Самая большая балерина глубоко заинтересовалась этим планом, тем более что многие из артисток уже у нее занимались. Оба, она и ее муж, Великий Князь Андрей Владимирович, согласились быть Вице-председателями и

будут принимать ближайшее и деятельное участие в развитии этого плана». К сожалению, разразившиеся вскоре события помешали осуществлению и моему участию в этом национальном деле.

В 1951 году, когда я снова посетила школу, она настолько развилась, что напомнила мне нашу, русскую; принимались ученики и ученицы всех возрастов, что обеспечивает постоянное пополнение труппы молодыми силами. Преподавателями были артисты той же группы, чем поддерживается традиция балета, связь прошлого с настоящим и будущим. Я была рада убедиться, что в основу учения поставлена классическая школа. На эту тему было много споров: одни утверждали, что новое веяние требует новых методов обучения, а не классических, другие, как я, Арнольд Хаскелл и Нинет де Валуа, остались при старых убеждениях, что на основах классической школы можно потом уже все танцевать, классику и современные танцы, но воспитанные на новых методах не способны танцевать классику. Сэдлерс-Уэллс школа пошла по верному пути и дала уже блестящие результаты. За эти годы она сформировала две постоянные труппы: одна выступает в Ковент-Гарден, а другая ездит в турне по Англии и за границей. В Америке балет имел огромный успех.

С первого дня нашего знакомства с Арнольдом Хаскеллом наша взаимная дружба росла все эти годы. Он мне оказал много внимания, не только в своих книгах, где он часто говорит про меня, но и на деле. Он присылал мне лучших артистов для «шлифовки», как он выражался, что, конечно, было для меня очень лестно. По их примеру стали приезжать ко мне не только из Англии, но и из Америки, ученицы, многие из которых теперь открыли свои студии, а другие имеют свои маленькие балетные труппы.

Арнольд Хаскелл подарил мне однажды прелестную серебряную старинную статуэтку Марии Тальони, которая часто украшает мой обеденный стол.

Интересно отметить, что моему знакомству с Арнольдом Хаскеллом способствовали два лица, с которыми я в жизни имела наиболее крупные столкновения на артистической почве, а именно С. П. Дягилев, который мне его представил, и князь С. М. Волконский, который привел его ко мне в студию. Последние годы я была с ними обоими в самых дружеских и сердечных отношениях и прошлое было нами забыто бесследно.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ЛОНДОН 13—23 ИЮЛЯ 1936 ГОДА

Василий Григорьевич Базиль, или Colonel de Basil, как его все величали, задумал устроить в Лондоне во время своего балетного сезона в Ковент-Гардене нечто вроде юбилейного

спектакля, на котором он хотел, чтобы выступили: я, Преображенская, Егорова и Волынин. Преображенская и Егорова отказались, а Волынин запросил такую высокую плату, что Базиль отказался от его участия. В результате я одна согласилась у него выступить.

Я выбрала для спектакля «Русскую». Кокошник был зарисован по памяти моей горничной Людмилой по рисунку Соломки, и она же подготовила форму, как делалось в мастерских Императорских театров, где она раньше служила. Кокошник замечательно удался, все на него обратили внимание.

Костюм Людмила зарисовала тоже по памяти. Исполнение любезно взяла на себя Каринская, частью в Лондоне, частью в Париже, и он должен был быть готов к моему приезду.

Тринадцатого июля Вова, Андрей и я выехали в Лондон с поездом «Голден-Арро» в 10. 30 утра. В самый последний момент перед отходом поезда прибежал запыхавшийся Сережа Лифарь и вскочил в поезд, решив в последнюю минуту присутствовать на моем выступлении в Лондоне. Переход по морю был бурный, и мы опоздали на час и вместо 17. 20 прибыли в 18. 10. На вокзале «Виктория» меня встретили: де Базиль, Таня Рябушинская и Давид Лишин с цветами. Тут, конечно, было сделано много фотографий. С вокзала они трое меня повезли в «Савой» на встречу с прессой, а Андрей с Вовой проехали с вещами в «Вальдорф-отель», где нам были заказаны комнаты. После приема прессы я заехала к Каринской на примерку костюма, который был скроен, но далеко еще не готов. Вечером мы все поехали в театр «Альгамбра» смотреть балет Блюма, где шли главным образом балеты М. Фокина, который с женой присутствовал на всех спектаклях. За неделю, что я пробыла в Лондоне, я несколько раз побывала на балетах Блюма, после чего ужинала с Фокиным. В первый день приезда Арнольд Хаскелл пригласил нас ужинать с ним в «Савой».

Четырнадцатого июля утром я поехала в Ковент-Гарден на оркестровую репетицию на сцене. После репетиции я поехала на примерку костюма с Каринской. Я пришла в ужас: костюм был совершенно не готов, только сшит, ни рисунки на нем не были выведены, ни вышивки не закончены, а вечером мне надо было в нем выступать. Но Каринская меня успокаивала, что к вечеру костюм будет готов и что она никогда меня не подведет. Я все же попросила Андрея днем заехать к Каринской и посмотреть, в каком положении мой костюм. Он вернулся и уверял меня, что костюм уже почти что готов, заканчивают последние мелочи, тогда как на самом деле он мало подвинулся с утра, но этого он мне тогда не сказал, чтобы не расстраивать. Золотой рисунок по сарафану даже не начинали выводить, но сын Каринской сказал, что это пустяки, и в каких-нибудь десять минут набросал рисунок, перевел его на парчу, вырезал рисунок и горячим утюгом приклеил

его к сарафану. Каринская сдержала слово — к моему приезду в театр костюм меня уже ждал совершенно готовый. Как она успела закончить костюм в такой короткий срок, я до сих пор не понимаю.

Ковент-Гарденский театр был переполнен до отказа. Был вывешен, по обычаю, принятому в Англии, красный аншлаг с надписью «все билеты проданы». Василий Григорьевич Базиль позаботился относительно прессы, и о моем выступлении писалось во всех газетах.

Великий Князь Дмитрий Павлович, который в это время находился в Лондоне, непременно тоже хотел быть на спектакле. Он сидел в ложе вместе с Андреем и Вовой, и Сережей Лифарем. Дмитрий Павлович больше всех волновался перед моим выступлением и в последнюю минуту отвернулся, попросив Сережу Лифаря сказать ему, может ли он смотреть на меня или нет, и тогда только он повернулся и стал на меня смотреть. Прием был мне оказан колоссальный, вызывали восемнадцать раз, что редко встречается в Англии, где публика более сдержанная, нежели в России и во Франции. Цветов я получила уйму, вся сцена была ими заставлена, как ковром.

Дня через два после спектакля Андрей получил от Королевы Марии Румынской очень милое письмо. Она ему писала, что она была очень рада слышать, что я имела такой большой успех в Ковент-Гардене и сожалела, что не могла присутствовать на моем выступлении. Это объяснялось тем, что Английский Двор был в трауре по случаю кончины 20 января Короля Георга V.

После спектакля полковник Брюс Оттлей устроил в своем доме прием с ужином, на котором были все видные балетоманы и представители высшего английского общества.

Арнольд Хаскелл устроил грандиозный прием в доме своей матери в мою честь с чудным ужином, с закуской и водкой, как в России полагалось. По этому случаю он мне поднес шесть серебряных чарок русской работы для водки. Во время приема было трудно их внимательно рассмотреть, но придя домой, я заметила, что на каждой чарке была выгравирована буква. Подбирая разные комбинации удалось найти, что буквы составляли вместе «на память». Хаскелл потом уверял, что он сам этого не подозревал и был очень приятно удивлен и обрадован.

Я побывала еще в студии Мари Рамбер, где присутствовала на уроке. Я была поражена количеством учениц в одном классе и удивлялась, как при этих условиях проверять, что делается в последнем ряду. Была я еще у мистрис Коон.

Однажды мы были с Андреем приглашены к чаю в женский клуб милейшей мистрис Генри Виллиерс, которая присутствовала на моем спектакле. Она приветствовала меня очаровательной фразой: «Вчера я имела счастье пить чай с Королевой Марией, а сегодня с королевой Русского балета».

Евдокия Яковлевна Тонконогова, у которой в 1935 году гостили мы около трех недель, пригласила нас обедать в «Савой». Дочь ее Ксения занималась у меня в студии три года.

Мне удалось повидать своего племянника, Славушку Кшесинского, сына моего брата Юзи от первого брака. Он жил с женой у ее бабушки, в их собственном доме, где мы два раза у них завтракали. Во время войны дом был разрушен бомбой, но их, к счастью, не было в то время дома.

Прожив в общем десять дней в Лондоне и чудно проведя время, 22 июля я выехала обратно в Париж.

Это было мое последнее выступление на сцене, мне было в это время шестьдесят три года.

Летом 1937 года в Париж ко времени Всемирной выставки приехал из Лондона английский Сэдлерс-Уэллс балле датель в Théâtre des Champs Elysées ряд представлений. С прошлого года, когда я была в Лондоне и давала английскому балету открытый урок, успела образоваться отличная, сплоченная труппа с обширным репертуаром. Во главе труппы приехала Дам Нинет де Валуа, директриса балета, и балетмейстер Фредерик Эштон. Они оба являются пионерами английского балета.

Среди молодой труппы было много моих учениц, и я радовалась их успеху.

Пятнадцатого июня состоялось открытие Английского балета в присутствии Президента Республики, английского посла и всей английской колонии. Зал был переполнен самой элегантной публикой Парижа.

Мне хотелось выразить труппе свое внимание, и я пригласила 19 июня почти всех к себе на ужин. Было всего около тридцати человек, среди которых многие, кого я хорошо знала, и те артистки, которые у меня занимались за эти годы. В числе гостей были: Дам Нинет де Валуа, Фредерик Эштон, Роберт Хелпман, Гарольд Тернер, занимавшая со мной Марго Фонтэйн, Памела Мэй, Джун Браз, Мери Хонер, Молли Браун, Двинета Мэтью, Энн Спайсер, Элизабет Миллер и много других.

На ужин я пригласила Сережу Лифаря. Я всех рассадилла по маленьким столам, и вечер прошел очень оживленно и весело. Во время ужина было снято несколько фотографий.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ШАЛЯПИН

В первые годы, что я открыла свою студию, ко мне поступили две дочери Ф. И. Шаляпина, Марина — 10 октября 1929 года и Дася — 8 ноября 1930 года, его любимица и младшая в семье.

Ко мне также поступила внучка Бруссана, бывшего ди-

ректора Опера в Париже. Он заходил в студию посмотреть на нее.

Ф. И. Шаляпина я знала еще по России, когда мы оба служили на Императорской сцене. Он меня всегда называл «маленькой», но домами мы не познакомились. В эмиграции, в Париже, когда его дочери стали у меня заниматься, он с Марией Валентиновной, его женой, стал бывать у меня в студии.

Как-то раз Федор Иванович стал просить меня станцевать у него «Русскую». Я никогда не любила танцевать в частных домах, но Федор Иванович так умел просить, что нельзя было ему отказать. Я только поставила условием, что соглашусь, если он сам споет. На этом и порешили. Марина обещала станцевать свой вальс, который я ей поставила. На обеде присутствовала моя аккомпаниаторша Е. Н. Васмундт. К обеду были приглашены: Поль Бонкур и Филипп Бертелло с женой, он в то время занимал пост генерального секретаря Министерства иностранных дел.

После обеда, 1 (14) февраля 1930 года, Федор Иванович открыл концертное отделение, спев романс. Я станцевала свою «Русскую» в вечернем платье, а Марина свой вальс. Федор Иванович был в полном восторге и не знал, как благодарить за доставленное ему и его гостям удовольствие. Поль Бонкур наговорил мне массу самых лестных комплиментов, и с тех пор мы стали большими друзьями, и, когда мы приезжаем в Пломбиер, где он ежегодно лечится, он непременно заносит свою карточку.

Мы часто бывали у Шаляпина к обеду, но в особенности после оперы, когда он пел. Зайдешь к нему в уборную, после окончания спектакля его поздравить с успехом, он тут же непременно пригласит поужинать, запросто. Всегда набиралось много народу, и ужин подавали великолепный, в особенности были у него замечательные вина. Интересно было слушать, как он рассказывал анекдоты, а рассказчик он был великолепный. Иногда он нам говорил о начале своей карьеры, как он пел в архиерейском хоре, концертировал по провинции и какие бывали с ним разные случаи, а их было много. Рассказывал, как пили в кабаках и, чтобы получить новую бутылку, пустую катили по полу в ноги хозяину. Он прибавил, что его жена терпеть не могла, когда он демонстрировал, как это делается, и, чтобы подразнить ее, схватил пустую бутылку и пустил ее в угол столовой, говоря: «Маша, подай новую». Был слышен голос Марии Валентиновны: «Федя, как тебе не стыдно».

Однажды, во время отсутствия родителей, Марина и Дася пригласили меня к ним позавтракать по случаю приезда из Англии их старшей сестры, Марфуши, которая была замужем за англичанином. Три сестры оказались очаровательными хозяйками, великолепно угостили блинами и развлекали нас как могли лучше. Было замечательно весело, и Марфуша смешила нас до упаду. Как потом мне говорил Федор Ивано-

вич, Марфуша уже славилась своим веселым характером и забавными манерами.

Несмотря на кажущееся здоровье, Федор Иванович страдал диабетом. Поговаривали, что ему не следует пить, а пить он любил. Но за последнее время он начал хворать, и мы узнали, что в состоянии его здоровья произошла перемена к худшему и он стал быстро угасать.

Двенадцатого апреля 1938 года в 5 часов с половиной дня он скончался. Мы все поехали к нему на квартиру, на первую панихиду в 8 часов вечера и на следующий день на рю Дарю. Я не могла быть на его похоронах, так как мы были давно уже приглашены Аджемовыми к ним в Антиб, куда и выехали через день.

Хотя все пережитое Великим Князем Кириллом Владимировичем во время русско-японской войны сильно подорвало его здоровье, до последнего времени не было все же никаких оснований опасаться за его жизнь, ничто не предвещало его кончины. От долгого пребывания в холодной морской воде во время гибели «Петропавловского» он всю жизнь потом страдал болью в ногах, вызванной плохим кровообращением. Но кончина супруги бесконечно его удручала и подтачивала его силы. Тем не менее он присутствовал на свадьбе своей дочери Великой Княжны Киры Кирилловны с принцем Луи-Фердинандом Прусским, состоявшейся в Потсдаме 12 мая. После свадьбы он, как всегда, вернулся на свою дачу в Сен-Бриак, куда Андрей и Вова так часто ездили его навещать.

Все лето он отлично себя чувствовал, и, как и в прошлом году, мы поехали в Коттере, где Андрей лечил свои бронхи. Внезапно состояние здоровья Великого Князя серьезно ухудшилось, о чем нас немедленно предупредил по телефону 19 сентября его личный секретарь. На ноге появились признаки гангрены, и местный врач начал опасаться, что придется ее ампутировать. Он просил Андрея и Бориса срочно выехать в Сен-Бриак, куда уже были вызваны его старшая дочь, Великая Княгиня Мария Кирилловна, принцесса Лейнингенская и Великий Князь Владимир Кириллович, временно находившийся в Лондоне.

Два дня спустя Андрей и Борис отправились в Сен-Бриак вместе с русским хирургом Овеном и нашли брата в таком ужасном состоянии, что решили немедленно перевезти его в Париж.

На следующий день его перевезли в американский госпиталь в Париже. Его сестра, Великая Княгиня Елена Владимировна, которая как раз оказалась в Париже, все время находилась при брате со своей дочерью, Принцессой Югославской.

Хотя знаменитый в то время профессор де Мартель также нашел признаки гангрены, он тем не менее не решился на операцию, боясь сердечных осложнений. И он не терял на-

дежды спасти больного, не прибегая к хирургическому вмешательству.

К этому опасению за жизнь дорогого нам всем больного прибавились волнения из-за общеполитического положения: Гитлер начал угрожать войной, во Франции были призваны запасные, город погрузился во тьму. Все это пагубно отражалось на состоянии Великого Князя. К счастью, конфликт был избегнут, но состояние здоровья Великого Князя не переставало ухудшаться, и он тихо скончался 12 октября, накануне дня своего рождения. Ему исполнилось бы шестьдесят два года.

Почти что вся семья собралась на похороны, на которых также присутствовал представитель Президента Французской Республики. Эти похороны доказали, как любим был Великий Князь: русские люди, к какой бы среде они не принадлежали, приходили поклониться праху и день и ночь несли караул у гроба, стоявшего в церкви. Несколько раз в день служились панихиды, всегда храм был переполнен.

Торжественное отпевание состоялось 14 октября. Два дня еще гроб оставался в церкви, 16-го, когда все формальности, связанные с перевозкой, были закончены, гроб Великого Князя отбыл в траурном фургоне в Кобург. Он покоится рядом со своей супругой, Великой Княгиней Викторией Федоровной, в семейном склепе.

Для меня лично кончина Кирилла Владимировича была большим горем. Мы были знакомы почти сорок лет, со времени коронации в Москве, в 1896 году, когда ему еще не было двадцати лет. Он со своим братом Борисом почти ежедневно бывали у меня в гостинице в Москве, а потом в Петербурге и Стрельне. Он был замечательно красив и элегантен и отлично сложен. С тех пор наши добрые взаимоотношения никогда не прерывались, но встречались мы гораздо реже, так как он долго и часто плавал, а после японской войны, когда он женился на Великой Княгине Виктории Федоровне, он несколько лет жил за границей.

Когда мы порешили с Андреем жениться, он сразу же дал свое согласие и с тех пор всегда, как и его жена, как-то особенно внимательно и трогательно относился и к нам обоим, и, в частности, ко мне и Вове. Сколько раз в Париже он запросто завтракал или обедал у нас со своим сыном, часто заходил в студию посмотреть, как я занимаюсь со своими ученицами. Когда он с Великой Княгиней жил в Париже, мы часто и также запросто у них бывали, и всегда чувствовалось их доброе и сердечное отношение.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1939—1945 годы

По окончании учебного сезона 1938/39 года, который был очень удачным в смысле количества учениц, — всего прошло их сто пятьдесят — я решила поехать в Экс-ле-Бен полечиться, отдохнуть и набраться сил для будущего сезона.

Здесь, в Экс-ле-Бен, я увидела снова Сахаровых, которые давали в казино несколько представлений. Оба они были прекрасны, как всегда. Окончив курс лечения, мы с Андреем переехали в имение родителей одного моего ученика, около Эвиана, на берегу Женевского озера. Очень мило проводили время и отдыхали. Дважды ездили в Женеву. Сюда приехал и Вова, проводивший часть лета на берегу океана. Но недолго удалось нам тут пробыть.

Вновь нависла угроза войны. Все заволновались, и начался разъезд по домам. Мы тоже решили возвращаться. На следующий день, 25 августа, мы уехали в Париж в переполненном до отказа поезде. На вокзалах творилось нечто неопишное. Поезда брались с боя.

В Париже мы застали еще более тревожное настроение. Хотя все и надеялись, с каждым днем неминуемость войны чувствовалась все больше и больше. Как и в прошлом году, когда Гитлер обрушился на Чехословакию, все было переведено на военное положение, на улицах стало темно, сирены постоянно гудели, приучая население к различным сигналам. Запасные были частично призваны, повсюду чувствовался недостаток людей. Почти что прекратилось движение автобусов, метро стало ходить реже. Население было предупреждено, что с началом военных действий следует ожидать воздушных налетов и бомбардировок удушливыми газами. Советовали обзавестись противогазовыми масками. Нашли мы их нелегко. Если не двигаешься, то дышать в них еще было возможно, а при ходьбе чуть не задохались. Домашних животных же советовали сажать в ведра и покрывать их мокрыми тряпками. Населению было предложено покидать столицу.

Первого сентября немцы вторглись в Польшу. Война стала неизбежной, тем более что Франция и Англия объявили всеобщую мобилизацию, и мы решили переехать на время в Везине, под Парижем, где нашли себе дачу и поселились совместно с нашими близкими друзьями. Переехали мы 3-го, как только Франция и Англия объявили войну Германии. Наняли два такси, нагрузили на них что могли и захватили с собою любимых собачку, кошку и канареек. На следующий день по нашем прибытии в Везине рано утром загудели сирены, мы быстро оделись и спустились в погреб, как полагалось, где просидели целых три часа. Но никакой бомбардировки не было, был дан отбой, и мы снова пошли спать. Много еще было тре-

вог, но всегда ложных, и постепенно мы к ним привыкли. Но все же как-то всегда было жутко.

Через три-четыре недели после начала войны я стала думать об открытии студии. Ведь надо было начать работать, так как жить было не на что. Первое время ученицы, конечно, разбежались, как и большинство парижан, но постепенно все стали возвращаться обратно. Я почти каждый день ездила в Париж по железной дороге, а там в метро, и к вечеру возвращалась в Везине, часто по глубокому снегу. Как на зло зима была суровой, а уголь было доставать все труднее и труднее.

Наша дача была уютной, удобной и теплой, и мы зажили сравнительно хорошо. Знакомые зачастую приезжали к нам по воскресеньям, и почти что каждый день у нас кто-нибудь обедал.

На фронте было совершенно спокойно, и мы решили, прожив в Везине четыре с половиною месяца, вернуться к себе в Париж. Мы переехали обратно 19 января.

До весны продолжалось то, что французы называли «странная война», когда внезапно 10 мая разразилась гроза — немцы обрушились на Францию. Хотя настоящее положение вещей тщательно скрывалось, сразу же почти что почувствовалось, что творится что-то неладное, а к концу месяца стало ясно, что катастрофа неминуема. Всех охватила паника, и началось бегство из Парижа. Остаться в Париже не только не было никакого смысла, но и становилось опасным, и мы решили уехать к Великому Князю Борису Владимировичу и его жене Зине (рожденной Рашевской, дочери героя Порт-Артура полковника Рашевского) в Биарриц, куда они нас уже давно приглашали. Но уехать было не так-то легко. Как отправить багаж, как достать билеты и, главное, как попасть в поезд? Вокзалы и площади вокруг были запружены десятками тысяч людей. После невероятных хлопот нам удалось справиться со всеми затруднениями и получить два купе в спальнях вагонов. Лучше и не вспоминать, как мы добрались до вагона. У проводника мы нашли бутылку шампанского, и с какой радостью мы ее выпили после всего пережитого за день. Уехали мы 11 июня и на следующий день с большим опозданием прибыли в Биарриц.

Когда вспоминаю о том ужасе, который творился в те дни, я благодарю Бога, что мы избежали того кошмара, который выпал на долю миллионов людей, бежавших со своих насиженных мест под постоянным обстрелом вражеских авиаций.

Через три дня после нашего прибытия в Биарриц Париж был занят немцами. 17-го маршал Петэн запросил перемирия, 22-го оно было подписано. Война была окончена. 27-го немцы вошли в Биарриц. Город был переполнен беженцами. Тяжело нам всем было видеть Францию, страну, которую мы искренне полюбили за оказанные нам гостеприимство и приют, оккупированной и поверженной.

Жизнь постепенно начала более или менее налаживаться, и мы начали подумывать о возвращении в Париж и об открытии студии. Ведь средств у нас не было никаких, а надо было жить. Прожив тихо и спокойно более трех с половиной месяцев в Биаррице, мы вернулись в конце сентября к себе домой. Сразу же ученицы мои начали возвращаться, но их было далеко не столько, как до войны. Но могла ли я жаловаться? Грустно было в оккупированном Париже, но радость наша была большая, когда мы вновь очутились у себя дома.

Зима прошла спокойно. Но с наступлением весны все ожидали событий. Что-то должно было произойти. Но что, где и когда?

Двадцать второго июня 1941 года немцы вторглись в пределы нашей родины. Об этом мы узнали за утренним кофе. Мы были подавлены. Что будет с нашей несчастной родиной, что будет с нами? Уже давно Вова считал русско-германскую войну неизбежной и отлично отдавал себе отчет в том, что ожидает Россию, если немцы, не дай Бог, победят. Ни своей точки зрения, ни своего отношения к немцам он не скрывал и знал, что его ожидает в случае войны. Но он был готов, и от нас он этого не скрывал, к тем испытаниям, которые его ожидали. И он бодро пошел им навстречу.

Утром, как он и собирался, он отправился в церковь в Клиши, которую он очень любил, с тем чтобы затем отправиться к друзьям в Везине, куда он был приглашен на весь день. Не успел он выйти из дома, как нагрянула немецкая полиция, чтобы его арестовать. Я им объяснила, что он уехал на весь день, и они ушли. Но один из полицейских вернулся вскоре обратно, чтобы проверить, не вернулся ли Вова, и предупредил нас, что он должен явиться на следующий день в Плас Бово, где, как мы потом узнали, помещалось одно из отделений гестапо.

По окончании богослужения Вова позвонил по телефону и, узнав о том, что произошло, решил вернуться домой, чтобы разузнать обо всем подробно. Но перед этим он пошел завтракать в один ресторан, хозяйкой коего являлась тогда наша соседка, мадам Гриффон. Чтобы отпраздновать вступление в войну России, она его приветствовала обильным завтраком и лучшими винами. Не побоялась приветствовать его и вся прислуга. Из дому он поехал к кому из своих близких друзей, чтобы отдать им распоряжения на случай, ежели его арестуют, в чем он не сомневался, а затем поехал в Везине, откуда вернулся домой к полуночи.

Скрыться или бежать в свободную зону Вова ни в коем случае не хотел, дабы не подвергать нас опасности, ибо приказание явиться на следующий день в гестапо было передано нам.

На следующий день, 23-го, рано утром Вова отправился в гестапо. Удрученные, с тяжелым предчувствием, мы провожали

его взглядом и крестили, покуда он не скрылся, выйдя из ворот нашей виллы «Молитор». Весь день мы провели в мучительном ожидании, звоня всем в надежде узнать, что с ним случилось. Так мы узнали, что в городе было арестовано множество русских, но говорили, что это не настоящий арест, что русских свозят куда-то для переписи и что потом их отпускают. Но распространился и другой тревожный слух, что арестованных посадили в поезда и отправили в неизвестном направлении. Но в точности ничего нельзя было узнать — и на душе становилось все мучительнее и тревожнее. Лишь четыре дня спустя от одного русского, почему-то освобожденного немцами, мы узнали, что Вова находится в Компьене вместе со всеми остальными арестованными и что они помещены в одной казарме, окруженной колючей проволокой. Он утверждал, что к арестованным относятся хорошо и прилично кормят. Он передал также, что Вова просил срочно прислать ему белье и необходимые туалетные принадлежности, так как, уходя из дому, он взял с собою лишь три пакета папирос и две плитки шоколада. Посещать арестованных еще не было разрешено, и пакеты надо было сдавать в лагерную комендатуру.

Тридцатого июня на автомобиле одного знакомого мы поехали с Андреем в Компьен и сдали в караульное помещение все, что Вова просил ему прислать, и немного съестных продуктов. Нам обещали передать ему все завтра утром, как раз в день его рождения. Эта первая посылка доставила ему огромное удовольствие и радость. Потом мы передавали, когда приезжали его навещать, или пересылали ему посылки почти что каждую неделю. Все арестованные начали получать посылки, и питание заключенных хорошо наладилось.

Свидания были разрешены лишь с 1 августа, и мы несколько раз ездили его навещать. Он был бодр и уверял меня, что им всем хорошо живется, что беспокоиться за него нам не следует. Все возвращавшиеся из лагеря единодушно утверждали, что Вова держал себя выше похвалы и с огромным достоинством и нравственно поддерживал остальных заключенных. Но время проходило, многих заключенных освобождали, в начале октября освободили несколько сот человек, но несмотря на обещания, на все предпринятые нами шаги, Вову все не освобождали. Почему? С мыслью, что его не освободят, Вова примирился, вообще он не верил в свое освобождение, но нас это угнетало. Мы боялись, и не без основания, что его оставят заложником и отправят в Германию, тем более что он не скрывал своего отношения к войне. Много позже мы узнали, что арест многих русских был вызван опасением, чтобы они и руководимые ими круги и организации не присоединились с первого же дня вторжения немцев в Россию к Французскому Сопротивлению. Как правы были мы, волнуясь за его судьбу!

Во время одной из поездок в Компьен мы познакомились с комендантом лагеря гауптманом Нахтигалем, офицером

старой Германской армии. Он не был партийцем. Очень, очень сердечно относился к своим заключенным, облегчая их положение, насколько это представлялось ему возможным, а кое-кому спас жизнь. Он был любим заключенными, и все питали к нему чувство благодарности и уважения. Иногда он устраивал нам свидание с Вовой в своем кабинете и давал нам возможность говорить наедине. На память и в знак благодарности мы подарили ему серебряную фляжку. Когда после окончания войны Нахтигаль был арестован американцами как комендант концентрационного лагеря, все, бывшие в заключении в Компьене, вступились за него. По их просьбе он был освобожден.

Время шло, уже было почти что четыре месяца, что Вова сидел в лагере. 20 октября, вечером, в 9. 50., как теперь помню, раздался телефонный звонок, и не трудно себе представить, каковы были наша радость и изумление услышать голос Вовы. Сначала мы подумали, что он звонит из Компьена, но почему, как ему позволили? Он лишь сказал нам, что он освобожден, находится в Париже на Гар дю Нор и будет скоро дома, и повесил трубку. Не верилось, мы были так счастливы с Андреем! Вова просидел в заключении ровно сто девятнадцать дней, и какое совпадение, его порядковый номер в лагере был сто девятнадцать. Вова был дома, но ни мы, ни он не были спокойны. Мы все время трепетали за его судьбу — как бы снова его не взяли. И эти опасения, длившиеся целых три года, вконец истрепали и его и наши нервы.

По чьему приказу и почему его освободили, для нас так и осталось навсегда загадкой.

За годы войны мы потеряли трех близких, дорогих и горячо любимых нами членов семьи.

Пятого марта 1942 года в Давосе, в Швейцарии, внезапно скончался Великий Князь Дмитрий Павлович. Известие о его кончине мы получили через шесть дней кружным путем. Он уехал в Швейцарию лечиться от туберкулеза легких незадолго до войны и настолько поправился, что собирался выписываться из санатории и праздновал даже свое выздоровление. Неожиданно он заболел нефритом, и в неделю его не стало. Мы оба оплакивали и до сих пор оплакиваем безвременную кончину бедного Дмитрия. Ему было всего пятьдесят лет. Жизнь ему — казалось — улыбалась. Он нашел себе красивую, премилую и богатую жену, имел очаровательного сына. Но с женой он развелся, потерял здоровье и умер в полном одиночестве, вдали от близких и родных. Лишь деревянный крест на горном кладбище Давоса отмечает место его упокоения.

Через полгода, 28 сентября, в Саль-де-Беарн, скончался двоюродный брат Андрея Князь Александр Георгиевич Романовский, Герцог Лейхтенбергский. Он давно был болен, и его кончину мы все ожидали. Тем не менее это было для нас большим горем. Я его хорошо и давно знала, часто он у нас бы-

вал, и мы его очень любили. Он купил мой старый дом в Петербурге.

Но самое тяжкое горе постигло нас в 1946 году — скоропостижная кончина 8 ноября Великого Князя Бориса Владимировича, брата Андрея. Во время обеда Зина, его жена, нам позвонила, что Борису очень плохо. Мы сразу же полетели к нему, но было, увы, уже поздно. Мы застали его мертвым. Андрей был потрясен и с грустью сказал: «Теперь моя очередь». Но он прожил еще тринадцать лет.

Несмотря на оккупацию и всевозможные осложнения, множество народа, много видных парижан присутствовали в церкви на отпевании. О перевозке его останков в Контрексевиль нельзя было и думать, и его гроб был поставлен в склеп под церковью.

Борис был на редкость благородным и одним из самых очаровательных людей, которых я когда-либо видала. Его нельзя было не любить, и его буквально все любили. Он любил жизнь, повсюду вносил оживление. По сей день многие его оплакивают и вспоминают.

В начале 1944 года Вова подвергся очень серьезной операции. Его оперировал профессор Бержерэ, и все прошло как нельзя удачно. Он пролежал в клинике целый месяц, и поездки к нему в Нейи из-за трудности сообщений были для меня делом нелегким, как раз в это время я начала страдать артритом в ногах, который из-за нетопленного помещения принял особо острые формы.

События надвигались. 6 июня союзники высадились в Нормандии, Рим был взят, и русские войска стремительным натиском продвигались к немецкой границе. На Гитлера было произведено покушение, и он уцелел каким-то чудом. По всей Франции шли массовые аресты и расстрелы заложников, и мы прямо тряслись за нашего Вову. По мере приближения союзных армий бомбардировки становились все более и более частыми, и сирены гудели почти что без перерыва. От бомбардировок более всего пострадал наш квартал. Бомбы рвались все время вокруг дома.

Одиннадцатого августа мы узнали по радио, что союзники идут на Париж. Нас всех волновал вопрос, будут ли немцы защищать Париж или же прямо отойдут к своим границам. Взорвут ли они перед уходом главные памятники и здания города, как об этом говорили и что, как мы потом узнали, они в действительности собирались сделать. За время оккупации немцы сильно укрепили различные пункты города, настроив повсюду бункера с пулеметными гнездами, и уличные бои казались неизбежными. Но этот ужас нас миновал. Семнадцатого немцы начали покидать город, их учреждения эвакуиро-

вались, имущество увозилось. Начали закрываться банки, почта, магазины, исчезла полиция, город замер. Стало метро, ходить пришлось по городу пешком. Во всех концах города Французское Сопротивление начало открытые действия. Немцы ответили массовыми расстрелами и повальными арестами. Двадцать второго вдали была слышна канонада, а по городу ружейная стрельба. Двадцать четвертого в течение всего дня мы с трепетом и волнением ожидали прихода союзных войск, но лишь в 10 часов вечера радио сообщило, что французский авангард вошел в Париж. Сразу во всех церквах зазвонили колокола, жители высыпали на улицу, поздравляя и обнимая друг друга. Повсюду было слышно пение «Марсельезы». Мы переживали незабываемые минуты. На следующий день мимо нас по улице Мишель-Анж в город вошла одна из колонн знаменитой блиндированной дивизии маршала Леклерка. Нельзя описать, что делалось на улицах! Солдатам бросали цветы, угощали шампанским, более предприимчивые влезали на танки целоваться с освободителями. Все вздохнули после четырехлетней ужасной оккупации. Но были и печальные инциденты: с крыш домов то там то сям кто-то стрелял по войскам. Были ли это провокаторы или застрявшие немцы, трудно сказать, но войска вынуждены были отвечать, и были невинные жертвы.

Двадцать шестого августа генерал де Голль торжественно вступил в город через Триумфальную арку и спустился по Елисейским полям в городскую думу. Через три дня в Париж вступили американцы. Война еще не была окончена, но бои шли далеко от Парижа, и мы зажили более или менее мирной жизнью.

Как только мы были освобождены, со всех концов мира к нам начали поступать письма, телеграммы и посылки. Все запрашивали нас, что с нами. Так было трогательно.

С первых же дней осени дела в студии пошли очень хорошо, и с каждым днем приходили все новые и новые ученицы. В декабре из Лондона приехала Диана Гульд, жена нашего знаменитого скрипача Менухина. Я так рада была ее видеть. Она одна из моих любимых учениц. Приехала она с маленькой труппой развлекать солдат.

Двадцать седьмого февраля 1945 года ко мне в студию на военном грузовике приехал весь Сэдлерс-Уэллс балле во главе с Нинет де Валуа, директрисой, Марго Фонтейн, Памелой Мей, всего около двадцати человек. Это была тоже военная походная труппа, все были в форме и приехали меня приветствовать. Я была рада видеть двух моих учениц, Марго Фонтейн и Памелу Мей. Они давали несколько представлений в Театре Елисейских полей. Хоть в те времена найти духи было делом трудным, я все же их раздобыла и послала каждой по флакону.

Многие из моих старых учениц приехали меня навестить из

Англии и Америки, в том числе одна из моих любимейших, Ширли Бридж.

Война подходила к концу. 2 мая Берлин был взят штурмом русскими войсками, а за несколько дней до этого они соединились на Эльбе с союзниками. Немцы капитулировали.

Восьмого мая сирены загудели в последний раз, возвестив о победоносном окончании войны.

МОЯ ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В ЛОНДОН МАЙ 1951 ГОДА

В мае 1950 года в Лондоне была образована Федерация Русского Классического Балета из пятнадцати английских школ танцев, поставивших своею целью сохранение основных принципов русского классического балета и преподавание танца по методам Императорских балетных школ.

Через одну из моих бывших учениц, Барбару Вернон, Федерация обратилась ко мне с просьбой принять ее под мое покровительство, на что я охотно согласилась, так как цель Федерации была близка моему сердцу. Мне понравилась мысль проводить русскую традицию в английских балетных школах и тем обеспечить развитие балетного дела на твердых, испытанных годами началах, давших такие блестящие результаты. Организаторы просили меня приехать в Лондон в мае 1951 года на одну неделю, чтобы присутствовать на первом общем собрании членов Федерации, дать несколько показательных уроков, присутствовать на выпускном экзамене и раздать ученицам соответствующие удостоверения за моей подписью.

Я выехала в Лондон в понедельник 21 мая с ночным беспересадочным поездом «Ферри бот» и во вторник 22 мая прибыла в Лондон на вокзал «Виктория» в 9 часов 10 минут утра. Меня встретили Барбара Вернон со своим мужем Джоном Грегори и группой учениц с цветами и фотографиями. Пятилетняя ученица студии Барбары Вернон, Виктория Дуббит, поднесла мне прелестную статуэтку работы Михаила Морриса.

С вокзала меня повезли в гостиницу «Де Верр», против Кенсингтонского дворца и парка. Гостиница старомодная, но симпатичная. Вечером я принимала репортеров и фотографов. Моя комната была полна цветов, которые присылались каждый день, среди них был букет сирени от Тамары Карсавиной. Я очень любила сирень, главным образом потому, что она мне напоминала Россию.

На следующий день, 23 мая, я утром присутствовала на первой серии экзаменов. Мне было очень приятно встретить мою бывшую любимую ученицу Нину Тараканову, ныне г-жу Маклин. После окончания экзаменов меня попросили дать урок характерных танцев. Я просила Нину Тараканову дать

этот урок за меня. Она отлично его провела, но под конец я не выдержала и сама приняла участие.

После экзамена и урока я поехала к Арнольду Хаскеллу, который пригласил меня завтракать с Тамарой Карсавиной, как только узнал, что я буду в Лондоне. Он жил в маленьком очаровательном особняке. Всякий поймет, как я рада была снова увидеть милую Тамару Карсавину и вспомнить с ней старину. Тут я впервые познакомилась с ее мужем, мистером Брюсом, очень симпатичным человеком. Жена Арнольда Хаскелла русская, сестра ее замужем за Марком Алдановым. Хаскелл не говорит, но понимает по-русски, и это облегчало общий разговор, который мы могли вести по-русски.

Вечером мы поехали посмотреть Фестиваль-балле Антона Долина и Алисии Марковой. С нами был и Арнольд Хаскелл. В первом же антракте мою ложу наводнили знакомые и журналисты. Одна из них интересовалась, какой номер я ношу башмаков, какую диету соблюдаю, и задавала мне ряд вопросов в этом роде. В этот момент Арнольд Хаскелл привел в ложу знаменитого английского балетного критика Сирила Бомонта. Услышав вопросы корреспондентки относительно моих лондонских выступлений, он ей сказал: «Не спрашивайте мадам Кшесинскую, я вам сам скажу», и вот что она с его слов записала: «Сирил Бомонт мне сказал, что последний визит в Лондон г-жи Кшесинской был в 1936 году, когда она в Ковент-Гарден танцевала «Русскую», в сарафане и кокошнике, вышитом жемчугами. Кшесинскую вызывали по окончании восемнадцать раз. Я до сих пор ясно вспоминаю точность, изящество и благородство ее танца и движений, качества почти недостижимые в такой же степени для тех танцовщиц, которые не были близки к Русским Императорским придворным кругам».

После окончания спектакля меня провели на сцену, где я снималась с Антоном Долиным, Алисией Марковой и другими артистами труппы. Они давали вторую картину балета «Лебединое озеро» и оставались в костюмах лебедей. Из театра мы поехали ужинать в «Савой», куда нас пригласил Арнольд Хаскелл вместе с Алисией Марковой.

Двадцать четвертого мая, в четверг, вечером у меня в гостинице было общее собрание членов Федерации, состоящей почти исключительно из дам. Джон Грегори открыл заседание длинной речью, частью посвященной отчету о деятельности Федерации, и закончил ее приветствием по моему адресу. Моя ответная речь была заранее приготовлена, но я прочла ее по-французски, а Андрей затем поревал ее по-английски. Потом был сервирован чай, и я могла с большинством из присутствующих поговорить с помощью Барбары Вернон, которая служила мне переводчицей. Тут мне представили скульптора Михаила Морриса, чью статуэтку мне поднесли на вокзале в день приезда. Меня сняли с ним и со статуэткой.

Двадцать пятого мая, в пятницу, Арнольд Хаскелл пригласил

сил меня осмотреть балетную школу Сэдлер-Уэллс, в которой он состоял директором, и присутствовать на уроках в нескольких классах. Впечатление я получила самое приятное, система преподавания очень напоминает нашу. Преподают в большинстве случаев настоящие или бывшие артисты того же балета, с артистическим стажем. В педагогическом отношении это самое важное, чтобы преподавали бы именно артисты, для поддержания традиции. После осмотра школы А. Хаскелл пригласил нас завтракать с Шурой Даниловой и Алисией Марковой. Мы ели те же блюда, что подавали в этот день ученицам и ученикам школы.

На следующий день, 26 мая, я была приглашена к чаю Ниной Таракановой. Мы познакомились с ее мужем, одним из директоров Британского Музея. От нее мы поехали во Французский Институт, где должен был состояться ученический спектакль, организованный Барбарой Вернон и Джоном Грегори, директорами школы Русского балета. Меня встретила на подъезде пожилая мисс Флора Ферберн с букетом цветов и проводила меня до театральной залы. Когда я только вошла в залу, все присутствующие встали со своих мест и встретили меня громом аплодисментов, который прекратился, только когда я дошла до своего места, в первом ряду, и, повернувшись к публике, поклоном благодарила за оказанное мне внимание. Это так было неожиданно и так искренне, что я была глубоко тронута, слезы потекли из моих глаз. Спектакль был очень интересен, ученики и ученицы всех возрастов показали классические и характерные танцы. Много было наивного, но некоторые проявили дарование, что я потом сказала им лично и их родителям. После окончания спектакля меня провели на сцену, и я раздавала удостоверения за своею подписью тем ученицам и ученикам студий, которые выдержали испытание на экзаменах. Вечер кончился, но мы долго не расходились. Родители подходили узнать мои впечатления, а маленькие артисты облепили меня как комарики. Весь этот прием меня так глубоко взволновал, что и до сих пор я переживаю это воспоминание. Я не думала, что Лондон вспомнит меня, мои два выступления в 1911 и 1936 годах и так горячо и сердечно снова примет. После такого огромного подъема мне не хотелось ехать домой, и мы решили с Андреем поужинать в «Савое», вспомнить, как мы там часто ужинали в 1911 году, и отвести душу за стаканом вина. Велико было наше удивление, когда нам отвели столик и рядом оказался Давид Лишин, ужинавший в полном одиночестве. Он страшно обрадовался нашему приходу и пригласил с ним поужинать. И так троим мы чудно провели конец этого вечера. Его жена Таня Рябушинская осталась в своей комнате с дочерью. После ужина мы поднялись к ней в номер, видели маленькую Таню и воспользовались случаем поговорить по телефону с Вовой, оставшимся в Париже.

На следующий день, в воскресенье 27 мая, опять с ночным беспересадочным поездом мы выехали в Париж, куда прибыли на следующее утро. В Лондоне нас провожала с цветами милая Нина Тараканова, Барбара Вернон и Джон Грегори.

МОЕ МНЕНИЕ О БАЛЕТНЫХ АРТИСТКАХ

В нашем балетном мире происходит нечто подобное тому, что происходит в эмиграции, где присваивают себе, без всякого на то права, титул графа или князя, а военные непременно чин генерала.

Так и в балетном мире многие танцовщицы присваивают себе звание «балерины», а иногда и «прима-балерины», не имея на то никакого права.

Арнольд Хаскелл в своей книге «Балетомания» отмечает злоупотребление званиями «балерины» и «прима-балерины», которые имели в России совершенно точное и определенное значение и давались балетным артисткам в ограниченном числе. Балерин было не более пяти-шести, тогда как генералов сколько угодно, а прима-балерина была одна — М. Ф. Кшесинская.

И это совершенно верно, в России балетные артистки обозначались точно, согласно распоряжениям Дирекции Императорских театров, по категориям, начиная с кордебалета, затем шли корифейки, танцовщицы 2-го, потом 1-го разряда, далее шли солистки, и наконец, балерины, число которых было очень ограниченное, не более пяти-шести одновременно.

После того как я уже была несколько лет «балериной» и получила почетное звание «Заслуженной артистки Императорских театров», я стала «прима-балерина», то есть первая среди балерин. Больше никто этого звания не получал, я была единственной и последней.

Кроме меня звание балерины было присвоено Преображенской, Трефиловой, Седовой и Карсавиной.

Современные танцовщицы много сильнее прежних по своей технике, и в этом я ничего не вижу плохого. Техника идет вперед — это естественно, но среди них теперь мало таких артисток, какими были: Розита Мори, Анна Павлова, Тамара Карсавина, Вера Трефилова, Ольга Преображенская, Ольга Спесивцева — у них нет той силы в игре, которая была раньше.

Мне кажется, вспоминая прежнее, что одна из причин в том, что теперь мало таких балетов, как «Дочь фараона», «Баядерка», «Корсар», «Эсмеральда», «Раймонда», «Жизель», в которых артистки могут проявить свое драматическое дарование в мимической сцене, и им остается только отдавать больше внимания технике.

Другая причина та, что некоторые артистки идут занимать-

ся к тем преподавательницам, которые хуже их как артистки и танцовщицы, считая, вероятно, ниже своего достоинства заниматься у артистки выше их.

Кроме того, что, по-моему, очень вредит всякой артистке, это постоянное перебегание из студии в студию в погоне за техническими новшествами, и поэтому они остаются техничками. Вредит делу и то, что многие, к сожалению, занимаются у преподавательниц, которые не имеют на это права, не будучи ни артистками, ни даже танцовщицами.

В свое время, когда я была приглашена танцевать в Париж, в Опера, я не сочла для себя унижительным, хотя и занимала у себя в России высшее положение балерины, пойти к Розите Морри, которая славилась как выдающаяся артистка и имя которой гремело на всю Европу, чтобы под ее руководством пройти свою роль в балете «Корриган», в котором она была бесподобна.

Анна Павлова, уже занимавшая положение в труппе, все же пошла заниматься у Е. П. Соколовой, нашей известной балерины.

К сожалению, теперь артистки стали забывать в угоду бешеной технике, что техника без души и сердца — мертвое искусство, смотришь и удивляешься, до чего можно дойти, но душе и сердцу это ничего не говорит.

Меня однажды поразила одна из первых танцовщиц Опера в Париже, когда она пришла ко мне в студию в сопровождении Mr. L. Vaillat просить меня поставить ей что-нибудь из балета «Эсмеральда». Я была поставлена подобной просьбой в затруднение, не знала, что ей ответить, и не понимала, что, собственно, она от меня хочет. На мой вопрос, что она хочет, чтобы я ей поставила, она ответила, что сама не знает, что ей это безразлично, рассчитывая, по-видимому, что я ей помогу. Я совершенно не понимала вопроса: или это было полное незнание с ее стороны сюжета балета «Эсмеральда», поставленного на известном романе Виктора Гюго «Собор Парижской богородицы», со сложным драматическим развитием, или отсутствие у нее артистического чутья и вкуса.

Неужели она не понимала, думала я, что как совершенно невозможно поставить лишь одну сцену сумасшествия из балета «Жизель», так как она будет непонятна зрителю без связи с предыдущими сценами, так же невозможно вырвать из балета «Эсмеральда» одну вариацию или сцену без ущерба для смысла этой вариации или сцены, которые останутся непонятными зрителю вне связи с общим развитием драматического сюжета балета они не произведут впечатления на публику.

Я постаралась ей объяснить все это в смягченной и деликатной форме и показать всю трудность поставленной ею мне задачи, но не знаю, поняла ли она меня или нет, и думаю, что скорее — нет.

В душе я была глубоко оскорблена и возмущена, что могли вообще обратиться ко мне с подобной просьбой и именно отно-

сительно «Эсмеральды», моего любимого балета, в который я всю душу вкладывала, и вдруг предложить мне вырвать одну сцену! Это было равносильно тому, что вырвать кусочек из моего сердца. Я тщательно скрывала свои внутренние, душевные переживания и, чтобы не входить с ней в дальнейшие и лишние споры и объяснения, которые, я думаю, все равно ни к чему не приведут, я ответила, что в данное время очень занята и, к сожалению, не могу с ней заняться, но сообщу ей, как только буду свободна. Я так ей ничего не сообщила, да и она ко мне больше не приходила, и добавлю — к счастью.

МЕНЯ НЕ ЗАБЫЛИ НА РОДИНЕ. О РОДНОМ БАЛЕТЕ

В 1957 году я смогла наглядно убедиться, и меня это так бесконечно тронуло и обрадовало, что несмотря на события, на политику, на истекшее с моего отъезда из России время, мое имя на родине не забыто.

В этом году у меня завязалась переписка с директором Дома-музея Чайковского в Клину, под Москвой. В первом письме он писал, что в музее нету ровно ничего касающегося моей артистической деятельности, и, в частности, моего участия в балетах на музыку Чайковского, и просил меня прислать фотографии и поделиться воспоминаниями о том, как я воспринимала и создавала роли в балетах на музыку нашего великого композитора. Два года спустя он поздравил меня с тридцатилетием моей студии, прося рассказать о моих выдающихся ученицах и поделиться моими педагогическими методами. Я занимаю в истории не только русского, но и мирового балета, писал он как-то, столь выдающееся положение, что грядущие поколения поставят мне в упрек, если я не напишу своих воспоминаний и не запечатаю того, что я помню о великих артистках, с которыми я встречалась или с коими я совместно работала и выступала. На родине проявляется огромный интерес к родному искусству, и я должна, писал он мне также, рассказать, что я о нем знаю и думаю, молодежи.

Исполняя его просьбу, я послала в музей не только башмаки, в которых в последний раз выступала, но и костюм, в котором танцевала «Русскую» в Лондоне в 1936 году.

Я любила и продолжаю любить родное искусство и все касающееся балета не может оставлять меня безразличной. Ведь балет определил мою жизнь и дал мне в ней счастье.

В 1958 году московский Большой театр приезжал на гастроли в Париж. Хотя со смертью моего мужа я никуда больше не выезжаю, проводя дни или в студии за работой, для добывания хлеба насущного, или дома, я сделала исключение и поехала в Опера на него посмотреть.

Я плакала от счастья... Я узнала прежний балет... Это был

тот самый балет, который я не видала более сорока лет. Душа осталась, традиция жива и продолжается. Конечно, техника достигла большого совершенства. Это должно приветствоваться, но при условии, чтобы техника не ставила себе целью удивить своей акробатичностью, а стремилась бы очаровать и увлекать. Большая заслуга в том, что в России, как нигде, сумели примирить и, я бы сказала, сочетать технику и искусство.

МОЙ СОН

В Сочельник, под Рождество, убирая елку, я нечаянно задела ногой за ковер и так неудачно упала, что сломала себе ногу. Меня перевезли в Американский госпиталь, где сделали очень сложную и тяжелую операцию. Когда я еще лежала в госпитале, я видела в ночь с 16 (29) на 17 (30) января 1952 года сон, который тут и описываю.

Я вижу во сне, что вхожу в наше Театральное училище, в Санкт-Петербурге, со своими ученицами; я их не вижу, как это во сне бывает, но чувствую, что они около меня. Я им объясняю расположение комнат: вот направо, говорю я, две большие залы, где мы учились и репетировали, а в день училищного выпускного спектакля мы все встречали Государя Императора, Императрицу и всю Царскую семью, а налево, вдоль длинного коридора, расположены наши учебные классы. В конце этого коридора, я объясняю им, находится маленький училищный театр, где я выступала перед выпуском. Оттуда выходила вся Царская семья после спектакля.

Когда я давала своим ученицам эти объяснения, вдруг раздался чей-то возглас: «Они идут... они идут!» На мой вопрос, кто идет, мне ответили: «Царская семья». «Как они идут, ведь их нет в живых», — ответила я. «Их души идут», — чей-то голос мне ответил, и в это время все разом запели: «Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробах живот даровав» — и трижды повторили. Потом все бросились вниз, им навстречу, и остановились перед настежь отворенными входными дверьми. На улице шумела буря, ветер гудел, лил проливной дождь и чей-то голос крикнул, что Они не могут войти. Тогда все бросились наверх, на второй этаж, и снова трижды пропели «Христос Воскресе» и остановились в длинном коридоре, ожидая Их появления. Тут снова кто-то крикнул, что Они не могут войти, и мы все бросились в следующий этаж и запели снова «Христос Воскресе». Пока я бежала со всеми, я мечтала, что когда увижу Императора Александра III, то я брошусь на колени перед Ним и буду целовать ему руки, так я его обожала. Когда в третий раз пропели «Христос Воскресе», мы все остановились, снова в ожидании появления Царской семьи, но в этот момент я проснулась вся в слезах и продолжала горько плакать.

Когда я проснулась, вся моя жизнь предстала перед моими

глазами с особенной яркостью и отчетливостью. Я стала, лежа на больничной койке, вновь ее переживать и решила, что я должна написать мои воспоминания. Какая-то неведомая сила толкнула меня на этот шаг, как бы все время подсказывая, что я должна это сделать. И в госпитале я приступила к их составлению.

Часто мне предлагали издать мои воспоминания, но я всегда отказывалась. Не хотелось тревожить прошлое, теревить старые раны. Кроме того, у меня не сохранились драгоценные для меня письма Наследника, которые служили бы доказательством тому, что то, что я пишу о моей первой любви — о встрече с Ники,— правда.

В моей жизни я видала и любовь, и ласку, и заботу, но видала я помимо горя и много зла. Если о чинимых мне кознях я и пишу, то не говорю о тех, кто мне их делал. Не хочу ни с кем сводить каких бы то ни было счетов, ни о ком не хочу говорить скверно. Но много, много хорошего скажу о тех, кто делал добро мне.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ У МЕНЯ В ДОМЕ С 19 НА 20 АПРЕЛЯ 1952 ГОДА

Я не могла из-за сломанной ноги быть у Пасхальной заутрени в нашей церкви, и мы решили наладить наше небольшое радио и прослушать передачу с рю Дарю, где служил Митрополит Владимир.

В газетах было сообщено, что передача по радио начнется в 10 часов 45 минут вечера. К тому времени в моей комнате собрались: Андрей, Вова, успевший вернуться из церкви на рю Микель-Анж, где служба кончилась раньше, моя сестра Юлия, Фея Дубровская-Владимирова, недавно приехавшая из Америки, и двое наших служащих, Георгий Александрович и Елизавета Павловна Грамматиковы.

Пасхальный стол с пасхой, куличами, освященными яйцами и всякими холодными блюдами был заранее накрыт в моей комнате, где я устроилась в кресле.

Как только началась передача, мы все зажгли свои свечи. Спикер начал объявлять по-французски, что происходит кругом собора, описал густую толпу, наполнившую не только церковный двор, но и все прилегающие улицы. Затем он объяснил, что сейчас начнется выход из собора крестного хода с певчими впереди. Скоро мы услышали сперва неясные звуки пения, становившиеся все громче и громче по мере того, как хор выходил из собора. Затем спикер объяснил, что за хором несут хоругви, иконы, крест, а последним выходит Митрополит с сонмом духовенства. Постепенно пение стало затихать, когда крестный ход обходил собор, и снова яснее слышаться по мере его приближения, и можно было уже вполне ясно слышать каждое слово. Пока хор и крестный ход входили в собор и духовенство

собиралось в притворе, все затихло. Настало томительное ожидание... Вдруг раздался возглас Митрополита Владимира: «Христос Воскресе» и гул ответа молящихся: «Воистину Воскресе», и мы все тоже ответили Митрополиту: «Воистину Воскресе».

У всех нас были слезы на глазах и такое благоговейное чувство, что хотя мы и далеко от собора, но мы все были вместе в этот момент духовно в соборе. Тысячи и тысячи людей, рассеянных по всему миру, могли, как и мы, невзирая на расстояние, быть духовно вместе и все вместе молиться...

И я вспомнила свой сон: как во сне, так и здесь, неизвестно кто возвещает, что происходит; я его не вижу; слышу возглас Митрополита: «Христос Воскресе», но не вижу его, слышу ответ молящихся в соборе и во дворе: «Воистину Воскресе», но и их я не вижу. Запели «Христос Воскресе», но кто поет, я опять-таки не вижу. Все, как во сне... я вновь заплакала, как плакала, проснувшись после сна.

Я написала свои воспоминания — я вновь была счастлива, я вновь страдала.

Конец

Париж 17—30 марта 1954

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Семнадцатого (30) октября 1956 года мой муж внезапно скончался. Хотя за последние годы его здоровье начало сдавать и мы должны были постоянно опасаться за его жизнь, в этот день ничего ровно не предвещало его кончины. Он только что оправился от гриппа, который очень его ослабил, но наш доктор, осматривавший его как раз накануне, нашел, что никакой ближайшей опасности нет, разве что произойдет какое-либо непредвиденное осложнение. К тому же в это утро, вставая, Андрей мне сказал, что чувствует себя совсем хорошо. Между двенадцатью и половиной первого он говорил с Вовой по одному делу, а потом, в ожидании завтрака, пошел к себе в кабинет напечатать одно письмо. Было ровно без четверти час, когда Андрей стремительно вышел из кабинета и, направляясь в свою комнату через мою, бросил мне на ходу: «Кружится голова». Это были его последние слова. Он успел дойти до своей постели и лечь, и через две минуты его не стало. Я сразу же позвала Вову, находившегося у себя, в верхнем этаже, и он застал его еще в живых.

Словами не выразишь, что я пережила в этот момент. Убитая и потрясенная, я отказывалась верить, что не стало верного спутника моей жизни. Вместе с Вовой мы горько заплакали и, опустившись на колени, начали молиться.

В мужском поколении Дома Романовых мало кто прожил более семидесяти лет. Лишь генерал-фельдмаршал, Великий Князь Михаил Николаевич, брат Александра II, дожил до семидесяти семи лет. Благодаря заботам и постоянному уходу, я думаю, Андрей его пережил почти что на полгода: он был горд и счастлив, что ему принадлежит рекорд долгоденствия.

Господь ниспослал ему безболезненную кончину. У него была светлая душа и доброе сердце. В эти дни я убедилась, как все: и русские, и французы, и иностранцы любили Великого Князя, и в моем горе это было для меня большим утешением.

В течение четырех дней Андрей оставался дома. Сперва он лежал в своей комнате, на той самой постели, на которой он скончался, а затем его перенесли в гостиную. У его гроба беспрерывно несли караул офицеры и солдаты старой русской армии; я все время сидела рядом. Весь день приходили поклониться его праху. Дважды в день служились панихиды. Наш маленький дом еле вмещал молящихся. Стояли на лестнице и в саду. В день кончины из-за каких-то работ, производившихся на улице, у нас погасло электричество, и сорок восемь часов дом освещался свечами. Было как-то особенно жутко и в то же время торжественно. Первую ночь я провела одна у тела Андрея. Оно еще не

было забальзамировано, и он лежал как живой; смерть еще не успела наложить своего отпечатка, казалось, что он спит, не слышно было лишь его мягкого, чарующего голоса. Его похоронили в форме Лейб-Гвардии Конной Артиллерии, в которой он прослужил всю жизнь и коей он командовал во время войны.

Великий Князь Владимир Кириллович и его супруга, Великая Княгиня Леонида Георгиевна, узнав о кончине Андрея, который их обожал, немедленно прибыли в Париж, и проявленные ими ко мне внимание, забота и любовь были мне столь ценны и дороги в эти тягостные дни.

Из семьи помимо них присутствовали на похоронах Великая Княгиня Мария Павловна и Княгиня Ирина Александровна, супруга князя Юсупова.

Трогательное внимание мне было также оказано Великими Княгинями Ксенией и Ольгой Александровнами, сестрами покойного Государя, и сестрой Андрея Еленой Владимировной. Но в особенности, до слез, меня тронуло письмо Ольги Александровны. Никого из них теперь уже нет в живых.

Отпевание состоялось 3 ноября в Александро-Невском соборе в Париже. Служил ныне покойный Митрополит Владимир с почти что всем парижским русским духовенством. Во время похорон вся церковь, двор при ней и прилегающие улицы были полны народом. Быть может, было больше, чем в Пасхальную ночь.

По окончании богослужения гроб был перенесен в нижнюю церковь, где простоял два месяца, а затем в склеп при соборе. Впоследствии останки Андрея будут перевезены в нашу церковь в Контрексевиль, построенную в 1912 году Великою Княгинею Марией Павловной, матерью Андрея, где она и покоится вместе с Великим Князем Борисом Владимировичем. Перевезение я все откладываю. Приходить молиться у его гроба для меня огромное утешение, ездить же часто в Контрексевиль для меня будет немислимо.

С кончиною Андрея кончилась сказка, какой была моя жизнь. Наш сын остался при мне — я его обожаю, и в нем отныне весь смысл моей жизни. Для него, конечно, я всегда останусь матерью, но также самым большим и верным другом.

Когда я вижу Великого Князя Владимира Кирилловича, являющегося живым символом нашей Династии и наследником Российских Императоров, мне кажется, что передо мной находится Император Александр III, до того он напоминает его своей осанкой и величественностью. И я вновь слышу слова, сказанные мне Александром III в день выпускного спектакля в Театральном училище: «Будьте славою и украшением нашего балета».

С благоговением воздавая дань благодарности Императору Александру III, чьи одобрение и поощрение определили мою жизнь и карьеру, я заканчиваю свои воспоминания.

Париж, июнь 1959 года

ПРИЛОЖЕНИЕ

Воспоминания Г. Л. Марра, относящиеся к Княгине М. Ф. Красинской, характерны и интересны, потому было решено их включить в виде приложения к воспоминаниям Княгини М. Ф. Красинской, но в несколько сокращенном виде, выпустив все то, что прямо к делу не относится, но прибавив, как эти воспоминания случайно попали в руки Княгини Красинской, а впоследствии переписку с ним, свидание в Пломбиере и Фаверне, незадолго до его кончины 8 (21) сентября 1951 года.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНРИХА ЛЮДВИГОВИЧА МАРРА

Один мой знакомый принес мне однажды несколько мелко исписанных карандашом листков бумаги, говоря, что в этих записках говорится про меня и, может быть, они мне будут интересны. На мой вопрос, кто писал и откуда у него эти записки, он мог только мне ответить, что получил их от своей матери, которая их просматривала, но кто писал и что написано, он совершенно не знает, но прибавил, что в записках все это сказано. Его мать получила эти записки, в свою очередь, от другой дамы, которая знакома с автором. Это было все, что я могла узнать о происхождении этих записок.

При чтении этих записок выяснилось, что автором их является бывший поручик 6-го Глуховского Драгунского полка, расквартированного в городе Ломже. Переданные мне листки составляли лишь часть записок, две главы, тридцать девятую и сороковую, которые меня касались и относились к 1900—1902 годам. Автору было в то время двадцать семь лет.

Начинается рассказ с того, что дядя пригласил его провести у него в Петербурге недели две-три во время карнавала, весной 1900 года и обещал доставить племяннику возможно больше развлечений.

В конце января 1900 года он явился к дяде в Петербург, и начались развлечения: театры, опера, балет, оперетки, фарсы и, конечно, шантаны. Видел он двух знаменитостей того времени: Лину Кавальери и Оттеро — «королеву бриллиантов». Слышал знаменитого баритона Баттистини и несравненного тенора Мазини.

«Но более всего, — пишет автор, — я увлекся балетом. Русский балет — это признано всеми критиками и знатоками —

был лучший во всем мире. Я видел в их хороших ролях: божественную Матильду Феликсовну Кшесинскую в «Дочери фараона», чудную, воздушную фею Ольгу Преображенскую в «Волшебной флейте» и итальянку Леньяни в «Коньке-Горбунке». Балет давался два раза в неделю: в воскресенье и среду.

Два раза в течение карнавала, после балета, бывал маскарад в Мариинском театре, который начинался после полуночи. Фойе превращалось в буфет с шампанским и прохладительными напитками. Танцевали только на сцене, а в зале прогуливались и интриговали. Для дам маски были обязательны, для штатских был обязателен фрак, для военных — обыкновенная форма.

«Дядя взял ложу, — пишет далее автор, — для тети и одной знакомой дамы, а мы с дядей бродили по фойе, по залу. Я не скажу, чтобы мне было очень весело. Чтобы весело проводить время, надо иметь знакомых, которые вас интригуют, а у меня их не было, и ни одна маска ко мне не подходила. Какая-то маска увлекла дядю, и я остался один. Брожу... то подымаюсь в фойе, то спущусь в зал... Должно быть, у меня был очень скучающий вид, потому что маска в черном домино с голубым бантиком на груди подошла ко мне и сказала:

— Бедняжка. Я вижу, что ты очень скучаешь. У тебя, конечно, нет знакомых, по твоей форме я вижу, что ты провинциал. — Берет меня под руку.

Я предлагаю ей пойти в фойе выпить бокал шампанского, но она предпочитает оршад. Болтали о балете, об опере, о том, о сем.

Я ей говорю:

— Маскарад весел для тех, у кого много знакомых: ну как будучи меня интриговать, когда меня никто не знает — и я никого.

— А меня ты, наверное, знаешь.

— Вот ты начинаешь меня интриговать, хотя я уверен, что я тебя не знаю и никогда не видал.

— Нет, ты меня не раз видел... здесь.

— А, ты, наверное, артистка из балета — ну так я видел многих, но это не значит, что я тебя знаю.

— Ты не можешь меня не знать, — с хохотом сказала она и убежала.

Я раздумывал: она из кордебалета — не может быть. Иначе она не сказала бы, что «я не могу не знать ее». Должно быть, из «первых танцовщиц», мнящая себя равной «прима-балеринам».

Брожу опять без всякой цели. Вдруг встречаю ее опять, подхожу:

— Слушай, маска, ты меня заинтриговала и убежала. Скажи мне, в каком балете я мог тебя видеть и в какой роли?

Она на меня смотрит:

— Ты ошибаешься, я тебя вижу в первый раз, и я тебя не интриговала. А, понимаю: нас здесь две в одинаковых домино

и с одинаковыми бантами. Мы интригуем одного знакомого. А ты знаешь балет? Ты любишь его?

— Да как же мне не любить его! Это такое очарование. И я первый раз в жизни посетил Питер в этот зимний сезон и первый тоже раз узнал балет. А божественная Кшесинская и Преображенская! Да я буду бредить ими в моей глуши! Ты тоже из балета, как и та, другая. Как вы счастливы танцевать с ними, хотя бы и составляя только их окружение!

— Ты так очарован мною? Seriously? Я тебе верю. Хочешь, я покажу тебе их? Не сегодня, а вот, в среду, после балета, приходи к подъезду артистов, войди на вторую площадку, я буду там. Ты меня узнаешь по голубому бантику на ротонде. Я покажу тебе их, когда они будут выходить, чтобы сесть в экипажи. Ты их видел только на сцене; я покажу тебе их в жизни, и, может быть, они пожелают с тобой познакомиться.

— Ну, это ты уже меня хочешь осчастливить.

— Кто знает, быть может, эти мечты очень близки к действительности. Постой, ты хочешь оказать мне услугу? Видишь этого полковника? Скажи ему, что «черное домино с голубым бантиком» ждет его в полицеймейстерской ложе. Да что ты так озадачился? Разве это так трудно? Иди и не забудь среду.

— Хорошо, пойду и, чтобы услужить тебе, я нарушу этикет, за что, наверно, меня посадят под арест. Видишь — тут присутствуют плац-адъютанты комендантского управления и следят за поведением офицеров. Этот полковник — это Великий Князь Сергей Михайлович. Я не имею права подходить к нему. Но — для тебя я это сделаю. Что бы я не сделал для богини балетного Олимпа! Итак — до среды, если в этот день не буду сидеть «на губе».

— Не бойся, иди — никто тебя не тронет.

Среди публики выделялся своим ростом «полковник», он поглядывал во все стороны, словно разыскивая кого-то. Подхожу, делаю глубокий поклон, щелкаю шпорами:

— Господин полковник... — Он удивленно смотрит на меня, наклоняется ко мне (еще бы, я такой маленький, а он высоченный). — Господин полковник, черное домино с голубым бантиком ожидает вас в полицеймейстерской ложе. — Он ласково улыбается: — Спасибо, поручик, я его уже давно разыскиваю. — Подает мне руку, я пожимаю ее с поклоном, делаю шаг назад, поворачиваюсь — и вижу плац-адъютанта, направляющегося ко мне. Но наперерез к нему устремляется черное домино, что-то говорит ему — он почтительно выслушивает и с глубоким поклоном уходит, даже не бросив на меня взгляда.

Отправляюсь искать дядю, чтобы поделиться с ним впечатлениями. Но он меня как ушатом холодной воды облил:

— Ай-ай-ай. Черт тебя дернул. Может быть, это глупый фарс, разыгранный этими дамами... им что. А для тебя... Это может быть в чужом пиру похмелье, разыщут тебя, посадят «на губу».

— Не может быть. Если бы ты видел, как почтительно «пластик» держал себя с ней!

— Гм-гм... Ну, посмотрим, что будет в среду. Я готов пари держать, что ты останешься с носом.

Среда. Идет «Дочь фараона». Посматриваю на кордебалет, на первых танцовщиц — думаю: «Которая из них?» Божественно, по обыкновению, танцует Кшесинская. Нет — не танцует, это не танец... это что-то, что-то... несказуемое. Какая пластика, какая мимика, какое очарование в каждом ее движении. Зал дрожал от аплодисментов.

Опускается занавес в последний раз. Я направляюсь к подъезду артистов. А может, правду сказал дядя, что надо мною посмеялись.

У подъезда выстроены в ряды санки, кареты, огромные калымаги Театральной школы, в которых развозили по домам артистов и воспитанников школы. Вхожу в подъезд, подымаюсь на вторую площадку. Всюду много ожидающих выхода артистов: пажи, лицеисты, правоведы, офицеры, штатские. Выходят артистки, их встречают их почитатели, уходят, проходят мимо меня, и ни на одной нет голубого бантика. Достая папиросу, чтобы закурить перед уходом. В это время выходит театральный лакей, спускается к выходной двери, открывает ее и кричит:

— Карету госпожи Кшесинской!

Прекрасно, думаю я, хотя моей незнакомки нет, я все-таки увижу вблизи, в натуре, Царицу балета.

Открывается дверь. Раздаются аплодисменты ожидающих. Я вижу это прелестное личико, обрамленное шарфом. И сейчас — как тогда...

Но что это? На ротонде большой голубой бант. Она останавливается, улыбается, делает рукой приветливые жесты аплодирующим, разглядывает их и направляется ко мне.

— Я сдержала слово. Здравствуйте. Спасибо за услугу. Вот вам награда, — и дает мне бант: — И на память обо мне.

Я растерянно пробормотал:

— Так это были вы... — целуя кончики ее пальцев.

— Ну да — я. А другая — это Оля Преображенская. Проводите меня домой, мы объяснимся в карете.

Вы представляете себе, что я переживал в эти минуты.

— Я живу недалеко, мало времени, чтобы поговорить подробно. Скажу только, что Великий Князь остался очень доволен вашей находчивостью и поручил мне поблагодарить вас от его имени, от имени «полковника»... Вот мы и приехали. Приходите завтра ко мне в пять часов вечера на чашку чая.

Эти слова запечатлелись навсегда в моей памяти, и ее голос я слышу и теперь.

Когда я рассказал это дяде, он сначала не поверил, а потом был очень рад:

— Вот ты приобрел себе могущественную покровительницу.

Но я не видел, в чем она может оказать свое покровительство маленькому офицеру.

На следующий день, ровно в пять часов вечера, камеристка ввела меня в приемную. Вошла Матильда Феликсовна, радушно протянула мне руку; кончики пальцев я поцеловал с глубоким поклоном. Вбежал прелестный черный пудель, и она показала мне, как он умеет стоять на часах и прыгать через стулья. Расспросила меня о моей семье, о полку... подали чай. Выпив две чашки, я воспользовался ее приглашением закурить и вынул свой портсигар. Она им заинтересовалась:

— Покажите, покажите, я вижу на нем много монограмм и еще что-то.

По обычаю того времени, приятели ставили на портсигары друг другу не только свои факсимиле и монограммы, но и шпоры, стремена, погоны, бутылки...

— Очень интересно. Я вижу, что еще есть место, оставьте мне его. Я поставлю на нем свое факсимиле. Ведь вы не уезжаете еще на этой неделе? Я его сегодня же завезу к Фаберже и, когда будет готов, то пришлю вам его на квартиру. Дайте мне ваш адрес.

Я был в восторге: иметь ее факсимиле! Но это был еще не конец.

— Вы видели меня в «Дочери фараона»,— сказала она, вставая и уходя в соседнюю комнату, откуда через минуту вернулась, держа в руках пакет.— Ваше имя, отчество и фамилия.— Села за столик и сделала надписи на фотографиях, снятых с нее в некоторых позах.

Дядя и тетя были в восторге:

— Ты приобрел могущественную покровительницу.

— В каком смысле?— спрашиваю я.— Мне абсолютно ничего не надо. Я счастлив тем, что имею высокую честь познакомиться с первой в мире балериной — это все.

— Но для твоей карьеры...

— Что именно? Производства идут своим порядком, получение эскадрона тоже. И в этом она ничего не может изменить.

Через два-три дня ее камеристка привезла мне большой пакет. Что такое? Нахожу мой портсигар с ее факсимиле и книгу «Наш балет» — история русского балета, написанная неким Плещеевым. Книга большого формата ин-фолио. Великолепный кожаный, сиреневого цвета, переплет, в который в левом верхнем углу вделана овальная рамка с ее портретом. На первой странице подпись: «Генриху Людвиговичу Марру на добрую память о балете». Подпись: «М. Кшесинская».

В тот же день я поехал благодарить ее. Она приняла меня очень сердечно и сказала:

— Если вам когда-нибудь что-нибудь будет нужно, где бы вы ни были — обращайтесь ко мне. Я постараюсь сделать для вас все, что будет в моих силах.

В то же время я был с визитом и у Преображенской. Она тоже дала мне свои фотографии, и мы много говорили с ней о Матильде Феликсовне. Оказалось, что она сыплет добро повсюду, где только может. Помогает бедным, старым артистам и артисткам, заботится о воспитанницах и воспитанниках театральной балетной школы. Это по большей части дети провинциальных артистов. Им устраивают на Рождество «казенную елку», но Матильда Феликсовна делает все возможное, чтобы украсить ее и побаловать детей лакомствами и подарками».

Прошло без малого два года, пишет далее Г. Л. Марр, он на Дальнем Востоке, где во Владивостоке узнает, что один его знакомый офицер, Люман, осужден к заключению в крепости на два с половиной года за убийство офицера. Подробности дела ему рассказала жена Люмана, Шарлотта Максимилиановна, по происхождению мексиканка, очень красивая.

Офицеры одного из сибирских Стрелковых полков устроили танцевальный вечер, на который были приглашены офицеры казачьего полка, в котором служил ее муж, со своими женами. Она была нездорова, и ей очень не хотелось ехать, тем более что муж был очень ревнив, но он настоял, и они пошли. Все хотели пригласить ее на танцы, но она под предлогом нездоровья всем отказывала. Особенно назойлив был некий штабс-капитан Афанасьев, он даже ей сказал: «Это муж вам запретил танцевать, а ваше здоровье тут ни при чем». С поразительной бестактностью он пошел жаловаться командиру полка, в котором служил Люман, а тот с еще большей бестактностью позвал Люмана и сказал ему: «Сотник, вы не умеете себя вести в обществе. Уходите, а ваша супруга останется». — «Никак нет, господин полковник, мы уйдем вместе с женой».

Вышли они вместе, на крыльце стоит Афанасьев, который делает шутливый поклон уходящим. Тогда ее муж, Люман, подходит к нему: «Капитан, так только трусы поступают, идти жаловаться начальству. Вы боялись объясниться со мной и, как мальчишка, пошли жаловаться «дяденьке»... Вы подлец».

Афанасьев дает ему пощечину. Люман выхватывает револьвер и убивает его наповал.

Люман был приговорен к смертной казни, но председатель суда хлопотал перед высшим начальством о полном его помиловании ввиду вызывающего поведения Афанасьева и бестактного поведения командира полка, незаслуженно оскорбившего Люмана приказанием уйти с бала, да еще оставить жену. Но все, чего он мог добиться, это замены смертной казни заключением в крепости на два с половиной года.

Тогда жена Люмана подала прошение на Высочайшее имя о помиловании через Комиссию по принятию прошений, но из

полученного ответа жена Люмана узнала, что по каким-то формальным соображениям Комиссия не сочла возможным повергнуть на Высочайшее благоусмотрение это прошение. Люман, его жена да и председатель суда были в полном отчаянье, больше ничего не оставалось делать.

Выслушав этот рассказ жены Люмана, не прерывая ее, он спросил, когда она кончила, кто был председателем суда и его фамилию и просил у нее разрешения поговорить с ним по делу ее мужа. Получив разрешение, Г. Л. Марр отправляется к председателю суда. Вот как Марр описывает это посещение:

«Я иду к председателю суда,— пишет Марр,— был уже вечер, когда я к нему пришел, прошу прощения за беспокойство, за нарушение его отдыха.

— Но я по делу, которое вас интересует, Ваше Превосходительство, по делу Люмана, за которого вы так сердечно заступались. Я знаю верный путь, по которому прошение к Его Императорскому Величеству дойдет безусловно. Вот этот путь. Это...— и я произношу одну фамилию.

— Вы ее знаете лично? Вы уверены, что она передаст прошение?

— Да, я имею высокую честь знать ее лично. Посмотрите мой портсигар. Но не она лично подаст прошение, а некто другой, кто ей не откажет и кто может это сделать, не подвергаясь никаким неприятностям. А она, она с радостью сделает добро и передаст это прошение этому лицу. Я осмелился беспокоить Ваше Превосходительство, потому что надо знать, как написать прошение.

Прощение было написано, жена Люмана его подписала, я его отправил заказным письмом на имя М. Ф. Кшесинской, сопроводив его приблизительно следующим письмом:

«Вы были бесконечно добры ко мне, разрешив мне обратиться к Вам, если мне что-либо будет нужно когда-либо. И теперь я осмеливаюсь просить Вас от имени людей, жестоко страдающих, как Вы это увидите из прошения, передать его Великому Князю Сергею Михайловичу для передачи Его Величеству. Если это окажется возможным, не откажите протелеграфировать мне одно слово: «Передано».

Приблизительно через месяц после отправки прошения я получил телеграмму: «Передано — Матильда».

Как я узнал потом от Люмана, по телеграфу из Петербурга комендант крепости получил приказ немедленно освободить Люмана и объявить ему, что Государь помиловал его без всяких ограничений. Я был уверен, что Матильда Феликсовна не была бы довольна, если бы я открыл Люманам ее участие в деле: она всегда все делала инкогнито, как мне это рассказывала Преображенская. Поэтому я Люманам тоже ничего не открыл, а сам написал Матильде Феликсовне письмо... нетрудно догадаться какое.

Больше я ее никогда не видел, я слышал, что она живет в Париже.

Чтобы закончить эту главу,— пишет Марр,— я считаю своим нравственным долгом сказать: М. Ф. Кшесинская была не только добрым гением для бедных, для несчастных, заступницей за угнетенных — она была добрым гением... и для «великих».

Она была настолько чиста, что никакая клевета не могла коснуться ее. Все отбрасывается от ее высокой, светлой личности, как отлетает от чистого кристалла пылинки, несомая ветром. Она была выше всего».

Прочитав эти воспоминания Г. Л. Марра, я была глубоко взволнована и тронута. Ведь он писал свои воспоминания не для меня, он даже не знал, что эти листки попадут ко мне в руки, все это произошло случайно, помимо его желания, тем ценнее для меня то, что он пишет, так как это писано было не в угоду мне, а исключительно для себя лично.

Я решила сейчас же написать ему письмо и сказать ему, что прочла часть его записок. Вот мое письмо к нему:

12-го сентября 1949 года

Вы будете удивлены, дорогой Генрих Людвигович, получив письмо от «черной маски с голубым бантом».

Неожиданно мне передали часть Ваших записок, где Вы описываете встречу со мною на маскараде.

Эти записки, написанные так просто, так жизненно, перенесли меня в мое далекое, счастливое прошлое.

Я буду рада Вас встретить,— если будете в Париже, заезжайте ко мне. Больше не зовут «карету Кшесинской», сама бегаю в метро, и уже двадцать лет у меня студия, и я работаю с утра до вечера.

Повторяю, буду рада Вас видеть.

Сердечный привет

Княгиня М. Красинская.

10, Вилла «Молитор» — Париж (16)

Тел. 34-38.

Вот ответ, который я от него получила:

13 сентября 1949 года

Семинария Фаверне

Г-н Генри Марр

Ваша Светлость, Светлейшая Княгиня,

Глубокоуважаемая Матильда Феликсовна.

Взволнованный до глубины души и сердца, наполненный неизъяснимой светлой радостью, я читаю и перечитываю Ваше послание, полное доброты и сердечности.

Не нахожу слов, чтобы достаточно выразить Вам то, что я испытываю. Мне, как и многим, известна Ваша дорогая для всех, доброта... и лучи ее снова озарили и согрели меня на закате

моих дней. Ваш светлый образ никогда не покидает меня: он был и остался неизгладимым. Волнение не дает мне возможности продолжать сегодня мое письмо, что я не премину сделать на этих днях.

Низко кланяюсь перед Вами, с глубоким почтением целуя Ваши руки, я приношу Вам мою сердечную благодарность за Ваше внимание... Искренне и беспредельно преданный Вам почтительнейший и благоговейный поклонник Вашего гениального дарования и бесконечной доброты.— Г. Марр.

P. S.— В воскресенье, 18 сентября, в часовне Семинарии в 7 часов утра будет отслужена за Ваше здоровье месса, заказанная мною и при которой я прислуживаю!

Г. Л. Марр жил в Фаверне, в Семинарии, где ему предоставили комнату, и он исполнял мелкие поручения, а по утрам прислуживал в церкви, он был католик.

Фаверне расположен в сорока километрах от Пломбиера, куда мы ежегодно ездили лечиться, и мы с ним решили, что когда я буду в Пломбиере в будущем году, то он придет ко мне в Пломбиер.

На следующий год, когда я была в Пломбиере, я с ним списалась, и он приехал в Пломбиер к завтраку 16 (29) августа 1950 года, во вторник.

Я приделась к этому случаю, чтобы показаться ему в наилучшем виде, ведь я его ровно пятьдесят лет не видала и не имела никакого понятия, на что он похож.

Когда я спустилась перед завтраком в гостиную, я видела, как сидящий в углу господин моментально встал и пошел мне навстречу, я поняла, что это был Марр. Небольшого роста, пожатой, с по-старинному расчесанными надвое бачками, аккуратно, но скромно одетый, он с глубоким волнением подошел ко мне, чтобы поздороваться, и с самым почтительным видом поцеловал мне руку. От волнения он почти не мог говорить, он только смотрел на меня с умилением, видимо, вспоминая нашу первую встречу на маскараде полвека назад. За завтраком он рассказал про свою жизнь, как попал в эмиграцию, какие перенес мытарства и как наконец ему дали место в Семинарии, без жалованья. Он жил на старческой своей пенсии и был более нежели доволен своей судьбой, к нему относились в Семинарии сердечно и со вниманием, и, видимо, все его любили.

На мой вопрос, почему его фамилия нерусская, он ответил, что он из французских выходцев, его прадед был барабанщиком в армии Наполеона, был ранен и попал в плен под Смоленском. Его подобрал на поле сражения один молодой русский офицер, и, сжалившись над молодым барабанщиком, которому было семнадцать или восемнадцать лет, отправил его со своим денщиком в свое имение в Киевской губернии, куда он прибыл после месяца пути. Там он оправился от своей раны и остался жить у своего благодетеля, а впоследствии женился на дочери

своего гостеприимного хозяина. С тех пор его род остался в России, а барабан хранился в семье как реликвия Наполеоновской эпохи. Конечно, его французская фамилия и католическое вероисповедание много способствовали его благополучию в католической семинарии.

Я проводила Марра после завтрака на вокзал, и когда я с ним простилась и пошла обратно домой, то, оглянувшись назад, видела, что он все стоял на том же месте. Увидав, что я обернулась, стал крестить меня.

Потом я получала от него письма с поздравлениями по разным случаям, всегда очень трогательные и сердечные. Я все мечтала опять его увидеть в следующем году, когда попаду в Пломбиер.

Но в последующих своих письмах Марр стал жаловаться на состояние своего здоровья, на то, что он очень ослабел, уже не может разносить тяжелые почтовые посылки по Семинарии, как раньше, и с трудом уже прислуживает в церкви. К лету он писал, что в этом году он уже не сможет приехать в Пломбиер из-за слабости и недомогания, и выражал опасение, что он меня не увидит.

Когда я была в Пломбиере в августе 1951 года, одна знакомая предложила свезти меня в Фаверне на своем автомобиле и предупредила Марра о часе моего приезда в Фаверне, и когда мы подъехали на автомобиле к воротам Семинарии, я увидела его стоящим у ворот в ожидании меня. За год, что я его не видела, он очень изменился, осунулся, и не было той бодрости в нем, как в предыдущем году.

Он очень обрадовался меня снова увидеть и повел меня посмотреть его комнатку. Комнатка была расположена над входными воротами, как это часто делается, сводчатый, низкий потолок, полукруглое окно до пола и почти что никакой обстановки, кроме кресла и стола, маленький железный, на трех ножках, умывальник и самое примитивное ложе вместо постели; комнатка напоминала, скорее, келью в монастыре. Несколько образов были единственными украшениями на стенах. Но он был доволен, больше ему ничего не надо было. Питался он у себя в комнате, а пищу получал с общей кухни, куда ходил со своей посудой; кормили, как он говорил, хорошо и сытно, за все он благодарил Бога. Он попросил меня сесть в его кресло хоть на минуточку, чтобы потом вспоминать, что я посетила его комнатку и сидела в его кресле.

Он хотел нам показать Семинарию, но я видела, что старику уже не под силу подниматься по огромным и бесконечным лестницам. Мы вышли только в сад, чтобы полюбоваться нынешним видом Семинарии, и заглянули в ту часовню, где он по утрам прислуживал при ранней обедне. Мы прошли немного по городу в поисках кафе, и по дороге все встречные кланялись Марру и приветствовали его: «Бонжур, мсье Марр». За чашкой кофе он нам рассказал некоторые подробности дела Люмана,

но что с ним случилось, он не знал и его больше никогда в жизни не видал. Он его мало знал и если тогда помог, то только видя отчаяние несправедливо осужденного товарища.

На прощание мы ему подарили коробку папирос, он любил покурить, и пакет «веганина», так как он жаловался на нестерпимые боли в руках, и я ему посоветовала это средство, которое мне очень помогает.

Тут, у кафе, мы с ним простились, как оказалось, навсегда, и уехали домой в Пломбиер, это было 5 (18) августа 1951 года, в субботу.

По возвращении в Пломбиер я послала ему пакет с бумагой и конвертами для писем и, кажется, еще сладости.

Несколько дней спустя я получила от него открытку, но не его рукой написанную, а по его поручению аббатом Монере:

Княгине Красинской

«Отель де Бэн», Пломбиер 27 августа 1951 года

Благодарю за подарок. Я не могу писать сам, так как я болен. Привет всем. Целую Ваши руки.

Преданный Вам, Генри Марр.

Написано аббатом Монере
Семинария Фаверне.

Потом аббат сообщил мне, что Марра перевезли в Везуль, в госпиталь. Вскоре вслед за этим я получила от директора семинарии печальное извещение о кончине Г. Л. Марра:

Аббат Эмэ Амбер

Директор Большой Семинарии Фаверне

Сообщаю Вам о кончине г-на Генри Марра, произошедшей в пятницу, 21 сентября, в госпитале Везуль. Г-н Марр очень страдал в последние дни.

Такое же извещение я получила от директора госпиталя, где Марр скончался, «по поручению самого Марра», что меня глубоко тронуло:

Центральный госпиталь Везуль. 23 сентября 1951 года.
Г-же княгине Красинской

10, Вилла «Молистор», Париж (16)

Мадам, согласно последней воле г-на Генри Марра, я имею честь сообщить Вам, что он скончался 21 сентября 1951 года.

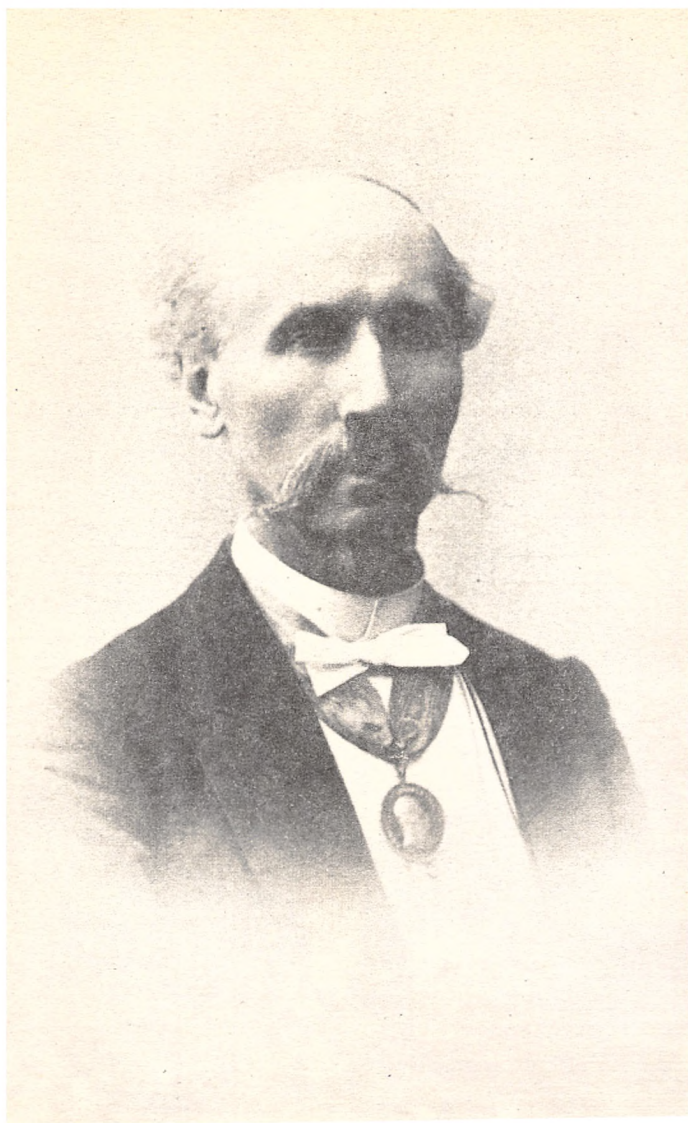
Похороны состоялись 23 сентября 1951 года.

Мадам, примите мои искренние приветствия. Директор.

Итак, не стало моего дорогого Г. Л. Марра. Но я была счастлива, что судьба дала мне возможность хоть два раза его повидать перед его кончиной и хоть немного утешить его старость и согреть его сердце добрым словом, по письмам я знаю, он очень ценил мое внимание к нему — Царствие ему Небесное, милый Марр.

Матильда Кшесинская
в год поступления
в Императорское театральное
училище

Адам-Феликс Кшесинский,
заслуженный артист
Императорских театров

**Юлия Кшесинская,
артистка балета**

Старшая сестра Юлия,
по сцене Кшесинская 1-я,
одна из самых красивых артисток
кордебалета

**Старший брат Иосиф-Михаил,
по сцене Кшесинский 2-й,
заслуженный артист республики**

Мазурка — коронный номер
балетной династии Кшесинских.
Феликс и Матильда Кшесинские

Феликс и Юлия Кшесинские
Иосиф и Целина Кшесинские

Матильда Кшесинская
в тринадцать лет

Лев Иванов.
Первый педагог Кшесинской
в театральном училище

Педагоги старших классов училища:
Христиан Иогансон

Екатерина Вазем

Энрико Чекетти

Мариус Петипа

Иностранные гастролерши:
Вирджиния Цукки.
«Божественная Вирджиния» — идеал
балерины для Кшесинской
Карлотта Брианца

Пьѣрина Ленъяни

Матильда Кшесинская и Ольга Преображенская —
подруги в училище, соперницы по сцене
и враги в эмиграции

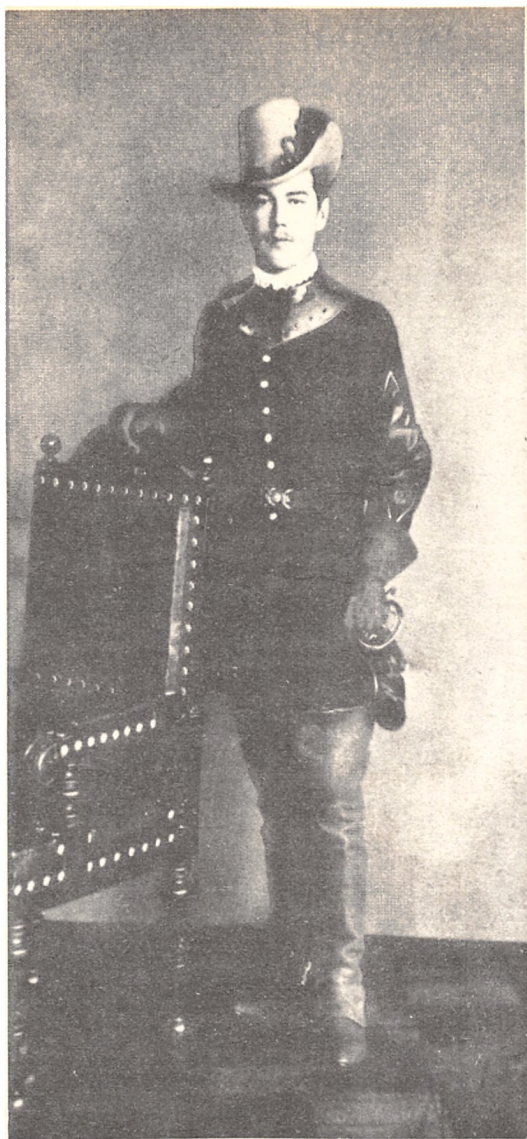
Первый сезон в театре.
Артисты и их поклонники на ступенях театра
в Красном Селе, 1890 год.
Кшесинская в центре в первом ряду

Первые роли, особенно любимые Наследником:
Красная шапочка.
«Спящая красавица», 1890 год

В интермедии «Искренность пастушки».
«Пиковая дама», 1890 год

Наследник, цесаревич Николай
в маскарадном костюме
для придворного бала, 1890 год

Наследник
в лагере Преображенского полка
в Красном Селе, 1892 год

Жемчужина. «Рыбак и жемчужина», 1893 год

Лиза. «Тщета предосторожность», 1895 год

Тень княжны Млады.
«Млада», 1897 год

Аспичия.
«Дочь фараона», 1898 год

МАРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье, 13-го Февраля 1900 г.

БЕНЕФИСЪ М. Ф. КШЕСИНСКОЙ 2. (за 10-тилѣтнюю службу).

Артистами Императорскихъ театровъ представлено будетъ:

Въ 1-й разъ:

АРЛЕКИНАДА

Балетъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, сочиненіе балетмейстера **Мариуса Петипа**, солиста ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Музыка **Ричарда Дриго**.

Декорации — г-на Аллегри, аксессуарныя вещи — г-на Каменского. Машины — г-на Бергера. Костюмы — г-на Кати и г-жи Сеидеровой, по рисункамъ художника **Е. П. Пономарева**.

Исполнять роли: «Коломбина» — Г-жа **Кшесинская 2**.
«Пьеретты» — Г-жа **Преображенская**.

Дѣйствующія лица:

Ксандръ	Г-нъ Чекетти.
Коломбина	Г-жа Кшесинская 2.
Арлекинъ	Г-нъ Кякшть.
Пьеретта	Г-жа Преображенская.
Пьеро	Г-нъ Лукьяновъ.
Леандръ	Г-нъ Аистовъ.
Добрая Фея	} Г-жа Уракова.
Нотариусъ	
Клеркъ	В-ца Пуни.
Офицеръ	Г-нъ Булгаковъ.
Сбиръ	Г-нъ Соляниковъ.

Геніи арлекины: Воспитанники ИМПЕРАТОРСКАГО Театрального Училища.

Сбиръ: Гг. Воронковъ 2, Маржецкий, Огневъ и Печатниковъ.

Программа юбилейного спектакля
к десятилетию службы
на Императорской сцене

Эсмеральда.
«Эсмеральда», 1901 год

Эсмеральда.
«Эсмеральда», 1901 год

М. Кшесинская и П. Гердт.
«Баядерка», 1900 год

Китри-Дульсиня.
«Дон Кихот», 1902 год

Нирити.
«Талисман», 1909 год

В новом костюме к балету «Дочь фараона»,
изготовленном специально к двадцатилетнему юбилею
службы М. Кшесинской на Императорской сцене,
1911 год

1891

1911.

Diner du 18 Février.

Mois d'œuvres
Potage Bisque de Homards
Rastignois au foie de lotte.
Soufflé d'ichidou
au maïs
Jambonneau d'York garni de
filets mignon financière
Lunch Danois
Pieds d'œufs et cailles sur croûton
Salade romaine
Haricots vert nouveau de Nîmes
à l'Anglaise
Parfait aux violettes de Parme
Gâteaux fruit
Café, Liqueurs.

XX

Меню юбилейного ужина
18 февраля 1911 года

«Русская». Любимый вставной номер М. Кшесинской, сыгравший особую роль в истории Мариинского театра, 1912 год

«Русская». Последнее выступление М. Кшесинской.
Благотворительный концерт в Ковент-Гарден,
Лондон, 1936 год

Директора Императорских театров:
И. Всеволжский

Князь С. Волконский,
ушедший в отставку из-за истории
с «русским» костюмом М. Кшесинской

**В. Теляковский,
последний директор
Императорских театров**

Матильда Кшесинская
позирует для «Открытых писем»,
1916 год

Партнеры:
Павел Гердт

Братья Николай и Сергей Легаты

Петр Владимиров.
Лучший партнер и друг Кшесинской

Вацлав Нижинский

Михаил Фокин

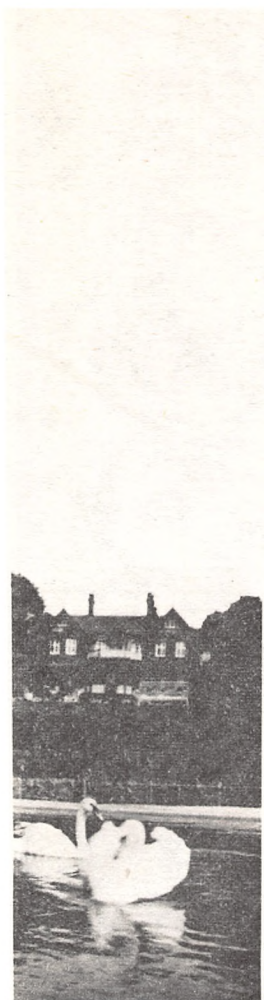
Любовь Егорова

Вера Трефилова

Новые балерины,
потеснившие всеильную Кшесинскую:
Анна Павлова, 1910-е годы

Дом Павловой в Лондоне
и ее любимые лебеди

Последняя фотография Павловой
за месяц до смерти, 1931 год

Тамара Карсавина
вскоре после выпуска из училища,
1900-е годы

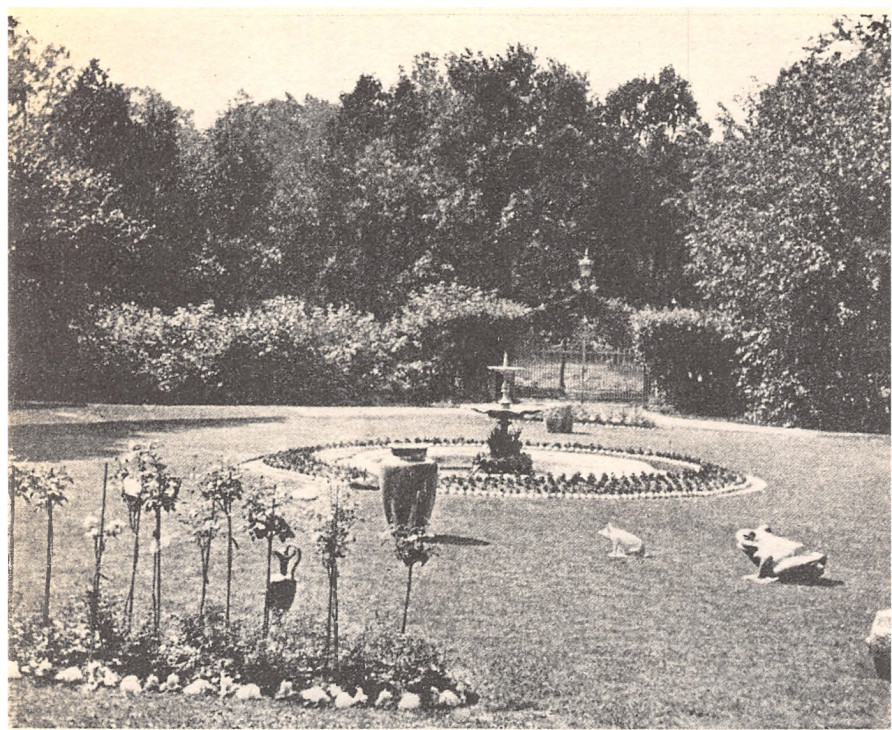
Последний снимок Карсавиной
перед отъездом из России,
1918 год

Матильда Кшесинская.
Статуэтка работы Паоло Трубецкого

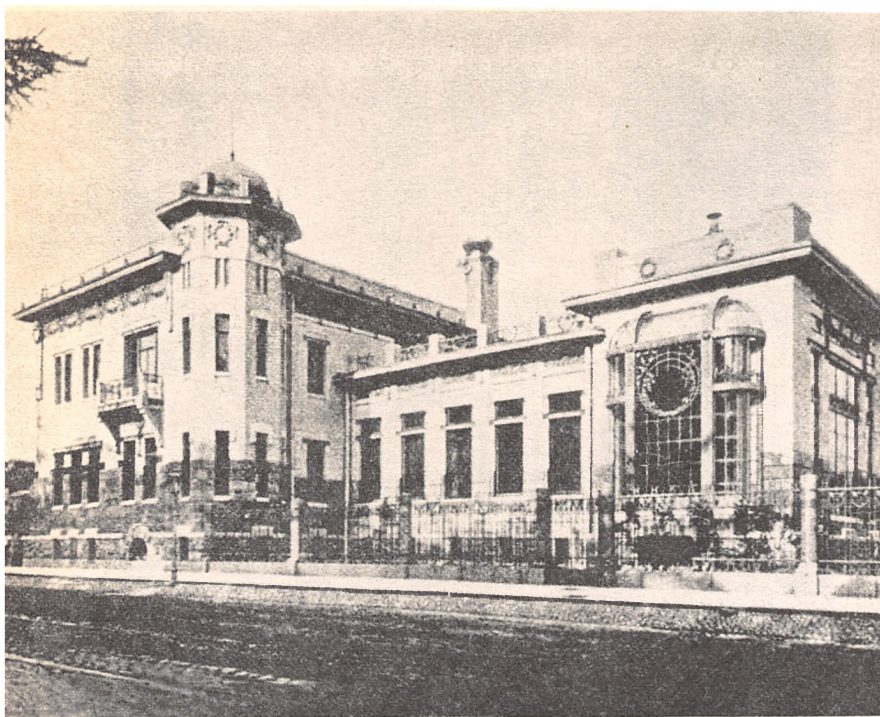
Матильда Кшесинская,
1896 год

Дача М. Кшесинской в Стрельне.
Вход в парк

Веранда

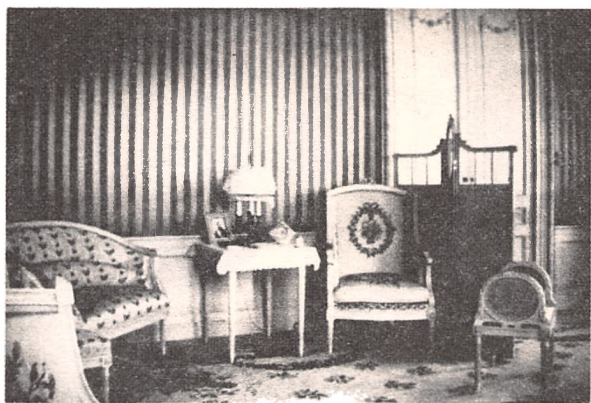

Особняк М. Кшесинской
на Каменноостровском проспекте,
выстроенный в 1906 году

Интерьеры особняка М. Кшесинской:
Большой зал с зимним садом

Гостиная в стиле Людовика XVI

Спальня

Великий князь Сергей Михайлович

Великий князь Андрей Владимирович

День рождения сына М. Кшесинской
на даче в Стрельне.
Слева — великий князь Сергей Михайлович,
справа — великий князь Андрей Владимирович;
у стола сидят: Вова, Юлия, Матильда;
у ног Юлии и Матильды сидит
муж Юлии — барон А. Зедделер

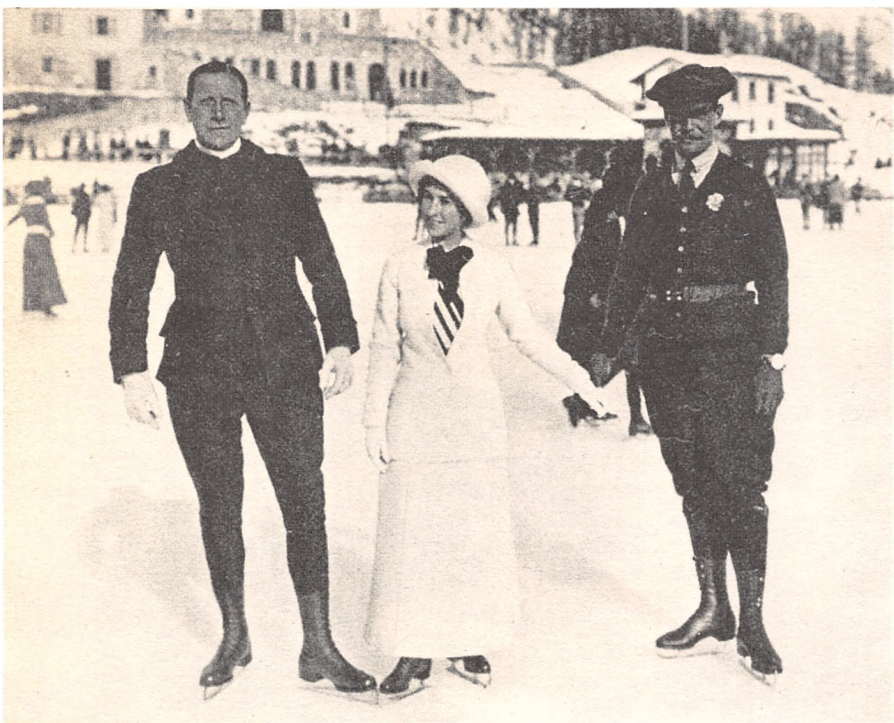
С сыном Вовой,
1908 год

После благотворительного спектакля
в доме адвоката Н. Карбчевского.
Кшесинская — первая слева во втором ряду

Дома в гостиной, 1911 год

В Сан-Морице на катке, 1914 год.
Справа — великий князь Андрей Владимирович

Перед театром в Красном Селе, 1914 год

В «Лазарете М. Кшесинской»
со служащими и ранеными, 1915 год

С сыном, 1915 год

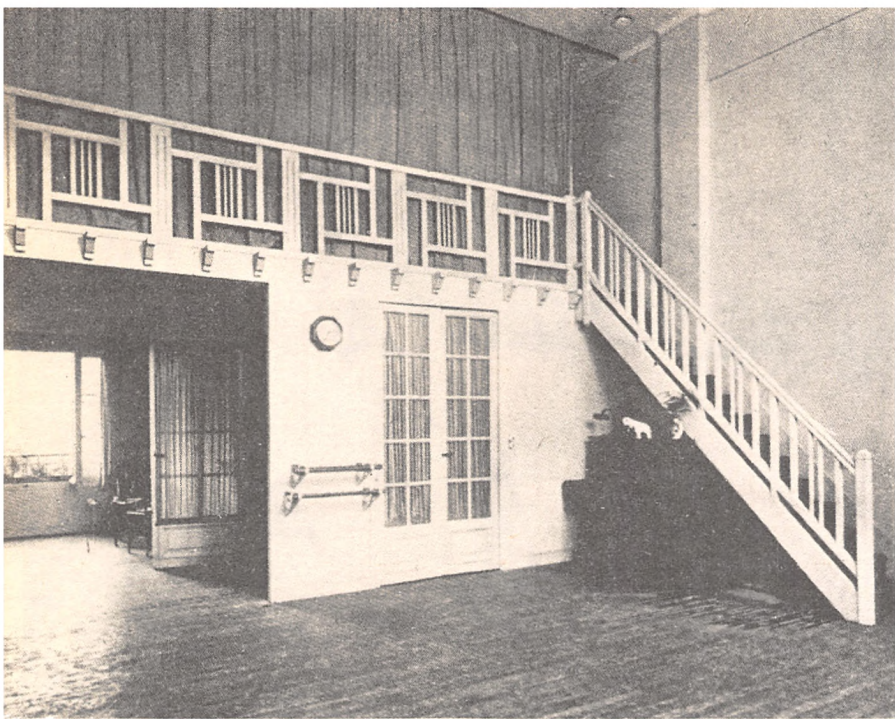

В большом зале особняка.
Петроград, 1915 год

В своей балетной студии.
Париж, 1938 год

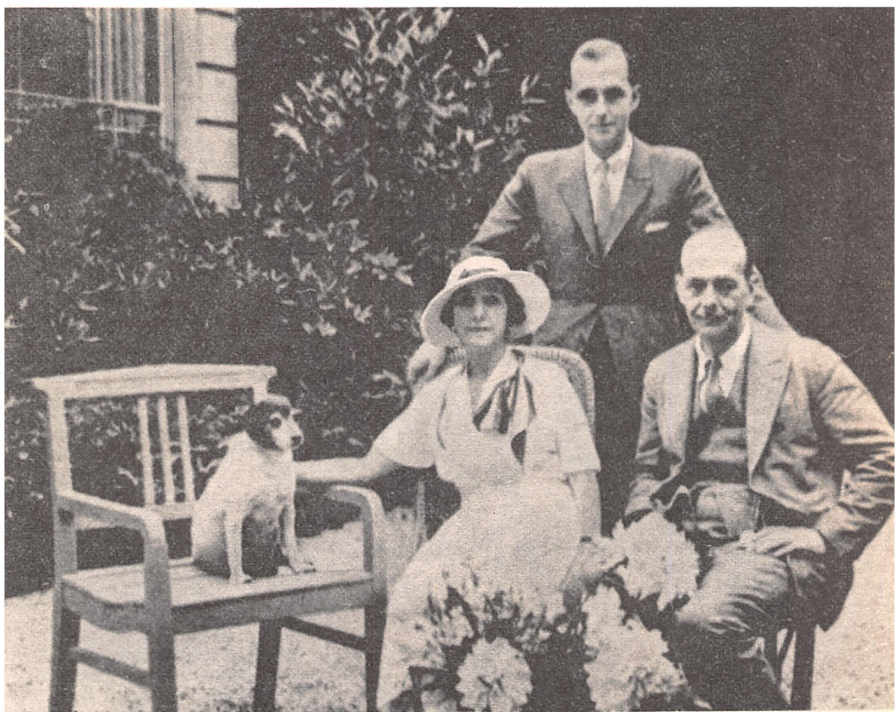
Студия М. Кшесинской

М. Кшесинская во время урока
в своей студии. Париж, 1948 год

Рождество в студии.
М. Кшесинская с С. Лифарем и ученицами.
Париж, 1954 год

**Матильда Кшесинская с мужем,
великим князем Андреем Владимировичем
и сыном, князем Владимиром Андреевичем Романовым
перед своим домом в Париже после войны**

Серж Лифарь, Наталья Макарова
и Матильда Кшесинская.
Париж, 1970 год

КОММЕНТАРИИ

Воспоминания Матильды Кшесинской охватывают огромный период времени, и, хотя писались они, когда балерине было под восемьдесят, прекрасная память без труда воссоздавала картины более чем полувековой давности. Количество имен и событий в книге Кшесинской — без преувеличений — колоссально. Большинство этих имен хорошо известно широкому кругу читателей, многие события оставили след не только в личной жизни Кшесинской, но в истории русского искусства и в жизни целых поколений русского общества. Комментировать каждое имя и каждое событие нет необходимости. То, что возможно было уточнить и исправить, — уточнено и исправлено. В остальном же мы старались придерживаться разумной краткости, оставляя читателю простор для собственных изысканий.

При составлении комментариев были использованы материалы фондов Бахрушинского музея, Музея П. И. Чайковского в Клину, ЦГАОР СССР, ЦГАЛИ СССР, Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, частного собрания семьи Севенардов.

- 9 *Мы <...> часто слышали от отца рассказ о происхождении нашего рода от графов Красинских.*— Никаких документальных подтверждений происхождения Кшесинских от польского рода Красинских среди сохранившихся бумаг М. Кшесинской найти не удалось. Фамилию Красинского, с особого разрешения Николая II, носил сын Кшесинской. Сама она стала называться княгиней Красинской-Романовской лишь в эмиграции, после замужества. Достоверна ли история высокого происхождения семьи Кшесинских или фамилия Красинских была дарована им благодаря благосклонности императора, установить не удалось.
- 10 *Из предосторожности он записал Войцеха под именем Кшесинского...*— вернее, Кржезинского-Нечуй. Сама Матильда носила фамилию Кшесинской только на сцене, в документах она значилась Кржезинской.
- 12 *Плещеев А. А. «Наш балет». Изд. 2-е. Спб., 1899, с. 311.*
А. Ф. Гейрот. «Описание Петергофа», Спб., 1868. Книга переиздана репринтным способом в 1990 году.
- 13 *Кшесинская-Кржезинская Юлия Феликсовна (1865— ?) —* характерная танцовщица, на сцене Мариинского театра с 1882 по 1902 гг. В замужестве баронесса Зедделер. В эмиграции, после смерти мужа, жила вместе с сестрой в Париже. В 1956 (?) году приезжала в СССР разыскивать родственников брата, но безуспешно: Ленинград был для иностранцев закрыт. Скончалась в Париже, точную дату смерти установить не удалось.
Кшесинский-Кржезинский Иосиф-Михаил Феликсович (1868—

1942) — характерный танцовщик, на сцене Мариинского театра с 1886 по 1905 год, затем с 1914 по 1917 год. После революции преподавал, организовывал «Труппу Иосифа Кшесинского», ставил балеты. В 1928 году получил звание заслуженного артиста республики. Судьба Иосифа в советское время сложилась благополучно, он работал, остался жить в своей двенадцатикомнатной квартире в Ленинграде на ул. Рылеева, 18 (бывшая Спасская, 18), хотя она, конечно, была уплотнена. Его практически не коснулись обыски и аресты, отношение к нему было подчеркнуто внимательным. Принимал ли он все это за чистую монету или понимал, что его превозносят в противовес сестре, неизвестно.

У Иосифа позднее была другая семья, он женился на балетной артистке Целине Владиславовне Спрышинской. От этого брака родилось двое детей, также оставшихся в России: дочь Целина, впоследствии артистка балета, и сын Ромуальд. Иосиф скончался в блокадном Ленинграде 18 августа 1942 года от дистрофии, похоронен в общей могиле на Пескаревском кладбище.

Астафьева Серафима Александровна (в первом браке Кшесинская, во втором Гревс) (1876—1934) — артистка балета Мариинского театра, участница Дягилевской антрепризы 1909, 1910 и 1911 гг. Первая из русских балерин открыла в Лондоне балетную школу в 1914 году.

- 14 *Он угадывал во мне влечение к театру, природное дарование...*— Сохранился рассказ балетмейстера Л. И. Иванова об увлечении маленькой Мали Кшесинской балетом: «Как-то после репетиции Ф. И. Кшесинский попросил меня зайти к нему, объяснив, что хочет показать мне свою меньшую дочку и посоветоваться, что с ней делать.— «Сошла с ума по балету, в театр не брать — плачет, а возьмешь — не спит целую ночь и все время старается изображать из себя балерину». Придя к нему, я вскоре увидел одетого в балетный костюм семилетнего ребенка, который, никогда не учившись классическим танцам, с замечательной ловкостью и грацией выделял всевозможные балетные па и принимал разнообразные, нередко весьма трудные позы. Удивившись и сам такому детскому увлечению, я всмотрелся в нее более пристально и тогда же решил, что это несомненное призвание и что в ребенке таится несомненный талант.— «Учить надо,— сказал я ее отцу,— и учить немедленно. Такая любовь к танцам явление редкое, это несомненный талант, который необходимо развить. Ты увидишь, что она будет балериной и знаменитостью». (См.: *Карцов Е. Е.* Наши артистки. М. Ф. Кшесинская. Спб., 1900).
- 15 *Большого театра более не существует.*— Большой Каменный театр был выстроен в Петербурге в 1783 году архитектором Т. Томоном. В 1811 году он сгорел и был заново отстроен в 1818 году по проекту архитектора А. Моджои, переделки в постройку вносил А. Кавос. К концу прошлого века театр обветшал и требовал ремонта на сумму около 900 000 рублей. В 1889 году, в годы директорства И. Всеволожского, решено было театр сломать и на его месте построить новый. В этом новом здании была расположена Консерватория, сохранившая его за собой до настоящих дней.

- 15 *Цукки Вирджиния* (1847—1930) — знаменитая итальянская балерина, гастролировавшая в нескольких европейских странах, в том числе в России, где в течение сезонов 1885/86—1887/88 гг. танцевала на сцене Мариинского театра в Петербурге.
- 16 *Эту модель мы после его смерти подарили Театральному музею А. А. Бахрушина в Москве. Туда же я отдала мой первый детский польский костюм...*— Модель Большого театра, изготовленная Феликсом Ивановичем, в Бахрушинском музее не сохранилась, не удалось даже найти ее следов в описи фондов. Детского костюма Кшесинской там также нет, но есть, правда, такой костюм в ленинградском Театральном музее. Трудно сказать, тот ли это костюм, о котором пишет Кшесинская, хотя возможно, что он был передан из Москвы в Ленинград.
- 22 *Из отдельных поставленных им [Л. Ивановым] танцев особенно остался у всех в памяти его чардаш на музыку Листа.*— Кшесинская имеет в виду вставной номер в балете «Конек-Горбунок» на 2-ю рапсодию Листа, исполненный впервые в 1900 году.
- 26 *В то время, когда я была в училище, балет на сцене Петербургского театра начал увядать.* — Мнение Кшесинской о состоянии балета в восьмидесятые годы вполне справедливо. Сходную характеристику дает этому времени Л. Д. Блок: «Восьмидесятые годы — одно из наиболее тусклых десятилетий в нашем классическом танце. <...> Интерес к балету падал из года в год даже среди узкотheaterальной публики. <...> Двенадцать лет (1873—1885): Петербург не видал заграничных танцовщиц. <...> (См.: Блок Л. Д. Классический танец: История и современность, с. 317, 320).
- 27 *Выпускной экзамен служил как бы...*— Описание Кшесинской экзамена не совсем совпадает с ее же записью в дневнике, сделанной, по-видимому, в октябре 1890 года, т. е. через полгода после экзамена, и расходится с этой записью в довольно существенных деталях. Кроме того, весь характер этого дня предстает несколько иным в дневнике: менее регламентированным и торжественным. Судя по нему, беспорядка, шума, неразберихи было значительно больше, чем церемоний. Вот как выглядит в дневнике представление государю после спектакля: «Все побежали в залу, я и теперь шла позади всех, я знала, что приду в залу последняя и, следовательно, буду первая у дверей. В конце коридора показалась Царская фамилия, волнение мое достигло крайних границ, и мне казалось, что у меня не хватило бы сил ждать еще. Я не в силах описать тот восторг, в котором я находилась, когда Государь обратился ко мне первой и меня похвалил». Если бы Александр III действительно произнес столь лестные слова, какие приводит в книге Кшесинская, она, надо думать, записала бы их в дневнике сразу же. Примерно так же изменился и рассказ об ужине. «Вся Царская фамилия осталась с нами ужинать. Только В. А. (великий князь Владимир Александрович.— И. К.) уехал. Еще до спектакля я сказала Алекс. и Скорюк, что я ужинаю сяду с ними (так как за этот стол всегда садится Государь), они, конечно, ничего не имели против этого, и мы сговорились просить Государя сесть за наш стол».
- Знакомство и разговор с Наследником запомнились Кшесинской

гораздо лучше и практически полностью совпадают с записью в дневнике.

Справедливости ради следует отметить, что воспоминания писались в преклонном возрасте, а пользоваться дневником Кшесинская не могла — он остался в России. Но есть и более важная причина: рассказ предназначался главным образом для семьи Романовых. Несмотря на брак Кшесинской с великим князем Андреем Владимировичем, положение ее самой, а в особенности ее сына, в этой семье никогда не было особенно прочным. Благословение самого Александра III должно было сыграть роль своеобразного сертификата, подтверждающего право Кшесинской на столь высокий брак.

Гердт Павел-Фридрих Андреевич (1844—1917) — знаменитый танцовщик и педагог. В течение сорока лет был незаменимым и самым любимым партнером всех лучших балерин Мариинского театра, и русских, и иностранных.

«Наш балет», с. 332.

«Наш балет», с. 333.

- 30 *Легат Николай Густавович* (1869—1937) — танцовщик, педагог и балетмейстер. Долгие годы Н. Легат был постоянным партнером Кшесинской, она также поощряла и поддерживала его поздние балетмейстерские опыты.

Я окончила училище с первой наградой и получила Полное собрание сочинений Лермонтова. — Кшесинская ошибается: по окончании училища, 27 мая 1890 года, «За благонаравие и отличные успехи» она получила Собрание сочинений И. Тургенева. Эта книга, в красном сафьяновом переплете, прекрасно сохранилась в Нижнем Новгороде, в семье потомков брата Кшесинской, Иосифа.

- 31 *В шестидесятых годах прошлого века <...> в Красном Селе был построен деревянный театр для развлечения офицеров...* — Театр в Красном Селе открылся не в шестидесятые годы, а 4 июля 1851 года. Театр подчинялся командующему войсками Петербургского военного округа, в этой должности долгое время состоял великий князь Владимир Александрович, отец будущего мужа Кшесинской.
- 34 *Чекетти Энрико* (1850—1928) — итальянский танцовщик и педагог. С 1892 года преподавал в Петербургском театральном училище. В значительной степени именно Чекетти Кшесинская обязана своей виртуозной техникой.
- 40 *Нас все более влекло друг к другу, и я все чаще стала подумывать о том, чтобы обзавестись собственным уголком... Но как сказать об этом родителям?* — Несмотря на достаточно открытый рассказ Кшесинской о ее сближении с Наследником, который во многом подтверждается сохранившимися в Бахрушинском музее дневниками Кшесинской, черновиками ее писем к Николаю и дневниками самого Наследника, можно предположить, что она раскрывает не все тайны. Маловероятно, чтобы родители Кшесинской нуждались в подобном описанном ею объяснении. Николай, будучи Наследником, не имел свободы поступков, особенно такого рода. Его отец, Александр III, кроме того, славился строгостью правил и довольно суровым отношением к поведению

своего старшего сына. Со слов сводного брата Кшесинской Ф. Ф. Леде известно, что Императрица Мария Федоровна сначала была категорической противницей знакомства и сближения Кшесинской с Николаем и якобы через флигель-адъютанта Феликса Ивановичу было предложено под любым благовидным предлогом отказать Николаю от дома. Лишь когда Императрица переменила отношение к их увлечению, Кшесинская вместе с сестрой поселилась отдельно от родителей, своим домом. (Воспоминания Д. И. Лешкова. ГПБ, ф. 433, ед. хр. 1). Записи же Николая в дневнике крайне скупы, это всего лишь перечень встреч, и всю внешнюю сторону романа проверить в настоящее время невозможно.

- 41 *Я нашла маленький прелестный особняк на Английском проспекте, 18...*— Сейчас улица Маклина, 18. Дом сохранился, хотя и находится в плачевном состоянии. Кшесинская переехала в него 20 февраля 1893 года, о чем свидетельствует запись под этой датой в дневнике Николая.
- 42 *Я должна была получить первые роли в лучших балетах.*— 1 августа 1892 года Кшесинская перешла в разряд второй танцовщицы.
- 43 *Брианца Карлотта (1867—1930)* — итальянская балерина. С 1889 по 1892 год выступала на сцене Мариинского театра.
- 44 А. К. и В. О. «М. Кшесинская. К десятилетию службы в балете». Спб., 1900, с. 78.

Там же, с. 7.

Там же, с. 8.

- 45 «Чайковский и театр». М.—Л., 1940, с. 115.

Преображенская Ольга Иосифовна (Осиповна) (1871—1962) — балерина Мариинского театра, выдающаяся артистка. С 1921 года жила за границей, в Париже, где открыла балетную студию. Одна из лучших русских педагогов, воспитавшая множество прославленных учеников.

- 48 *Государь и Императрица были вынуждены дать свое согласие, хотя и чрезвычайно неохотно.*— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Эдуард Ж. Бинг в своем издании писем Императора Николая II и Императрицы Марии Федоровны с предисловием Брюса-Локхарта на с. 73 дает следующее объяснение положения вещей в это время: «Уже давно Наследник был влюблен в принцессу Алису Гессенскую, хотя его отец, Император Александр III, был против этого брака, когда они впервые обсуждали его в 1891 году. Принцессы Елена Орлеанская и Маргарита Прусская обе отклонили сделанные эмиссарами Императора Александра III предложения под предлогом, что они не согласны менять свою веру и принять православие. Но когда в 1894 году Государь опасно заболел и почувствовал, что конец близок, он дал свое согласие, и Наследнику было разрешено поехать в Дармштадт сделать предложение принцессе Алисе». «Письма Царя Николая и Императрицы Марии». Под редакцией Эдуарда Ж. Бинга. Предисловие Р. Брюса-Локхарта. Лондон, 1937».

- 50 *...я часто гуляла по тенистым аллеям парка, окружавшего великолепный дворец Великого Князя Константина Николаевича в*

Стрельне...— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Стрельнинский дворец был построен в 1711 году архитектором Леблоном и перестроен в готическом стиле в 1804 году архитектором Руссо. Одно время он принадлежал Цесаревичу Константину Павловичу».

53 «Наш балет», с. 401—402.

54 *Леньяни Пьерина* (1863—1923) — итальянская балерина, известная своей виртуозной техникой. С 1893 по 1901 год прима-балерина Марининского театра.

55 *Я уже имела звание балерины...*— 1 октября 1893 года Кшесинская была переведена в разряд «первых танцовщиц», а 1 ноября 1895 года — «балерин». В России звание балерины присуждалось ведущим танцовщицам труппы. Звание прима-балерина существовало в XIX веке только в Италии, в России его стали применять официально лишь в XX веке, когда ведущих русских балерин вслед за итальянками стали называть примами.

56 Гостиница «Дрезден» находилась в Москве на Тверской улице, ныне это перестроенная часть жилого дома № 6 по Тверской.

Коронационные торжества начались торжественным въездом в Москву Государя Императора.— Программа коронационных торжеств подробно изложена в «Коронационном сборнике» (СПб., 1898). Там же помещена программа коронационного спектакля «Жемчужина», автором рисованной заставки по совпадению был будущий автор проекта особняка Кшесинской А. И. фон Гоген.

Петровский путевой дворец построен в 1776/96 г. по проекту архитектора М. Казакова, в настоящее время в нем расположена Военно-Воздушная академия им. Н. Е. Жуковского (Ленинградский проспект, 40).

57 *В Красносельских спектаклях принимала участие москвичка Джура...*— Кшесинская имеет в виду артистку Джури Аделину Антоновну (1872—1963), итальянку по происхождению, учившуюся в Москве и работавшую долгое время в московском Большом театре.

58 «Наш балет», с. 424.

«Наш балет», с. 425.

«Наш балет», с. 427, 430.

60 «Наш балет», с. 433.

61 *Этот случай доказал, что Ники не скрывал своего прошлого отношения ко мне...*— Кшесинская не ошибается: после того как состоялась помолвка Николая с Аликс Гессен-Дармштадтской, он рассказал невесте о Кшесинской. В то время Кшесинская вряд ли могла это знать, но когда в Берлине после революции был опубликован дневник Николая, она могла найти в нем подтверждение своим предположениям. На дневниковых записях Николая основан и рассказ автора книги «Николай и Александра»: «После помолвки Николай рассказал невесте о Кшесинской. Аликс, хотя ей было всего 22 года, оказалась на высоте положения, как и подобало внучке королевы Виктории. Она со всей щедростью, даже чрезмерной, простила Николая, но и прочитала ему неболь-

шую лекцию. «Что прошло, то прошло и никогда не вернется. Все мы в этом мире окружены соблазнами, а когда мы молоды, то не всегда можем бороться, чтобы устоять перед искушением. Но как только мы раскаемся, Бог простит нас... Прости, что я так много пишу об этом, но я хочу, чтобы ты был совершенно уверен в моей любви и знал, что я люблю тебя даже сильнее с тех пор, как ты рассказал мне эту историю. Твое доверие так глубоко трогает меня... Смогу ли я быть его достойной?.. Благослови тебя Бог, мой любимый Ники...» (См.: R. Massie. «Nicolas and Alexandra», N. J., 1980, p. 36).

62 «Наш балет», с. 437.

63 Там же.

Там же, с. 438. Цитата снабжена примечанием М. Кшесинской: «Плещеев добавляет: «Терпсихора мало выиграла от постановки этого скучного балета, а дирекция проиграла, затратив непроизводительно несколько десятков тысяч рублей: будущность «Микадо» принадлежит архиву, в пыли которого он найдет себе последний приют».

64 «Наш балет», с. 446.

Там же, с. 448.

Там же, с. 450—451. А. Плещеев цитирует стихотворение Н. А. Некрасова «Балет» 1865/66 г.

65 *Егорова Любовь Ивановна (Александровна)* — балерина Мариинского театра. В 1923 году открыла в Париже свою студию, среди ее учеников практически все ведущие танцовщики Европы.

66 «Наш балет», с. 457.

67 «Наш балет», с. 458—460.

Много лет спустя в Париже князь С. М. Волконский в моей студии говорил о Далькрозе...— Жак-Далькроз Эмиль (1865—1950) швейцарский композитор и педагог, создатель системы музыкально-ритмического воспитания, получившей европейское признание. Князь С. М. Волконский был страстным поклонником и продолжателем Жака-Далькроза в России, создал в Петербурге Курсы ритмической гимнастики, читал лекции. Ритмическое воспитание С. М. Волконский считал основой свободного развития человека. О кн. С. М. Волконском и его отношениях с М. Ф. Кшесинской см. ниже, с. 80—82, 248—250.

68 *С ночным поездом... выезжала в Ченстохов...—* После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Станция Ченстохов находилась на Варшавско-Венской железной дороге на 216-й версте от Варшавы и в 70 верстах от границы. От Варшавы до Ченстохова курьерский поезд шел 7 часов 40 минут».

Всеволожский Иван Александрович (1835—1909) — с 1881 по 1899 гг. состоял директором Императорских театров.

...лучшего директора желать было нельзя.— Это мнение М. Кшесинской разделяли далеко не все. Несмотря на то, что в годы директорства И. Всеволожского в театрах был проведен ряд серьезных реформ и несмотря на приглашение в театр П. И. Чайков-

ского, И. Всеволожский представлял с художественной точки зрения консервативные круги. И как либреттист, и как художник он был совершенным дилетантом, что ярко выразилось в его творениях. Справедливо, однако, что самой М. Кшесинской лучшего директора трудно было желать, так как во многом их отношение к театру было сходным: та сторона театральной жизни, что была обращена ко двору, занимала их ничуть не меньше художественной.

- 69 *Волконский Сергей Михайлович* (1860—1937) — на посту директора Императорских театров находился с 1899 по 1901 год.

Поехала посмотреть выступление Генриетты Гримальди...— По другим источникам, имя этой итальянской балерины, в 1899—1906 г. выступавшей в Петербурге, Энрикетта.

- 70 *А. К. и В. О. «М. Кшесинская. К десятилетию службы в балете»*, с. 16.

К сожалению, он [Волконский] не понимал положения и ответственности первых артистов...— Вряд ли это было так. Скорее, сама М. Кшесинская своеобразно понимала свое положение: балеты, входившие в ее репертуар, она, пользуясь поддержкой Министерства двора, запрещала передавать другим танцовщицам.

Он решил передать Гримальди... мой любимый балет «Тщетную предосторожность».— Ту же самую историю с балетом «Тщетная предосторожность», обозначенном, кстати, в контракте Энрикетты Гримальди, совершенно в иных тонах рассказывает в «Воспоминаниях» В. А. Теляковский, представляя М. Кшесинскую бесцеремонной, ни перед чем не останавливающейся хищницей.

Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — выдающийся русский театральный деятель, с 1899 по 1901 год состоял на службе в дирекции Императорских театров и подготовил один выпуск «Ежегодника Императорских театров».

Я любила с ним поговорить и пользовалась большим его вниманием...— Отношения М. Кшесинской с С. Дягилевым вовсе не были так идилличны, им предстояло еще несколько раз всерьез столкнуться в борьбе за первенство в Мариинском театре. Кшесинская, в зависимости от того места, которое Дягилев уготовивал ей в репертуаре своей антрепризы, то помогала, то препятствовала получению им субсидии на организацию «Русских сезонов», то поддерживала, то интриговала против него.

Мои подруги по сцене подпевали...— В своих воспоминаниях В. А. Теляковский приписывает этот куплет самой М. Кшесинской.

- 71 *...Волконский устроил... блестящий прием в честь... Томмазо Сальвини <...> Прошел он очень удачно...*— Совсем иного мнения об этот рауте был А. Н. Бенуа: «Внешним образом раут вышел блестящий. <...> Но не получилось всего того, для чего все это великолепие было развернуто! Не получилось слияния двух «миров». Артисты жались своим кружком, великосветские дамы <...> тоже оставались в стороне, «никак не блистая» и не зате-

вая общих бесед! К полночи лед не только не растаял, но еще более окреп. Сам хозяин завял...» (См.: *Бенуа А. Н. Мои воспоминания.* Т. 2. М., Наука, 1990, с. 299.)

- 71 *Это отметил и А. Вольтский ... в своей книге «Мариинский театр»...*— Вольтский (Флексер) Аким Львович (1865—1926) — искусствовед и балетный критик. Кшесинская ошибается: книга А. Вольтского называется «Книга ликований». Одно время А. Вольтский был поклонником искусства М. Кшесинской, состоял с ней в переписке, посвятил ей отдельную статью, «Фея «Оленьего парка» («Жизнь искусства», Л., 1924, № 34).

Адамович Георгий Викторович (1892—1972) — поэт, критик, переводчик. С 1923 года жил в Париже.

...г. Адамович на своей лекции... цитируя мнение Вольтского... После этих слов идет текст на французском языке, который Кшесинская сразу же переводит. Мы переносим этот французский текст в комментарий:

En toute impartialité il est impossible de ne pas évoquer en premier lieu celui de Mathilde Kschesinska qui fut durant un quart de siècle l'image, le type même de la grande étoile, de la «prima ballerina assoluta» de l'illustre compagnie: artiste à la technique transcendante et qui avait le don particulier d'empoigner le public dès son entrée en scène. Volinsky disait: «L'Étoile se reconnaît à la façon dont elle apparaît. L'étoile née se doit d'éclipser immédiatement tout le monde». Et il affirmait que personne ne saurait à ce point de vue être comparé à Kschesinska, avec ce qu'elle avait d'éclatant et de triomphal. «On dirait un soudain jaillissement de lumière», s'exclamait-il. Je me souviens qu'Isadora a parlé dans ses «Mémoires» elle aussi de l'impression qui lui a faite l'apparition féerique de Kschesinska en scène. Féerique elle l'était réellement, à tel point que l'on sentait toujours une sorte de fièvre s'emparer du public dans l'attente de son apparition, et cette fièvre ne tombait qu'avec le rideau. Le ballet d'«Esmeralda» ou jadis brilla la Zucchi semble avoir été le ballet préféré de Kschesinska, et de l'aveu même d'un critique soviétique des plus autorisés aucune des nombreuses étoiles qui lui succéderent dans ce rôle écrasant ne réussirent à la faire oublier».

- 72 *...нельзя не упомянуть... имя Кшесинской, которая была олицетворением... «прима-балерины-ассолюта»...*— Звание прима-балерина-ассолюта существовало в итальянском театре и означало преимущественное право артистки на главные партии. В России такого титула не было, и официально Кшесинская не носила его, но ее фактическое положение в театре вполне этому титулу соответствовало: ее любимые партии долгие годы оставались недоступными другим артисткам.

По свидетельству одного советского критика... ни одна из многочисленных артисток <...> не могла заставить ее забыть.— В роли Эсмеральды в разное время в советском театре выступали Е. А. Смирнова, О. А. Спесивцева, Е. В. Гельцер, Т. М. Вечеслова. На чье мнение ссылается в своем суждении об исполнении Эсмеральды Г. Адамович, не вполне ясно, обнаружить такой отзыв в прессе не удалось. Более того, маловероятно, чтобы подобное сравнение проводилось в советской печати, но, возможно, это был устный отзыв.

- 73 А. К. и В. О. «М. Кшесинская. К десятилетию службы в балете», с. 16—17.
- 74 Я... обратилась... лично к Министру Императорского Двора барону Фредериксу... который всегда относился ласково и благоволил ко мне...— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Барон (впоследствии граф) Владимир Борисович Фредерикс состоял Министром Императорского Двора с 1896 года и оставался до самой революции 1917 года. Императорские театры были ему непосредственно подчинены, и по всем театральным вопросам он один имел личный доклад у Государя. Директор Императорских театров был ему непосредственно подчинен».
- 77 М. Кшесинская. К десятилетию службы в балете, с. 14—15.

Толпа ожидала не этих <...> танцовщиц «от воды».— «Танцевать у воды» (или «от воды») — значит танцевать в последней линии кордебалета, у самой декорации, на которой часто изображают берег озера или реки.

- 80 Она [Леньяни] была последней итальянской балериной, приглашенной в труппу Императорских театров.— Гастроли иностранных танцовщиц начались после отмены монополии Императорских театров в 1882 году. В 1885—1892-м выступала Вирджиния Цукки, в 1886—1887-м и 1892-м — Антонietta Дель Эра, в 1887-м — Джованина Лимида, в 1887-м и 1890—1891-м — Эмма Бессоне, в 1887—1891-м — Карлотта Брианца, в 1887—1889-м — Елена Корнальба, в 1888—1889-м — Луиза Альджизи, в 1893—1901-м — Пьерина Леньяни, в 1899—1906-м — Энрикетта Гримальди, в 1901-м — Карлотта Замбелли.
- Уход Пьерины Леньяни связывают с притязаниями Кшесинской на первое место в труппе: контракт с Леньяни не был возобновлен по ее настоянию.

На Пасху он прислал мне огромное яйцо из ландышей с привязанным к нему драгоценным яичком от Фаберже.— Пасхальные яйца фирмы Фаберже изготовлялись только по заказу царского дома, всего их было сделано 54 штуки, из них только 10 в настоящее время находятся в России. В общей сложности сейчас известно местонахождение 48 штук. Такой подарок был, конечно, бесценным.

Из-за этого балета у меня произошло столкновение с Директором Императорских театров князем С. М. Волконским.— Случай, который описывает здесь Кшесинская, пожалуй, один из наиболее известных скандальных эпизодов в истории театра начала века; часто его сравнивают с другой «костюмной комедией» — появлением В. Нижинского в «Жизели» в 1911 году в новом костюме по эскизу А. Бенуа, но в результате этого эпизода со сцены ушел Нижинский, а не директор театра. Князь С. М. Волконский в своих воспоминаниях также описывает столкновение с М. Ф. Кшесинской: «Примерно за две недели до спектакля до меня дошли слухи, что Кшесинская не хочет надевать фижмы. Чем ближе был день представления, тем настойчивей эти слухи становились. В то время общество и свет были совершенно поглощены всем, что имело отношение к балету. Малейшее происшествие за кулисами становилось предметом пересудов и как по электрическому шнуру передавалось от одного к другому. Вопрос о фижмах при-

обретал характер важного и серьезного дела. Наступил день спектакля. Театр был забит до отказа и добрая половина его поглощена одним вопросом: «В фижмах или без фижм?» Поднялся занавес, и под звуки русской вышла Кшесинская — без фижм. На следующий день был издан приказ о наложении штрафа на Кшесинскую».

82 *Теляковский Владимир Аркадьевич* (1860—1924) — последний директор Императорских театров. Находился на этом посту с 1901 по 1917 год, был отстранен сразу после Февральской революции, в мае 1917 года.

87 *Павлова Анна Павловна (Матвеевна)* (1881—1931) — выдающаяся балерина Мариинского театра, одна из самых известных русских артисток XX века. В 1910 году создала собственную «Труппу Анны Павловой», с которой объездила весь мир.

Соколова Евгения Павловна (1850—1925) — танцовщица и педагог, в описываемое время педагог класса усовершенствования артисток Мариинского театра.

88 *Одна из танцовщиц, впоследствии занявшая видное место в труппе... заплатила мне неблагодарностью и интригами...* — Вероятнее всего, речь идет об Ольге Преображенской. Кшесинская несправедлива к ней: Преображенская сразу же обладала заметным дарованием, но совсем другого плана, чем Кшесинская. Кшесинскую и Преображенскую в училище связывала нежная дружба, которая затем расстроилась и омрачилась соперничеством на сцене. Интригами же Кшесинская славилась больше других танцовщиц, в частности, с ее именем связывают курьезный эпизод, произошедший с Преображенской на первом представлении «Тщетной предосторожности» 15 января 1906 года. На сцене по ходу действия находилась клетка с курами, кто-то открыл задвижку, и во время спектакля куры неожиданно вспорхнули, вылетели на сцену и стали метаться по ней в поисках выхода, совершенно смутив О. Преображенскую и сбив ее танец. Справедливости ради следует отметить, что Кшесинская находилась в это время в Каннах и вряд ли могла руководить с такого расстояния подобными мелочами, скорее всего, это дело рук ее поклонников.

В этом она несомненно пользовалась советами одного очень влиятельного <...> журналиста... Была еще одна танцовщица, муж которой не скупился ни на какие действия против меня. — Трудно сказать, кого именно имеет в виду Кшесинская, недоброжелателей у нее было немало.

Карсавина Тамара Платоновна (1885—1978) — балерина Мариинского театра, наравне с Кшесинской и Павловой — одна из трех «великих русских балерин начала XX столетия». Ведущая балерина «Русских сезонов Дягилева». С 1918 года жила в Лондоне, где с 1930-го по 1955-й была Вице-президентом Королевской академии танца.

У нас на сцене была переведенная... из Москвы танцовщица Бакеркина. Она сразу сошлась с одним старым генералом... — Бакеркина Надежда Александровна (Алексеевна) (1869—1940) — артистка балета московского Большого театра (1886—1896) и

Мариинского театра (1896—1906). Старый генерал — член Государственного Совета П. П. Дурново, в 1905 году он был Московским генерал-губернатором.

Только теперь, в эмиграции... я узнала впервые, как Бакеркина ...столкнула ей мой подарок.— После этих слов идет примечание М. Кшесинской, в котором она ссылается на французское издание воспоминаний Т. Карсавиной, «Les Souvenirs de Tamara Karsavina». Книга переведена на русский язык с сокращениями в 1971 году. Карсавина Т. Театральная улица. Л., «Искусство».

- 89 *На эти благотворительные вечера она нацепляла на себя всевозможные брошки, и одна брошка непременно свешивалась на лоб...*— В Бахрушинском музее сохранилась всего одна фотография Н. Бакеркиной, и она действительно снята с брошью в виде пятиконечной звезды, свешивающейся из-под прически на лоб.

Трефилова (Иванова) Вера Александровна (1875—1943) — балерина Мариинского театра, оставила сцену в 1910 году, в эмиграции в 1921—1926 гг. выступала в труппе Дягилева, затем преподавала.

Абаза Виктор Викторович — основатель первого русского кружка балалаечников-лицеистов.

- 90 *Когда я несколько окрепла <...> у меня был тяжелый разговор с Великим Князем Сергеем Михайловичем.*— Трудность положения заключалась в том, что мать великого князя Андрея Владимировича, великая княгиня Мария Павловна, была категорически против каких-либо отношений ее сына с Кшесинской. В год рождения сына Андрей Владимирович был еще очень молод, ему шел 23-й год, и он не мог поступать самостоятельно. Сергей Михайлович дал сыну Кшесинской свое отчество. До брака Кшесинской с Андреем Владимировичем их сын по документам значился Владимиром Сергеевичем Красинским.

- 93 *Престарелый Император <...> уже более пятнадцати лет перестал бывать в театре...*— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Эрцгерцог Рудольф, наследник престола, скончался 30 января 1889 года, когда ему было 30 лет. Императрица Елисавета была убита анархистом в Женеве 10 сентября 1898 года».

- 94 *Дункан Айседора (Изадора) (1877—1927)* — американская танцовщица, разработавшая собственный стиль танца, оказавшая серьезное влияние на развитие современного балета.

Я получила из Америки приглашение там выступить на выгодных условиях.— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Американский антрепренер предложил мне 200 000 франков за пять выступлений. См.: «Ле Тизтр», № 250, 1909, май (статья Жюля Мартин)».

Это пригласительное письмо <...> может быть, находится в Театральном музее им. А. А. Бахрушина.— Среди бумаг Кшесинской, хранящихся в Бахрушинском музее, такого документа нет.

- 95 *Когда я вышла на сцену в Москве, я была смущена полной тишиной всего зала...*— По многим воспоминаниям, обстановка на балетных представлениях в Москве сильно отличалась от петербургской. В Москве не было такого количества балетоманов, не было

такого внимания к артистам, к обстоятельствам их театральной и интимной жизни.

95 *Он всегда был готов меня защитить, так как у него было больше возможностей, нежели у кого бы то ни было.*— Великий князь Сергей Михайлович был президентом Русского театрального общества, возникшего в 1894 году из преобразованного «Общества для пособия нуждающимся сценическим деятелям» (ныне это Союз театральных деятелей РСФСР), кроме того, он с юности был дружен с Николаем, своим двоюродным братом.

96 *Наравне с чудными приемами со стороны публики раздавались <...> шиканье и даже иногда свистки.*— В своих воспоминаниях В. А. Теляковский относит бойкот, объявленный Кшесинской, к несколько более раннему времени — к отставке князя С. Волконского в 1901 году. Кшесинскую решено было ошкарить и не дать ей закончить выступление. План этот провалился по нескольким причинам: не было единства среди балетоманов, публика, не посвященная в планы завсегдатаев театра, не захотела поддерживать скандал, и, наконец, не последняя причина — талант Кшесинской, ее дисциплина и трудолюбие — на сцену она всегда выходила во всеоружии.

Все это недоброжелательство мне так надоело, так опротивело, что у меня все более и более крепло желание покинуть сцену...— Решение Кшесинской уйти в отставку было связано, конечно, не только и не столько с неприятностями и интригами, источником которых слишком часто была она сама. Кшесинская не относилась, по-видимому, к артистам, для которых вся жизнь сосредоточена в театре, для нее и за его пределами было много привлекающего. Кроме того, она слишком хорошо понимала, что новое поколение артисток скоро достигнет мастерства, с которым трудно будет соперничать, и стремилась обеспечить себе наименее уязвимое положение.

97 *Гельцер Василий Федорович* (1840—1909) — московский танцовщик, педагог, выдающийся исполнитель мимических и комических ролей.

98 *Итак, я простилась с публикой...*— 1 июня 1904 года Кшесинская уволилась из Императорских театров по домашним обстоятельствам. 23 июня 1904 года Кшесинская получила звание заслуженной артистки Императорских театров.

Эльслер Фанни (Франциска) (1810—1884) — австрийская танцовщица, одна из выдающихся балерин XIX века.

Гельцер Екатерина Васильевна (1876—1962) — московская балерина, русская и советская артистка, дочь Гельцера В. Ф.

Седова Юлия Николаевна (1880—1969) — балерина Мариинского театра. В эмиграции преподавала в собственной школе танцев в Ницце.

«Кюба» — так, по имени владельца, назывался петербургский ресторан «Cafe de Paris» (Б. Морская, 16). Название сохранилось и после того, как в 1896 году владелец сменился. Излюбленное место обедов и ужинов балетоманов и балетных артистов.

99 *Наследник Цесаревич Алексей Николаевич* (1904—1918(?)) —

со времен Алексея Михайловича (1645—1676) это был первый наследник русского престола, родившийся в годы царствования своего отца.

- 100 *Но я отказалась вернуться на казенную службу, как того хотел директор, и согласилась быть только гастролершей...*— Директор В. А. Теляковский утверждает, что перед уходом в отставку Кшесинская сама обговорила себе право на несколько гастролой в сезоне 1905/06 года, выбрав три балета: «Дочь фараона», «Эсмеральда» и «Тщетная предосторожность». Из-за тревожных событий 1905—1906 гг. Кшесинская осень и зиму провела в Каннах и не выступала. Подтверждением этому служит письмо Кшесинской, которое Теляковский приводит в своей книге: «Перед отъездом за границу я обращалась к г. Крупенскому с просьбой сохранить для меня три балета: «Фараон», «Эсмеральда», «Тщетная предосторожность» и первое действие балета «Фиаметта». Мне это обещали. Конечно, я не предполагала пробыть так долго за границей, но выступить на сцене в настоящее время мне неудобно...» Эту просьбу Теляковский оставил без внимания, не желая лишать репертуар ходовых спектаклей. 15 января 1906 года шла впервые «Тщетная предосторожность» с Ольгой Преображенской, а 29 января 1906 года — «Дочь фараона» с Анной Павловой.

«Chevaux», «carrés» — франц.— «лошади», «каре», названия комбинаций в карточной игре.

- 102 *Теперь <...> театр как-то отошел на время от меня <...> я уехала за границу.*— Отъезд Кшесинской за границу в 1905 году объясняется, конечно, не только семейными обстоятельствами, но и политическими событиями и ее опасением возможных неприятностей из-за близости к семье Романовых.
- 103 *...мой брат <...> был исключен со службы по настоянию всеильного управляющего конторой Императорских театров Крупенского.*— Крупенский Александр Дмитриевич — чиновник петербургской театральной конторы. Всесильность Крупенского Кшесинская преувеличивает, хотя он и в самом деле был по большей части в плохих отношениях с артистами, но, как совершенно очевидно из воспоминаний В. Теляковского, инициатором увольнения И. Кшесинского был сам директор, В. Теляковский. История увольнения И. Кшесинского из Мариинского театра связана с довольно крупным скандалом в театре в сезон 1905/06 года, разразившимся из-за борьбы молодых артистов балета Мариинского театра за свои права. В числе таких артистов были А. Павлова, Т. Карсавина и М. Фокин. Балетная труппа разделилась на два враждующих лагеря, между которыми происходили столкновения. И. Кшесинский дал пощечину артисту А. Монахову, вступившись за А. Павлову, упрекавшую Монахова за отказ поддержать требования молодых артистов. Противники «молодежи» тут же подали в дирекцию заявление о невозможности служить на одной сцене с хулиганом Кшесинским, и он был уволен. Матильда Кшесинская сразу же, из-за границы, начала борьбу за восстановление брата, которая, однако, не увенчалась быстрым успехом: И. Кшесинский вернулся на сцену Мариинского театра лишь в 1914 году.

Пришло известие, что Сергей Легат покончил с собою...— Легат

Сергей Густавович (1875—1905) — танцовщик, брат Николая Легата, общий любимец труппы. Покончил с собой ночью 19 октября 1905 года — перерезал сонную артерию. Его смерть поразила всех, кто его знал. Причины самоубийства были сложными — и личная драма, и отступничество от своих товарищей по забастовке. (Подробнее см.: Карсавина Т. Театральная улица. Л., 1971).

- 104 ...весной 1906 года состоялась закладка моего нового дома...— Участок для этого дома между Большой Дворянской улицей и Кронверкским (позже Каменноостровским) проспектом был куплен Кшесинской еще в 1904 году за 80 тысяч рублей.

План я заказала очень известному в Петербурге архитектору ...фон Гогену...— Дом был построен по проекту А. И. фон Гогена при участии его ученика Дмитриева А. И. (1878—1959). Гоген Александр Иванович (1856—1914) — построил в Петербурге здание Академии Генерального штаба и музей А. Суворова, задуманные как единый ансамбль, несколько особняков и доходных домов. 17 ноября 1907 года за архитектуру лицевого фасада Городская управа присудила особняку Кшесинской серебряную медаль.

Фирма «Мельцер Ф. и К^о» была основана в Петербурге в последней четверти XIX века, особенно славилась изготовлением мебели в стиле модерн. Фабрика просуществовала до 1917 года, в настоящее время это Экспериментальный мебельный комбинат «Интурист».

- 105 *Под Рождество 1907 года я наконец смогла перебраться в свой новый дом...*— Особняк Кшесинской в настоящее время занимает Ленинградский музей революции. После капитального ремонта, законченного в 1987 году, дом был соединен пристройкой с соседним особняком Брандта, при этом была перепланирована часть комнат второго этажа. Не сохранился и хозяйственный, полуподвальный, этаж. По эскизам и фотографиям начала века восстановлена парадная часть особняка: вестибюль с мраморной лестницей, ротонда, большой зал и зимний сад.

...но я гордилась больше всего хозяйственной частью дома...— Хозяйство Кшесинской было действительно во многих отношениях образцовым. В ее фонде в ЦГАЛИ сохранились домашние тетради за много лет, в которых вначале она сама, а затем ее служащие вели ежедневную запись расходов, вплоть до самых мелких.

- 106 *Фокин Михаил Михайлович (1880—1942)* — танцовщик и балетмейстер, выдающийся деятель балета XX столетия. В 1909—1912 и 1914 годы — главный балетмейстер Дягилевского балета, создатель легендарного репертуара первых «Русских сезонов».
- 107 *Я очень горжусь тем, что с самого начала была на стороне Фокина...*— Память изменяет Кшесинской, на самом деле сторонницей Фокина она вовсе не была, по крайней мере в 10-е годы. В любом ее интервью этих лет можно встретить критические высказывания в адрес балетмейстера.

М. Петипа <...> резко восставал против Фокина...— Это неверно. Петипа был удален из театра в 1903 году В. Теляковским,

невзлюбившим его с момента своего прихода на пост директора. Против М. Фокина выступал Н. Легат, назначенный после отставки М. Петипа главным балетмейстером. М. Кшесинская со своей стороны всячески поддерживала балетмейстерские опыты Н. Легата и восставала против М. Фокина. Петипа же, напротив, уже находясь в отставке, выражал Фокину свое одобрение. В своей книге «Против течения» М. Фокин приводит текст записки, присланной ему М. Петипа: «Дорогой друг Фокин! Восхищен вашими композициями. Продолжайте, и вы станете хорошим балетмейстером».

М. И. Петипа умер, сохранив до конца звание главного балетмейстера.— Кшесинская ошибается, звание главного балетмейстера за М. Петипа при отставке сохранено не было.

- 108 *Нижинский Вацлав Фомич* (1889—1950) — выдающийся русский танцовщик, балетмейстер. В 1909—1913 году ведущий танцовщик «Русских сезонов» С. Дягилева. Рано оставил сцену из-за психического заболевания.

Парижская опера — официальное название — Национальная академия музыки и танца, часто называют Гранд Опера. Открылся театр в 1671 году, крупнейший центр музыкально-театральной культуры Франции.

Мори Розита (1856—1923) — испанская танцовщица, выступавшая на многих европейских сценах.

...не будь этой болезни Нижинского, Париж увидел бы его на два года раньше <...> и многое, может быть, было бы иначе...— Сожаление Кшесинской о том, что Нижинский «достался» Дягилеву, не имеет никаких оснований — то, что сделали для Нижинского Дягилевские сезоны, невозможно было бы ничем заменить.

Куличевская Клавдия Михайловна (1861—1923) — русская танцовщица, педагог. С 1918 года жила за рубежом.

- 110 *Французское правительство наградило меня <...> серебряными Академическими пальмами.*— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Officier d'Académie», 25 марта 1909 года».

...мне посчастливилось присутствовать на первом представлении «Бориса Годунова» с Шаляпиным.— Премьера оперы «Борис Годунов» состоялась в Париже в Гранд Опера 6 мая 1908 года.

- 111 *Пока Анна Павлова была еще в Петербурге.*— С 1910 года Анна Павлова была на положении гастролерши. Последний раз она танцевала в Маринском театре в 1913 году, а с 1914 года выступала исключительно за границей.

Обыкновенно это па танцевали балерина и лучшие солистки, но, чтобы придать ему особый блеск, я пригласила А. Павлову, Т. Карсавину, О. Преображенскую, В. Трефилову и других лучших танцовщиц.— В 1908 году все названные артистки были уже не солистками, а балеринами, то есть занимали самое высокое положение в труппе.

- 113 *При распределении балетов он предполагал дать Павловой «Жизель» <...> мне же предлагал незначительную роль в балете*

«Павильон Армиды»...— Речь идет, конечно, не о незначительной роли, а о роли Маделен и Армиды. Балет «Павильон Армиды» был в 1907 году поставлен в Мариинском театре М. Фокиным по сценарию А. Н. Бенуа, который в своих воспоминаниях описывает историю, связанную с этим балетом: «Роль Армиды с самого начала была предназначена нашей прима-балерине Матильде Феликсовне Кшесинской. Этот выбор принадлежал Фокину — не потому, что она воплощала какой-то его (и мой) идеал, а потому, что ему хотелось быть абсолютно уверенным в безупречном мастерстве главного действующего лица. Что касается мастерства, то действительно нельзя было желать ничего лучшего, нежели то, чем гордилась наша сцена в лице ее «звезды первой величины». Хоть как раз стал выдвигаться целый рой новых и даровитых танцовщиц, хоть по-прежнему вполне заслуженными любимицами продолжали быть Преображенская, Трефилова, Седова — все же совершенно особенным блеском отличалась именно Кшесинская. От природы ей, пожалуй, не хватало поэтичности и того «je ne sais quoi» («неуловимого оттенка»), что возводит артиста на степень «божественности», но как раз в данной роли и не требовалось выявления чего-либо особенно трогательного. Армида не была реальным, живым существом, обладающим всей гаммой чувств — это наваждение, мираж» (См.: Мои воспоминания. Т. 2, с. 464—465). Кшесинская в последний момент от исполнения роли отказалась, и она была передана Павловой. Кшесинская права, роль Армиды не была для нее особенно выигрышной и в сравнении с «Жизелью» Павловой много бы проиграла.

Лифарь Серж (Сергей Михайлович) (1905—1985) — французский танцовщик, балетмейстер и педагог. Начиная свою карьеру во Франции в 1923 году в труппе «Русский балет Дягилева». Впоследствии один из крупнейших артистов и балетмейстеров Франции.

Сергей Лифарь вполне оправдывает меня, считая, что Дягилев обидел меня и поступил крайне неблагодарно.— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Сергей Лифарь. «Дягилев», изд. «Дом книги в Париже», с. 179—180».

Были приглашены оба директора Опера...— В Парижском театре в то время было два директора — администратор Бруссан и композитор Мессаже, ведавшие разными вопросами.

114 *Багатель* — дворцовый павильон в венсенском парке Парижа, в котором в начале века проводились выставки живописи.

115 *Дандре Виктор Эммануилович (1870—1944)* — муж Анны Павловой, администратор ее труппы и автор воспоминаний о ней.

Безобразов Николай Михайлович (1848—1912) — один из самых влиятельных балетоманов и критиков-дилетантов Петербургского балета.

С. П. Дягилев все же организовал свой Парижский сезон из оперы и балета...— Второй «Русский сезон» включал оперу «Псковитянка», «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь», балеты «Павильон Армиды», «Сильфиды», «Клеопатра», «Юдифь», «Пир».

...в Стрельне, при даче, я построила прелестный домик...— Дача Кшесинской в Стрельне и постройки не сохранились, они были разрушены во время второй мировой войны.

- 117 *Шервашидзе (Чачба) Александр Константинович* (1867—1968) — художник, автор эскизов костюмов к нескольким балетам.

В наше время не носили таких безобразных тюников, как стали носить теперь...— Любопытно, что против безобразно коротких тюников выступает Кшесинская, которую в свое время Теляковский проклинал за фривольность и постоянное укорачивание юбок.

- 118 *Бумага подписана 7 (20) марта 1910 года... Гастоном Думергом, который впоследствии был Президентом Республики.*— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «officier de l'Instruction Publique».

Кавальери Лина (Наталина) (1874—1944) — итальянская певица, сопрано, гастролировавшая во многих европейских странах. В Петербурге пела в 1901, 1907—1910 и 1914 гг.

- 119 *Трубецкой Павел (Паоло) Петрович* (1866—1938) — скульптор, после 1906 года жил по преимуществу, а с 1917-го постоянно за границей.

Леде Филипп Федорович — сводный брат Кшесинской, кандидат коммерции, служил в страховой компании «Жизнь».

- 121 *Хаскелл Арнольд Лайонел* (1903—1980) — один из крупнейших балетных критиков Великобритании, автор множества статей и книг о балете, его деятельность способствовала созданию английского национального балета.

Парюра — убор из драгоценных камней.

- 122 *...до нас дошла печальная весть, что в Гурзуфе 2 (15) июня 1910 года скончался Мариус Иванович Петипа...*— Кшесинская ошибается в дате, Петипа скончался 1 (14) июля 1910 года.

Его балет «Дочь фараона» <...> в котором выступал мой отец, сразу дал Петипа имя в России.— Балет «Дочь фараона» поставлен на императорской сцене в 1862 году. Феликс Кшесинский исполнял в этом балете роль Царя Нубийского.

...во все время нашей... работы на сцене у нас не было с ним ни одного столкновения...— Отношения Кшесинской с Петипа складывались не совсем так, как пишет Кшесинская. Внешне, вероятнее всего, они были вполне сдержанными, но Петипа терпеть не мог Кшесинскую и в своем дневнике отпускал в ее адрес самые нелестные и очень сильные выражения. (См.: Мариус Петипа. Материалы. Воспоминания. Статьи. Л., 1971.)

- 124 *Аграф, фибула* — первое слово французское, второе — латинское. Оба означают нарядную металлическую застежку в виде булавки с верхней пластинкой.

Я не могу забыть <...> про знаменитую испанскую танцовщицу Аржентину...— Правильно Ла Аржентина, псевдоним Антони Мерсе (1888—1936) — знаменитая испанская танцовщица, гастролировавшая в Европе и Америке.

- 127 ...я заказала плакку, чтобы носить на голове...— плакой (или плаккой) называется плоская брошь из драгоценных камней или же пластинка, украшенная барельефом. Не вполне понятно, каким именно образом подобное украшение носится на голове.
- Отчет о моем бенефисе был помещен в «Ежегоднике Императорских театров».*— После этих слов идет примечание М.Кшесинской: «Ежегодник Императорских Театров», вып. 4, 1911. Обзор сезона 1910/11 г.— «Балет», с. 138—139.
- 128 *Мордкин Михаил Михайлович* (1880—1944) — русский артист, балетмейстер, педагог. С 1924 года жил в США, где преподавал и создал свою труппу.
- 134 *Арнольд Хаскелл... дает верную оценку того, что произошло...— Хаскелл А. Дягилев, с. 239—240.*
- 137 *Это был, скорее, «succès d'estime» — франц.*— дань уважения известному артисту; общепринятая в западном театре формула успеха.
- 138 *Ауэр Леопольд Семенович* (1845—1930) — скрипач-виртуоз, педагог, дирижер. В 1872—1906 гг.— солист оркестра Мариинского театра. Один из крупнейших педагогов начала века. С 1918 года жил в США.
- Эльман Миша (Михаил Саулович)* (1861—1967) — скрипач-виртуоз, ученик Л. Ауэра. С 1911 года жил в США, где стал одним из наиболее известных музыкантов-исполнителей и организовал струнный оркестр.
- 140 *Ган Ринальдо (Райнальдо)* (1874—1947) — французский композитор, автор музыки к балету «Синий бог» (Русский балет Дягилева).
- 141 *Романов Борис Георгиевич* (1891—1957) — русский танцовщик, балетмейстер и педагог. С 1921 года жил за границей, где преподавал и ставил балеты во многих труппах.
- 144 *Карабчевский Николай Платонович* (1815—1925) — известный русский адвокат и судебный оратор. Среди наиболее громких дел — защита Бейлиса, защита Сазонова, убийцы Плеве. М. Кшесинская в примечании сообщает адрес Карабчевских: «Карабчевские жили на Знаменской ул., 45. Жена его, Ольга Константиновна, рожденная Варгунина, по первому браку Глинка-Маврина».
- 145 *Государь сразу же исполнил мою просьбу и даровал также Вове и потомственное дворянство.*— В «потомственное дворянское Российской империи достоинство» Владимир Сергеевич Красинский был возведен 15 октября 1911 года «по указу его Императорского величества». Этим же числом ему было выдано свидетельство Департамента герольдии правительствующего Сената. Документ этот сохранился в фонде М. Кшесинской в ЦГАОР СССР.
- 150 *Левинсон Андрей Яковлевич* (1887—1933) — критик и историк балета, один из выдающихся русских критиков, автор множества статей и книг. С 1919 года жил за границей.
- 167 *...в декабре 1914 года лазарет был открыт...— «Лазарет М. Ф. Кшесинской» находился на Каменноостровском проспекте, 24.*

- 168 *Вяльцева Анастасия Дмитриевна* (1871—1913) — эстрадная певица, артистка оперетты. Концертировала по всей России.
- 169 *Владимиров (Николаев) Петр Николаевич* (1893—1970) — танцовщик и педагог. Один из лучших партнеров Кшесинской. Выступал в труппе Дягилева, с 1921 года за границей, с 1934-го — в США, где стал одним из самых популярных и любимых русских педагогов.

Витинг (Витингс) Евгений Эдуардович (1884—1959) — советский артист, педагог, драматический тенор, в 1907—1918-м солист Мариинского театра.

Частный театр Зимина — правильно Оперный театр Зимина, или Опера Зимина,— работал с 1904 по 1924 год в Москве, создан С. И. Зиминым.

- 171 *Великий князь Сергей Михайлович... устроил им добавочное угощение, которое их очень тронуло.*— В этом месте рукописи Кшесинской помещен отрывок, не связанный с повествованием, поэтому позволяем себе перенести его в комментарий:

К постановке М. М. Фокиным балетов «Эрос» и «Франческа»

Эта заметка написана на основании статьи Ю. Бахрушина «Балеты Чайковского: их сценическая история», помещенной в книге «Чайковский и театр». Советское издание: Москва, 1940, с. 124—126.

В 1915 году М. М. Фокин, перебирая музыкальное наследие прошлого, остановился на Чайковском в поисках музыки, которая, хотя для хореографии не предназначалась, но тем не менее именно хореографии вполне удовлетворяла. В результате М. М. Фокин остановился на двух произведениях П. И. Чайковского — «Франческа да Римини» и «Эрос». Музыкальным материалом для первого послужила одноименная фантазия для оркестра, а для «Эроса» — серенада для струнного оркестра, опус 48, написанная в 1880 году,— та самая серенада, о которой упоминал П. И. Юргенсон, когда писал 31 мая 1882 года П. И. Чайковскому: «Твоя серенада имела громадный успех... Вероятно, ты позаимствовал что-то из «Лебединого озера» или это только родственное сходство».

Либретто «Франчески да Римини» было вдохновлено строфами «Божественной комедии» Данте, а тема «Эроса» была взята из новеллы Валериана Яковлевича Светлова «Ангел Фиозоле».

Репетиции были очень увлекательны. Фокин был большим и тонким художником и в точности знал, чего он хочет, и деспотически требовал выполнения замысла, придираясь к каждой позе, несогласной с его указаниями, и не допуская «отсебятины».

«Премьера балета была дана 28 ноября 1915 года в Мариинском театре в пользу приюта детей беженцев. В «Франческе» роль героини исполняла Егорова, в «Эросе» — Кшесинская, Паоло и Эроса изображал Владимир. Благотворительная цель спектакля «удерживала все время,— писал Н. Шебуев,— от обычных для постановок балета затрат. Пришлось подбирать старые декорации, старые костюмы для новых замыслов». Лишь для «Эроса» были написаны специальные декорации художником Бобышевым, которые сразу создали ему имя как декоратору».

Здесь привожу полностью рецензию из статьи Ю. Бахрушина о балетах «Франческа» и «Эрос».

«Франческа» особенных восторгов не вызвала, и после первого представления балет был снят. Едва ли не основной причиной этого была исполнительница роли Франчески — балерина Егорова. Ни в одной рецензии о ней не упомянули ни одного слова. Критиковать почтенную артистку никто не рискнул, а похвалить ее было не за что.

«Эрос» вызвал более единодушные похвалы. Старк писал: «В чисто танцевальном смысле «Эрос», конечно, лучше. Ничего... что музыка Чайковского, в сущности, могла бы получить и другое истолкование. Важно то, что хореографически все было красиво, ясно, с отчетливо выраженным элегическим настроением. И балет очень хорошо был исполнен г-жой Кшесинской и г. Владимировым». Рецензент П. М-й писал: «Г-жа Кшесинская и г. Владимиров художественно воспроизвели эту прекрасную стилизацию. Особенно хорошо было исполнение танцев, в которых балерина внесла много стильной грации и поэтического настроения». Декорации были очень удачно написаны.

«В успехе «Эроса» много принадлежало М. Ф. Кшесинской. Она была замечательно хороша, — вспоминает Бобышев, — в ней, несмотря на ее годы, была масса непосредственности, юности и подлинной лирики, а о прекрасном проведении танцев и говорить не приходится. Кшесинская поражала своею дисциплинированностью — она являлась на репетиции первой и с величайшим вниманием относилась ко всем словам Фокина. Его указания для нее были законом».

«Эрос» был приобретен Дирекцией театров и включен в репертуар. Как спектакль Императорских театров балет впервые шел 20 декабря 1915 года на Мариинской сцене в составе премьеры. Программа приведена Бахрушиным полностью.

Вот как этот балет значился на афишах:

ЭРОС

балет в 1-м действии, соч. и пост. балетмейстером

Императорских театров М. М. Фокиным.

Сюжет заимствован из сказки В. Светлова «Ангел Фиозоле».

Музыка П. И. Чайковского.

I, II и III часть «Серенады», ор. 48

Декорации и костюмы по рисункам художника М. П. Бобышева.

Роль «Молодой девушки» исп. заслуженная артистка

Императорских театров г-жа Кшесинская.

Действующие лица:

Молодая девушка г-жа Кшесинская

Ее жених г-н Вильтзак

Эрос г-н Владимиров

Ангел г-жа Дубровская

Нимфы — г-жи Люком, Спесивцева 2, Большакова 1, Леонтьева 1,

Кирхгейм, Шиманская, Лукашевич, Бибер, Облакова, Соболева,

Макарова, Добролюбова, Кусова, Вронская, Эльпе, Клемецкая,

Гопп, Гейденрейх, Кожухова, Рождественская.

Исполняют соло: на арфе — г-жа Вагнер

на скрипке — г-н Крюгер.

Дирижировать будет г-н Лачинов.

173 ...я решила впервые танцевать «Жизель». — В дневнике художника К. А. Сомова находится любопытная запись: «17 апреля шла «Жизель» с Кшесинской и 3-е действие «Пахиты». Жизель — Кшесинская очень противная».

176 ...несколько раз <...> Распутин спас Наследнику жизнь, приостановив кровотечение. — Наследник был болен гемофилией, болезнью крови. По свидетельству очевидцев, Распутин действительно несколько раз приостановил внутреннее кровотечение, чего практически не мог сделать ни один врач.

177 *Фенелла, или Немая из Португи* — опера Д. Обера. Фенелла — имя немой героини, мимическая роль, исполняемая балериной. В этой роли в свое время прославилась испанская танцовщица Розита Мори.

Граф Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — русский государственный деятель, с 1892 г. министр финансов, автор денежной реформы 1897 года, председатель Совета Министров в 1905—1906 годах, автор Манифеста 17 октября 1905 года.

182 *Когда они позвонили у парадной двери, то ее открыл им какой-то разнузданный на вид солдат.* — Речь идет, по всей видимости, о первых числах марта 1917 года, в это время дом Кшесинской занимал солдатский комитет мастерских запасного автобронедивизиона.

Владимиров из моего дома прямо поехал в Аквариум... — Вероятно, имеется в виду театр «Аквариум», располагавшийся на Каменноостровском, 10, вблизи дома Кшесинской.

183 Городское Общество Взаимного Кредита располагалось на Невском, 15. Банк Общества Взаимного Кредита входил в состав более 600 подобных же обществ, основной капитал банка составлял 20 000 000 рублей.

Азовско-Донской коммерческий банк был основан в 1871 году, находился на Большой Морской, 3—5 (ныне ул. Герцена). Основной капитал составлял 50 000 000 рублей.

Магазин Карла Густава Фаберже находился на Большой Морской, 24. В этом же доме — Герцена, 24, сейчас расположен большой ювелирный магазин.

184 Журнал «Столица и усадьба. Журнал красивой жизни» выходил в Петербурге в 1913—1917 гг. Регулярно помещал фотографии интервьюеров особняка Кшесинской на Б. Дворянской ул.

185 ...я однажды рискнула поехать <...> в Таврический дворец хлопотать об освобождении моего дома... — в Таврическом дворце с 1906 по 1917-й проходили заседания Государственной думы. Уже 28 февраля 1917 года там же начал работу Петроградский Совет РСДРП(б).

Вслушав меня, он немедленно поехал со мною в мой дом, чтобы выяснить положение... — Поездка эта, по-видимому, состоялась либо в самом конце марта, либо в начале апреля, так как Петроградский комитет РСДРП(б) и его Военная организация переехали из Таврического дворца в особняк Кшесинской между

10 и 13 (23—26) марта. Женщины, копошившиеся среди книг на лестнице дома Кшесинской, вероятно, принадлежали к этим организациям, только устроившимся в доме.

- 186 *Он предложил мне, как ни в чем не бывало, переехать обратно <...> и сказал, что уступят... комнаты сына...*— Именно эти комнаты — детскую и игровую с балконом на втором этаже особняка — в апреле 1917 года занял В. И. Ленин. Теперь в них расположен его мемориальный кабинет.

Еще раз я посетила свой дом в сопровождении моего поверенного Хессина, который помогал мне освободить его...— Кшесинская по каким-то причинам умалчивает о том, что она подала в суд на Петроградский комитет большевиков, обвинив его в захвате частной собственности. Судебное заседание состоялось 5 мая 1917 года. От имени Кшесинской выступал поверенный И. Хессин, от большевиков — Ю. Козловский. Суд постановил: выселить из дворца Кшесинской Петроградский комитет большевиков и все другие организации, которых к маю насчитывалось около семнадцати, и среди них: ПК РСДРП(б), ЦК РСДРП(б), Военная организация большевиков, Солдатский клуб, Центральное бюро профсоюзов, фракция большевиков Петроградского Совета, редакция «Солдатской правды» и другие. Постановление это, по крайней мере полностью, выполнено не было. Секретария ЦК РСДРП(б) покинул особняк Кшесинской не позднее 16 (29) июня 1917 года, но другие организации, по-видимому, еще долго оставались в доме. Трудно сказать, когда именно Кшесинская побывала в доме второй раз, вполне возможно, что произошло это уже после суда, когда она могла на законных основаниях требовать освобождения дома.

- 187 *Так как все хлопоты по освобождению дома ни к чему не привели, я решила лично обратиться с этой просьбой к Керенскому...*— Дату посещения Кшесинской А. Ф. Керенского также обнаружить не удалось, но вероятнее всего, что и оно состоялось после суда, постановление которого не выполнялось, и Кшесинская искала возможности ускорить освобождение дома.

- 199 *Придут, налетят с блиндированным поездом.*— От франц. «train blindé» — бронепоезд. Это слово было в большом ходу в конце прошлого века. Сравните в «Воспоминаниях А. Н. Бенуа: «Александр II стал появляться на улицах Петербурга не иначе, как мчась во всю прыть в закрытой, блиндированной (как говорили) карете...»

- 202 *Мы получили ее за несколько дней до его трагической смерти. Из нее мы узнали, что он в Алапаевске.*— В ночь на 18 июня (5 июля) 1918 года в Алапаевске были расстреляны великая княгиня Елизавета Федоровна, старшая сестра Императрицы, великие князья Сергей Михайлович, Константин Константинович (младший), Игорь Константинович, управляющий делами Сергея Михайловича В. С. Ремез, князь Владимир Палей, крестовая сестра Елизаветы Федоровны Варвара Яковлева. Сергей Михайлович был убит сразу, остальные еще 2—3 дня оставались живыми под землей.

Еще в первых числах июля... распространился слух о гибели... всей Царской семьи...— Николай II, Александра Федоровна и их

дети, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Алексей, предположительно были расстреляны в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь с 3 на 4 (16 на 17) июля 1918 года. Достоверность этого события до сих пор документально не установлена. Противоречивые свидетельства участника предполагаемого расстрела не дают возможности считать их полностью достоверными. Немедленно за сообщением о гибели царской семьи в разных концах России и в Европе стали появляться люди, выдававшие себя за детей Николая. Наиболее известной из них стала так называемая Анна Андерсон, выдававшая себя за Анастасию Николаевну. Для установления ее личности был начат судебный процесс, состоялось два слушания, и в результате обоих суд постановил, что истица не предоставила достаточных доказательств для признания ее великой княжной Анастасией Николаевной. Однако в 1977 году, через десять лет после завершения судебного разбирательства, немецкий ученый Моритц Вуртмайер, автор метода определения личности по основным точкам черепа, принятого в качестве неопровержимого в немецкой криминалистике, по собственному почину провел сравнение фотографий Анны Андерсон и Анастасии Романовой и установил, что они являются изображением одного и того же лица. Анна Андерсон, позднее Миссис Монахан, утверждала, что расстрела в Екатеринбурге на самом деле не было.

- 220 *...видели издали братскую могилу пяти тысяч английских и французских солдат...*— Кшесинская имеет в виду события первой мировой войны, Дарданельскую операцию 1915 года.
- 225 *Действительно, операция удалась, но Императрица скончалась.*— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Императрица Евгения родилась 5 мая 1826 года в Гренаде, в Испании, стала Императрицей в 1858 году до 1871 года и скончалась в конце 1920 года».

Долин Антон (Сидни Патрик Чиппендейл Хили-Кэй) (1904—1983) — английский танцовщик, педагог и балетмейстер. Выступал в труппе Дягилева. В 1935 году вместе с А. Марковой организовал труппу «Маркова — Долин».

Маркова Алисия (Лириан Алисия Маркс) (р. 1910) — английская танцовщица и педагог, выступала во многих крупнейших труппах Европы и Америки.

- 227 *Соколов рассказал подробно свое следствие...*— Расследование следователя по особо важным делам Н. А. Соколова было проведено в 1923 году. Материалы расследования опубликованы. См.: *Соколов Н. Убийство царской семьи.* Берлин, «Слово», 1925. В 1990 году издательство «Книга» осуществило переиздание.

Вывод Соколова впоследствии вполне подтвердился.— Выводы следователя Н. Соколова никогда не считались окончательными и неопровержимыми. Менее всего они были таковыми для мужа Кшесинской, великого князя Андрея Владимировича, и для нее самой. Снова из семейных соображений она умалчивает о причастности Андрея Владимировича к расследованию истории Анны Андерсон, предполагаемой Анастасии Романовой, младшей дочери Николая II. Впервые эта женщина появилась в 1921 году в Берлине и не была признана семьей Романовых, несмотря на

множество фактов, свидетельствующих в пользу того, что она и есть дочь Николая. Из всей обширной семьи лишь один Андрей Владимирович не мог остаться равнодушным к судьбе этой женщины. С дозволения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, матери Николая, он провел свое собственное расследование, результаты которого отказался обнародовать до тех пор, пока не будут раскрыты архивы Кремля и кайзеровской Германии. В 1928 году Андрей Владимирович и Матильда Феликсовна встретились в Париже и оба признали в ней племянницу Андрея Владимировича. В 1933 году в Берлине начался судебный процесс по установлению личности Анастасии — официально до принятия решения она носила имя Анны Андерсон. Первое слушание, из-за политических событий, состоялось лишь в 1958 году. Этот процесс стал самым длинным судебным разбирательством XX века. Андрей Владимирович не смог принять в нем участия — он скончался в 1956 году.

В 1967 году, когда завершилось слушание дела во второй инстанции, французский режиссер Жильбер Протэ снимал в Париже документальный фильм о процессе Анастасии, большую часть которого занимали свидетельские показания. Незадолго перед тем Матильда Феликсовна, которой было уже девяносто пять лет, изъявила желание увидеться с Анастасией, так как «не хотела бы умереть, не сказав ей, что она и ее муж никогда не переставали верить в нее». Однако по настоянию своего сына, испугавшегося негодования всесильных родственников, отказалась от этой встречи, сказавшись больной. Через две недели после этого случая Жильбер Протэ приехал со съемочной группой на виллу «Молитор».

«— Княгиня, — спросил Кшесинскую Протэ, — в 1928 году в Париже вы встретились с женщиной, в то время называемой Неизвестной из Берлина.

— Да, я ее видела.

— И что вы подумали?

— Что это Анастасия Николаевна...

— Нет! — закричал по-русски сын. — Нет! Замолчи! Ты должна говорить только то, что написано!

Написано было следующее: «Я никогда не была представлена великой княжне Анастасии Николаевне и видела ее только издали. Я могла сравнить только приблизительно. Мое впечатление нельзя считать неоспоримым».

— Мы не утомили вас, мадам? — спросил Кшесинскую Жильбер Протэ, когда съемка окончилась. Диктофон он оставил включенным.

— Все нет, все были так любезны...

— Вы были великолепно, мадам. Я знаю, что вы принимаете это дело близко к сердцу. Анастасия, мисс Андерсон... — пробормотал Протэ.

— Я и сейчас уверена, — произнесла Матильда Феликсовна, — что это она. Когда она взглянула на меня, ее глаза... это глаза Императора. Я действительно так думаю, это не пустые слова. Тот же самый взгляд. Взгляд Императора. Тот, кто видел его глаза, никогда их не забудет.

— А вы хорошо знали эти глаза? — осторожно спросил Протэ.

— Очень хорошо, — ответила бывшая возлюбленная Императора, — очень хорошо. Это она, я совершенно уверена, — это она».

После смерти Матильды Кшесинской и ее сына бумаги Андрея Владимировича были увезены его племянником, великим князем Владимиром Кирилловичем, местоблюстителем российского престола. Их судьба неизвестна. (Подробности о судьбе и деле Анастасии см.: Peter Kurth. Anastasia. The Life of Anna Anderson. L., 1984.)

- 236 ...он просил меня дать ему возможность написать мои воспоминания.— Речь идет, конечно, о том, что Н. П. Карабчевский хотел сделать литературную запись воспоминаний М. Кшесинской.

Сахаров (Цукерман) Александр Семенович (1886—1963), Сахарова (р. фон дер Планитц, по сцене фон Дерн) Клотильда (1895—1974) — разработали индивидуальный пластический стиль, ставший одним из источников танца модерн. Выступали вместе с 1919 года, с 1953 года открыли собственную школу в Риме.

Кохно Борис Евгеньевич (1904—1990) — русский писатель, либреттист, во Франции стал известным деятелем балетного театра. С 1923 года секретарь Дягилева. Автор либретто и сценариев для многих постановок в различных труппах. Автор книг о французском балете и о Дягилеве.

Сергея Лифарь подробно описывает эту пасхальную ночь в своей книге.— Вот это описание: «Пасху мы встречали у Кшесинской, жившей в своем имени на Сар d'Ail. К пасхальному столу — какому столу! — с детства я не помню такого царского стола — было приглашено человек сорок. После заутрени в русской церкви в Ментоне все съехались на автомобилях на Сар d'Ail, где всех радушно встречала хозяйка. Я так усердно «разговлялся» за столом — весь стол был в розах, нарядный, праздничный, радостный, — что вино ударило мне в голову и я так «осмелел», что во время десерта оторвал розу, встал и, ко всеобщему удивлению, подошел к хозяйке:

— Матильда Феликсовна, разрешите поднести вам розу!

Минута замешательства, потом крики: «Браво! Браво!» Кшесинская была тронута моим странным импровизационным приветствием и в награду открыла в паре со мной бал традиционным полонезом. Праздник продолжался — как продолжался, я не только теперь не помню, но не помнил и тогда — я был слишком в «праздничном» настроении и ничего не замечал. Сам не знаю как, я оказался за диваном флиртующим с Карсавиной: она на полу расписывалась в золотой книге Кшесинской, а я перечеркивал ее подпись своею подписью. Все танцуют, веселятся, я не танцую, но мне весело, легко... И вдруг окрик, грозный, суровый, Сергея Павловича: «Что-то вы очень развеселились, молодой человек, не хотите ли домой?» И «молодого человека» против его воли увозят домой». (См.: *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. Париж, 1939, с. 405—406).

- 239 *Хуверовская организация* — правильное Гуверовская. Герберт Гувер (1874—1964) — американский государственный деятель, Кшесинская имеет в виду Американскую администрацию помощи, возглавляемую Г. Гувером.

- 244 *С первого дня нашей эмигрантской жизни вопрос о хлебе насущном нас очень тревожил.*— Это обстоятельство стало известно

и в Советской России. Ленинград некоторое время следил за судьбой своей бывшей примы и в 1925 году в журнале «Театры и зрелища» (№ 43) появилась следующая фривольная заметка под названием «Пуанты в монастыре»:

«Находящаяся сейчас в Париже балерина М. Ф. Кшесинская уходит в монастырь Шартрез. Так как в этом монастыре выделяется знаменитый ликер, то, очевидно, что «сестра Матильда» и тут не будет скучать».

246 *Переехав в Париж... я первым делом занялась устройством... студии.*— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Студия помещается: 6, Avenue Vion-Whitcomb — Paris XVI, tel. AUT 73—67 (L-er en face).

247 *...я ожидала наплыва новых учениц...*— В этом месте в английском варианте воспоминаний вставлен следующий отрывок: «Первые годы я принимала не только девочек, но и мальчиков, среди которых мне приятно отметить Лишина, Князева, Долина, Эглевского. Было много и других, не только русского происхождения, как, например, Jan Zemoine, чье имя теперь называю среди лучших французских артистов. Спустя некоторое время, однако, я перестала принимать мальчиков, за исключением частных уроков, поскольку многие семьи были недовольны, что их дочери занимаются вместе с мальчиками».

Ему было всего пятьдесят семь лет.— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «С. П. Дягилев родился 19 марта 1872 года в Селищевских казармах Новгородской губернии и скончался 19 августа 1929 года в Венеции».

248 *Дягилев дал мне совершенно ясно понять, почему он пошел по этому пути, отступив от традиций русского классического балета.*— Не ставя под сомнение возможность такого разговора Кшесинской с Дягилевым, все же следует сказать, что Дягилев никогда никому не делал уступок и брался лишь за те постановки, которые считал того заслуживающими. Маловероятно, чтобы у него были какие-нибудь «совершенно иные соображения», кроме соображений художественного порядка. Кшесинская, кроме того, не называет ни одного дягилевского балета из тех, что ей показались безобразными, и потому трудно по справедливости оценить ее слова.

Любопытно, однако, отметить, что мнение М. Кшесинской совпадает с мнением А. Н. Бенуа: «...Дягилев стал все круче изменять тому направлению, которое легло в основание всего дела русских спектаклей за границей. Новое направление, заключавшееся в том, чтобы во что бы то ни стало эпатировать «буржуа» и угнаться за последним словом модернизма, в высшей степени претило Баксту. Но и мне такой поворот в деле, которое когда-то было моим, казался возмутительным». (Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 1, с. 627).

249 *Он это выразил в блестящей статье...*— Рецензия кн. С. М. Волконского «Вечер Кшесинской» была опубликована в газете «Последние новости» № 5141 от 21 апреля 1935 года, с. 4.

Международный архив танца — Archives Internationales de la Danse (AIP) — основан 16 июня 1931 года в Париже. Организация представляла из себя институт, включавший огромную библи-

отеку, содержащую собрание книг, журналов, образцы костюмов, эскизы декораций и другие материалы, связанные с историей танца всего мира. Кроме этого, АИР проводил выставки, просмотры и лекции. В 1932—1936 гг. издавался журнал с тем же названием. В 1950 году Архив был расформирован. Часть его фондов вошла в коллекцию музея Опера, а другая — в Стокгольмский музей танца.

250 *Вскоре <...> князь С. М. Волконский женился на американке...*— С. М. Волконский женился на дочери бывшего посланника США в Румынии, Греции, Сербии Мэри Уолкер Ферн. По первому браку она носила имя миссис Сэт Бартон Фрэнч.

251 *...мне пришлось прожить в Лондоне три недели... недалеко от... дома, где жила... Павлова...*— После этих слов идет примечание М. Кшесинской: «Я тогда жила у Евдокии Яковлевны Тонконоговой и ее дочери Ксении Павловны, одно время моей ученицы 1934—1936 гг. Они жили в 12, West Heath Avenue, Golders Green, London, N. W. 11.

255 *Спесивцева Ольга Александровна (1895—1991)* — русская артистка. В 1913—1924 гг. выступала в Мариинском театре, принимала участие в Дягилевских сезонах. В 1924—1932 гг.— солистка Опера.

С ним тогда танцевала Спесивцева, которая была в «Жизели» очень хороша. Она не была Павловой в «Жизели», но по-своему была очаровательна.— Мнение Кшесинской об исполнении О. Спесивцевой Жизели поражает своим дилетантизмом. Жизель — общепризнанная лучшая роль Спесивцевой, ее исполнение, кроме того, считается никем в XX веке не превзойденным.

256 *Оставить без возражения некоторые места этой «Истории» я не считаю возможным.*— Кшесинская права: историю русского балета, написанную С. Лифарем, нельзя «принимать за действительную», поскольку он был более чем слабым историком. Его книга, скорее, популярный рассказ, и не всегда справедливый.

...моя фамилия ставится постоянно рядом с фамилией другой артистки...— Речь идет об О. И. Преображенской, вышедшей из училища на год раньше Кшесинской, но получившей звание балерины лишь через двенадцать лет после выпуска.

Негодование Кшесинской неточным рассказом Лифаря само по себе не нуждается в комментарии, но нельзя не отметить, что, несмотря на действительно колоссальную популярность Кшесинской в России в годы ее расцвета, в истории русского балета ей позднее отвели место более скромное, чем Павловой или Карсавиной. Талант Кшесинской, вне всякого сомнения, был выдающимся, актрисой она была превосходной, первой из русских балерин она продемонстрировала невероятную легкость в одолении сложнейшей техники, но сама она не вышла за пределы балета XIX века. Однако, если бы не было Кшесинской, не появились бы Карсавина и Павлова. В книге Л. Д. Блок есть прекрасная характеристика того, что сделала для русского балета Кшесинская: «Вихрь тридцати двух фуэте был нужен, чтобы осушить болото бесформенности». (Указ. соч., с. 328.)

То, что Кшесинскую нельзя было «ни затмить, ни заменить», подтверждается многими отзывами современников и критиков,

однако ее слова о книге Лифаря содержат и отголоски продолжавшегося в эмиграции соперничества с О. Преображенской. А. Хаскелл, хорошо знавший обеих балерин, вспоминает в своей книге «Балетомания»:

«Следы прежней Кшесинской я вижу в продолжающемся, несмотря на преклонные годы обеих, соперничестве с Преображенской. Кшесинская принимала больше иностранцев и молодых танцовщиков, хотя и вырастила таких артистов, как Рябушинская, Лишин, Тараканова. У нее было удивительное взаимопонимание с молодыми, она понимала все их проблемы, и не только профессиональные. Одна из ее учениц, Диана Гульд, будущая миссис Иегуди Минухин, осталась преданным другом Кшесинской до самого конца.

Преображенская воспитала большинство «babies» Базиля (так называли трех молодых балерин, Ирину Баронову, Тамару Туманову и Татьяну Рябушинскую, которым при основании Русского балета Монте-Карло было тринадцать, четырнадцать и пятнадцать лет соответственно.— *И. К.*), во главе с Бароновой и Тумановой.

Студия Кшесинской располагалась в элегантных апартаментах в Auteuil, Преображенская учила в довольно грязной и пыльной комнате, которую она снимала в Salle Wacker, в месте паломничества всех танцовщиков. Увы, этот дом теперь снесен, а я помню комнату, полную попугаев, свободно порхавших, щебеча и хлопая крылышками...

Третий великий педагог из Мариинки, балерина Любовь Егорова, вышедшая замуж за великосветского друга Кшесинской, сохраняла нейтралитет.

Преображенская скончалась в 1962 году в Париже, студия ее просуществовала до 1960 года. Ее ученики есть буквально в каждой крупной европейской труппе. Среди них не только танцовщики, но и директора компаний и педагоги». (См.: «Balletomania». London, 1934, p. 280—282.)

258 *Радиография* — от франц. radiographie — рентгеновский снимок.

263 *Блюм Рене* (1878—1942) — один из создателей труппы «Русский балет Монте-Карло» и ее художественный директор. После разрыва с содиректором де Базилем, в 1936 году, открыл собственную труппу «Рене Блюм балет Монте-Карло», главным балетмейстером этой труппы был М. Фокин. Р. Блюм погиб в концлагере в Аушвице.

Базиль де (полковник Базиль) (Воскресенский Василий Григорьевич) (1888—1951) — русский балетный деятель, директор труппы «Русский балет Монте-Карло». После ссоры с Р. Блюмом также основал собственную труппу «Русский балет полковника Базиля», затем несколько раз менявшую название.

В своей книге «Балетомания» он [Хаскелл] приводит... в очень красивой, но вполне точной форме наш с ним разговор по поводу моего преподавания и балета вообще.— Этот разговор Кшесинская приводит в свою очередь в качестве приложения на английском языке.

Предлагаем перевод этой беседы:

«Класс Кшесинской — один из самых замечательных, среди тех, что мне приходилось видеть: очень индивидуальный и вдохновен-

ный. Кшесинская отдает себя работе с огромным энтузиазмом, танцуя со своими учениками иногда по восемь часов в день.

Вчера и сегодня

А. Хаскелл: Чем отличаются артисты вашего поколения от современных молодых артистов? Лучше вас никто не сможет ответить на этот вопрос.

М. Кшесинская: Многое кажется мне забавным, когда я думаю о знаменитых артистах прошлого, особенно моих школьных лет. Большинство из тех, кого восторженно принимала публика, сегодня всем своим стилем вызвали бы смех. Гердт, например, был великим артистом, но его невозможно представить на сегодняшней сцене. Другие, быть может, имели бы такой же выдающийся успех, как и прежде. Вирджиния Цукки была замечательной артисткой, величайшей среди всех, кого мне приходилось видеть. Бывают артисты, которые вызывают восхищение, но ничего не оставляют в душе, но после стольких лет я все ещё мысленно вижу Цукки.

Современные танцовщики технически гораздо больше развиты, они сильнее даже знаменитой своей техникой Леньяни. Но с развитием артистической индивидуальности все обстоит не так просто.

А. Х.: Артистизму можно научить?

М. К.: До определенной степени можно. Внутренняя артистичность нашей великой танцовщицы Павловой — это другое дело, но я знаю многих танцовщиков, которые развивали в себе это свойство постепенно.

Время — самая важная вещь при ответе на подобные вопросы. Мы долго учились, прежде чем взяться за трудные роли, и хотя сегодняшняя техника оправдывает более короткий срок обучения, но души еще не готовы для серьезных ролей. Нужно наблюдать за великими артистами, чтобы со временем стать такими же. В те годы у нас было достаточно времени, чтобы наблюдать. Я помню, как, когда мне было двадцать лет, я попросила Петипа дать мне танцевать Эсмеральду. «Не теперь», — ответил он. — Вы недостаточно страдали». И он был прав. Старые балеты были, возможно, во многом смешными, но исполнять их эмоционально была непростая задача. Я так сильно чувствовала Эсмеральду, когда наконец стала ее танцевать, что часто должна была сдерживать слезы перед выходом. И здесь опять время играет очень большую роль. Эти балеты были длинными и шли долго — у нас была возможность совершенствовать роль или же учиться, наблюдая, как ее совершенствуют другие.

Я поражаюсь современным молодым артистам, но часто спрашиваю себя, хватит ли их так надолго, как нас? Будут ли они такими же свежими в зрелые годы, какой осталась Анна Павлова? Это снова вопрос времени. Они танцуют каждый вечер, мы выходили на сцену только с перерывами. Невозможно каждый вечер быть в нужном расположении духа, а насильно вызывать в себе желание танцевать очень вредно для молодого человека. Впрочем, время покажет.

А. Х.: Ваш класс не похож ни на один другой. У вас есть собственный метод преподавания?

М. К.: Я стараюсь делать каждый урок новым и увлекательным. Я хочу учить самому танцу, а не только тем движениям, из кото-

рых он состоит, и стараюсь включать традиционный экзерсис в комбинации и па, которые развивают воображение. Таким образом, когда придет время, танцовщики смогут легко и быстро понять хореографа. Вы могли заметить, что я никогда не считаю вслух: это точно так же портит урок, как испортило бы представление. Прежде чем начать танцевать, ученики должны мысленно держать ритм, а пока этого нет, танцевать просто бессмысленно.

А. Х.: Не получится ли, что все ваши ученицы будут просто маленькими Кшесинскими?

М. К.: Я стараюсь воспитывать в них индивидуальность. Все должны изучить основную технику, но когда они уже достаточно подготовлены, я даю им те упражнения, которые каждой из них больше подходят. Я считаю, что урок Чекетти не годится для продолжительных занятий. Я нахожу, что он иссушает воображение слишком однообразным классом, в то время как совершенно необходимо развивать художественную гибкость. Чекетти научил меня фуэте, и я навсегда осталась ему благодарна за то, что он сделал для меня. Но самым великим учителем я считаю Иогансона — он создатель русской балерины. Он был одним из очень немногих, кто мог научить, как нужно танцевать.

За исключением этих нескольких оговорок, я согласна с вами, что балет сегодня замечателен и что так или иначе танцовщики все же смогут развиваться. Ко мне мастерство пришло к тридцати годам. Как легко мне было тогда танцевать, я делала это почти без усилий! До того и после мне иногда приходилось делать усилия, чтобы быть в нужном настроении. Теперь зрелость приходит раньше. Три юных танцовщицы, Рябушинская, Баронова и Туманова, сыграют очень серьезную роль в будущем нашего искусства. Я думаю, они обеспечат превосходство русского искусства еще на долгие годы».

Первая русская танцовщица, утвердившая превосходство русской школы над итальянской, Кшесинская, учит тех, кто поддержит престиж русского имени. Ее идеи уже воспитали Рябушинскую, Ростову, Семенову, Тараканову, Лишину и других, и это доказательство мудрости этих идей. Когда вы аплодируете им, вы аплодируете ей самой, Кшесинской». (См.: «Balletomania», L., 1934, с. 328—332).

264 *Валуа Нинет де (Идрис Станнус)* (р. 1898) — английский балетмейстер танцовщица, педагог. Одна из основателей английской балетной школы и балетного театра. Школа, созданная ею в 1926 году, вошла в 1931-м в состав театра «Сэдлерс-Уэллс», и труппа до 1942 года носила название «Вик-Уэллс балле», затем «Сэдлерс-Уэллс балле», а с 1957 года — «Королевский балет».

266 *Вольнин (Волинин) Александр Емельянович* (1882—1955) — русский танцовщик, педагог. Во Франции открыл собственную школу, где воспитал многих европейских артистов. Выступал с труппой Анны Павловой.

Каринская Барбара (Варвара) (1886—1963) — русский костюмер и постижер. С 1930 по 1949 год работала в Париже художником по костюмам. С 1949-го по преимуществу сотрудничала с Дж. Баланчинным, а также с Метрополитен-Опера. До сих пор существует компания «Каринская, Лтд.».

Рябушинская Татьяна (р. 1916) — французская танцовщица, ученица Вольнина и Кшесинской. Начала выступать в тринадцать лет, одна из так называемых *baby ballerinas* труппы де Базиля.

Лишин (Лихтенштейн) Давид (1910—1972) — американский танцовщик, балетмейстер и педагог. С 1953 года имел собственную труппу.

267 *Рамбер Мари (Мириам Рамберг)* (1888—?) — английская танцовщица и педагог. В 1920 году в Лондоне открыла студию, которая с 1926 года стала самостоятельной труппой. Создала первую постоянную английскую балетную труппу «Балле Рамбер».

268 *Эштон (Аштон) Фредерик* (1904—1988) — английский танцовщик и балетмейстер. Один из самых значительных деятелей английского балета, создатель более шестидесяти постановок, с 1963 по 1970 год — директор Королевского балета.

Хэллман Роберт (р. 1909) — австралийский танцовщик, балетмейстер, учился у А. Павловой. С 1933 года до 1950-го — ведущий танцовщик в Лондоне, в труппе «Вик-Уэллс».

Тернер Гарольд (1909—1962) — английский танцовщик и балетмейстер, выступал в труппе «Сэдлерс-Уэллс» с 1935 по 1951 год.

Фонтейн Марго (Маргарет Хукем) (1919—1991) — английская балерина, одна из ведущих танцовщиц английского балета.

Мэй Памела (р. 1917) — английская танцовщица, во время войны делила репертуар с М. Фонтейн; с 1952 года выступала в Королевском балете.

Браз Джун (р. 1917) — английская балерина, в 1936—1942 годах — ведущая танцовщица труппы «Сэдлерс-Уэллс». Вместе с Фонтейн и Мэй — одна из трех наиболее популярных «звезд» балета 30-х годов.

Хонер Мери (1914—1965) — английская танцовщица и педагог. С 1936 по 1942 год выступала в труппе «Сэдлерс-Уэллс».

273 *До весны продолжалось то, что французы называли «странная война»...*— Так называли период второй мировой войны с сентября 1939 года по май 1940-го, когда войска на фронтах бездействовали.

274 *Не успел он выйти из дома, как нагрянула немецкая полиция, чтобы его арестовать.*— 22 июня 1941 года, именно в то время, которое указывает Кшесинская, рано утром, в 8 часов 30 минут, в Париже были арестованы сто двадцать русских масонов и увезены в лагерь Компьен под Парижем, где они провели около четырех месяцев. Обращает на себя внимание номер Владимира Андреевича в лагере — 119, и срок пребывания в нем — сто девятнадцать дней. Возможно, его арест был вызван именно тем, что он сам был масоном или же был заподозрен в масонстве. Масонов арестовывали как бывших российских граждан, которые могут вредить Германии или пытаться помогать России во время войны.

В конце войны, при отступлении немцев из Франции, многие из отпущенных ими русских были вновь арестованы и убиты. Косвенно Кшесинская дает понять, что ее сын имел какое-то

отношение к «кругам и организациям, руководимым русскими», однако это не более чем предположение.

- 280 *Бомонт Сирил Уильям* (1891—1976) — английский историк и теоретик балета, один из основоположников английской балетной критики.
- 281 *Данилова Александра Дионисьевна* (р. 1904) — русская танцовщица, в 1924 году уехала за границу, выступала в труппе «Русский балет Дягилева», затем в различных балетных труппах. С 40-х годов одна из ведущих американских классических танцовщиц. В настоящее время наиболее известный и почитаемый педагог в школе американского балета.
- 282 *После того как я уже была несколько лет балериной и получила звание заслуженной артистки Императорских театров, я стала прима-балериной...*— Личное дело М. Ф. Кшесинской в фонде Императорских театров этого не подтверждает, такой записи там нет. Однако в этом деле отсутствуют многие листы, возможно, пропал лист и с этой записью.

Кроме меня звание балерины было присвоено Преображенской, Трефиловой, Седовой и Карсавиной.— Кшесинская забывает назвать имя Анны Павловой, получившей звание балерины в 1906 году.

- 284 *В этом году у меня завязалась переписка с директором Дома-музея П. И. Чайковского.*— Письма М. Кшесинской директору Музея П. И. Чайковского в Клину, В. К. Журавлеву, хранятся в архиве этого музея. Туда же она переслала, кроме костюма и балетных туфель, экземпляр своих воспоминаний на французском языке. В этот же музей М. Кшесинская отправила с дипломатической почтой оригинал своих воспоминаний на русском языке, по которому печатается настоящая книга. Этот экземпляр музеем не был получен, в течение долгих лет директор музея безуспешно разыскивал рукопись. В 1973 году она была зарегистрирована в спецхране Библиотеки им. В. И. Ленина.

В письмах Кшесинская сообщала о своей работе в студии:

«Пошел тридцать первый год, что я имею школу танцев, и подчас удивляюсь, что она пользуется неослабевающим успехом. Ведь во время войны дома не отапливались, я схватила артрит и теперь уже много лет хожу с трудом и не могу как следует показывать движения. А все-таки учениц много и результаты получаются хорошие.

У нас в эмиграции имеются дома для престарелых, созданные русскими общественными организациями и французскими властями. Я бы легко, конечно, могла найти в одном из них приют и покой. Но от жизни отрываться не хочу, не хочу и «записываться в старухи, доживающие свой век». Несмотря на немочь в ногах, я человек здоровый и бодрый духом, хочу жить и не сидеть сложа руки. Работать я должна, чтобы жить. Ведь средств к существованию у меня, помимо заработка, нет никаких, т. к. за границей у меня не было никакого состояния. Служить же родному искусству, передавать молодежи мое вдохновение — большая для меня радость и утешение. Париж, 31 мая 1959 года».

В 1958 году московский Большой театр приезжал... в Париж.— Арнольд Хаскелл в книге «Балетомания» вспоминает, что после спектакля М. Кшесинская попросила его подойти к Галине Улановой и передать ей восхищение ее мастерством. Сама Кшесинская не хотела встречаться с Улановой, чтобы не поставить ее в неловкое положение,— общение с эмигрантами было для советских людей предосудительным, тем более с такими эмигрантами, как Кшесинская.

- 289 *Впоследствии останки Андрея будут перевезены в нашу церковь в Контрексевиль...*— Это намерение Кшесинская так и не осуществила. Андрей Владимирович, сама Матильда Феликсовна, скончавшаяся 6 декабря 1971 года, и их сын, Владимир Андреевич, скончавшийся в 1974 году, похоронены в одной могиле на Русском кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаза В. В. 89, 388
 Адам Ж. 115
 Адамович Г. В. 71, 72, 385
 Аистов Н. С. 69, 73
 Аксаков С. Т. 108
 Алданов М. А. 280
 Александров М. 102, 103, 114, 131,
 132, 149, 159, 163
 Альджизи Л. 386
 Андерсон 25
 Аргентина (Ла Аргентина) 124,
 394
 Астафьева С. А. 13, 83—86, 225,
 378
 Ауэр Л. С. 138, 139, 395

 Вазиль де 263—267, 405
 Байер И. 91
 Бакеркина Н. А. 88, 89, 387, 388
 Бакст Л. С. 8, 140, 403
 Баланчин Дж. 407
 Бальбель 63
 Баронова И. 405, 407
 Бахрушин Ю. А. 45, 396, 397
 Безобразов Н. М. 115, 393
 Бекефи А. Ф. 52, 53, 67
 Беляев Ю. Д. 94, 172
 Бенуа А. Н. 140, 384—386, 393,
 399, 403
 Бернар С. 125
 Бессоне Э. 386
 Бизе Ж. 115
 Блок А. А. 8
 Блок Л. Д. 376, 404
 Блом Р. 253, 263, 405
 Бобышев М. П. 397
 Бомонт С. 280, 409
 Бони А. 114, 115

 Браун М. 268
 Браз Д. 268, 408
 Брианца К. 43, 44, 127, 381, 386
 Бриджи Ш. 279
 Бруссон 108, 114, 160, 393
 Бунин И. А. 8

 Ваганова А. Я. 126
 Вазем Е. О. 23, 26
 Валуа Нинет де 264, 265, 268,
 278, 407
 Варламов К. А. 121, 122
 Васильева 114
 Вернон Б. 279—282
 Вестрис Г. 253
 Вечеслова Т. М. 385
 Вилли 224
 Вильль 126
 Вильтзак А. И. 397
 Витинг Е. Э. 169, 396,
 Владимиров П. Н. 169, 170, 172—
 174, 179, 180, 182, 186—190,
 194, 236, 255, 396—398
 Волконский С. М. 67, 69—71, 75,
 80—82, 248—250, 260, 263, 265,
 383, 384, 386, 389, 403, 404
 Вольнин А. Е. 266, 407, 408
 Вольнский А. Л. 6, 71, 72, 385
 Врангель В. Г. 63
 Всеволожский И. А. 27, 60, 62,
 68, 69, 378, 383, 384,
 Вьяльцева А. Д. 168, 396

 Ган Р. 140, 395
 Гартман Ф. А. 108
 Гауль Ф. 91
 Гельцер В. Ф. 97, 98, 100, 389
 Гедьер Е. В. 98, 100, 107, 385,
 389
 Гердт Е. П. 6
 Гердт П. А. 27, 30, 43, 63, 79, 107,
 124—126, 380, 406
 Гертель П. 58
 Глазунов А. К. 75, 253
 Глинская 63
 Тобер 257

* В указатель включены только те лица, которые имеют отношение к творческой биографии Кшесинской или связаны с русской и европейской художественной культурой.

- Гоген фон А. И. 104, 105, 391
 Гоголь Н. В. 36
 Головин А. Я. 141, 142
 Гончаров П. 180, 186, 188
 Горский А. А. 76, 86, 95
 Горшенкова 26
 Грегори Д. 279—282
 Гречанинов А. Г. 91
 Гримальди Г. 69, 70, 97, 100, 177, 384, 386
 Гринев А. А. 30
 Гульд Д. 278, 405
 Гюнсбург Р. 52, 224, 241—243
- Дандре В. Э. 115, 251, 393
 Данилова А. Д. 281, 409
 Данте А. 396
 Делиб Л. 60, 87, 88
 Делорм 77
 Дель Эра А. 45, 127, 386
 Дельдевез Э. 47
 Де Макс 83
 Джури А. А. 57, 382
 Дидло Ш. 66
 Доберваль Ж. 58
 Долин А. 225, 280, 400, 403
 Дриго Р. 55, 63, 75, 116, 118
 Дризен Н. В. 107
 Дуббит В. 279
 Дункан А. 72, 94, 106, 107, 124, 125, 233, 388
 Дуров В. Л. 159, 160
 Дягилев С. П. 70, 71, 87, 110, 112, 113, 115, 120, 121, 134—141, 144—147, 224, 225, 231, 236, 238, 239, 247, 248, 252, 254, 255, 257, 263—265, 384, 387, 388, 393, 402, 403, 409
- Егорова Л. И. 65, 92, 126, 177, 236, 238, 266, 383, 396, 397, 405
 Ершов П. П. 80
- Жак-Далькроз Э. 67, 383
- Замбелли К. 127, 128, 257, 386
 Збруева 144
 Зимин С. И. 170, 396
 Иванов Л. И. 19, 22, 23, 31, 32, 58, 63, 107, 122, 378, 379
 Иогансон Х. П. 23, 35, 66, 86, 407
- Кавальери Л. 118, 119, 224, 394
 Кадлец А. 126, 137
 Каринская Б. 266, 267, 407
- Карсавина Т. П. 6, 88, 89, 111, 115, 116, 126, 178, 224, 236, 252, 256, 279, 280, 282, 387, 388, 390—392, 402, 404, 409
- Кваренги Д. 75
 Кислинский 77
 Князев Б. 403
 Конский 63
 Коон 267
 Корвин-Крюковский 63
 Корнальба Е. 386
 Кохно Б. Е. 236, 402
 Кошева 16
 Красовская В. М. 6
 Крупенский А. Д. 103, 390
 Крымов В. П. 183
 Кузнецова М. Н. 178
 Куличевская К. М. 108, 109, 121, 129, 131, 392
 Кусов В. А. 71
 Кшесинский И. Ф. 9, 13, 15, 22, 52, 103, 143, 181, 182, 185—187, 225, 239, 268, 377, 378, 390
 Кшесинский Ф. И. 9—20, 22, 29, 31, 41, 45, 53, 63, 67, 96, 101, 102, 378, 379, 381, 394
 Кшесинская Ю. Ф. 9, 13, 15, 22, 29, 34, 36—41, 46, 47, 49, 57, 80, 90, 91, 121, 150, 172, 179, 182, 183, 187, 189, 194, 200, 205, 207, 208, 210, 212, 216, 221, 222, 377, 381
- Кэн А. 233
 Кэн Ж. 234
 Кякшт Г. Г. 52, 58, 60, 67
- Лангаммер 63
 Лачинов 169
 Левинсон А. Я. 6, 150, 395
 Легат В. 42
 Легат Н. Г. 30, 53, 91—93, 97, 98, 103, 108, 110, 114, 116, 117, 125, 126, 160, 380, 391, 392
 Легат С. Г. 60, 91, 103, 390, 391
 Леньяни П. 54, 55, 58, 62, 64, 80, 81, 98, 127, 291, 382, 386, 406
 Леонтьев 107
 Лермонтов М. Ю. 30, 91, 180
 Лимида Д. 386
 Липковская Л. 178, 246
 Липковская Т. 246
 Лист Ф. 22, 379
 Лифарь С. 113, 236, 252, 254, 255, 257, 266—268, 393, 402, 404, 405

- Лишин Д. 266, 281, 403, 404, 407, 408
 Лобштейн 115
 Лонгтре Л. 233
 Лопухин 77
 Лядов А. Н. 12
- Мазилье Ж. 47
 Маковский К. Е. 119
 Маковский С. К. 251
 Маржецкий П. А. 108
 Маркова А. 255, 280, 281, 400
 Медведев 63
 Мейерхольд В. Э. 180
 Мендельсон-Бартольди Ф. 62
 Менухин И. 278, 405
 Мессаже А. 114, 393
 Миллер Э. 268
 Минкус Л. 42, 47, 61, 62, 79
 Мордкин М. М. 114, 128, 395
 Мори Р. 108, 110, 283, 392, 398
 Моррис М. 279, 280
 Муравьева 14
 Мэй П. 268, 278, 408
 Мэтью Д. 268
 Мюратор 224
- Некрасов Н. А. 64, 383
 Нелидова 60
 Немчинова В. Н. 239
 Неслуховская Н. 142
 Нижинская Р. 253
 Нижинский В. Ф. 108, 111, 115, 134, 136, 138—140, 153, 252, 253, 257, 386, 392
- Обер Д. 398
 Облаков Н. А. 63, 190, 191
 Обухов М. К. 76
 Орлов И. 129, 143, 168
- Павлова А. П. 6, 87—89, 107, 111, 113—117, 128, 153, 173, 236, 237, 250—253, 255—257, 282, 283, 387, 390, 392, 393, 404, 406—409
- Паганини Н. 11
 Папков 30
 Паркачева 12
 Перро Ж. 49
 Петипа М. И. 23, 42, 43, 47, 49, 55, 56, 58, 61, 63, 66, 69, 73, 75, 79, 80, 87, 88, 107, 122, 391, 392, 394, 406
- Петипа М. С. 16
 Пиона М. 11
- Плещеев А. А. 12, 30, 43, 53, 58, 60, 62, 64, 66, 109, 257, 294, 377, 383
 Попель 12
 Потоцкая М. А. 71, 78
 Преображенская О. О. 45, 52, 69, 111, 116, 117, 236, 266, 282, 291—293, 295, 296, 381, 387, 390, 392, 393, 404, 405, 409
 Протэ Ж. 401
 Пуни Ц. 49, 66, 113
- Рамбер М. 267, 408
 Рахманов 27
 Решке И. 234
 Решке Э. 234
 Рогов С. Н. 188, 189
 Розети 67
 Романов Б. Г. 141, 142, 188, 395
 Ростова Л. 407
 Рославлева Л. А. 95, 257
 Рубинштейн А. Г. 93
 Рубинштейн И. Л. 253
 Рубцов Н. Н. 181
 Рутковская М. 79, 80
 Руше 224
 Рыхлякова 27, 28, 30
 Рябушинская Т. 266, 281, 405, 407, 408
- Сальвини Т. 71, 384
 Сарсэ Ф. 52
 Сахаров А. С. 236, 272, 402
 Сахарова К. 236, 272, 402
 Светлов В. Я. 396, 397
 Седова Ю. Н. 98, 126, 127, 236, 238, 282, 389, 393, 409
 Семенова 407
 Сен-Жорж Ж. 66, 80
 Сенкевич Г. 83, 84, 106
 Сен-Леон А. 14, 63, 80
 Сибелиус Я. 112
 Скальковский К. А. 30
 Скорсюк 27, 28, 30
 Скрыбин А. Н. 8
 Смирнов Д. А. 110, 178
 Смирнова Е. А. 188, 385
 Собинов Л. В. 91, 92, 153
 Соколова Е. П. 26, 87, 283, 387
 Соломко 129, 266
 Сомов К. А. 8, 398
 Спайсер Э. 268
 Спесивцева О. А. 255, 282, 385, 404

- Старк 397
Стрельская В. В. 121
Стуколкин Т. Н. 80, 126, 129, 168
- Тальони М. 265
Тараканова Н. 279, 282, 405, 407
Теляковский В. А. 82, 91, 94, 99,
109, 126, 161, 384, 387, 389, 390,
391, 394
Тернер Г. 286, 408
Трефилова В. А. 89, 100, 111,
116, 236, 238, 252, 282, 388, 392,
393, 409
Трубецкой П. П. 119, 120, 208, 394
Туманова Т. В. 405, 407
Уланова Г. С. 410
- Фешер 47
Фигнер М. 50, 141
Фигнер Н. Н. 42, 50
Фокин М. М. 106, 107, 117, 122,
128, 141, 177, 178, 193, 247, 253,
254, 266, 391—393, 396, 397, 405
Фонтейн М. 268, 278, 408
Фредерик М. 47
- Хаскелл А. 5, 121, 134, 256, 263,
264, 266, 267, 280—282, 394,
395, 405—407, 410
Хасрайтер И. 91
Хонер М. 268, 408
Худеков С. Н. 79
Хэлпман Р. 268, 408
- Цукки В. 26, 27, 30, 42, 43, 67, 72,
73, 100, 233, 379, 386, 406
- Чайковский М. И. 43
Чайковский П. И. 22, 45, 69, 151,
284, 396, 397
Чекетти Э. 34, 35, 43, 44, 77, 92,
380, 407
Черкасская 144
Чернов 63
Числова 31
- Шаляпин Ф. И. 110, 153, 268—
270, 392
Шебуев Н. 396
Шенк П. П. 58
Шервашидзе А. К. 117, 394
Ширяев А. В. 76, 80, 99, 100, 107
Шопен Ф. 108, 110
- Щербачев А. В. 106
- Эглевский А. 403
Эльман М. С. 138, 139, 395
Эльслер Ф. 98, 389
Эштон Ф. 268, 408
- Юргенсон П. И. 396
Юрьев Ю. М. 180—182, 184, 185,
195
- Яковлев 63
Яковлева В. 231

Кшесинская Матильда.

К97 **Воспоминания/Предисл. В. Гаевского.— М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992.— 414 с. [38] л. ил.**
ISBN 5—87334—066—8

Воспоминания выдающейся русской танцовщицы Матильды Кшесинской охватывают огромный период времени. И хотя писались они, когда балерине было под восемьдесят, далеко от России, прекрасная память без труда воссоздавала картины более чем полувековой давности. Близость к царскому дому — Кшесинская была возлюбленной наследника престола, а затем женой одного из великих князей — придает ее мемуарам дополнительный интерес. Исторические персонажи сменяют персонажей богемы и закулисья, мелькают блестящие спектакли, праздники, города, страны, и на страницах этой книги возникает ослепительная и драматическая жизнь танцовщицы-аристократки — уникальной фигуры русского балета.

Книга широко иллюстрирована.

К **490700000—729** без объявл.
174(03)—92

ББК 85.335.42

Кшесинская Матильда Феликсовна

ВОСПОМИНАНИЯ

Редактор С. К. Никулин

Художник В. В. Андреев

Художественно-технический редактор Т. Б. Любина

Корректоры О. Г. Завьялова, Н. Ю. Матякина

Сдано в набор 12.08.91. Подписано в печать 23.01.92. Формат издания 84×108^{1/32}. Офсетная печать. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 26,643. Изд. № 729. Тираж 50 000. Заказ 2289. Цена 15 руб.

Издательство «Артист. Режиссер, Театр» Союза театральных деятелей РСФСР. 103031, Москва, Страстной бульвар, 10.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации РСФСР, 144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Александр III, войдя в зал,
где собрались воспитанницы, спросил
звичным голосом: «А где же Кшесинская?»

Я стояла в стороне,
не ожидая такого нарушения правил.
Начальница и классные дамы засуетились.
Они собирались подвести двух первых учениц,
Скорсюк и Рыхлякову,
но тотчас подвели меня,
и я сделала Государю глубокий поклон,
как полагалось.

Государь протянул мне руку со словами:
«Будьте украшением и славою
нашего балета».

Я снова сделала глубокий поклон
и в своем сердце дала обещание
постараться оправдать
милостивые слова
Государя.